

ИЗВЕСТИЯ

ТАВРИЧЕСКОЙ

УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССИИ

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

№ 47.

Подъ редакціей Предсѣдателя Коммисіи Арс. Ив. Маркевича.

СИМФЕРОПОЛЬ.

Типогр. Таврич. Губернск. Земства.

1912.

9/05
И-337

Ив. 1615/45

1р

ИЗВѢСТІЯ

ТАВРИЧЕСКОЙ

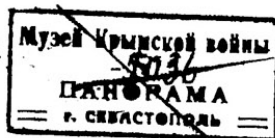
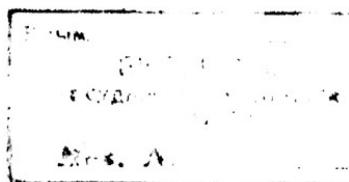
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОММИССІИ.

(ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ).

№ 47.

Подъ редакціей Предсѣдателя Коммисіи Ярс. Ив. Маркевича.

Музей Крымской войны.
И-337
Г. Севастополь
8539

СИМФЕРОПОЛЬ.

Типографія Тавр. Губернск. Земства.

1912.

Печатано по постановленію Таврической Ученой Архивной Коммисіи

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

I. Освобожденіе крестьянъ въ Таврической губерніи (по архивнымъ матеріаламъ). <i>А. И. Маркевича</i>	1
II. Изъ архива Керченскаго музея древностей. VI. Пять расписныхъ склеповъ на сѣверномъ склонѣ Митридатовой горы. <i>В. В. Шкорпила</i>	66
III. Кафа въ періодъ владѣнія ею Банкомъ св. Георгія (1454—1475). <i>Л. П. Колли</i>	75
IV. Древнія армянскія рукописи изъ Крыма. <i>Х. И. Кучукъ-Іоаннесова</i>	113
V. Некрополь у крестовиднаго храма въ Херсонесѣ. <i>Д. Н. Косцюшко-Валюжинича</i>	124
VI. Остатки славянскаго городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озерѣ Буромкѣ, Черниговской губ., Сосницкаго уѣзда. <i>В. Е. Козловской</i>	135
VII. Погребальный обрядъ дялювіальнаго чловѣка. <i>И. В. Желизко</i> . Перев. съ чешскаго <i>А. Ѳ. Кашпаръ</i>	152
VIII. Южно-русскіе плѣнники въ Крыму. <i>Х. П. Ящуржсинскаго</i>	158
IX. Академикъ П. С. Палласъ. Его жизнь, пребываніе въ Крыму и ученые труды (къ столѣтію со дня его смерти). Съ портретомъ Палласа. <i>А. И. Маркевича</i>	167

Отчетъ о дѣятельности Таврической Ученой Архивной Коммисіи за 1910 годъ	1
---	---

Протоколы засѣданій Таврической Ученой Архивной Коммисіи:

а) Засѣданіе 26 января 1911 г.	8
б) " 26 февраля 1911 г.	12
в) " 30 марта 1911 г.	16
г) " 26 мая 1911 г.	21
д) " 26 августа 1911 г.	29
е) " 29 сентября 1911 г.	40
ж) " 19 октября 1911 г.	43
з) " 8 ноября 1911 г.	47
и) " 26 ноября 1911 г.	55
і) " 17 декабря 1911 г.	58

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
116	17 сн.	черту	Европу
ч. II, 3	1 сн.	Олавіи	Ольви
14	18 сн.	дачи, г. Шелковникова	дачи г. Шелковникова,
18	10 сн.	Здѣсь	Здѣсь,
19	21 сн.	Раевскимъ	Раевскимъ,
23	5 сн.	расходовъ.	расходовъ.“
32	9 сн.	предсѣдатель, заявиль что	предсѣдатель заявиль, что
37	18 сн.	Н. П.	П. Н.
48	19 сн.	Контемиръ	Кантемиръ

П. С. ПАЛЛАСЪ.

Съ гравир. портрета работы Гейслера 1802 г.

(Древняя и Новая Россія, 1876 г., т. I).

Освобожденіе крестьянъ въ Таврической губерніи.

(По архивнымъ матеріаламъ).

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ Таврической губерніи не было такимъ мощнымъ, захватывающимъ интересы всего населенія событіемъ, какъ это было въ другихъ губерніяхъ Россіи. Таврида заселена была крестьянами сравнительно недавно, только въ концѣ XVIII-го столѣтія, со времени присоединенія Крыма къ Россіи, переводомъ крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, и въ сѣверной части Таврической губерніи крѣпостного крестьянскаго населенія было въ 1861 г. не свыше 15,000 д. мужеск. пола, а въ крымскихъ уѣздахъ его было еще меньше, не болѣе 5,000 д. мужеск. пола, и то разбросанныхъ по всему полуострову. Татары, новопоселенные въ губерніи нѣмцы-колонисты и другіе инородцы въ крѣпостномъ состояніи не находились. Крупное крестьянское населеніе было только въ сѣверныхъ уѣздахъ, особенно въ Мелитопольскомъ и Днѣпровскомъ, гдѣ существовали обширныя помѣщичьи владѣнія. Всѣ крестьяне въ нихъ, равно какъ и въ крымскихъ уѣздахъ, находились на издѣльномъ или барщинномъ положеніи; оброчныхъ крестьянъ совсѣмъ не было, такъ какъ это было бы невыгодно помѣщикамъ, выводившимъ сюда крестьянъ изъ внутреннихъ губерній исключительно для обработки обширныхъ цѣлинныхъ земель.

Система хозяйства была залежная, обычная въ здѣшнемъ краѣ, и земли, которою пользовались крестьяне, было много, такъ что они въ общемъ находились въ достаткѣ. Въ горной части Крыма, особенно въ Ялтинскомъ уѣздѣ, всѣ крѣпостные находились на положеніи дворовыхъ людей. Крѣпостная зависимость сказывалась въ Тавридѣ такъ же, какъ и повсюду, и въ мѣстныхъ архивахъ сохранилось довольно много дѣлъ о бѣглыхъ, о сдачѣ крѣпостныхъ и дворовыхъ въ солдаты и

ссылкѣ ихъ въ Сибирь, съ требованіемъ помѣщиковъ о наказаніяхъ ихъ за провинности и т. д. Государственныхъ крестьянъ въ губерніи, русскихъ и татаръ, было значительное количество, именно свыше 399,000 душъ обоого пола.

Матеріальное положеніе какъ таврическихъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, особенно государственныхъ, въ эпоху реформы подорвано было тѣми лишеніями, которыя вызвала съ ихъ стороны Крымская война, требовавшая отъ населенія особенныхъ повинностей и жертвъ. Не могъ не отразиться вредно на матеріальномъ положеніи русскихъ землевладѣльцевъ и массовый уходъ изъ Крыма татаръ и ногайцевъ въ Турцію, начавшійся въ концѣ 1859 года. По официальнымъ даннымъ, до 1862 г. выселилось въ Турцію до 165,000 татаръ, и осталось 50,000; но, судя по числу душъ, на которыя были выданы въ эти годы паспорта, количество переселившихся изъ Крыма въ Турцію татаръ и ногайцевъ превышало 180,000 душъ обоого пола. Свободныя земли заселены были болгарами и русскими поселенцами изъ государственныхъ крестьянъ. Достойно замѣчанія, что крестьяне эти ни подъ какимъ видомъ не желали селиться на помѣщичьихъ земляхъ.

Мѣстная дѣятельность по крестьянскому дѣлу до введенія реформы началась въ Таврической губерніи, какъ и въ другихъ губерніяхъ, учрежденіемъ Таврическаго Губернскаго Комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ. Таврическій Губернскій Комитетъ былъ открытъ значительно позже, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, именно 29 сентября 1858 г., въ слѣдующемъ составѣ: 1) Предсѣдатель губернской предводитель дворянства ст. сов. Николай Николаевичъ Овсяннико-Куликовскій. Члены: по Симферопольскому и Ялтинскому уѣздамъ: 2) ротмистръ Аристидъ Θεодосіевичъ Ревеліоти, предсѣдательствовавшій во время болѣзни или отсутствія предсѣдателя и 3) штабсъ-ротмистръ Браамсъ; кандидатъ поручикъ Руссетъ; по Θεодосійскому уѣзду: 4) гвардіи поручикъ Михаилъ Рудзевичъ и 5) поручикъ Тарасъ Даниловичъ Дульветовъ; кандидатъ поручикъ Каламара; по Евпаторійскому и Перекопскому уѣздамъ: 6) надв. сов. Платонъ Делаграматикъ и 7) тит. сов. Александръ Маценко; кандидатъ губ. секр. Спиридонъ Лампси; по Днѣпровскому уѣзду: 8) надв. сов. Бурачковъ, уволенный отъ должности, согласно прошенію, по болѣзни, 4 марта 1859 г., и 9) инженеръ ген.-маіоръ Евгений Романовичъ Вассаль; кандидатъ колл. секр. Александръ Антоновичъ Гладкій, утвержденный членомъ на мѣсто Бураčkова, но въ должность не

вступавшій по случаю окончанія 17 марта 1859 г. занятій Комитета; по Мелитопольскому и Бердянскому уѣздамъ: 10) кол. секр. Моисей Михайловичъ Иваненко и 11) шт.-ротм. Александръ Михайловичъ Иваненко; кандидатъ гвардіи шт.-ротм. В. П. Поповъ. Члены, назначенные начальникомъ губерніи: 12) губ. секр. Іосифъ Николаевичъ Шатиловъ и 13) отст. поручикъ Петръ Васильевичъ Давыдовъ¹⁾. Дѣлопроизводителемъ Комитета состоялъ правитель канцеляріи губернатора Яновичъ²⁾.

17 марта 1859 года былъ подписанъ выработанный Комитетомъ проектъ положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ въ Таврической губерніи, состоявшій, согласно общей программѣ, разосланной всѣмъ губернскимъ комитетамъ, изъ 10 главъ: 1) Переходъ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ срочно-обязанные. 2) Сущность срочно-обязаннаго положенія. 3) Поземельныя права помѣщиковъ. 4) Усадебное устройство крестьянъ. 5) Надѣлъ крестьянъ землею. 6) Повинности крестьянъ. 7) Устройство дворовыхъ людей. 8) Образование сельскихъ обществъ. 9) Права и отношенія помѣщиковъ. 10) Порядокъ и способы исполненія новаго положенія.

При составленіи положенія Таврической губернской Комитетъ руководился предположеніями уѣздныхъ дворянскихъ собраний и составленными ими описаніями имѣній съ цифровыми данными о числѣ дворовъ, крестьянъ и дворовыхъ и количествѣ земли у владѣльцевъ³⁾. У насъ нѣтъ, къ сожалѣнію, данныхъ, по которымъ можно было бы судить о настроеніи помѣщичьяго сословія въ Тавридѣ въ то время, о мнѣніяхъ и желаніяхъ, высказанныхъ дворянами въ уѣздныхъ собраніяхъ. Только дворянство Днѣпровскаго уѣзда на общемъ сѣздѣ, при выборѣ членовъ въ губернской комитетъ, предположило:

1) Надѣлить крестьянъ своихъ землею по 5 десятинъ на душу, считая въ этомъ числѣ двѣ пахотныхъ, двѣ выгонныхъ и одну сѣнокосную. Для выкупа же предоставить на каждый домъ по полудесятинѣ земли (т. е. усадебной).

2) Предоставить Комитету опредѣлить помѣщикамъ вознагражденіе работою по уроку, оцѣнивъ ее сообразно стои-

¹⁾ Последній дожилъ до 50-лѣтія освобожденія крестьянъ.

²⁾ Дѣло Канцеляр. и Таврич. губ. по крестьянскимъ дѣламъ присутствія № 50. О Высочайшемъ пожалованіи членовъ и кандидатовъ бывшаго дворянскаго губернскаго Комитета по устройству быта помѣщичьихъ крестьянъ серебряными медалями на Александровской лентѣ за труды по освобожденію крестьянъ. На 50 листахъ.

³⁾ Хранятся, равно какъ и копія Таврическаго Положенія, въ архивѣ Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

мости наемнаго труда и принявъ во вниманіе, при назначеніи мѣры платежа, доходъ уступаемой земли, а не арендную плату.

3) Положенную на крестьянъ повинность, какъ денежную, такъ и натуральную, отнести не къ лицамъ, а къ обществу, которое должно будетъ за невыполненіе принятыхъ обязанностей отвѣчать предъ правительствомъ.

4) Болѣе пятой части работниковъ къ господскому хозяйству во дворъ не брать и назначеніе этихъ людей, равно какъ и надзоръ за исполненіемъ ихъ работы возложить на общество.

4) Надѣлить по возможности дворовыхъ людей также землею и устроить бытъ ихъ согласно намѣреніямъ правительства.

Положенія, выработанныя губернскими комитетами, повѣрялись, какъ извѣстно, въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ Главнаго Комитета. Отъ Таврическаго Губернскаго Комитета въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ участвовали: М. М. Иваненко и А. Θ. Ревеліоти въ числѣ депутатовъ второго приглашенія. Повѣрка вычисленій о существовавшихъ въ Таврической губерніи крестьянскихъ надѣлахъ поручена была Н. А. Милютину.

Въ общемъ Таврическое Положеніе не представляло никакихъ особенно замѣчательныхъ соображеній относительно крестьянской реформы. Укажемъ на болѣе существенныя особенности его, отражавшія, конечно, взгляды массы таврическихъ помѣщиковъ и отношенія къ крѣпостнымъ, а также состояніе послѣднихъ въ то время. Приведемъ и болѣе важныя мнѣнія и заявленія въ Главномъ Комитетѣ таврическихъ депутатовъ, которые, впрочемъ, самостоятельно почти не выступали, а главнымъ образомъ вмѣстѣ съ депутатами другихъ губерній.

Глава 2-я (Сущность срочно-обязаннаго положенія).

§ 19. Крайній срокъ для переходнаго состоянія крестьянъ въ качествѣ срочно-обязанныхъ назначается 12-лѣтній со дня Высочайшаго утвержденія Положенія.

Глава 3-я (Поземельныя права помѣщиковъ).

§ 21. Помѣщикъ навсегда сохраняетъ право собственности на всю принадлежащую ему землю: какъ на ту, которая предоставляется въ пользованіе срочно-обязанныхъ крестьянъ, такъ и—до окончательнаго выкупа крестьянами усадьбы—на ихъ усадебную землю.

§ 22. Хозяйственное устройство въ имѣніи предоставляется на усмотрѣніе помѣщика, какъ владѣльца земли, а потому онъ имѣетъ право: а) назначить и нарѣзать въ пользованіе крестьянъ

янь мѣста для пашни, пастбы скота и сѣнокосовъ, въ тѣхъ размѣрахъ и съ соблюденіемъ тѣхъ правилъ, которыя опредѣлены симъ положеніемъ; б) опредѣлять время всякой хозяйственной работы и требовать ея выполненія по назначеннымъ въ актахъ урокамъ; в) проводить воду для поливки и прокладывать проѣзжія дороги чрезъ землю, отведенную въ пользованіе крестьянъ, съ вознагражденіемъ ихъ за могущій отъ того произойти убытокъ; г) взимать съ срочно-обязанныхъ крестьянъ повинность за пользованіе землею работою или деньгами, по своему усмотрѣнію; д) выдавать законныя довѣренности на управленіе имѣній всякому постороннему лицу.

Примѣчаніе. За помѣщикомъ остается исключительное право: запрещать или позволять крестьянамъ отводъ воды для поливки садовъ или огородовъ, къ ихъ усадьбамъ прилегающихъ.

§ 23. Помѣщикъ имѣетъ право закладывать, продавать и всякимъ способомъ отчуждать всю принадлежащую ему землю, но въ случаѣ продажи земли лицу, не имѣющему права по существующимъ законамъ на владѣніе населеннымъ имѣніемъ, та часть ея, которая по акту отведена въ пользованіе крестьянъ, должна быть исключена изъ продажи и можетъ быть продана только лицу, имѣющему право владѣть населеннымъ имѣніемъ, или самому сельскому обществу, которое ею пользуется.

§ 24. Помѣщикъ сохраняетъ права свои на минеральныя богатства, лѣса и воды во всѣхъ вообще земляхъ его имѣнія; но въ отношеніи усадебной земли таковыя права переходятъ къ крестьянамъ со дня окончательнаго выкупа ими усадьбъ. Въ случаѣ открытія рудниковъ, каменоломень или источниковъ на землѣ, въ пользованіи крестьянъ находящейся, право разработки оныхъ и пользованіе принадлежатъ исключительно помѣщику, который въ такомъ случаѣ замѣняетъ крестьянамъ отходящую ихъ землю другою, равнаго количества и качества. Колодцы, вырытые на таковыхъ земляхъ самими крестьянами, остаются въ ихъ полномъ распоряженіи. За помѣщикомъ остается право устройства водяныхъ мельницъ, пристаней, переправъ, рыбныхъ ловлей на всѣхъ водахъ его имѣній.

Глава 4-я (Усадебное устройство крестьянъ).

§ 26. Въ имѣніяхъ, гдѣ усадебныя строенія возведены собственными средствами крестьянъ, а также въ тѣхъ, гдѣ крестьяне занимаютъ дома, оставшіеся отъ выселенныхъ помѣщи-

комъ татаръ; усадебныя строенія уступаются крестьянамъ въ собственность безвозмездно.

§ 27. Въ имѣніяхъ, гдѣ усадебныя строенія возведены на иждивеніи помѣщика и при томъ не далѣе, какъ въ теченіе 25 лѣтъ, цѣнность таковыхъ строеній при совершеніи акта опредѣляется самимъ помѣщикомъ. Въ случаѣ возникшихъ противорѣчій со стороны крестьянъ, она повѣряется на мѣстѣ членомъ комитета, который приглашаетъ постороннихъ оцѣнщиковъ: 2-хъ по назначенію помѣщика и 2-хъ по выбору крестьянъ; потомъ на мнѣніе оцѣнщиковъ постановляетъ свое собственное заключеніе и представляетъ его на утвержденіе губернскаго комитета.

§ 28. Для руководства какъ членовъ, такъ и оцѣнщиковъ опредѣляется два разряда усадебъ, и устанавливается для каждаго изъ сихъ разрядовъ крайняя высшая цѣна:

Къ первому разряду относятся всѣ дома крестьянскіе съ высокими стропилами плотничной работы, съ потолкомъ внутри, съ стѣнами кирпичными, правильно сложенными каменщикомъ. Крайняя высшая цѣна таковыхъ усадебъ опредѣляется въ триста руб. сер.

Ко второму разряду относятся всѣ хаты татарской или малороссійской постройки, съ стѣнами низкими, большею частью безъ потолковъ внутри, съ крышей не плотничной работы. Крайняя высшая цѣна для усадебъ такого разряда опредѣляется въ сто рублей.

§ 29. Оцѣнка усадебной земли производится самимъ помѣщикомъ. Но для большей опредѣлительности всѣ имѣнія Таврической губерніи раздѣляются на три разряда и опредѣляется, какъ и для усадебъ, крайняя цѣнность каждаго разряда.

Къ 1-му разряду относятся имѣнія: а) которыя вслѣдствіе собирающихся въ нихъ большихъ ярмарокъ и базаровъ именуется мѣстечками; б) береговья пристани.

Ко 2-му разряду относятся имѣнія: а) отстоящія не далѣе 15-верстнаго разстоянія отъ портовыхъ и значительныхъ торговыхъ городовъ: Феодосіи, Керчи, Севастополя, Евпаторіи, Бердянска, Симферополя, Карасубазара и мѣстечка Каховки; б) гдѣ крестьяне получаютъ особыя выгоды отъ рыбной ловли или отъ близъ лежащихъ соляныхъ озеръ; в) гдѣ крестьянамъ отведены земли поливныя, удобныя для разведенія садовъ и многоцѣнныхъ растений и по акту даровано крестьянину право поливки, напускомъ воды, огорода или сада и г) имѣнія, лежащія по линіи желѣзныхъ дорогъ.

Къ 3-му разряду относятся всѣ имѣнія, не заключающія въ себѣ ни одной изъ вышеизложенныхъ выгодъ.

§ 30. Цѣна усадебной земли въ каждомъ изъ вышепоименованныхъ разрядовъ взимается съ каждой квадратной сажени, а именно: въ разрядѣ 1-мъ не свыше 15 коп., въ разрядѣ 2-мъ не свыше 3-хъ коп., въ разрядѣ 3-мъ не свыше 3-хъ коп. за каждую квадратную сажень.

§ 31. Крестьянамъ даруется право выкупа того количества усадебной земли, которое они занимаютъ теперь. Но тамъ, гдѣ количество это менѣе 840 кв. саж. на каждую усадьбу, въ томъ случаѣ, если крестьяне будутъ просить о прибавкѣ земли, помѣщикъ обязанъ прирѣзать недостающее до 840 кв. с. на усадьбу количество, по возможности къ каждой усадьбѣ отдѣльно.

§ 35. Крестьяне обязаны выкупить свои усадьбы въ теченіе 12-ти-лѣтняго періода срочно-обязаннаго положенія, и потому въ каждый годъ срочно-обязаннаго положенія каждый домохозяинъ уплачиваетъ 12-ю часть всей суммы, въ которую оцѣнена его усадьба по акту; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ право приобрѣтать усадьбу въ собственность и единовременнымъ взносомъ всей выкупной суммы.

§ 36. Помѣщикъ имѣетъ право взамѣнъ денежной платы за выкупъ усадьбы требовать отъ крестьянина уплаты ея работою въ лѣтніе и зимніе мѣсяцы по опредѣленной оцѣнкѣ рабочаго дня.

§ 48. Во всѣхъ имѣніяхъ 1-го и 2-го разряда горной части Крымскаго полуострова (въ которыхъ по 10-й ревизіи состоитъ ревизскихъ мужскаго пола душъ: въ 1-мъ отъ 1 до 10 и во 2-мъ отъ 10 до 21 включительно) помѣщики имѣютъ право (съ соблюденіемъ указанныхъ въ Положеніи правилъ) переносить усадьбы крестьянъ своихъ на мѣста болѣе отдаленныя отъ своихъ садовъ. Въ этотъ же разрядъ причислить и всѣ тѣ имѣнія 3-го разряда (въ которыхъ по 10 й ревизіи мужскаго пола крестьянъ отъ 22 до 99 душъ) горной части, которыя при одинаковыхъ хозяйственныхъ и мѣстныхъ условіяхъ имѣютъ поселенія не свыше 7 дворовъ.

§ 49. Во всѣхъ прочихъ имѣніяхъ горной части, а равно и въ имѣніяхъ степныхъ частей (Крымскаго полуострова и сѣверныхъ уѣздовъ) помѣщику предоставляется право переносить лишь усадьбы, непосредственно къ садамъ и усадьбѣ помѣщицей прилегающія.

Таврическое положеніе, въ числѣ весьма немногихъ, совершенно умалчивало о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ. Но изъ этого не видно, сочувствовали ли нѣтъ отдѣльные члены Комитета выкупу. Какъ видно изъ заключенія Таврическаго гражданскаго губернатора, три члена Комитета входили даже въ Комитетъ съ проектомъ выкупа, по которому, по истеченіи 12 лѣтъ срочно-обязаннаго положенія, крестьянамъ предоставлялось право выкупать земли ежегодно въ теченіе 12 лѣтъ уплатою по 15 рублей за душевой участокъ. Мнѣніе это не было принято. Въ проектѣ положенія идея выкупа отвергнута предоставленіемъ права покупать земли, надѣленные крестьянамъ, только лицамъ, имѣющимъ право владѣть населенными имѣніями (§ 23).

Но изъ отзывовъ членовъ, вызванныхъ въ Главный Комитетъ изъ губернскихъ комитетовъ, ясно было, что выкупъ разсматривался почти всѣми ими, какъ необходимая развязка крестьянскаго вопроса. Этотъ взглядъ выраженъ, между прочимъ, въ слѣдующемъ отзывѣ 36 членовъ, въ томъ числѣ депутатовъ Таврическаго Комитета Иваненко и Ревеліоти, по поводу доклада Административнаго Отдѣленія: „Чѣмъ крѣпче будетъ хозяйственный поземельный союзъ, тѣмъ труднѣе будетъ отдѣльнымъ членамъ онаго сдѣлаться собственниками участковъ, находящихся у нихъ въ пользованіи, а такое стѣсненіе, въ случаѣ невозможности общаго для цѣлаго государства выкупа, посредствомъ какой-нибудь финансовой операціи, и при извѣстной неохотѣ крестьянъ платить свои трудовыя деньги за нерадивыхъ и неимущихъ односельцевъ, можетъ только затруднить всѣ добровольныя сдѣлки между помѣщиками и крестьянами и слѣдовательно помѣшать естественному исходу крестьянскаго вопроса“.

Далѣе, 29 членовъ отъ 16 комитетовъ, въ томъ числѣ Иваненко и Ревеліоти, по поводу предварительныхъ соображеній о выкупѣ Финансовой Коммиссіи справедливо находили, что „несмотря на принятое Коммиссіею начало добровольнаго выкупа, выкупъ сдѣлается необходимостію, что право, данное помѣщику требовать выкупа, стѣснено обязательствомъ уступать весь надѣлъ, что переводъ банковаго долга на крестьянъ невыгоденъ для помѣщиковъ и что установленныя при выкупѣ очереди несправедливы, устраняя отъ выкупа на неопредѣленное время тѣхъ помѣщиковъ, которые могутъ болѣе нуждаться. Наконецъ, хотя Хозяйственное Отдѣленіе въ докладахъ объ усадьбахъ опирается на возможность для помѣщика

избѣжать предстоящихъ ему неудобствъ посредствомъ выкупа крестьянами всей отведенной имъ земли, но такое право нигдѣ не высказано опредѣлительно“¹⁾.

Въ связи съ вопросомъ о выкупѣ стоялъ вопросъ о крестьянскихъ усадьбахъ. Выше приведены существенные пункты Таврическаго положенія, относящіеся къ этому вопросу. Въ Главномъ Комитетѣ 29 членовъ второго приглашенія, въ томъ числѣ и таврическіе, отъ 16 губернскихъ комитетовъ представили общій отзывъ по заключеніямъ Редакціонныхъ Коммиссій объ усадебной оцѣлкѣ. Во вступленіи они изъясняли, что Хозяйственное Отдѣленіе основныя соображенія свои относительно усадебнаго устройства крестьянъ ставить въ самую тѣсную, почти неразрывную связь съ общимъ вопросомъ о выкупѣ и, разрѣшая всѣ затрудненія въ явный ущербъ помѣщиковъ, опирается на предполагаемую возможность избѣжать всѣхъ предстоящихъ для помѣщика неудобствъ предоставленіемъ крестьянамъ въ собственность всей отведенной имъ по надѣлу земли и оградить въ этомъ случаѣ свои интересы капитализаціе установленныхъ повинностей. Но въ постановленіяхъ Редакціонныхъ Коммиссій нигдѣ не сказано опредѣлительно о предоставленіи помѣщику право связать обязательный для него выкупъ усадьбы съ выкупомъ полевыхъ угодій и требовать капитализаціи повинностей; впрочемъ, если бы даже это право было предоставлено помѣщикамъ, то для дѣйствительнаго огражденія ихъ интересовъ, необходимо еще, чтобы размѣры и условія самыхъ повинностей, на капитализаціи которыхъ будетъ основана сумма выкупа, были дѣйствительно соразмѣрны съ стоимостью отчуждаемыхъ угодій. Послѣ этого вступленія, разбираются предварительныя соображенія Финансовой Коммиссіи о выкупѣ и дѣлается заключеніе, что полюбовный выкупъ, предполагаемый этой Коммиссіей, при введеніи обязательнаго положенія, далеко не ограждаетъ интересовъ помѣщика, что выкупъ этотъ поставляется въ такія условія, которыя дѣлаютъ его доступнымъ для очень незначительнаго числа имѣній, и преимущественно тамъ, гдѣ помѣщикъ меньше всего будетъ въ немъ нуждаться, и что, слѣдовательно, всѣ неудобства и стѣсненія для помѣщика, проистекающія отъ принятыхъ Хозяйственнымъ Отдѣленіемъ правилъ относительно усадьбъ, остаются въ полной силѣ. 29 членовъ 16-ти губернскихъ комите-

¹⁾ Первое изданіе матеріаловъ Редакціонныхъ Коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Третій періодъ. Ч. XI.

товъ въ отзывѣ своемъ за общемою подписью полагали необходимымъ выразить съ точностью, что усадебная остьдлость исключительно ограничивается окружною чертою селенія, внѣ которой вся земля, до сего времени бывшая подъ крестьянскими огородами, коноплянниками и т. п., не входятъ въ составъ угодій, подлежащихъ обязательной для помѣщика продажѣ.

Таврическіе члены, съ большинствомъ, возражали противъ признанія крестьянскихъ строеній собственностью крестьянъ; они находили, что крестьянскія строенія, какъ принадлежащія по закону помѣщикамъ, могутъ быть предоставлены въ даръ крестьянамъ только самими помѣщиками. Ревеліоти и Иваненко замѣчали, что по недавнему заселенію Таврической губерніи усадьбы во многихъ имѣніяхъ возведены на счетъ помѣщика и не успѣли еще окупиться трудомъ крестьянъ, а потому въ отношеніи къ нимъ несправедливо уступить строенія крестьянамъ безвозмездно. Но это указаніе не было принято во вниманіе Редакціонными Коммиссіями. 27 членовъ 15 губернскихъ комитетовъ, въ томъ числѣ и таврической, въ общемъ своемъ отзывѣ по вопросу о переселеніи крестьянскихъ усадебъ, находящихся въ близкомъ разстояніи отъ помѣщичьихъ строеній, и въ особомъ мнѣніи замѣтили, что Хозяйственное Отдѣленіе въ числѣ поводовъ къ перенесенію крестьянскихъ строеній признало близость ихъ къ помѣщичьей усадьбѣ, а въ заключеніи ограничило близостью усадебныхъ строеній; между тѣмъ, усадьба помѣщика заключается не въ однихъ строеніяхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Таврической губерніи, сады составляютъ главный доходъ помѣщика, и близость крестьянскихъ усадебъ будетъ неудобна и стѣснительна. Помѣщикъ не будетъ имѣть возможности уберечь свои сады и растенія, а съ другой стороны, крестьянину некуда будетъ выгонять свою скотину, и даже свою птицу, не подвергаясь взысканіямъ за поправы.

Хозяйственное отдѣленіе Редакціонныхъ Коммиссій не согласилось съ мнѣніемъ членовъ, предлагавшихъ разстояніе для перенесенія крестьянскихъ строеній рассчитывать по близости ихъ не только къ помѣщичьимъ строеніямъ, но и къ помѣщичьей усадьбѣ вообще. Принятіе такого правила значительно увеличило бы случаи перенесенія крестьянскихъ дворовъ безъ существенной въ томъ надобности. Одно удаленіе ихъ на 50 сажень не спасло бы фруктовыхъ садовъ отъ расхищенія, если бы не было принято никакихъ другихъ мѣръ, а при надлежа-

щихъ мѣрахъ легко уберечь садъ, не трогая крестьянскихъ строеній, которыхъ сосѣдство признавалось доселѣ безвреднымъ¹⁾.

Minimum размѣра крестьянской усадьбы, существовавшій въ 1859 г., показанъ Таврическимъ Комитетомъ въ 840 кв. с. Цѣна строенія татарской и малороссійской постройки показана была 100 р., а правильной постройки 300 р. Цѣна за десятину земли: 72 р., 144 р. и 360 р., смотря по указаннымъ выше разрядамъ имѣній.

По вопросу о правахъ крестьянъ на пользованіе водами 43 члена указывали, что въ докладѣ Ред. Комм. неопредѣленно дозволяется крестьянамъ пользованіе водами для хозяйственныхъ и промышленныхъ надобностей, съ устройствомъ запрудъ, а право устройства плотинъ оставляется за помѣщикомъ, между тѣмъ нельзя точно опредѣлить разницу между плотиною и запрудою, а дозволеніе крестьянамъ отводить воду въ свои поля можетъ лишить помѣщицы мельницы необходимой для нихъ воды. При этомъ члены Таврическаго Комитета находили, что предоставленіе крестьянамъ права пользованія водою для поливки садовъ, луговъ и полей повело бы къ непрерывнымъ столкновеніямъ съ помѣщиками, а потому полагали дозволить крестьянамъ употреблять воду только для ручной поливки, а отводы воды допускать не иначе, какъ съ разрѣшенія помѣщика. Юридическое Отдѣленіе объяснило, что мѣстныя условія сельскаго хозяйства въ Таврической губ. требуютъ, для усиленія плодородія и поддержанія растительности, искусственной поливки садовъ и огородовъ. Посему и основываясь на отзывахъ Начальника Таврической губ. и Новороссійскаго генералъ-губернатора, Главный Комитетъ призналъ необходимымъ, до изданія разсматривавшихся въ Мин. Госуд. Им. подробныхъ по этому предмету правилъ, сохранить за крестьянами означенной губерніи право пользоваться водою для поливки ихъ садовъ и огородовъ, луговъ и полей на существовавшемъ доселѣ основаніи, но съ условіемъ, чтобы новые отводы воды для напускной поливки дѣлались не иначе, какъ съ разрѣшенія владѣльцевъ²⁾.

Глава 5-я (Надѣлъ крестьянъ землею).

§ 51. За основаніе надѣла крестьянъ принимается ревизская душа.

§ 52. Въ имѣніяхъ *малоземельныхъ* Таврической губерніи надѣла земельного не полагается. Въ имѣніяхъ *среднеземельныхъ*

¹⁾ Тамъ же, ч. XII.

²⁾ Тамъ же.

надѣляется земля, въ пользованіе крестьянъ, въ количествѣ *трехъ* десятинъ, а въ имѣніяхъ *многоземельныхъ* — *пяти* десятинъ на каждую ревизскую душу мужескаго пола.

§ 53. Къ разряду имѣній малоземельныхъ причисляются имѣнія южнаго берега Крыма, а также тѣ изъ имѣній горной части полуострова, которыя состоятъ почти исключительно изъ садовъ, виноградниковъ и огородовъ и въ которыхъ хлѣбопашество производится въ чаирахъ и курахъ, т. е. отдѣльно лежащихъ небольшихъ, огороженныхъ съ давнихъ лѣтъ удабриваемыхъ участкахъ. Въ такихъ имѣніяхъ крестьяне подчиняются правиламъ, ниже сего въ главѣ VII постановленныхъ, о дворовыхъ людяхъ.

§ 54. Къ разряду имѣній среднеземельныхъ причисляются всѣ имѣнія горной части Крымскаго полуострова, въ чертѣ, определенной указомъ 5 мая 1835 г., за исключеніемъ упомянутыхъ въ предыдущемъ § 53 малоземельныхъ имѣній.

§ 55. Къ разряду имѣній многоземельныхъ причисляются всѣ имѣнія степной части Крымскаго полуострова, а равно и трехъ сѣверныхъ уѣздовъ: Днѣпровскаго, Мелитопольскаго и Бердянскаго.

§ 58. Земля отводится крестьянамъ безъ различія пахатной, сѣнокосной и выгонной.

§ 67. При существующей въ Таврической губерніи переложной системѣ хозяйства, во избѣжаніе чрезмѣрнаго усилія крестьянскихъ посѣвовъ и могущаго отъ того произойти истощенія почвы, помѣщикъ имѣетъ право требовать, чтобы крестьяне въ теченіе переходнаго состоянія изъ числа надѣленной имъ земли въ общей сложности не засѣвали въ годъ болѣе 2-хъ десятинъ на каждую ревизскую душу мужескаго пола. Поэтому въ актѣ, который заключаетъ помѣщикъ съ срочно-обязанными крестьянами, должно быть определено общее количество посѣва, на которое имѣютъ право крестьяне по общему числу ревизскихъ душъ, участвовавшихъ въ надѣлѣ.

§ 69. Во избѣжаніе истощенія пастбищъ, выгоновъ и сѣнокосовъ, крестьяне не въ правѣ держать болѣе 1 штуки крупнаго скота или лошади, въ горной части Крымскаго полуострова на каждыя 1½, а въ степныхъ частяхъ губерніи на каждыя 2 десятины всей отводимой въ пользованіе общества земли. При расчетѣ за одну крупную штуку принимаются двѣ мелкихъ, отъ года до двухъ, или пять овецъ. Молодые животныя, находящіяся при маткѣ (сосуны), въ расчетъ не входятъ.

§ 70. Въ актѣ, совершенномъ помѣщикомъ съ срочно-обязанными крестьянами, должно быть обозначено количество скота, болѣе котораго крестьяне того имѣнія не въ правѣ держать на отведенной имъ въ пользованіе землѣ.

§ 73. Отрѣзанную въ пользованіе крестьянъ землю помѣщикъ имѣетъ право мѣнять на другую не иначе, какъ по обоюдному согласію съ крестьянами, исключая особыхъ упомянутыхъ въ § 24 положенія случаевъ, именно: ежели на землѣ этой помѣщикъ пожелаетъ проложить проѣзжую дорогу или провести воду, а также если на этой землѣ откроются: каменоломни, рудники, источники, или найдется въ оной глина гончарная или годная для дѣланія кирпича, и каменный уголь. Въ такомъ случаѣ помѣщикъ въ правѣ этотъ участокъ взять въ свое пользованіе съ замѣной оной другимъ, но такого рода мѣна должна быть всегда обозначена дополнительнымъ актомъ.

§ 74. Увеличеніе поземельнаго надѣла въ послѣдствіи, по мѣрѣ приращенія населенія, не обязательно для помѣщика. Прибылыя тягла поступаютъ на мѣсто убылыхъ, а тамъ, гдѣ убылыхъ тягловъ не окажется и гдѣ помѣщикъ не найдетъ возможности или не согласится надѣлить прибылыя тягла вновь землею, таковыя имѣютъ право свободнаго перехода въ другія селенія и сословія.

При разсмотрѣніи Хозяйственнымъ отдѣленіемъ Редакціонныхъ Коммиссій вопроса о крестьянскомъ поземельномъ надѣлѣ въ Новороссійскомъ краѣ¹⁾, Таврическая губернія, въ отношеніи размѣра этого надѣла, была раздѣлена на четыре мѣстности. Къ первой изъ нихъ были отнесены всѣ имѣнія южнаго берега Крыма, а также тѣ изъ имѣній горной части полуострова, которыя состоятъ почти исключительно изъ садовъ, виноградниковъ и огородовъ. Во всѣхъ этихъ имѣніяхъ предположено было подчинить крестьянъ правиламъ, постановленнымъ для дворовыхъ людей, вовсе не надѣлая ихъ землею. Вторая мѣстность заключала въ себѣ горную часть Крымскаго полуострова до черты, назначенной указомъ 5 мая 1835 года. Третью мѣстность составляла вся степная часть Крыма, вмѣстѣ съ двумя сѣверными уѣздами губерніи—Днѣпровскимъ и Мелитопольскимъ. Наконецъ, къ четвертой отнесенъ былъ Бердянскій уѣздъ. Высшій надѣлъ душевого надѣла, по тремъ послѣднимъ мѣстностямъ, былъ предположенъ:

¹⁾ Особое дополненіе къ докладамъ Хозяйственнаго Отдѣленія. Первое изд. Матеріаловъ Редакціонныхъ Коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, ч. XVI, 276—293.

Въ горной части Крыма. Уѣзды Симферопольскій (южная часть до раздѣльной черты) и Феодосійскій (южная часть до раздѣльной черты) 3 десятины.

Въ степной части. Уѣзды Симферопольскій (остальная, сѣверная часть), Феодосійскій (остальная, сѣверная часть), Евпаторійскій, Перекопскій — 7 десятинь.

Въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи: въ Днѣпровскомъ и Мелитопольскомъ 7 десятинь, въ Бердянскомъ 5 десятинь.

По вопросу *о высшихъ и низшихъ размѣрахъ крестьянскаго надѣла*, 34 члена второго приглашенія, въ томъ числѣ и таврическіе, высказывали, что существующій размѣръ надѣловъ объясняется крѣпостными отношеніями, вслѣдствіе которыхъ одинъ помѣщикъ давалъ своимъ крестьянамъ болѣе, чѣмъ было нужно для нихъ, другой оказывалъ имъ пособіе скотомъ, лѣсомъ, хлѣбомъ, деньгами, иной уменьшалъ размѣръ повинности, чтобы крестьяне были богаче и чтобы цѣнность его имѣнія возвысилась и т. п. Существующій надѣлъ не имѣлъ ничего прочнаго и безпрестанно измѣнялся въ одномъ и томъ же имѣніи; въ отношеніи же размѣра его въ разныхъ имѣніяхъ онъ носилъ на себѣ характеръ совершеннаго произвола и случайности. Въ мѣстахъ, гдѣ цѣнность земли высока, встрѣчаются большіе надѣлы, точно также какъ при дешевизнѣ земли бываютъ самые незначительные размѣры пользованія. Члены не соглашались съ Хозяйственнымъ Отдѣленіемъ въ томъ будто существующій надѣлъ не былъ явленіемъ произвольнымъ и случайнымъ, а установился естественнымъ путемъ, въ силу вѣковыхъ отношеній обоихъ сословій.

28 изъ этихъ членовъ, въ томъ числѣ и таврическіе, въ особой запискѣ говорили, что размѣръ obroka съ каждой десятины справедливо опредѣляется только цѣнностью земли. Главное условіе, отъ котораго зависитъ цѣнность земли, есть степень населенности. Между тѣмъ само Хозяйственное Отдѣленіе признаетъ, что густота населенія не одинакова не только по уѣздамъ, но даже въ разныхъ частяхъ одного и того же уѣзда. Далѣе, кромѣ густоты населенія цѣнность земли соразмѣряется съ доставляемымъ ею доходомъ, а потому продажная и наемная цѣна земли опредѣляется мѣстными цѣнами на сельскія произведенія, удобствами сбыта, разстояніемъ отъ большихъ центровъ потребленія и отъ главныхъ торговыхъ пунктовъ. Наконецъ, цѣнность земли, кромѣ естественнаго плодородія, увеличивается также отъ обработки земли. Нечерноземныя десятины, вслѣдствіе искусственнаго удобренія, значительно

увеличиваются въ своей цѣнности. По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ они полагали, что если бы была необходимость раздѣлить Россію на полосы, то не было бы никакой возможности правильно сдѣлать такое раздѣленіе, потому что для этого нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Вѣрно опредѣлить цѣнность земли и свойства почвы по отдѣльнымъ мѣстностямъ совершенно невозможно, и потому всякое опредѣленіе обязательныхъ размѣровъ надѣла и оброка для разныхъ мѣстностей и уѣздовъ будетъ несправедливо и произвольно. Члены второго приглашенія положительно высказывали мысль, что если бы не было никакой регламентаціи отношеній, то помѣщики и крестьяне сами уговорились бы о сохраненіи за послѣдними существующаго надѣла. Въ необходимыхъ случаяхъ прирѣзка земли производилась бы по обоюдному уговору, а отрѣзка почти никогда не могла бы случаться. При свободныхъ отношеніяхъ крестьяне не будутъ поставлены въ безземельное положеніе, и нѣтъ надобности въ предположеніяхъ о невозможномъ. Получивши право перехода, крестьяне имѣли бы возможность добровольно и выгодно уговориться объ условіяхъ и срокѣ найма земли. Но, не признавая возможнымъ немедленное осуществленіе мысли о добровольныхъ соглашеніяхъ и отвергая въ то же время систему Редакціонныхъ Коммиссій, 34 члена второго приглашенія допускали, во имя государственной пользы, нормальный надѣлъ, опредѣленный количествомъ земли, необходимымъ для обезпеченія земли, впрочемъ до тѣхъ только поръ, пока сохраняются взаимно обязательныя отношенія, которыя должны прекратиться по совершенной отмѣнѣ обоюдныхъ обязанностей. Обязательный надѣлъ, по ихъ мнѣнію, могъ быть почти вездѣ однообразный, съ различіемъ въ платѣ, сообразно съ цѣнностью земли.

34 члена, не признавая необходимости установленія высшаго размѣра надѣла, говорили, что дополнительная прирѣзка земли крестьянамъ до размѣра наименьшаго надѣла можетъ быть весьма затруднительна, когда къ крестьянскому надѣлу подойдутъ поля или хозяйственныя заведенія помѣщика, хорошіе лѣса, особенно цѣнныя земли, или нужныя для округленія имѣнія и пр. Они не знали, откуда возьмется земля для надѣленія безземельныхъ крестьянъ, находившихся на мѣсячинѣ, хотя бы минимальными надѣлами. Переводъ безземельныхъ крестьянъ на землю весьма затруднителенъ въ исполненіи, обойдется очень дорого и не нуженъ ни для самихъ крестьянъ, ни для прочихъ сословій государства. Онъ затрудни-

теленъ, потому что весьма часто не найдется земли для отвода безземельнымъ крестьянамъ, которые нерѣдко сами противятся такому устройству.

При всемъ этомъ имѣлось въ виду, что установленный Редакціонными Коммиссіями наибольшій надѣлъ не долженъ былъ быть ниже средняго существующаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ не слишкомъ высокъ въ сравненіи съ послѣднимъ¹⁾.

Что касается въ частности Новороссійскихъ губерній²⁾, то въ виду обширности свободныхъ въ Новороссійскомъ краѣ земель, по господствующей въ немъ залежной системѣ полеводства и по общему характеру хозяйства крестьянъ этого края, составляющія его губерніи: Екатеринославская, Херсонская и Таврическая отнесены были къ степной полосѣ. Затѣмъ, примѣняясь съ одной стороны къ существовавшему крестьянскому пользованію землею, съ другой—къ качеству почвы и степени населенности, губерніи эти, въ отношеніи размѣра надѣла крестьянъ раздѣлены на шесть различныхъ мѣстностей, и для каждой изъ нихъ опредѣленъ особый обязательный для всѣхъ имѣній надѣлъ на душу. Въ малоземельныхъ же имѣніяхъ, гдѣ за отводомъ крестьянамъ установленнаго надѣла осталось бы въ непосредственномъ распоряженіи помѣщиковъ менѣе половины общаго количества угодій, помѣщикамъ предоставлено право надѣлять крестьянамъ не болѣе половины всей, состоящей въ имѣніи удобной земли.

Въ отношеніи раздѣленія на мѣстности и размѣра надѣловъ³⁾, въ Таврической губерніи было опредѣлено Редакціонными Коммиссіями три мѣстности, за исключеніемъ южнаго берега Крыма:

1-я мѣстность: горная часть Крыма до черты, назначенной указомъ 5 мая 1835 г. Надѣлъ 3 десятины.

2-я: степная часть Крыма и сѣверные уѣзды, Днѣпровскій и Мелитопольскій. Надѣлъ 7 десятинъ.

3-я: Бердянскій уѣздъ. Надѣлъ 5½ десятинъ.

Свѣдѣнія о надѣлѣ крестьянъ землею по Таврической губерніи, показанныя въ описаніяхъ помѣщичьихъ имѣній, найдены Редакціонными Коммиссіями весьма неопредѣленными. Многие изъ владѣльцевъ вовсе не показали за крестьянами никакого постояннаго, опредѣленнаго извѣстною цифрою надѣла, объ-

¹⁾ Тамъ же, ч. XIV. По Хоз. Отд. о высшихъ и низшихъ размѣрахъ крестьянскаго надѣла. Отдѣлъ первый. Губерніи Великорусскія и Бѣлорусскія.

²⁾ Тамъ же, Отдѣлъ второй. Новороссійскія губерніи. Стр. 219 и слѣд.

³⁾ Тамъ же. Пост. Ред. Комм. II-о дополн. къ докладу Хоз. Отд. Ст. I.

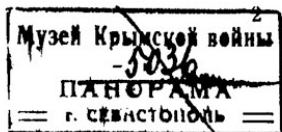
ясняя, что крестьяне пользуются господскою землею неограниченно, по мѣрѣ средствъ и возможности каждаго. Другіе включили въ цифру крестьянскаго надѣла только ту землю, которая распахивалась, не присоединяя той, которая оставалась для отдыха. Вслѣдствіе этого въ описаніяхъ нѣкоторыхъ имѣній встрѣчались столь малые надѣлы крестьянъ землею, что количество ея, при существовавшей въ Новороссійскомъ краѣ системѣ залежнаго хозяйства, о чемъ свидѣтельствовали члены Таврическаго комитета, ни въ какомъ случаѣ не могло бы обезпечить даже пропитанія крестьянъ.

Въ горной части Крыма въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ крестьянскій надѣлъ вовсе не былъ опредѣленъ, и крестьянамъ было предоставлено право пользоваться помѣщичьею землею неограниченно, каждому по своимъ средствамъ и способности. Въ трехъ имѣніяхъ показанъ слѣдующій надѣлъ на душу: 5,20, 2,96 и 7,16 дес., ср. числ. 3,15; но при этомъ въ одномъ имѣніи ничего не было объяснено о пользованіи крестьянъ землею, въ одномъ имѣніи показана только усадебная и сѣнокосная земля, въ двухъ не было показано причитающееся на душу количество выгона, который въ одномъ имѣніи показанъ общимъ.

Въ Феодосійскомъ уѣздѣ, по даннымъ нѣкоторыхъ имѣній, крестьяне пользовались помѣщичьею землею неограниченно, по другимъ—среднимъ числомъ имѣли 2,47 дес., выгонъ вовсе не показанъ или показанъ общимъ съ помѣщичьимъ. Въ нѣкоторыхъ не показаны сѣнокосы.

По всѣмъ даннымъ надѣлъ для горной части Крыма былъ предположенъ Редакціонной Коммиссіей, какъ выше сказано, —въ 3 десятины.

Въ степной части Крыма также не во всѣхъ имѣніяхъ Симферопольскаго уѣзда былъ показанъ надѣлъ землею, и право пользованія ею указывалось неопредѣленно и разнообразно. То же самое оказалось и относительно имѣній Феодосійскаго, Евпаторійскаго и Перекопскаго уѣздовъ. Изъ 30 имѣній степной части Крыма, о которыхъ доставлены были свѣдѣнія, опредѣленный надѣлъ показанъ только въ 9 имѣніяхъ. Во всѣхъ остальныхъ крестьяне пользовались землею неограниченно. Но и показанные надѣлы заключали въ себѣ по большей части только пахатную землю, отведенную крестьянамъ, такъ какъ трудно было предположить, чтобы при залежной системѣ хозяйства весь надѣлъ могъ состоять изъ 2,85 дес. на душу, какъ показано было въ одномъ имѣніи Симферопольскаго

уѣзда, или 3,90 дес., какъ это указывалось однимъ помѣщикомъ Евпаторійскаго уѣзда.

Изъ всѣхъ данныхъ касательно степной части Крыма, въ виду общаго многоземелья имѣній ея, выяснилось, что предположенный для нихъ 7-десятинный (высшій) надѣлъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть признанъ слишкомъ значительнымъ.

Что касается имѣній сѣверныхъ уѣздовъ Таврической губерніи—Днѣпровскаго, Мелитопольскаго и Бердянскаго, то въ нихъ почти во всѣхъ показаны были существовавшіе крестьянскіе надѣлы, исключая трехъ имѣній Мелитопольскаго уѣзда, но размѣры ихъ были чрезвычайно разнообразны: въ Днѣпровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ отъ 2 до 14, въ Бердянскомъ отъ 1,07 до 8,97 дес. на душу. Въ среднемъ же выводѣ по уѣздамъ размѣръ существующаго надѣла оказался: въ Днѣпровскомъ уѣздѣ 4,48 дес. на душу, въ Мелитопольскомъ 6,28, въ Бердянскомъ 3,40. Надѣлъ этотъ, очевидно, заключалъ въ себѣ одну пахатную землю крестьянъ.

Въ общемъ выводѣ получались слѣдующія данныя для губерніи:

Въ имѣніяхъ по уѣздамъ.	Число д у ш ѣ.	Общее количество земли.	Надѣлъ.	Количество земли, поступи- панной въ пользованіе крестьянъ.	Оставалось у помѣщика земли.
Въ имѣніяхъ горной части Симферопольскаго уѣзда	381	22586	3 дес.	1143 дес.	95 ⁰ / ₁₀
Въ горной части Феодосійскаго уѣзда	611	23685	3 дес.	1833 дес.	93 ⁰ / ₁₀
Въ степной части Симферопольскаго уѣзда	167	12411	7 дес.	1169 дес.	91 ⁰ / ₁₀
Въ степной части Феодосійскаго уѣз.	792	73885	7 дес.	5544 дес.	93 ⁰ / ₁₀
Въ Евпаторійскомъ уѣздѣ	743	44714	7 дес.	5201 дес.	89 ⁰ / ₁₀
Въ Перекопскомъ уѣздѣ	437	29207	7 дес.	3059 дес.	90 ⁰ / ₁₀
Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ	5480	244939	7 дес.	38360 дес.	85 ⁰ / ₁₀
Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ	7648	192871	7 дес.	53536 дес.	73 ⁰ / ₁₀
Въ Бердянскомъ уѣздѣ	1032	16385	5,5 дес.	5675 дес.	66 ⁰ / ₁₀

По ходатайству помѣщиковъ или крестьянъ, въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, рѣзко отличавшихся отъ общаго характера той мѣстности, къ которой они принадлежали, могъ быть назначенъ крестьянамъ надѣлъ, опредѣленный для другой сходной съ ними мѣстности, по утвержденіи такого измѣненія установленнымъ для этого порядкомъ.

По этому вопросу таврическіе депутаты заявляли: „Въ Новороссійскомъ краѣ господствуетъ переложная система хозяйства, которая переходитъ въ имѣніяхъ, правильно устроенныхъ, въ систему 4-хъ и 3-хъ-польную. При системѣ переложной, обусловливаемой изобиліемъ земель и недостаткомъ капиталовъ и рабочихъ рукъ, крестьяне пользуются количествомъ земли, далеко превышающимъ ихъ нужды. Ихъ пахатныя поля разбросаны, а промежутокъ пропадаетъ даромъ. Съ развитіемъ земледѣлія, количество земли, отводимой крестьянамъ, уменьшается, не уменьшая количества земли, состоящей въ ихъ дѣйствительномъ пользованіи: вводится только болѣе порядка. Между тѣмъ, надѣляя крестьянъ огромнымъ количествомъ земли, отнимаютъ у нихъ побужденіе къ усовершенствованіямъ. Съ другой стороны, огромный надѣлъ совершенно разстроитъ хозяйство помѣщика, существующее въ обширныхъ размѣрахъ. Главный доходъ помѣщика заключается въ овцеводствѣ, для котораго требуются постоянные работники и поденщики. Надѣляя крестьянъ землею въ такомъ количествѣ, которое дѣлаетъ ихъ совершенно независимыми, Редакціонная Коммиссія отнимаетъ у помѣщиковъ средство пользоваться услугами крестьянъ. Разстройство помѣщичьяго крестьянства будетъ невыгодно и для рабочаго класса. Хозяйство это привлекало изъ сосѣднихъ губерній толпы рабочихъ, искавшихъ въ Новороссійскомъ краѣ заработковъ для уплаты податей и прокормленія себя и семейства.

При переложномъ хозяйствѣ, цѣлина или старый перелогъ засѣвается четыре года сряду, а потомъ служить выгономъ и сѣнокосомъ въ теченіе шести лѣтъ. Поэтому, количество посѣва къ количеству всего надѣла должно относиться, какъ 4 къ 10. Редакціонная Коммиссія признала 4 дес. умѣреннымъ ежегоднымъ посѣвомъ на семейство изъ 2 ревизскихъ душъ. Поэтому 10 дес. надѣла достаточно для этого семейства. Таврическій Комитетъ установилъ для степныхъ мѣстностей надѣлъ въ 5 дес., при чемъ имѣлъ въ виду только срочно-обязанный 12-лѣтній періодъ, сокращеніе котораго признавалъ возможнымъ, послѣ чего количество надѣла опредѣлилось бы по свободному договору и могло быть уменьшено, если бы того потребовало развитіе хозяйства“.

Но, при повѣркѣ цифръ крестьянскихъ надѣловъ, предложенныхъ Хозяйственнымъ Отдѣленіемъ, размѣры надѣла по Таврической губерніи не были измѣнены Ред. Коммиссіями. Общее многоземелье помѣщичьихъ имѣній, доходившее по уѣз-

дамъ отъ 15,88 дес. на душу въ Бердянскомъ уѣздѣ до 93,40 дес. въ степной части Оеодосійскаго, и вообще степной характеръ крестьянскаго хозяйства, не давали повода къ уменьшенію предположенныхъ размѣровъ надѣла, которые считались достаточными для крестьянъ. Изъ ближайшаго разсмотрѣнія доставленныхъ помѣщиками Таврической губерніи описаній своихъ имѣній видно было, что въ большинствѣ имѣній не существовало вовсе никакого опредѣленнаго крестьянскаго надѣла. Крестьянамъ было предоставлено право пользоваться помѣщичьею землею неограниченно, по мѣрѣ и средствъ и возможности каждаго. Что же касается описаній тѣхъ имѣній, гдѣ за крестьянами показаны были опредѣленные надѣлы, то весьма многіе владѣльцы (какъ и въ губерніяхъ Екатеринославской и Херсонской) включали въ цифру крестьянскаго надѣла только ту землю, которая ежегодно пахалась крестьянами, не присоединяя той, которая оставалась для отдыха. Поэтому свѣдѣнія о существовавшихъ въ Таврической губерніи надѣлахъ не могли быть приняты въ соображеніе при повѣркѣ.

Цифры надѣловъ, проектированныхъ Хозяйственнымъ Отдѣленіемъ для Новороссійскаго края, были меньше сравнительно съ другими степными мѣстностями, гдѣ были приняты надѣлы въ $6\frac{1}{2}$, $8\frac{1}{2}$, $10\frac{1}{2}$ и $12\frac{1}{2}$ десятинъ на душу, но это уменьшеніе сдѣлано было въ виду особенныхъ обстоятельствъ этого края. Хотя Отдѣленіе признало невозможнымъ исчислить въ степныхъ мѣстностяхъ существующій надѣлъ каждаго имѣнія, и потому проектировало опредѣленные закономъ надѣлы, но это опредѣленіе старалось всегда основать на существовавшемъ въ каждой мѣстности крестьянскомъ пользованіи землею, а существовавшіе крестьянскіе надѣлы въ Новороссійскомъ краѣ были менѣе, по утверженію Хозяйств. Отдѣленія, чѣмъ въ другихъ степныхъ мѣстностяхъ по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, хотя въ значительной части Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерній, какъ по климатическимъ условіямъ, такъ по возвышенному положенію, твердости почвы, безводности и безлѣсности, растительность часто гибнетъ отъ совершеннаго недостатка влаги, но другія части этого края представляютъ почву гораздо болѣе плодородную, чѣмъ степныя восточныя губерніи. Во-вторыхъ, обширное овцеводство, составляющее главную отрасль помѣщичьяго хозяйства въ этомъ краѣ, всегда побуждало помѣщиковъ уменьшать крестьянскіе надѣлы. Въ третьихъ, при существующемъ въ краѣ обычномъ распредѣленіи земли и раздѣленіи хозяевъ на тяглыхъ и пѣ-

шихъ, только первые, какъ самостоятельные хозяева, надѣляются вполнѣ достаточнымъ количествомъ земли, а послѣдніе въ размѣрѣ болѣе ограниченномъ. Такое уменьшеніе, противъ другихъ степныхъ мѣстностей, крестьянскаго надѣла, по мнѣнію Отдѣленія, не должно было быть тягостно также и для крестьянъ. Конечно, крестьяне Новороссійскаго края, при меньшемъ душевомъ надѣлѣ, будутъ платить болѣе оброка за десятину земли, чѣмъ въ степныхъ восточныхъ губерніяхъ; но это возвышеніе представлялось совершенно справедливымъ, потому что земля въ Новороссійскихъ губерніяхъ цѣнится дороже, чѣмъ въ восточныхъ. Что касается до барщины, то новороссійскій крестьянинъ будетъ отбывать за десятину земли болѣе рабочихъ дней, чѣмъ въ восточныхъ губерніяхъ, но для облегченія на него возлагалась только пѣшая барщина, а совершенно уничтожена воловая. Но, допуская такое положеніе крестьянскаго надѣла въ Новороссійскомъ краѣ, Отдѣленіе не находило возможнымъ удовлетворить болѣе членовъ губернскихъ комитетовъ дальнѣйшимъ пониженіемъ.

Обративъ вниманіе на естественныя бѣдствія, которыя такъ часто постигаютъ этотъ край, Отдѣленіе указывало на то, что, занимаясь скотоводствомъ, крестьяне этихъ губерній, независимо отъ пахатной земли, безгранично пользуются пастбищами на экономическихъ угодьяхъ, а потому имѣютъ гораздо болѣе скота, чѣмъ жители сопредѣльныхъ губерній, и, лишая вдругъ крестьянъ права пасти скотъ свой на экономической землѣ, необходимо обезпечить ихъ достаточнымъ надѣломъ. Если бы крестьяне получили надѣлъ скудный, то значительно уменьшили бы свое скотоводство и, вмѣсто улучшенія своего быта, обѣднѣли бы, что отразилось бы дурно и на благосостояніи сосѣднихъ губерній¹⁾.

Въ выработанномъ Главнымъ Комитетомъ окончательномъ и Высочайше утвержденномъ „Мѣстномъ положеніи о поземельномъ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ“ относительно надѣла земли крестьянъ Таврической губерніи были сдѣланы слѣдующія постановленія.

Раздѣлъ I. Примѣчаніе къ п. 8. Не получаютъ вовсе надѣла мірскою землею и подчиняются тѣмъ правиламъ, которыя установлены вообще для дворовыхъ людей, крестьяне имѣній южнаго берега Крыма, а также тѣ изъ имѣній горной

¹⁾ Первое изданіе Матеріаловъ Редакціонныхъ Коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости. Третій періодъ. Ч. IX.

части Крымскаго полуострова, которыя состоятъ почти исключительно изъ садовъ, виноградниковъ и огородовъ, и въ которыхъ хлѣбопашество производится въ чаирахъ и курахъ (т. е. отдѣльно лежащихъ, небольшихъ, огороженныхъ и съ давнихъ лѣтъ удобренныхъ участкахъ). Списокъ этихъ имѣній долженъ быть составленъ мѣстнымъ губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ и утвержденъ Новороссійскимъ и Бессарабскимъ генераль-губернаторомъ.

Относительно опредѣленія размѣра надѣла, Таврическая губернія отнесена къ третьей (степной) полосѣ, вмѣстѣ съ губерніями Астраханской, Екатеринославской и Херсонской и частями губерній Оренбургской, Самарской и Саратовской (п. 13).

Каждая изъ трехъ полосъ раздѣлена была на мѣстности (п. 14).

Въ особомъ приложеніи къ п. 15 указано подробное распредѣленіе губерній и уѣздовъ по полосамъ и мѣстностямъ. Степная полоса раздѣлена на семь мѣстностей. Таврическая губернія была распредѣлена слѣдующимъ образомъ:

Первая мѣстность. Указный надѣлъ 3 десятины. Часть Симферопольскаго и часть Феодосійскаго уѣзда, въ горной части, до черты, назначенной указомъ 5 мая 1835 года.

Пятая мѣстность. Указный надѣлъ 5 десятинъ. Бердянскій уѣздъ.

Седьмая мѣстность. Указный надѣлъ 6 дес. 1200 кв. саж. Днѣпровскій уѣздъ, Евпаторійскій, Мелитопольскій, Перекопскій, часть Симферопольскаго и часть Феодосійскаго.

Такимъ образомъ, предположенное Редакціонными Коммисіями въ надѣлъ количество земли было уменьшено на полъ десятины для всѣхъ уѣздовъ, кромѣ горной мѣстности Крыма и Бердянскаго уѣзда.

Сообразно съ величиною земельного надѣла крестьянъ указано было, сколько въ теченіе года крестьяне должны были отбывать съ души мужскихъ рабочихъ дней.

Ст. 119. Въ губерніяхъ Новороссійскихъ (Екатеринославской, Таврической и Херсонской) предоставляется сельскому обществу, при введеніи уставной грамоты, или установить общинное пользованіе, съ круговою порукою, или раздѣлить надѣлъ на наслѣдственные подворные участки, съ личною отвѣтственностью каждаго домохозяина въ отбываніи повинностей въ пользу помѣщика¹⁾.

¹⁾ Первое изданіе Матеріаловъ Редакціон. Коммиссій. Третій періодъ. Ч. IX.

Переходимъ къ *главѣ 6-й* Таврическаго положенія (*Повинности крестьянъ*).

Относительно отправленія казенныхъ денежныхъ повинностей по губерніи, общегосударственныхъ и губернскихъ, Таврическое положеніе весь существующій сборъ съ земель по заблаговременно полученнымъ каждымъ сельскимъ обществомъ отъ мѣстнаго начальства окладнымъ листамъ возлагало на однихъ помѣщиковъ, но съ тѣмъ, что за усадебныя земли, предоставленныя на выкупъ, должны были платить крестьяне. Отъ платежа поземельнаго сбора крестьяне освобождались. Общія земскія натуральныя повинности возлагались на крестьянъ, безъ упоминанія объ участіи въ нихъ помѣщиковъ. Раскладку денежныхъ сборовъ положено было производить по душамъ (§§ 77—80). Затѣмъ, по Таврическому положенію, рекрутская повинность должна была отбываться попрежнему деньгами, посредствомъ взноса 300 руб., на основаніи 9 и 10 ст. Уст. Рекр., по которымъ деньгами отправляли рекрутскую повинность, между прочимъ, помѣщики крестьяне Таврической губерніи въ уѣздахъ Симферопольскомъ, Феодосійскомъ, Евпаторійскомъ и Перекопскомъ, а также вообще тѣ участки помѣщичьихъ крестьянъ, гдѣ по объявленіи набора не было болѣе 20 душъ; но этимъ имѣніямъ предоставлялось право отправлять эту повинность и натурою (§§ 81—85). Но Таврическій комитетъ не указывалъ на основанія сдѣланнаго имъ постановленія, почему Хозяйственное отдѣленіе Главнаго Комитета положило, согласно съ постановленіемъ мѣстнаго комитета, оставить на первое время допущенное закономъ исключеніе въ отправленіи рекрутской повинности для уѣздовъ Крымскаго полуострова, но вмѣстѣ съ тѣмъ возложить на губернское начальство войти въ соображеніе, представляется ли необходимость къ сохраненію этого преимущества по уничтоженіи крѣпостного состоянія. Что же касается частнаго вопроса, кому должны принадлежать тѣ зачетныя квитанціи, которыя окажутся въ помѣщичьихъ имѣніяхъ при введеніи въ дѣйствіе новаго положенія, то Таврическое положеніе по имѣніямъ сѣверныхъ уѣздовъ, отправляющимъ рекрутство натурою, предоставляло означенныя квитанціи помѣщикамъ—или въ неограниченное распоряженіе, или же съ зачетомъ только по своимъ имѣніямъ, а по уѣздамъ южнымъ предоставляло эти квитанціи въ распоряженіе обществъ (§ 86).

Что касается повинностей крестьянъ по отношенію къ помѣщику, то въ Таврическомъ положеніи интересны слѣдующіе пункты:

§ 87. За выкупъ усадьбы, а равно и за пользованіе землею срочно-обязанные крестьяне отбываютъ помѣщику повинность или деньгами или поденной работой.

§ 90. Повинность крестьянъ помѣщику за отведенную имъ въ пользованіе землю опредѣляется въ 60 дней пѣшей мужской работы за каждый отведенный на ревизскую душу участокъ, какъ въ горной, такъ и въ степной части.

§ 91. Женатый крестьянинъ, имѣющій пару воловъ, вмѣсто 60-ти пѣшихъ дней отбываетъ за каждый душевой участокъ 20 воловьихъ, 20 пѣшихъ и 20 женскихъ, или же 25 воловьихъ, 10 пѣшихъ и 25 женскихъ.

Примѣчаніе. День взрослого работника, съ парюю воловъ или лошадей, упряжью и возомъ или земледѣльческимъ орудіемъ, считается за полтора пѣшихъ мужскихъ, а день женщины или мальчика за половину мужскаго.

§ 94. При замѣнѣ натуральной повинности денежной, норма оброка опредѣляется на 15 рублей съ cadaго душевого надѣла.

§ 97. Для отбыванія натуральной повинности помѣщику отъ общаго числа дней и работниковъ опредѣляется, сколько на каждый изъ рабочихъ дней въ году, за вычетомъ праздниковъ, приходится получить со всего общества рабочихъ воловьихъ, пѣшихъ и женскихъ дней, разсчитывая эти дни по одной изъ вышеприведенныхъ нормъ, и это число рабочихъ, составляющее постоянныя рабочія силы имѣнія, общество обязано ежедневно ставить помѣщику.

§ 98. Между крестьянами соблюдается очередь въ отбываніи работъ, но общество отвѣтствуетъ круговою порукою предъ помѣщикомъ, а потому за неисправнаго крестьянина немедленно наряжается слѣдующій за нимъ по очереди, а обществу предоставляется затѣмъ взыскивать съ крестьянина, не исполнившаго своей обязанности.

§ 99. Рабочіе дни не переносятся отъ одной недѣли къ другой, но для успѣха хозяйственныхъ работъ предоставляется помѣщику изъ числа лѣтнихъ дней брать до шести сгонныхъ, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: а) этихъ дней не требовать единовременно сряду, но въ три раза въ теченіе лѣтняго времени; б) сгоны не должны продолжаться каждый разъ болѣе двухъ дней сряду и в) по отправленіи сгонной повин-

ности, слѣдующіе крестьянамъ дни немедленно имъ предоставляются.

§ 100. По раскладкѣ рабочихъ дней каждый домохозяинъ повѣряетъ расчетную книжку съ обозначеніемъ въ ней числа дней, имъ отбываемыхъ какъ за пользованіе землею, такъ и за выкупъ усадьбы, по каждой повинности особо.

§ 101. Исправное отбываніе повинности по установленнымъ урокамъ какъ за усадьбу, такъ и за землю, обеспечивается круговою порукою всего общества, поселеннаго на землѣ одного помѣщика.

§ 108. Крестьянинъ, не выполнившій своего урока или не отработавшій числа часовъ, положенныхъ въ день по временамъ года, удерживается на работѣ на другой день, пока не кончитъ своего урока или не пополнитъ числа часовъ, не отработанныхъ имъ наканунѣ.

§ 109. Всѣ накопившіеся въ теченіе недѣли недоимочные дни отбываются въ началѣ другой недѣли обществомъ сгонными конными или пѣшими днями.

§ 111. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ повинность отбывается денежная, недоимка одного урока раскладывается на все общество и уплачивается непременно въ слѣдующій срокъ; недоимщики же отдаются въ заработки, или продажею имущества ихъ удовлетворяется общество.

§ 112. Крестьяне, обученные ремесламъ, а также занимающіе хозяйственныя должности или находящіеся въ домашней прислугѣ, надѣляются землею наравнѣ съ прочими членами общества по числу ревизскихъ душъ, составляющихъ ихъ семейство (§ 113). Служба сихъ крестьянъ обязательна помѣщику въ теченіе трехъ лѣтъ со дня проведенія въ исполненіе положенія, и въ теченіе этого срока они не могутъ быть увольняемы изъ общества безъ согласія помѣщика.

§ 114. Помѣщикъ платитъ за крестьянъ, состоящихъ у него въ должностяхъ во все время ихъ обязательной службы: казенныя, земскія и мірскія подати и повинности (§ 115). Въ теченіе обязательной службы должностныхъ людей, общество не отвѣчаетъ помѣщику за повинность, на ихъ земляхъ лежащую.

§ 116. Въ вознагражденіе за излишніе противъ поземельной повинности дни службы таковыхъ крестьянъ опредѣляется въ годъ жалованья: не менѣе двадцати рублей мужчинамъ и десяти рублей женщинамъ, а несовершеннолѣтнимъ отъ 15 лѣтъ половину, сверхъ содержанія и одежды, которыя они по-

лучаютъ въ размѣрѣ и составѣ, установленныхъ для дворовыхъ людей (§ 117). По истеченіи 3-хъ-лѣтняго срока должностные крестьяне продолжаютъ службу помѣщику по добровольному съ нимъ соглашенію.

По Высочайше утвержденному Мѣстному Положенію, рабочіе дни, при отбываніи издѣльной повинности (барщины) раздѣлялись на лѣтніе и зимніе, мужскіе и женскіе, а мужскіе на конные и пѣшіе (ст. 192). Въ Новороссійскихъ губерніяхъ на крестьянъ, какъ обязательная, до перехода ихъ на оброкъ, повинность, возлагалась пѣшая барщина, а замѣнъ пѣшихъ дней тяглыми (конными или воловьими) предоставлялся обоюдному соглашенію крестьянъ съ помѣщиками.

Представляютъ интересъ и слѣдующіе пункты *главы 7-й* Таврическаго положенія (*Устройство дворовыхъ людей*):

§ 120. Къ дворовымъ людямъ причисляются всѣ крестьяне Ялтинскаго уѣзда и малоземельныхъ имѣній горной части Крыма.

§ 121. Срокъ обязательной службы дворовыхъ людей назначается шестилѣтній, въ продолженіе котораго они безъ согласія помѣщика не могутъ переходить въ другія сословія.

§ 127. Жалованье дворовымъ людямъ, во время обязательной ихъ службы опредѣляется: взрослымъ мужчинамъ до 60 лѣтъ не менѣе 20 рублей, женщинамъ до 50 лѣтъ не менѣе 10 рублей въ годъ; несовершеннолѣтніе отъ 15 лѣтняго возраста получаютъ половину.

§ 128. Содержаніе дворовымъ людямъ опредѣляется слѣдующее: а) Продовольствіе: каждая рабочая и полурабочая душа обоюго пола отъ 15 до 60 лѣти получаетъ въ мѣсяцъ:

муки	1 пуд. 30 фун.
крупъ	2 гарнца.
сала (въ день?)	1 фунтъ,
въ постные дни постнаго масла	1 фунтъ,
солонины на зиму	1 пудъ,
на всѣ посты въ годъ рыбы	1 пудъ,

и сверхъ того каждая семья надѣляется отъ помѣщика дойною коровою въ собственность, если у семьи нѣтъ собственной. Дѣти отъ 4 до 12 лѣтъ получаютъ половину назначеннаго пайка.

б) Бѣлье, одежда и обувь, зимняя и лѣтняя:

Мужская—на два года: чекмень суконный одинъ, брюки суконныя однѣ, шуба овчинная одна, сапогъ паръ двѣ, шапка теплая одна; на одинъ годъ: рубахъ холщевыхъ двѣ, штановъ двое.

Женская—на два года: кофта суконная одна, юпка суконная одна, шуба одна; на одинъ годъ: юпка тиковая одна, верхнее платье одно, платковъ бумажныхъ два, рубахъ двѣ, сапогъ парь двѣ.

Примѣчаніе: Предоставляется обоюдному соглашенію замѣнять одежду и содержаніе денежной платой.

§ 134. Причисленіе дворовыхъ къ сельскимъ обществамъ и надѣленіе ихъ землею дѣлается на слѣдующихъ основаніяхъ: а) для дворовыхъ людей, составляющихъ домашнюю прислугу, надѣль землею въ пользованіе зависитъ отъ обоюднаго ихъ согласія—помѣщика на надѣленіе землею и двороваго чело-вѣка на принятіе оной; для дворовыхъ людей при хозяйствен-ныхъ должностяхъ надѣль зависитъ отъ воли помѣщика, а для нихъ въ такомъ случаѣ пріемъ земли и приписка къ сельскому обществу становятся обязательными.

§ 136. Надѣль землею при совершеніи акта обязательенъ для помѣщика относительно тѣхъ изъ дворовыхъ людей, ко-торые живутъ отдѣльными домами въ самомъ селеніи и зани-маются хлѣбопашествомъ, имѣя свой рабочій скотъ и свои посѣвы.

По вопросу о мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ Таврической комитетъ объявлялъ, что дворянство Симферопольскаго и Ял-тинскаго уѣздовъ, указывая на исключительность условій, въ которыхъ находится самое значительное число имѣній горной части полуострова, на невозможность надѣла въ этой части крестьянъ землею и на крайнія затрудненія и препятствія къ учрежденію въ ней общественнаго устройства, просить о доз-воленіи перечислить крестьянъ горскихъ имѣній въ отдѣль дворовыхъ, къ которому и теперь они принадлежатъ въ дѣй-ствительности. Въмѣстѣ съ тѣмъ дворянство означенныхъ уѣз-довъ ходатайствуетъ объ отводѣ земли въ уѣздахъ Евпаторій-скомъ, изъ числа остающейся донинѣ пустынною, по удаленіи обитавшихъ тамъ татаръ, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи пере-ходнаго срока, дозволено было переселиться на эти земли по-мѣщичьимъ крестьянамъ горной части, не лишая, впрочемъ, владѣльцевъ права позволять своимъ крестьянамъ подобное переселеніе и въ теченіе означеннаго срока. Указывая на пользу такого переселенія въ общественномъ отношеніи, на удобства и выгоды его собственно для крестьянъ, на готовность ихъ согласиться на оное и на то, что переходъ и водвореніе сихъ крестьянъ потребуетъ несравненно меньшихъ издержекъ, не-жели переселеніе государственныхъ крестьянъ изъ внутрен-

нихъ губерній Имперіи, дворянство означенныхъ уѣздовъ не опредѣляетъ ни значительность имѣній, подлежащихъ установленію такого рода исключительныхъ правилъ, ни мѣры вознагражденія помѣщиковъ за могущихъ отойти отъ нихъ крестьянъ¹⁾.

Что касается *главы 8-й* Таврическаго положенія (*Образованіе сельскихъ обществъ*), то въ ней представляютъ мѣстный интересъ немногіе пункты:

§ 143. Поземельныя угодья, предоставляемыя помѣщикомъ въ пользованіе членовъ (сельскаго) общества, распредѣляются такимъ образомъ, чтобы всегда были обезпечены на залежахъ мѣста для сѣнокоса и для пастбы опредѣленнаго на каждое тягло количества скота. Для достиженія этого земля, отведенная въ пользованіе крестьянъ, раздѣляется на 10 полей, изъ коихъ 4 всегда заняты посѣвами, а 6 находятся подъ перелогомъ и сѣнокосомъ отъ 1 года до 6 лѣтъ.

§ 144. Количество посѣвовъ никогда не должно превышать $\frac{4}{10}$ всего количества отведенной земли.

§ 147. Пользованіе землею пастбищною или выгонною остается общественное.

Статьи относительно раскладки и отправленія повинностей помѣщику, дѣятельности мірскихъ сходовъ, обязанностей старшинъ, старостъ и смотрителей полей и общиннаго суда не представляютъ существенныхъ особенностей сравнительно съ положеніями другихъ губерній.

Значительно большій интересъ представляетъ *глава 10-я* Таврическаго положенія (*Права и отношенія помѣщиковъ*).

По заявленіямъ Редакціонныхъ Коммиссій²⁾ во всѣхъ проектахъ губернскихъ комитетовъ выражалась, съ большею или меньшею полнотою, мысль о необходимости новыхъ учреждений, вызывавшихся освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. При этомъ въ однихъ комитетахъ развивались лишь начала крестьянскаго общественнаго управленія и отношенія къ нему помѣщиковъ, и затѣмъ только упоминалось о необходимости созданія новыхъ властей, поставленныхъ надъ общественнымъ управленіемъ. Въ другихъ (меньшинствѣ), къ которымъ принадлежалъ и Таврическій, сохранялось съ одной стороны сильное и непосредственное вліяніе помѣщиковъ на общественное управленіе крестьянскаго сословія, при чемъ на помѣщиковъ возлагалось званіе вотчиннаго начальника или на-

1) Первое изданіе Матеріаловъ Редакціонныхъ Коммиссій. Ч. IX.

2) Тамъ-же. Ч. XVI.

чальника общества, и, съ другой стороны, развивались начала мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденій для за-вѣдыванія крестьянскими обществами, обозначался кругъ дѣятельности этихъ учрежденій, и устанавливались правила ихъ дѣйствій.

Въ особенности замѣчательны были въ этомъ отношеніи, по признанію министра внутреннихъ дѣлъ, полнотою и опредѣленностью изложенія постановленія Таврическаго комитета. Этотъ комитетъ допускалъ административную власть помѣщика, какъ начальника общества, и въ Таврическомъ Положеніи подробно регламентируются права его въ этомъ званіи.

§ 189. Каждому помѣщику въ его имѣніи присвоится званіе Начальника общества.

§ 191. По сельскому благоустройству и порядку и по внутреннему управленію помѣщикъ имѣетъ право наблюдать за дѣйствіями и распоряженіями сельскихъ начальниковъ, избираемыхъ крестьянами, которые обязаны безпрекословно выполнять всѣ его требованія и предписанія, не противорѣчащія смыслу законовъ.

§ 192. Въ сношеніяхъ сельскаго общества съ земскою полиціею и высшимъ начальствомъ помѣщикъ имѣетъ право заступничества за крестьянъ, членовъ своего общества, и можетъ безъ особеннаго съ ихъ стороны уполномочія ходатайствовать за нихъ во всѣхъ судебныхъ и присутственныхъ мѣстахъ и предъ всѣми правительственными лицами.

§ 193. Помѣщикъ имѣетъ право созывать въ своей деревнѣ частныя деревенскія сходки, стараясь по возможности не отрывать крестьянъ отъ полевыхъ занятій въ рабочую лѣтнюю пору и на этой сходкѣ предлагаетъ мѣры общественной пользы и необходимости, какъ то: исправленіе испорченныхъ дорогъ, починку мостовъ и гатей, засыпаніе рытвинъ и проваловъ, образуемыхъ дождями, истребленіе облавами вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ и принятіе предосторожностей противъ повальныхъ болѣзней и скотскихъ падежей и прочее тому подобное.

§ 197. Если помѣщикъ замѣтитъ по имѣнію своему безпорядки и неправильныя дѣйствія сельскихъ должностныхъ лицъ, то онъ имѣетъ право дѣлать имъ словесныя и письменныя напоминанія, а въ случаѣ важныхъ проступковъ удаляетъ ихъ временно отъ должностей, доводя о семъ до свѣдѣнія мирового судьи.

§ 198. Если помѣщикъ-начальникъ общества, найдетъ необходимымъ отрѣшиться отъ должности сельскаго старшину, то по удаленіи его онъ обязанъ извѣстить о таковомъ своемъ распоряженіи мирнаго судью, который въ случаѣ важнаго проступка передаетъ виновнаго суду.

§ 199. По разбору взаимныхъ жалобъ и споровъ между крестьянами послѣднимъ предоставляется право обращаться для разбора ихъ къ помѣщику, который старается примирить тяжущихся и объявляетъ имъ свое заключеніе, а въ случаѣ безуспѣшности своихъ внушеній отсылаетъ ихъ для разбирательства въ крестьянскій судъ.

§ 200. Если помѣщикъ по жалобѣ, принесенной крестьяниномъ на рѣшеніе крестьянскаго суда, найдетъ его пристрастнымъ или наказаніе, къ которому приговоренъ крестьянинъ, превышающимъ мѣру его виновности, то онъ имѣетъ право требовать пересмотра дѣла и, въ случаѣ несогласія крестьянскаго суда отмѣнить свой приговоръ, можетъ приостановить его исполненіе и представить его съ своимъ мнѣніемъ на заключеніе мирнаго судьи.

§ 202. Помѣщикъ имѣетъ право наблюдать за правильнымъ употребленіемъ общественныхъ капиталовъ, денежныхъ и вещественныхъ, и можетъ во всякое время, въ присутствіи членовъ правленія, повѣрять мірскую кассу и мірское имущество, а въ случаѣ значительной растраты арестовать виновнаго и его имущество посредствомъ сельской полиціи съ передачею дѣла на разсмотрѣніе мирнаго судьи.

§ 204. На принятіе новыхъ членовъ общества и увольненіе изъ онаго, а также на возвращеніе въ общество члена онаго, отпущеннаго на поруки по судебному приговору, необходимо согласіе помѣщика.

Вмѣстѣ съ тѣмъ для окончательнаго разбора дѣлъ между помѣщиками и крестьянами и упрощенія судопроизводства, какъ для дѣлъ гражданскихъ небольшой цѣнности или по своему своему требующихъ быстраго окончанія, такъ и для извѣстнаго рода уголовно-полицейскихъ проступковъ, Тавричeskій комитетъ учреждалъ въ каждомъ уѣздѣ необходимое число избираемыхъ *Мирныхъ Судей* (§ 207), права и обязанности которыхъ изложены въ Таврическомъ положеніи весьма обстоятельно. Укажемъ все существенное въ этомъ отношеніи.

Мирный судья избирается на 3 года общимъ собраніемъ дворянъ и крестьянъ; число тѣхъ и другихъ избирателей должно быть равное (§ 209). Право на избраніе имѣютъ всѣ зе-

млевладѣльцы той же губерніи христіанскаго исповѣданія, достигшіе 25-лѣтняго возраста, получающіе не менѣе 600 руб. дохода или окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и извѣстные своими достоинствами, честностью и пользующіеся всеобщимъ уваженіемъ (§ 210). Судья утверждается въ должности министромъ юстиціи и имъ же отрѣшается не иначе, какъ съ преданіемъ суду (§§ 211, 216, 217). Судья не можетъ въ то же время нести никакой служебной должности, кромѣ званія попечителя гимназіи или училища (§ 212), имѣетъ служебныя права, равныя съ уѣзднымъ судьей, и жалованья не получаетъ (§ 214); но на жалованье секретарю, на канцелярію и другія издержки по должности получаетъ по 1200 руб. изъ земскихъ сборовъ (§ 239). Мирный судья составляетъ вторую инстанцію по дѣламъ о спорахъ и проступкахъ, подсудныхъ крестьянскому суду (гражданскіе иски обязанныхъ крестьянъ цѣною отъ 50 до 75 руб., полицейскіе проступки, за кои полагается отъ 30 до 50 ударовъ розгами и дѣла о кражѣ на сумму отъ 15 до 20 руб.), и первую инстанцію по спорамъ между срочно-обязанными крестьянами и ихъ помѣщикомъ или лицами, не принадлежащими къ обществу, и по спорамъ между помѣщиками и вольными рабочими. Сюда относятся: гражданскіе иски обязанныхъ крестьянъ отъ 75 до 100 руб.; полицейскіе проступки обязанныхъ крестьянъ, влекущіе за собою наказаніе отъ 40 до 80 ударовъ розгами; дѣла о кражѣ на сумму отъ 10 до 30 руб.; гражданскіе иски и уголовно-полицейскіе проступки, возникающіе изъ взаимныхъ отношеній обязанныхъ крестьянъ къ землевладѣльцамъ и лицамъ всѣхъ другихъ сословій и простирающіеся цѣною до 100 руб. и до 80 ударовъ розгами; всѣ дѣла, возникающія вслѣдствіе неисполненія срочно-обязанными крестьянами повинностей помѣщикамъ; разборы дѣлъ и споровъ между помѣщиками и вольнонаемными рабочими; потравы полей и лѣсовъ, поврежденіе рвовъ, канавъ, огорожъ, межевыхъ знаковъ всякаго рода, плотинъ, мостовъ и пр. на всякую сумму; иски на завладѣніе на всякую сумму (§ 222). Кромѣ того мирному судѣ предоставляется: а) примирительный разборъ по всѣмъ безъ исключенія дѣламъ, могущимъ оканчиваться миромъ (этотъ разборъ обязателенъ для тяжущихся, и искъ въ судебномъ мѣстѣ не можетъ быть начатъ безъ предварительнаго разбора у мирнаго судьи (§§ 225 и 226) и б) первоначальное изслѣдованіе нѣкоторыхъ особенно важныхъ уголовныхъ преступленій, какъ то: возмущенія противъ правительства и неповиновенія

установленнымъ властямъ, убійства, нанесенія тяжкихъ побоевъ, дѣланія фальшивой монеты (§ 228).

Положеніемъ подробно опредѣлялся и порядокъ производства дѣлъ мирнымъ судьей (§§ 229—248).

Относительно *Порядка и способа исполненія положенія* (глава 10-я). Таврическій комитетъ, по заявленію Редакц. Комиссій на ряду съ большинствомъ губернскихъ комитетовъ, не отклонился отъ данной имъ въ руководство программы¹⁾.

Составленіе актовъ имѣній въ Таврическомъ положеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, возлагалось на помѣщиковъ или ихъ повѣренныхъ (§ 251). Въ нѣкоторыхъ проектахъ, въ томъ числѣ и въ Таврическомъ, постановлено, чтобы въ актѣ обозначалось количество числящихся на крестьянахъ долговъ за прежніе годы. По Таврическому Положенію, долгами, подлежащими уплатѣ, признавались: обозначенныя въ экономическихъ книгахъ ссуды деньгами или натурою, т. е. скотомъ, деньгами и т. п., но не принимались въ расчетъ вспомоствованія, выданныя помѣщикомъ въ прежніе годы на прокормленіе и посѣвъ (§ 252). Производство повѣрки актовъ на мѣстѣ Таврическое Положеніе возлагало на опытнаго помѣщика, по назначенію губернскаго предводителя дворянства (§ 255). Въ Таврическомъ Положеніи совсѣмъ не упоминается объ участіи крестьянъ въ составленіи и повѣркѣ актовъ. Оно предоставляло право помѣщикамъ и ихъ уполномоченнымъ присутствовать при разсмотрѣніи актовъ въ губернскомъ комитетѣ, для представленія надлежащихъ объясненій (§ 256). Акты, по ихъ утвержденіи, должны быть переданы чрезъ уѣзднаго предводителя дворянства помѣщику для объявленія крестьянамъ (§ 257).

Таврическій комитетъ, какъ и другіе, составилъ и урочное положеніе для руководства по расчетамъ съ крестьянами во время срочно-переходнаго положенія. По этому положенію, на всѣ работы полагалось часовъ въ оброкъ: въ январѣ 8, въ февралѣ 10, въ мартѣ 10½, въ апрѣлѣ 12, маѣ 13, іюнѣ 13, іюлѣ 12½, августѣ 12, сентябрѣ 10½, октябрѣ 10, ноябрѣ 8½, декабрѣ 7. Работъ не полагалось производить, сверхъ воскресныхъ дней, во всѣ неприсутственные дни и, кромѣ того, въ храмовой день мѣстной церкви и въ день Тезоименитства Государя Императора. Урочное положеніе подробно указываетъ на качество работъ и количество рабочихъ на осенней и весенней оранкѣ, раленіи, бороненіи, сѣяніи, уборкѣ сѣна и

¹⁾ Тамъ же. Ч. X.

хлѣба, молотьбѣ, полотьи, перевозкѣ хлѣба и тяжестей, при подводной повинности, земляныхъ работахъ, ломкѣ камня, рубкѣ лѣса на дрова. Поденная плата опредѣлялась слѣдующимъ образомъ: день пѣшій мужской—лѣтомъ 35 к., зимою 25 к.; день воловый мужской лѣтомъ 52½ к., зимою 37½ к.; день женскій—лѣтомъ 17½ к., зимою 12½ к.

Какъ видно изъ Таврическаго положенія, мѣстные помѣщики отличались весьма консервативнымъ направленіемъ. Это ясно и изъ заявленій таврическихъ депутатовъ въ Главномъ Комитетѣ. Многія изъ нихъ мы привели выше; укажемъ и на коллективное заявленіе (въ іюнѣ 1860 г.)¹⁾ 36 членовъ второго приглашенія, въ томъ числѣ и таврическихъ, по вопросу объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянскому управленію. Въ этомъ заявленіи депутаты возставали противъ мысли объ „устройствѣ мѣстнаго самоуправленія исключительно на общинномъ началѣ, съ устраненіемъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ консервативнаго элемента личной собственности“. Они указывали на опасность замѣны крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщика не менѣе, если не болѣе тяжелой зависимостью отъ своего общества, съ произволомъ старшины или старосты и всякаго рода самоуправствомъ, безграмотнымъ волостнымъ судомъ. Депутаты представляли далѣе въ темныхъ краскахъ результаты лишенія помѣщика большей части его поземельной собственности для обезпеченія крестьянамъ полной независимости въ земледѣльческомъ отношеніи, а именно: упадокъ помѣщичьихъ хозяйствъ и развитіе антагонизма между сословіями и между помѣщиками и рабочими. а учреждаемыя сельскія общества изображали въ видѣ десяти тысячъ республикъ, враждебно настроенныхъ противъ должностныхъ лицъ. Введеніе въ жизнь „крайняго демократическаго принципа“, писали они, на основаніи отвлеченныхъ теорій, а не дѣйствительныхъ нуждъ и условій, нарушить спокойствіе и порядокъ въ государствѣ. Во всемъ этомъ проглядывала мысль объ освобожденіи крестьянъ безъ надѣла ихъ землею, т. е. о личномъ, но безземельномъ ихъ освобожденіи.

Въ концѣ 1860 года, по окончаніи трудовъ Редакціонныхъ Коммиссій и передачѣ Положенія о крестьянской реформѣ въ Главный Комитетъ, предложено было министромъ внутреннихъ дѣлъ Ланскимъ учредить въ Таврической губерніи, какъ и въ

¹⁾ Тамъ же. Ч. XII.

другихъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, особенную *Временную Коммиссію* о преобразованіи быта помѣщичьихъ крестьянъ¹⁾ изъ губернскаго предводителя дворянства, управляющаго палатой государственныхъ имуществъ, губернскаго прокурора, двухъ членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ, приглашенныхъ, по предварительному соглашенію съ губернаторомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ съ Высочайшаго соизволенія, и двухъ членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ, избранныхъ собраніемъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства, преимущественно изъ членовъ губернскаго дворянскаго комитета по устройству крестьянскаго быта. Коммиссія имѣла право при обсужденіи частныхъ вопросовъ, требующихъ ближайшихъ мѣстныхъ свѣдѣній, приглашать въ свои засѣданія, для совѣщанія и нужныхъ объясненій, опытныхъ помѣщиковъ.

Эта коммиссія первой своей задачей имѣла составить по уѣздамъ списки помѣщичьихъ селеній, съ обозначеніемъ именъ помѣщиковъ, числа ревизскихъ душъ, числа крестьянскихъ дворовъ, приходоу, къ коимъ приписаны селенія, и пр.

Насколько важными считало правительство дѣятельность этихъ коммиссій, видно изъ слѣдующихъ писемъ Новороссійскаго и Бессарабскаго генераль-губернатора графа Строганова Таврическому губернатору ген.-лейт. Жуковскому.

1) 9 января 1861 г. № 25. Совершенно секретно.

„Милостивый государь Григорій Васильевичъ. Ваше Превосходительство получили уже циркуляръ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ за № 161 и конфиденціальное письмо его же по крестьянскому дѣлу. Изъ сихъ бумагъ Вы убѣдитесь, какъ важно для благополучнаго исхода крестьянскаго дѣла избраніе лицъ въ члены Коммиссіи для распоряженій по приведенію въ дѣйствіе новыхъ положеній о крестьянахъ.

Желая содѣйствовать съ своей стороны по возможности этому великому дѣлу указаніемъ на тѣхъ лицъ, кои постоянно слѣдили за движеніемъ крестьянскаго дѣла и своею добросовѣстностью приобрѣли общую извѣстность, какъ на могущихъ занять мѣсто членовъ коммиссій, назначенныхъ съ Высочайшаго соизволенія, я считаю долгомъ обратить вниманіе Вашего Превосходительства на помѣщика Таврической губерніи Іосифа Николаевича Шатилова, и если этотъ выборъ мой Вы, какъ

¹⁾ Дѣло Таврическаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія № 1, 1861 г., объ учрежденіи временной коммиссіи по преобразованію быта помѣщичьихъ крестьянъ. На 235 листахъ.

ближайшій начальникъ, одобрите, то представьте о немъ подробныя свѣдѣнія, требуемыя г. Министромъ. Независимо сего я буду ожидать ближайшихъ Вашихъ указаній на другихъ извѣстныхъ Вамъ лицъ, которыя могли бы съ пользою занять мѣсто въ открываемыхъ губернскихъ учрежденіяхъ по крестьянскому дѣлу“. Примите и пр.

2) Конфиденціально. 13 января 1861 г. № 32.

„Милостивый Государь Григорій Васильевичъ. Ваше Превосходительство получили циркулярное предписаніе г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 7 декабря 1860 г. за № 161 и конфиденціальное письмо его же по крестьянскому дѣлу. Изъ этихъ бумагъ Вы усмотрите всю важность предназначенныхъ къ открытію Коммиссій для предварительныхъ распоряженій по введенію въ дѣйствіе новыхъ о крестьянахъ положеній. Важность эту, конечно, Вы сознаете сами; но обязанный руководить Коммиссіями во ввѣренномъ мнѣ краѣ въ великомъ ихъ трудѣ, я обращаюсь къ Вамъ со словами не въ видѣ инструкции и руководства, какъ дѣйствовать, но съ словами добраго совѣта, преподаніе котораго считаю съ своей стороны необходимымъ. Мысль о великой реформѣ готова въ скоромъ времени облечься въ законодательную форму, но это болѣе ничего, какъ законъ писанный, который при примѣненіи своемъ неминуемо долженъ будетъ встрѣтить многія и многія недоразумѣнія, скажу болѣе—столкновеніе интересовъ двухъ сословій, разъясненіе и удаленіе которыхъ будетъ лежать на святой обязанности Коммиссіи. Къ Вамъ, Милостивый Государь, обратилось Правительство съ довѣріемъ, прося указать на лица, могущія съ честью занять мѣсто членовъ Коммиссіи со стороны Правительства. Пусть выборъ Вашъ падетъ на лицо, которое, несмотря на свое состояніе и положеніе, заслуживаетъ исключительное предъ другими уваженіе какъ по своимъ способностямъ и благонамѣренности, такъ и по знанію сельскаго быта. Въ дѣлѣ выбора Вамъ остается руководствоваться не только собственнымъ убѣжденіемъ, но и прислушиваться общественному голосу, который по большей части не ошибается въ отличіи людей. Но выбрать членовъ Коммиссіи еще не значитъ кончить дѣло. Самое нелегкое будетъ Вамъ соединить всѣхъ членовъ въ одну дружную, такъ сказать, семью, которою руководила бы одна мысль, одно желаніе, одно стремленіе привести предназначенную Государемъ Императоромъ реформу къ счастливому концу. Въ этомъ случаѣ на Васъ, какъ на старшемъ изъ членовъ, лежитъ обязанность быть зве-

номъ подобнаго соединенія и устранять по возможности всѣ тѣ личности, которыя, къ несчастію, весьма часто и гибельно отзываются на дѣлахъ общественныхъ. Вамъ слѣдуетъ ярко выставить, что малѣйшее подобное столкновеніе лицъ, коимъ ввѣряется, можно сказать, судьба народа, при нынѣшнемъ положеніи нашего отечества, будетъ только доказательствомъ охлажденія къ пользѣ и славѣ своей родины. Пишу Вамъ это не потому, чтобы я сомнѣвался, что Вы и безъ меня или, лучше сказать, безъ моего напоминанія, не руководствовались этими мыслями при выборѣ лицъ въ члены вышеозначенной Коммиссіи, но потому, чтобы съ одной стороны я не ставилъ себѣ въ вину своего въ этомъ случаѣ молчанія, а съ другой,—что я не скрываю,—по нѣкоторымъ губерніямъ подобныя столкновенія дѣйствительно существуютъ. Пишите и Вы, Милостивый Государь, мнѣ какъ можно чаще и съ полною откровенностью объ успѣхѣхъ примѣненія новой реформы, и будьте увѣрены въ полномъ моемъ содѣйствіи и сочувствіи къ этому великому дѣлу. Примите“ и пр.

По предложенію графа Строганова, Жуковскій предложилъ принять званіе членовъ Коммиссіи І. Н. Шатилову, Моис. Мих. Иваненко и Евг. Ром. Вассалу, но они отказались, равно какъ Делаграматикъ, Эссенъ, отставн. ген.-лейт. П. А. Ладинскій и П. В. Давыдовъ, послѣдній условно.

Губернскій предводитель дворянства Взметневъ, съ своей стороны, указалъ слѣдующихъ лицъ: тайн. сов. А. Я. Фабра, бывшаго въ теченіе 15 лѣтъ Екатеринославскимъ губернаторомъ, Ялтинскаго уѣзднаго предводителя дворянства въ званіи камергера с. с. Серг. Павл. Галахова, подполковника Ник. Ант. Алексіано, маіора Евгенія Романовича Вассала, гвардіи шт.-ротм. Василя Павловича Попова, гвардіи пор. Петра Васильевича Давыдова, губ. секр. Іосифа Ник. Шатилова и поручика Тарасія Данил. Дульветова, изъ которыхъ Вассалъ, Давыдовъ, Шатиловъ и Дульветовъ участвовали въ трудахъ дворянскаго комитета. Изъ нихъ, кромѣ отказавшихся раньше, отказался и Галаховъ, бывшій въ Одессѣ и тамъ заболѣвшій.

Собраніе предводителей дворянства 25 января избрало семь лицъ кандидатами въ званіе членовъ Коммиссіи по преобразованію быта помѣщичьихъ крестьянъ: В. П. Попова, Н. А. Алексіано, отст. вице-адм. Конст. Синодин. Кутрова, колл. секр. М. М. Иваненка, Т. Д. Дульветова, гвардіи пор. Рудзевича и шт.-ротм. Ореста Браамса. Изъ нихъ окончательно из-

браны были подполк. Николай Антоновичъ Алексіано и вице-адм. Конст. Синодин. Кутровъ.

Что касается лицъ по назначенію правительства, то губернаторъ особенно рекомендовалъ Фабра и Галахова, а за отказомъ послѣдняго Дульветова. Престарѣлый Фабръ сначала отказался и писалъ Жуковскому 8 января 1861 г.

„Въ самомъ живомъ и искреннемъ сочувствіи недостатка во мнѣ нѣтъ.

Ни крестьянъ, ни дворовыхъ людей вовсе у меня не имѣется; но вотъ препятствія:

1. Прослуживъ Государю и Отечеству 53 года, изъ которыхъ 50 лѣтъ офицеромъ на дѣйствительной службѣ, я до того устарѣлъ и изнемогъ, что не признаю себя болѣе способнымъ ни къ какому дѣлу, а тѣмъ паче къ тому важному, на которое Ваше Превосходительство приглашать меня изволите.

2. По тяжкимъ недугамъ, постигающимъ меня часто неожиданно, я не могу ручаться, что явлюсь на совѣщаніе всякой разъ, когда буду къ тому приглашенъ.

3. Кромѣ одного нравственнаго участія въ совѣщаніяхъ, т. е. передачѣ моихъ мыслей, основанныхъ на теплой любви къ отечеству, безпредѣльной преданности къ Престолу и чистой совѣсти,—я никакого другого труда и дѣйствія, въ особенности же редакцій и писанья, ни подъ какимъ видомъ принять на себя также не въ силахъ, по слабости зрѣнія и приливамъ крови къ головѣ.

4. По извѣстнымъ, исключительнымъ обстоятельствамъ края, я никакъ не могу отвлечь себя отъ хозяйственныхъ занятій, коими руковожу лично, по неимѣнію на кого положиться.

5. По строгому приказанію медиковъ, я, для поддержанія собственно уже не здоровья, давно невозвратно потеряннаго, а остатковъ угасающей жизни, долженъ каждое лѣто отлучаться на 6 или 8 недѣль къ морскимъ купаньямъ въ Одессу, или на южный берегъ Крыма“.

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Ланской, съ своей стороны, приглашалъ Фабра и Давыдова.

Фабръ, получивъ приглашеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ, согласился принять званіе члена Коммиссіи и писалъ Жуковскому 11 марта 1861 г.

„М. Г. Григорій Васильевичъ. Получивъ приглашеніе Господина Министра Внутреннихъ Дѣлъ, основанное на Высо-

чайшей волѣ Государя Императора, принять на себя — если только обстоятельства мнѣ позволят — должность члена Таврической Временной Коммисіи по предстоящему приведенію въ дѣйствіе положенія о крестьянахъ, я имѣлъ честь довести до свѣдѣнія Его Высокопревосходительства, что несмотря на преклонныя мои лѣта и разстроенное здоровье — слѣдствіе долговременной службы моей Государю и Отечеству — я поставляю себѣ въ счастье посвятить, по возможности, и послѣднія мои силы участію въ занятіяхъ означенной Коммисіи, о чемъ, согласно требованію господина Министра, и имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство. При семъ долгомъ считаю присовокупить, что къ крайнему моему прискорбію, пользующіе меня врачи продолжаютъ признавать для меня необходимымъ пользованіе одесскими лиманскими ваннами, что, съ наступленіемъ лѣта, и потребуетъ моей туда поѣздки, о которой я имѣлъ честь Васъ уже предварить“.

Петръ Васильевичъ Давыдовъ 23 марта 1861 г. писалъ Жуковскому, что хотя онъ, по разстроенному здоровью, отказался принять званіе члена Коммисіи, „но, считая священною обязанностію всякаго вѣрноподданнаго по мѣрѣ силъ и способностей содѣйствовать къ успѣху столь важнаго для отечества дѣла, предоставляетъ себя въ распоряженіе правительства, на случай, если бы встрѣтилась надобность по какимъ нибудь обстоятельствамъ замѣстить кого-либо изъ членовъ, входящихъ въ составъ означенной временной Коммисіи“.

Назначены были членами отъ правительства Фабръ и, вмѣсто отказавшагося ранѣе Давыдова, Дульветовъ.

Высочайшій Манифестъ 19 февраля 1861 г. былъ объявленъ 5 марта въ Петербургѣ и Москвѣ. Вскорѣ послѣ этого губернаторъ получилъ увѣдомленіе, что манифестъ будетъ доставленъ, для опубликованія въ Таврической губерніи, флигель-адъютантомъ графомъ Бобринскимъ, и 11 марта просилъ губернскаго предводителя дворянства о немедленномъ приглашеніи въ Симферополь избранныхъ дворянами членовъ во Временную Коммисію по крестьянскому дѣлу¹⁾.

Гр. Бобринскій пріѣхалъ въ Симферополь 15-го марта, а 16-го, въ четвергъ, на второй недѣлѣ великаго поста, по приглашенію губернатора съ таврическимъ епископомъ Алексіемъ,

¹⁾ Дѣло Таврическаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, № 4. 1861 г. О обнародованіи Высочайшаго манифеста 19 февраля 1861 г. На 473 листахъ.

который въ то же время получилъ соотвѣтственный указъ Св. Синода, въ 11 час. дня, по окончаніи великопостной службы, Высочайшій манифестъ былъ прочтенъ въ кафедральномъ соборѣ, послѣ чего совершенно было преосвященнымъ Таврическимъ соборное, со всѣмъ городскимъ духовенствомъ, молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Затѣмъ городское духовенство отправилось по своимъ церквамъ, гдѣ въ 12 час. каждый причтъ въ мѣстной церкви, по прочтеніи манифеста, совершилъ молебствіе. Въ то же время манифестъ былъ прочтенъ въ армяно-григоріанской и римско-католической церкви и разосланъ по губерніи для опубликованія по всѣмъ городамъ, приходамъ, селамъ, помѣщичьимъ имѣніямъ, синагогамъ, мечетямъ и пр.

Епископъ Алексій, кромѣ предписанія о совершеніи молебствія по объявленіи манифеста, разослалъ слѣдующее „Окружное наставленіе причтамъ Таврической епархіи“.

„Благочестивѣйшій Государь Императоръ въ отеческой заботѣ о благѣ своихъ подданныхъ, манифестомъ 19 февраля сего 1861 года приводитъ въ исполненіе мысль объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, занимавшую предшествующихъ Императоровъ, но которую, по благимъ судьбамъ Божиимъ, назначено довершить Ему. При этомъ случаѣ на духовенствѣ лежитъ священная обязанность, по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, оказывать полное и всецѣлое содѣйствіе къ тому, чтобы эта благая мысль при введеніи въ исполненіе не была превратно понята и истолкована: 1) При введеніи въ дѣйствіе новыхъ постановленій, касающихся цѣлыхъ сословій въ государствѣ, нерѣдко случается, что они не всѣми принимаются съ должнымъ расположеніемъ, чему причиною могутъ быть иногда недоразумѣнія, иногда неправильныя внушенія отъ людей, управляемыхъ своими частными видами. Каждый вѣрноподданный, особенно достигшій нѣкоторой степени образованности, когда встрѣчается съ случаемъ сего рода, обязанъ по мѣрѣ возможности споспѣшествовать прекращенію недоразумѣнія, ослабленію неправильнаго внушенія, уменьшенію и преодоленію затрудненій. Въ исполненіи сей общей обязанности безъ сомнѣнія должны принять по мѣрѣ возможности участіе сельскіе приходскіе священники, по самому служенію своему состоящіе въ близкихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ. 2) Всегдашняя обязанность священниковъ есть, между прочимъ, поучать прихожанъ, чтобы они соблюдали вѣрность Государю и повиновеніе начальствамъ, отъ Него поставленнымъ, чтобы неуклонно и

добросовѣстно исполняли законныя повинности и платили опредѣленныя подати и наложенные или условленные оброки. Такими наставленіями должны сельскіе приходскіе священники дѣйствовать и въ настоящихъ обстоятельствахъ, какъ въ церковныхъ поученіяхъ, такъ и въ домашнихъ собесѣдованіяхъ, при открывающихся къ тому случаяхъ. 3) Нѣтъ нужды и не должно давать сему дѣйствованію такой видъ, какъ бы священники особенно были назначены отъ правительства дѣйствовать въ настоящихъ обстоятельствахъ. Они должны исполнять свою обыкновенную обязанность учить прихожанъ сколько благочестію, столько же и добрымъ дѣламъ какъ въ нравственномъ, такъ и въ гражданскомъ отношеніи; но ученіе общее должно примѣнять, какъ благоразуміе требуетъ и всегда, къ особеннымъ открывающимся случаямъ и обстоятельствамъ. 4) Должно изъяснить крестьянамъ, что новое о нихъ постановленіе есть плодъ отеческаго о нихъ попеченія Государя Императора, который желаетъ возвысить ихъ благосостояніе, и Его довѣрія къ ихъ благоразумію, что они трудъ и при новомъ положеніи употребятъ для своей и общей пользы. Посему они должны войти въ свое положеніе съ благодарностью и съ ревностнымъ желаніемъ оправдать попеченіе и надежду Государя. 5) Надлежитъ изъяснять, что свобода не въ томъ состоятъ, чтобы поступали по неограниченному произволу, при чемъ не могло бы стоять никакое общество, но въ томъ, чтобы избирать и дѣлать добрыя и полезныя дѣла въ предѣлахъ, поставленныхъ закономъ. Когда Государь восхотѣлъ даровать крестьянамъ новыя права и льготы, тогда онъ, внимая закону справедливости и своей отеческой любви ко всѣмъ вѣрноподаннымъ, не могъ не позаботиться и о томъ, чтобы охранено было благосостояніе помѣщиковъ. 6) Такія вразумленія и объясненія, когда нужно, священникъ долженъ предлагать прихожанамъ, какъ свои размышленія и совѣты, которые предлагать побуждаетъ его доброжелательство къ нимъ и попеченіе объ ихъ благѣ и спокойствіи. 7) Причетникамъ отъ священника должно быть сдѣлано двоякое вразумленіе: во первыхъ, чтобы они, слыша разсужденія о новыхъ постановленіяхъ для крестьянъ, не вмѣшивались въ оныя изъясненіемъ своихъ мнѣній, такъ какъ, по недостаточному пониманію дѣла, они могутъ пристать къ ложнымъ мнѣніямъ другихъ, или другимъ сообщить свои погрѣшительныя мнѣнія, отъ чего могутъ произойти дурныя послѣдствія; во-вторыхъ, чтобы они, если услышатъ между крестьянами толки, неблагопріятныя дѣлу и общему спо-

койствію, немедленно и вѣрно доводили о томъ до свѣдѣнія священника. 8) Все сказанное здѣсь дѣйствование приходскаго духовенства должно происходить съ необходимою въ подобномъ случаѣ тихостью и скромностью" ¹⁾).

26 марта было открыто Таврическое губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, подѣ председательствомъ губернатора Жуковскаго въ слѣд. составѣ: губернский предводитель дворянства ст. сов. Взметневъ, и. д. управляющаго палатой Государств. имущ. надв. сов. Шоттъ, и. д. Таврич. губ. прокурора Кононовъ, члены Фабръ и Дульветовъ, Курловъ и Алексіано. Секретарь тит. сов. Домбровскій.

Въ этомъ засѣданіи губернскаго присутствія 26 марта было сдѣлано постановленіе объ образованіи мировыхъ участковъ, избраніи мировыхъ посредниковъ и составленіи проекта распредѣленія селеній на волости ²⁾).

30 марта Жуковскій доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ и Новороссійскому генераль-губернатору, что манифестъ въ Таврической губерніи опубликованъ, и нигдѣ безпорядковъ не было.

Въ Таврической губерніи вышло изъ крѣпостного состоянія весьма немного людей, именно вмѣстѣ съ дворовыми людьми до 21,000 душъ муж. пола, при чемъ на полуостровъ падало до 5,000 душъ. Всѣхъ вообще помѣщичьихъ имѣній, населенныхъ временно обязанными крестьянами и подлежащихъ дѣйствію положенія 19 февраля объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей, было въ Таврической губерніи 219, при 186 владѣльцахъ. Кромѣ того было 2 мелкопомѣстныхъ владѣльца. Число крестьянъ было 17532 д. м. п. и число дворовыхъ людей, приписанныхъ къ недвижимымъ имѣніямъ, было, по 10-й переписи 2795 д. ³⁾).

За увольненіемъ безъ земли и за включеніемъ въ число крестьянъ, для надѣла землею, тѣхъ изъ нихъ, которые имѣли на это право, къ 1 сентября 1862 г. оставалось 2036 д. дворовыхъ.

Серьезныя заботы Губернскаго Присутствія вызвалъ вопросъ о назначеніи *мировыхъ посредниковъ*, которымъ, по положенію,

¹⁾ Дѣло Таврической Духовной Консисторіи 1861 г. № 52. О дарованіи крѣпостнымъ людямъ правъ состоянія.

²⁾ Дѣло 1862 г. № 103. О мировыхъ посредникахъ, мировыхъ сѣздахъ и членахъ отъ правительства въ нихъ. На 356 листахъ.

³⁾ Дѣло Таврическаго губернскаго по крестьянск. дѣламъ присутствія, 1861 г. № 21 о доставленіи свѣдѣній о двор. выхъ людяхъ. На 224 листахъ.

поручалось важное дѣло примиренія интересовъ двухъ сословій¹⁾. По указаніямъ правительства, надо было привлечь на эти должности „людей образованныхъ, безпристрастныхъ и искренно преданныхъ святому дѣлу, предпринятому Государемъ“, которые могли бы внушить къ себѣ полное довѣріе крестьянъ, и были извѣстны своимъ сочувствіемъ къ преобразованію и хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами. Далѣе, надо было найти людей, достойныхъ по личнымъ качествамъ и имѣющихъ юридическое образованіе для замѣщенія должностей членовъ отъ правительства въ уѣздныхъ мировыхъ съѣздахъ. Но лицъ, удовлетворявшихъ всѣмъ этимъ требованіямъ, мало было въ Таврической губерніи.

Помѣщики-мурзы Симферопольскаго уѣзда, владѣя пустопорожными землями или заселенными людьми свободныхъ сословій и не имѣвъ никогда никакихъ правъ и отношеній къ крестьянамъ, находившимся въ крѣпостномъ состояніи, считали для себя необязательнымъ входить въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, относящихся къ крестьянскому дѣлу, и просили уволить ихъ отъ участія въ сужденіяхъ по сему предмету и отъ избранія ихъ въ должность мировыхъ посредниковъ, а принадлежащія мурзамъ имѣнія не вносить въ составъ волостей и мировыхъ участковъ, освободивъ при томъ имѣнія ихъ отъ всякихъ расходовъ на содержаніе губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений. Подобнаго рода ходатайство заявлено было и русскими дворянами Симферопольскаго уѣзда, владѣющими незаселенными землями. Ходатайства эти были уважены.

Всѣ ходатайства губернатора объ утвержденіи избранныхъ въ уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ кандидатовъ въ мировые посредники и раздѣленіи уѣздовъ на мировые участки были уважены, и составъ губернскаго и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій Таврической губерніи опредѣлился слѣдующимъ образомъ.

Составъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія приведенъ выше.

¹⁾ Дѣло Таврическаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія 1861 г. № 8, О мировыхъ посредникахъ. На 469 листахъ. Дѣло № 71. О доставленіи свѣдѣній о составѣ губернскаго и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій 1861 г. На 150 листахъ. Дѣло 1862 г. № 103. О мировыхъ посредникахъ, мировыхъ съѣздахъ и пр. На 356 листахъ.

Уѣздныя мировыя учрежденія.

Въ Симферопольскомъ уѣздѣ.

Симферопольскій уѣздъ соединенъ съ Евпаторійскимъ въ одинъ мировой съѣздъ, и каждый изъ уѣздныхъ предводителей предсѣдательствуетъ при слушаніи дѣлъ своего уѣзда.

Предсѣдатель мирового съѣзда, уѣздный предводитель дворянства отст. ротмистръ Аристидъ Θεодосіевичъ Ревеліоти.

Мировые посредники: 1-го участка шт.-ротм. Орестъ Александровичъ Браамсъ. Кандидаты: маіоръ Эдуардъ Августовичъ Бракеръ и личн. двор. надв. сов. Θεодоръ Захарьевичъ Тодоровъ.

2-го участка: Подполковникъ Николай Трофимовичъ Щербина. Кандидаты: тит. сов. Сергѣй Ивановичъ Генкель и губ. секр. Иванъ Александровичъ Качони.

Въ Евпаторійскомъ уѣздѣ.

Предсѣдатель мирового съѣзда уѣздный предводитель дворянства губ. секр. князь Меметь бей Балатуковъ.

Мировой посредникъ для цѣлаго уѣзда тит. сов. Петръ Петровичъ Войналовичъ. Кандидаты: колл. асс. Александръ Даниловичъ Маценко и поручикъ Петръ Лаврентьевичъ Августинovichъ.

Въ Θεодосійскомъ уѣздѣ.

Предсѣдатель мирового съѣзда, уѣздный предводитель дворянства гв.-поручикъ Михаилъ Александровичъ Рудзевичъ.

Мировые посредники: 1-го участка: губ. секр. Левъ Николаевичъ Зотовъ. Кандидатъ: Александръ Степановичъ Нотара.

2-го участка: шт.-кап. Иванъ Ивановичъ Котляревскій. Кандидаты: губ. секр. Александръ Антоновичъ Коронелль и тит. сов. Θεодоръ Степановичъ Безкровный.

Въ Перекопскомъ уѣздѣ.

Перекопскій уѣздъ соединенъ съ Днѣпровскимъ въ одинъ мировой съѣздъ, и каждый изъ уѣздныхъ предводителей предсѣдательствуетъ при слушаніи дѣлъ своего уѣзда.

Предсѣдатель мирового съѣзда, уѣздный предводитель дворянства поруч. Спир. Харламп. Лампси. Мировой посредникъ для цѣлаго уѣзда колл. асс. Дм. Лавр. Крадиновъ. Кандидатъ: колл. асс. Петръ Θεодоровичъ Тимченко-Ярещенко.

Въ Дніпровскомъ уѣздѣ.

Предсѣдатель мирового съѣзда, уѣздный предводитель дворянства корнетъ Левъ Николаевичъ Овсяннико-Куликовскій.

Мировые посредники: 1-го участка: колл. секр. Владиміръ Алекс. Караводинъ. Кандидатъ шт.-кап. Алекс. Пант. Нешковичъ.

2-го участка: кап. артилл. Зах. Зах. Самойловичъ. Кандидатъ колл. секр. Мих. Петр. Фурсенко.

3-го участка: шт.-кап. Іосифъ Григ. Радчевскій. Кандидатъ: шт.-кап. Аѳанасій Шумаковъ.

Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ.

Мелитопольскій и Бердянскій уѣзды были соединены въ одинъ мировой съѣздъ, и предводитель дворянства для этихъ уѣздовъ былъ одинъ.

Предсѣдатель мирового съѣзда, предводитель дворянства колл. секр. Мойсей Мих. Иваненко.

Мировые посредники: 1-го участка: шт.-ротм. Вас. Павл. Поповъ.

2-го участка: надв. сов. Ѳед. Вас. Эссенъ. Канд. Януарій Давыдовичъ Рыковъ.

3-го участка: и. д. колл. асс. Порф. Мих. Ясниковскій. Онъ же кандидатъ 1-го участка.

Въ Бердянскомъ уѣздѣ.

Мировой посредникъ для цѣлаго уѣзда агрономъ Александръ Павловичъ Товбичъ.

Въ Ялтинскомъ уѣздѣ.

По незначительности числа крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости на правахъ дворовыхъ людей, обязанности мирового посредника возложены были на уѣзднаго предводителя дворянства д. с. с. камерг. Серг. Павл. Галахова.

Членами отъ правительства въ уѣздныхъ мировыхъ съѣздахъ были назначены: 1) для Симферопольскаго, Евпаторійскаго и Ѳеодосійскаго колл. секр. Левъ Егоровичъ фонъ-Гельфрейхъ; 2) для Перекопскаго, Днѣпровскаго, Мелитопольскаго и Бердянскаго маіоръ Ник. Евст. Бѣловодскій.

Всѣ эти лица были Высочайше утверждены 14 мая 1861 г.

Мировой съѣздъ для Днѣпровскаго и Перекопскаго уѣздовъ назначенъ былъ сначала въ Перекопѣ, потомъ переведенъ былъ

въ с. Б. Маячку. Для Мелитопольскаго и Бердянскаго уѣздовъ сѣздъ назначенъ въ Мелитополь, для Симферопольскаго, Евпаторійскаго и Феодосійскаго уѣзда въ Симферополь. Затѣмъ, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, Феодосійскій уѣздъ выдѣленъ, и въ немъ образованъ особый мировой сѣздъ.

Мы уже указывали, что внезапный и быстрый выходъ за границу татаръ послѣ Крымской войны тяжело отразился на хозяйствѣ помѣщиковъ Таврической губерніи. Это вызвало дороговизну рабочихъ рукъ и повсемѣстный застой въ сбытѣ сельскихъ произведеній. На полуостровѣ 5000 крестьянъ и дворовыхъ людей разбросаны были крайне неравномѣрно на протяженіи 364,000 десятинъ. Были имѣнія, въ которыхъ на 29,000 десятинъ жило 4 души крестьянъ и 17 дворовыхъ. Эти обстоятельства вызвали ходатайство дворянъ Феодосійскаго уѣзда объ облегченіи ихъ въ содержаніи губернскаго и уѣздныхъ присутствій—облегченіемъ въ подесятинной раскладкѣ или уменьшеніемъ жалованья членовъ губернскаго присутствія до 1000 руб.

Всѣ лица, избранныя въ мировые посредники, оказались на высотѣ своего положенія. людьми безпристрастными и вполне понимавшими важность своей задачи. Не будетъ излишнимъ привести здѣсь письмо одного изъ нихъ, именно А. П. Товбича, къ Мелитопольскому предводителю дворянства М. М. Иваненкѣ, предложившему ему постъ мирового посредника, отъ 18 мая 1861 г., пересланное послѣднимъ губернатору Жуковскому для характеристики Товбича.

„М. Г. Мосѣй Михалычъ. Письмо Ваше отъ 7-го мая, за которое сердечно благодарю Васъ, и озадачило меня и порадовало въ свою очередь. Живя 5 лѣтъ въ скромномъ, уединенномъ кругу частныхъ, собственныхъ интересовъ и видя въ общественной дѣятельности въ отношеніи къ собственному лицу многое неудобное и несподручное для себя, я пересталъ и мечтать о ней и, казалось, навѣки счумѣлъ уgomонить въ себѣ чистѣйшіе, благороднѣйшіе порывы юноши-гражданина, готоваго съ самоотверженіемъ принести себя на алтарь общественной пользы, а потому вполне былъ удовлетворенъ, состоя по сіе время попечителемъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ въ Александровскомъ уѣздѣ. Настоящее—лучшее время, которое улыбается всякому честному человѣку, которое прежде всего старается подать помощь всѣмъ угнетеннымъ и уничтожить коренныя, законныя злоупотребленія, дѣйствуетъ и на меня, какъ на всѣхъ, животворно. Не менѣе другихъ радуюсь добросовѣстнымъ реформамъ нашего Правительства и съ боль-

шимъ вниманіемъ слѣжу за всякимъ шагомъ нашего общества по пути его новой жизни. Тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ, по многимъ причинамъ, я далекъ былъ отъ мысли въ свою очередь принять участіе въ современной общественной дѣятельности, или по крайней мѣрѣ самъ отъ себя никогда бы не высказалъ подобнаго желанія, если бы оно и развилось вполнѣ. Теперь же, когда мимо моихъ стараній, судьбамъ угодно поставить меня на новое поприще, доблестное и исполненное общаго интереса, я не противорѣчу, охотно ожидаю своего назначенія въ должность и искренно готовъ, по мѣрѣ силъ своихъ, служить общему дѣлу обновленія.

При этомъ, благодарю Васъ, многоуважаемый Мосѣй Михалычъ, и за добрую память обо мнѣ, и за Ваше мнѣніе, которое лестно для меня и всегда будетъ дорого. Въ свою очередь поздравляю и Васъ съ должностью дворянскаго предводителя и душевно радуюсь, что и Вы согласились выступить на офиціальное поприще и не уклонились отъ участія въ настоящихъ общественныхъ дѣлахъ, которымъ всякій честный гражданинъ долженъ желать благополучнаго и счастливаго разрѣшенія. Примите и пр.“.

Мировые посредники вступили въ отправленіе своихъ должностей 21 мая. Въ теченіе іюня—августа открыты были дѣйствія общественнаго крестьянскаго управленія и мировыхъ учреждений. Симферопольскій мировой съѣздъ былъ открытъ 4 іюня 1861 г., а затѣмъ вскорѣ и остальные.

Еще до утвержденія состава мировыхъ съѣздовъ, согласно именному Высочайшему указу 19 февраля, по обнародованіи положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ каждомъ уѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства, составлены были особыя комиссіи изъ земскаго исправника и одного изъ помѣщиковъ по приглашенію губернатора для составленія проекта *распредѣленія селеній на волости*, при участіи землемѣра. Губернаторъ предложилъ въ эти комиссіи слѣдующихъ лицъ: въ Симферопольскомъ уѣздѣ шт.-ротм. Ксеноф. Ревеліоти, а за отказомъ его шт.-ротм. Браамса, въ Феодосійскомъ—Котляревскаго, въ Мелитопольскомъ—Иваненка, въ Перекопскомъ—Мирнова, въ Ялтинскомъ—Ашера, въ Евпаторійскомъ—Войналовича.

Комиссія раздѣлила уѣзды на волости и сельскія общества слѣдующимъ образомъ. Въ Перекопскомъ уѣздѣ образована 1 волость и 3 общества, въ Симферопольскомъ 2 волости и 12 обществъ, въ Бердянскомъ 1 волость и 3 общества, въ

Мелитопольскомъ 6 волостей и 29 обществъ, въ Днѣпровскомъ 7 волостей и 34 общества, въ Евпаторійскомъ 2 волости и 4 общества, въ Феодосійскомъ 3 волости и 9 обществъ. Всего изъ временно-обязанныхъ крестьянъ образовано было 22 волости и 93 сельскихъ общества. Въ 1862 г. Насыпкой-ская и Бешкурткинская волости Феодосійскаго уѣзда соединены въ одну. По увольненіи же безземельныхъ крестьянъ отъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцамъ, составилось всего въ 1863 г. 88 сельскихъ обществъ. Незначительность и разбросанность крестьянскаго населенія на полуостровѣ сильно затрудняли правильное образованіе сельскихъ обществъ и волостей и заставили отступать отъ закона, по которому наименьшее число жителей для волости полагалось около трехъ сотъ ревизскихъ душъ мужескаго пола.

Первое сельское общество открыто было 1 іюня въ Симферопольскомъ уѣздѣ, въ имѣніяхъ гр. Толстой въ Н. Баяутѣ и Н. Чембаѣ и ст. сов. Взметнева Анновкѣ, гдѣ тогда же, подъ руководствомъ мирового посредника, сельскіе сходы избрали старостъ, кандидатовъ къ нимъ и понятыхъ; 2 іюля открыта Саблынская волость и входящія въ составъ ея сельскія общества, и избраны должностныя лица. Въ этомъ же мѣсяцѣ были открыты волости въ Феодосійскомъ и Днѣпровскомъ уѣздахъ, а затѣмъ и остальные.

Временно-обязанные крестьяне гр. Мордвиновыхъ, д. Черненькой 2-го уч. Днѣпровскаго уѣзда, на сельскомъ сходѣ 19 іюля 1861 г., при избраніи должностныхъ лицъ, чтобы ознаменовать этотъ день достойнымъ образомъ и передать память о немъ своему потомству, согласились сдѣлать денежную раскладку для построенія церкви и открыть сельскую школу¹⁾.

Въ началѣ занятій Таврической комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ членъ ея т. с. А. Я. Фабръ подалъ записку о необходимости привести въ извѣстность и рассмотреть дѣла по жалобамъ крестьянъ и дворовыхъ людей на помѣщиковъ за злоупотребленія властью послѣднихъ, начавшіяся до освобожденія крестьянъ и еще не рѣшенныя. Губернское присутствіе запросило уѣздные и земскіе суды, городничихъ и исправниковъ, уголовную и гражданскую палату и просило о доставленіи ему именныхъ списковъ всѣмъ дѣламъ, какія въ ихъ вѣдомствѣ производились по жалобамъ крестьянъ на помѣ-

¹⁾ Дѣло Таврическаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія № 10: О составленіи проекта распредѣленія селеній на волости. На 744 листахъ.

щиковъ, принятымъ къ производству, на основаніи свода законовъ, до изданія положенія 19 февраля. Оказалось, что такихъ дѣлъ въ Таврической палатѣ уголовного суда было 6, въ Таврической палатѣ гражданского суда 31 дѣло, въ Бердянскомъ уѣздномъ судѣ 2 дѣла и Ялтинскомъ 6 дѣлъ, въ Евпаторійскомъ 3 дѣла и Симферопольскомъ 63 дѣла. Въ другихъ учрежденіяхъ такихъ дѣлъ не было. Между прочимъ симферопольскій уѣздный предводитель дворянства сообщилъ губернскому присутствію, что нѣкоторые изъ дворовыхъ людей, принося ему жалобы на жестокое обращеніе съ ними владѣльцевъ, объявляли, что они ни подъ какимъ видомъ, изъ страха наказанія ихъ владѣльцами за жалобу, не хотятъ возвращаться къ владѣльцамъ до разбора ихъ жалобъ, и просилъ указать, какъ поступить съ подобными крестьянами, т. е. гдѣ они должны находиться до рѣшенія дѣла. Губернское присутствіе указало придерживаться общаго закона о мѣрахъ, принимаемыхъ къ предупрежденію и пресѣченію злоупотребленій помѣщичьей властью¹).

Крестьянская реформа встрѣчена была населеніемъ Таврической губерніи въ общемъ спокойно. Неповиновеніе оказано было только въ одной мѣстности Мелитопольскаго уѣзда. По слѣдствію обнаруженія Высочайшаго манифеста о дарованіи помѣщичьимъ крестьянамъ правъ состоянія свободныхъ сельскихъ обывателей въ имѣніи графа Толстого Анновкѣ, крестьяне, въ числѣ которыхъ были и крестьяне помѣщика Бутурлина, обратились къ объявлявшему манифестъ старшему чиновнику особыхъ порученій колл. асс. Волошкевичу 2-му и бывшему тутъ мелитопольскому земскому исправнику Толстоногову съ просьбою объ освобожденіи ихъ отъ урочной работы на барщинѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, назначенныхъ по манифесту на отбываніе тѣхъ повинностей, при коихъ они состояли, объясняя, что работы эти слишкомъ обременительны и разорительны для нихъ. По словамъ крестьянъ помѣщика Бутурлина, Екатериновской экономіи, они еще болѣе, чѣмъ Анновцы, терпѣли стѣсненій отъ урочныхъ работъ. Судя по ропоту и волненію, плохо скрывавшемуся простымъ народомъ при этой просьбѣ, было ясно, что они не только недовольны, но даже озлоблены противъ настоящаго управленія помѣщиковъ и могли легко

¹) Дѣло Таврическаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія 1861 г. № 42: О дѣлахъ по жалобамъ крестьянъ и дворовыхъ людей на помѣщиковъ за злоупотребленія властью послѣднихъ. На 104 листахъ.

обнаружить неповиновение. Предложивъ управляющимъ передать объ этой просьбѣ помѣщикамъ и объявивъ крестьянамъ, чтобы они оставались въ полномъ повиновеніи распоряженіямъ экономіи, Волошкевичъ 27 марта 1861 г. донесъ объ этомъ губернатору. Но волненіе крестьянъ не улеглось. 4 апрѣля депешей увѣдомилъ губернатора о возмущеніи крестьянъ дер. Бутурлина Екатериновки флигель-адъютантъ графъ Бобринскій. Въ то же время мелитопольскій предводитель дворянства сообщалъ губернатору, что при внушеніи собраннымъ крестьянамъ, чтобы они не нарушали спокойствія и выполняли помѣщику и экономіи безотговорочно всѣ барщинныя урочныя работы такъ, какъ повелѣно Высочайшимъ манифестомъ 19 февраля, не вдаваясь ни въ какіе ложные толки, они всѣ отозвались, что не хотятъ никому вѣрить и барщины работать до тѣхъ поръ не будутъ, пока не объявятъ имъ, что они должны работать на помѣщика только одинъ день въ недѣлю. При распросѣ о томъ, какая причина побуждаетъ ихъ на это упорство, они объявили, что слухи объ однодневной барщинѣ передали имъ проходящіе солдаты и въ особенности нѣмцы-колонисты. Эта ссылка отчасти подтвердилась тѣмъ, что земскій исправникъ, прибывши въ Екатериновку, засталъ тамъ колониста, который явился туда для найма рабочихъ, и на него крестьяне указали, что онъ передалъ имъ ложные слухи о манифестѣ. Исправникъ арестовалъ его и отправилъ въ Мелитополь. Крестьяне помѣщицы графини Толстой, села Анновки и деревень Михайловки и Елисаветовки, также отказавшіеся отъ барщинной работы, пришли, сообщалъ предводитель дворянства, въ совершенное повиновение и всѣ работы стали исполнять безотговорочно. Въ остальныхъ экономіяхъ вездѣ было покойно, и хотя управляющій Маячковской экономіей ум. помѣщика Гранобарскаго и довелъ до свѣдѣнія предводителя, что крестьяне этой экономіи также начали неохотно являться на господскія работы, но это обстоятельство не было еще провѣрено.

Губернаторъ распорядился произвести строгое слѣдствіе о показаніи, сдѣланномъ на арестованнаго колониста, при депутатѣ отъ колоніальнаго вѣдомства, а зрителямъ колоній предложено было строжайше внушить колонистамъ не входить въ толкованія о томъ, въ какихъ отношеніяхъ остаются крестьяне къ своимъ помѣщикамъ, и не вводить ихъ въ заблужденіе ложнымъ и неправильнымъ объясненіемъ созданныхъ положеній, такъ какъ колонисты и сами не имѣютъ понятія объ этомъ

предметъ. Въ то же время земскимъ полиціямъ было предложено имѣть тщательное наблюденіе, чтобы не были распространяемы, по невѣжеству или злему умыслу, между помѣщичьими крестьянами ложные толки, которые могли бы нарушить спокойствіе и порядокъ въ имѣніяхъ отъ послушанія и неповиновенія крестьянъ въ отбываніи повинностей и работъ, — особенно въ шинкахъ и заѣзжихъ домахъ.

На мѣсто происшествія немедленно отправился графъ Бобринскій, а губернаторъ доносилъ подробно обо всемъ телеграммой министру внутреннихъ дѣлъ.

Въ имѣніи графа Толстого числилось 527 душъ м. п. Крестьяне въ продолженіе цѣлой недѣли отказывались выходить на барщинныя работы, основываясь на томъ, что въ Положеніи будто бы опредѣлено работать 40 дней въ теченіе года мужчинамъ и 30 женщинамъ, а не по 3 и по 2 дня въ недѣлю, какъ было на самомъ дѣлѣ опредѣлено на первые два года по введеніи Положенія. Объясненія земскаго исправника и священника, что сорокадневная повинность въ пользу владѣльца должна начаться со времени утвержденія уставныхъ грамотъ, не принесли пользы: подстрекаемые сосѣдними крестьянами имѣнія Бутурлина, крестьяне гр. Толстого продолжали упорствовать. Но явившагося передъ ними флигель-адъютанта гр. Бобринскаго они встрѣтили на колѣняхъ и изъявили полную покорность. Крестьяне графа Толстого, переселенные въ Таврическую губ. въ разное время изъ губерній Тульской, Харьковской, Херсонской и Екатеринославской, отбывали 3-хъ-дневную барщину съ тягла и кромѣ того нѣкоторыя сгонныя и добавочныя работы, пользуясь землею въ неограниченномъ количествѣ и живя въ совершенномъ довольствѣ. Безъ примѣра крестьянъ Бутурлина, они никогда не вышли бы изъ повиновенія. Убѣжденные гр. Бобринскимъ въ своихъ заблужденіяхъ, крестьяне имѣнія гр. Толстого на другой же день отправились на экономическія работы, и потому гр. Бобринскій вмѣстѣ съ предводителемъ дворянства немедленно отправился въ имѣніе Бутурлина.

Въ этомъ имѣніи, находившемся въ 6 верстахъ отъ имѣнія гр. Толстого, по 10-й народной переписи числилось 540 душъ мужеск. пола. Крестьяне почти со дня объявленія Высочайшаго манифеста не выходили на барщинныя работы, не слушались понужденія земской полиціи, разсылали нарочныхъ по сосѣднимъ имѣніямъ убѣждать крестьянъ послѣдовать ихъ примѣру, хотя и не предпринимали ничего предосудительнаго ни

противъ личности управляющихъ ни противъ господскаго имущества. Убѣжденія гр. Бобринскаго и уѣзднаго предводителя дворянства обратиться къ исполненію своихъ обязанностей въ отношеніи владѣльца не имѣли благопріятныхъ послѣдствій: крестьяне на всѣ убѣжденія отвѣчали, что ихъ обманываютъ, что имъ объявили не настоящій манифестъ, ссылаясь на рассказы проходившихъ чрезъ имѣніе людей, которые говорили имъ, будто-бы, по положенію, слѣдуетъ имъ работать всего сорокъ дней въ продолженіе года, что они согласны работать сорокъ дней, но подъ условіемъ смѣны управляющаго. Напоминаніе гр. Бобринскаго, что ему предоставлено право заставить ихъ повиноваться, вытребовавъ для этого воинскую команду, — что онъ и исполнить, — вызвало только больше упорства и рѣшительный отказъ работать въ пользу владѣльца.

Въ виду этого и чтобы крестьяне сосѣднихъ имѣній, особенно гр. Толстого, видя продолжающееся упорство неповиновавшихся, не послѣдовали ихъ примѣру, была вытребована воинская команда отъ расположеннаго въ 60 верстахъ отъ имѣнія Бутурлина 2-го баталіона Литовскаго пѣхотнаго полка, въ числѣ трехъ ротъ. Въ то же время гр. Бобринскій увѣдомилъ объ этомъ губернатора, и Жуковскій немедленно отправился на мѣсто происшествія. Распоряженіе гр. Бобринскаго дало полную возможность прекратить сразу безпорядокъ въ имѣніи Бутурлина. При самомъ появленіи 5 апрѣля утромъ губернатора и войскъ, крестьяне на колѣнахъ изъяснили совершенную покорность и раскаяніе въ своемъ поступкѣ и дали обѣщаніе отбывать барщину помѣщику, но съ нѣкоторыми облегченіями, прося простить ихъ заблужденіе. Но признанные болѣе виновными 4 человѣка были подвергнуты легкому наказанію розгами передъ народомъ, а 7 человѣкъ отправлены въ острогъ. Солдаты были размѣщены по домамъ крестьянъ и на продовольствіи ихъ въ деревняхъ Екатериновкѣ, Петровкѣ и Калгѣ.

Населеніе въ имѣніи Бутурлина состояло изъ крестьянъ, переселенныхъ сюда, около 30 лѣтъ до освобожденія крестьянъ, изъ губерній Тульской и Харьковской. Всего земли было 10½ тысячъ десятинъ, и крестьяне пользовались ею въ такомъ количествѣ, сколько каждый могъ воздѣлать, отбывая трехдневную барщину съ тягла и еще нѣкоторыя сгонныя и добавочныя работы и живя, по сообщенію мѣстныхъ властей, въ полномъ довольствѣ.

Ослушаніе ихъ произошло отъ неправильнаго пониманія Высочайшаго манифеста и законоположеній, различныхъ ложныхъ

слуховъ, неуваженія и недовѣрія къ личности управляющаго, человѣка безъ всякаго образованія, не чуждаго притомъ мелкихъ злоупотребленій, придирчиваго, хотя управлявшаго имѣніемъ 15 лѣтъ. Ко всему этому надо прибавить, что среди крестьянъ этихъ не было ни одного грамотнаго.

Донося объ этомъ событіи министру внутреннихъ дѣлъ, губернаторъ прибавлялъ, что оказавшіе неповиновеніе крестьяне имѣнія Бутурлина сдѣлали это по непониманію истиннаго смысла Высочайшаго манифеста и законоположеній, что никого изъ нихъ нельзя признать зачинщикомъ и настолько виновнымъ, чтобы слѣдовало подвергнуть болѣе строгому наказанію, на основаніи слѣдствія и суда, какъ бунтовщиковъ и нарушителей общественнаго спокойствія. Поэтому, видя совершенное раскаяніе виновныхъ и возстановленіе порядка въ имѣніи, губернаторъ пріостановивъ производство слѣдствія, предполагалъ къ предстоящей Пасхѣ освободить изъ тюрьмы 7 человѣкъ заключенныхъ, ожидая донесеній и объ ихъ раскаяніи. Управляющему имѣніемъ было сдѣлано строгое внушеніе исполнять въ точности новое положеніе въ отбываніи крестьянами повинностей, а Бутурлину предложено прислать другого управляющаго. 21 апрѣля все успокоилось, крестьяне раскаялись, заключенные освобождены, и рота Литовскаго полка возвратилась на свое мѣсто, колонистъ же Яковъ Манбергеръ былъ уличенъ въ томъ, что говорилъ крестьянамъ Екатериновки, что они вольные и что имъ читали не настоящій манифестъ, такъ какъ тотъ за золотыми печатями, и преданъ суду.

Болѣе сильные беспорядки происходили въ с. Обиточномъ, Денисовкѣ тожъ, Бердянскаго уѣзда, въ имѣніи гр. Толстого, въ началѣ апрѣля 1861 г. Вслѣдствіе неправильнаго толкованія манифеста и Положенія, крестьяне неисправно выходили на работы, умышленно небрежно обрабатывали поля, дѣлали угрозы управляющему и добросовѣстнымъ судьямъ изъ крестьянъ. Чиновникъ губернатора вразумилъ крестьянъ, разъяснилъ имъ Положеніе, а исправникъ наказалъ виновныхъ, и все успокоилось,—но не надолго. Вскорѣ волненія возобновились. 18 мая успокаивалъ крестьянъ Мелитопольскій предводитель дворянства Иваненко, но онъ нашелъ только слишкомъ обременительными уроки, требовавшіеся экономіею, главнымъ образомъ расчетъ не по казенной десятинѣ, а по экономической—въ 3,200 саж. Онъ потребовалъ у управляющаго облегченія уроковъ, и повидимому крестьяне успокоились. Но отказъ отъ работъ продолжался. Крестьянъ убѣждали мировой посредникъ

Товбичъ и исправникъ, но безуспѣшно, равно какъ гр. Бобринскій. Крестьяне оправдывались несущественными, ничтожными причинами. Непослушаніе было массовое, сплошное, и исправникъ и Товбичъ просили о присылкѣ воинской команды для расквартированія въ селеніи. О необходимости этой мѣры писалъ губернатору и предводитель дворянства. Приказчику имѣнія были нанесены жестокіе побои, и крестьяне отказались выдать виновнаго и перестали исполнять барщинную повинность, заявляя, что теперь мѣра отбыванія помѣщику издѣльной повинности зависитъ отъ воли каждаго крестьянина. Затѣмъ былъ побить одинъ изъ добросовѣстныхъ, а также проживавшій въ селеніи губ. секр. Петрашевъ, читавшій крестьянамъ Положеніе и заподозрѣнный въ искаженіи текста въ пользу владѣльца. 19 іюля былъ командированъ въ Обиточное жандармскій полковникъ Вахъ, чтобы послѣ объясненій и увѣщаній, какія будетъ признано необходимымъ сдѣлать крестьянамъ, при дальнѣйшемъ ихъ упорствѣ, ввести и расположить въ селеніи военную команду и, въ примѣръ другимъ, наказать крестьянъ, которые окажутся виновными въ безпорядкахъ.

Послѣ увѣщанія мирового посредника 22 іюля крестьяне дали обязательство отработать прогульные дни и исполнять требованія экономіи подѣ страхомъ денежнаго взысканія за каждый день съ мужчинъ по 1 р. и съ женщинъ по 50 к., продажи имущества и ввода воинской команды. Но и это обѣщаніе было только на словахъ. Волненіе усиливалось, на работы выходило не болѣе 6 человѣкъ, а въ имѣніи было 701 д. м. п. и 666 д. ж. п. Хлѣбъ помѣщика перезрѣлъ, полегъ и погибъ.

24-го іюля была введена въ Обиточное сотня казаковъ и части инвалидовъ командъ изъ Бердянска и Мелитополя, всего 155 человѣкъ. Крестьянамъ велѣно было собраться 27 іюля къ 7 час. утра, но ихъ явилось не болѣе 30 человѣкъ, остальные отправились на свои поля. Размѣстивъ команды, подполковникъ Вахъ разослалъ часть казаковъ собирать людей, и къ 5 час. пополудни было собрано около 130 чел. Объяснивъ имъ причины ввода войскъ къ нимъ, подп. Вахъ вызвалъ, по имѣвшемуся у него списку, 16 человѣкъ, которые, кромѣ отказа отъ работъ, оказались виновными въ буйствѣ и другихъ поступкахъ, и они были подвергнуты наказанію, по степени вины. Остальные затѣмъ на колѣняхъ просили прощенія, изъявили раскаяніе и обѣщали впредь полное повиновеніе. Вахъ объяснилъ имъ ихъ обязанности по новому положенію и объявилъ, чтобы они съ слѣдующаго дня поголовно выходили на

барщину, пока не отработают должныхъ помѣщику дней. На другой день всѣ вышли поголовно, а также и въ слѣдующіе дни. Свой собственный хлѣбъ они успѣли уже почти весь убрать.

28-го числа прибылъ мировой посредникъ Товбичъ, а 29-го вступила въ Обиточное рота Литовскаго полка, казаки же и инвалидныя команды ушли. 30-го іюля Товбичъ открылъ сельское общество и волость; избраніе должностныхъ лицъ произведено было вполне удовлетворительно. Крестьяне приняли и большую часть условій для составленія уставной грамоты.

Крестьяне с. Обиточнаго, почти всѣ безъ исключенія, находились въ отличномъ состояніи, инвентарь ихъ имущества былъ самый удовлетворительный. Управляющій Гань былъ вполне достойный человѣкъ. Причины неповиновенія властямъ заключались въ недостаточно энергичныхъ мѣрахъ со стороны мѣстныхъ властей въ началѣ ихъ уклоненій отъ барщины. Замѣчено было, что послѣ каждаго пріѣзда къ нимъ начальствующихъ лицъ, крестьяне становились болѣе дерзки, вѣроятно вслѣдствіе того, что, говоря имъ о новыхъ ихъ правахъ, не довольно энергично объясняли имъ ихъ обязанности. Энергія подполковника Ваха возстановила порядокъ, и 16 августа рота Литовскаго полка была выведена изъ Обиточнаго. Но обиточенскіе крестьяне и впослѣдствіи обнаруживали своеволие и уклоненіе отъ исполненія экономическихъ работъ ¹⁾.

Съ особенной силой волненія въ Обиточномъ возобновились въ 1863 г. при введеніи уставной грамоты. Крестьяне отказывались отъ исполненія барщины и отработки прогульныхъ дней, которыхъ за два года накопилось за ними: мужскихъ 8542 и женскихъ 15495, требовали въ надѣлъ угодій, которыми пользовались раньше, и четвертой части душевого надѣла. Съ другой стороны нѣкоторыя уступки мирового посредника и мирового съѣзда раздражили владѣльца. Болѣе тысячи десятинъ вспаханной земли не было засѣяно. Губернское присутствіе просило гр. Толстого оказать милость крестьянамъ и подарить имъ четверть надѣла. Съ 19 февраля 1863 г. кре-

¹⁾ Дѣло Таврическаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія 1861 г. № 12. О безпорядкахъ, происшедшихъ между крестьянами помѣщиковъ графа Толстого и полковн. Бутурлина. На 193 листахъ. Дѣло № 5. О требованіи въ случаѣ надобности вооруженной силы для сохраненія порядка. На 46 листахъ. Дѣло 1862 г. № 150 объ уклоненіи крестьянъ с. Обиточнаго Бердянскаго уѣзда гр. Толстого отъ подписи грамоты и принятія надѣла. На 395 листахъ. Дѣло 1862 г. № 118. О безпорядкахъ въ имѣніяхъ помѣщиковъ гр. Конкринныхъ, гр. Толстого, Бутурлина и Попова. На 130 листахъ.

стьяне отказались отъ всѣхъ работъ и отъ всякаго надѣла. Выборные изъ нихъ были вызваны въ Симферополь, въ губернское присутствіе, но всѣ увѣщанія его были безуспѣшны. Тогда губернаторъ приказалъ описать имущество крестьянъ и продать ту часть его, которая не составляетъ необходимости въ крестьянскомъ хозяйствѣ и продажа которой не могла бы разорить ихъ, но пополнила бы накопившуюся на нихъ недоимку за прогульные рабочіе дни. Но и эта мѣра не произвела дѣйствія, и мировой посредникъ доносилъ губернатору, что и самыми строгими мѣрами нельзя подвинуть крестьянъ принять на себя издѣльную повинность: „они готовы, писалъ онъ, лишиться имущества, перенести суровыя наказанія, лишь бы освободиться отъ условій обязательнаго труда, которыя напоминаютъ имъ ненавистную барщину и внушаютъ имъ страхъ за свободу ихъ будущаго. Никакія объясненія законоположеній по крестьянской реформѣ не въ состояніи разсѣять эти ихъ ложныя опасенія, изъ-за которыхъ они готовы и на выкупъ своихъ земельныхъ угодій и на даръ четвертой части ихъ, лишь бы только прекратить разъ навсегда всякія отношенія къ своей владѣлицѣ“. Между тѣмъ графиня Толстая не желала принимать никакихъ примирительныхъ мѣръ, вызывавшихся обстоятельствами. У крестьянъ описали часть скота, и назначена была продажа съ аукціона. Но приведены были однѣ овцы, а рогатаго скота крестьяне не доставили, волостной старшина скрылся, и сотскій отказался отобрать для продажи и овецъ, боясь угрозъ общества, которое крикомъ запрещало ему исполнить приказаніе начальства (исправника, становаго пристава и стряпчаго). Въ виду этого волостной старшина и староста были удалены, а графу Толстому было предложено отказаться отъ взысканія недоимки за прогульные дни въ теченіе 1861—1863 гг. и принять выкупъ земельныхъ угодій, предлагаемый крестьянами, тѣмъ болѣе, что и усилія правительства были направлены къ замѣнѣ барщины денежными платежами. Въ іюнѣ мѣсяцѣ была вызвана рота солдатъ изъ Керчи въ Бердянскъ, оттуда въ Обиточное и размѣщена для экзекуціи, а для принятія нужныхъ мѣръ отправился туда вице-губернаторъ. Отобранный у крестьянъ ранѣе этого скотъ велѣно продать. Но желавшихъ купить не было. Восемь человекъ, болѣе виновныхъ, были арестованы и отправлены въ острогъ. Вице-губернаторъ также нашелъ барщину разорительной для крестьянъ и причиной безпорядковъ, которые крестьяне объясняли исполненіемъ только воли Царя, уничтожившаго барщину.

Наконецъ гр. Толстой согласился на выкупъ и даръ четверти надѣла. Солдаты 30 іюля были выведены. Съ переводомъ на оброкъ и выкупъ крестьяне соглашались бесплатно исполнять всѣ барскія работы, тѣмъ болѣе, что всѣ имѣнія уже перешли къ денежнымъ платежамъ или въ разрядъ собственниковъ и избавились отъ ненавистой барщины. Сначала они согласились получить въ даръ четверть надѣла, а потомъ рѣшили перейти на выкупъ, но безъ внесенія дополнительнаго платежа. Губернаторъ, съ своей стороны, просилъ графа Толстого отказаться отъ этого платежа (20670 р.). Послѣ долгихъ переговоровъ крестьяне согласились на дополнительный платежъ съ разсрочкой на пять лѣтъ. Но Толстой отказалъ, а крестьяне въ то же время производили кражи, истребляли сады, наконецъ въ экономической конторѣ было похищено 12000 р. Обиточенцы подавали прошеніе даже Наслѣднику Престола. Въ концѣ ноября былъ отправленъ въ Обиточное шт.-ротм. Безобразовъ съ мировымъ посредникомъ объявить крестьянамъ неосновательность ихъ просьбъ, которыя уважены не будутъ, и въ назначенный имъ срокъ рѣшить, переходятъ ли они на выкупъ, съ немедленнымъ взносомъ дополнительнаго платежа, или получаютъ четверть надѣла. Въ противномъ случаѣ имъ ставилась угроза снова ввести военную силу со взысканіемъ недоимки, слѣдуемой помѣщику. Часть общества хотѣла идти на оброкъ, въ чемъ препятствій не было. Только 6 декабря обиточенцы согласились на принятіе въ даръ четвертой части ихъ земельного надѣла, и дѣло, наконецъ, кончилось добровольно и миролюбиво.

Но вернемся къ 1861 году.

Въ Θεодосійскомъ уѣздѣ крестьяне д. Каясанъ помѣщика Лампси также уклонялись отъ своихъ обязанностей къ помѣщику, но усмирены были убѣжденіями мирового посредника.

Уклонялись отъ работъ и крестьяне им. Насыпкой, Θεодосійскаго уѣзда, пом. Хрущевой. Въ апрѣлѣ 1861 г. они отказывались отъ исполненія экономическихъ повинностей, уплаты оброка, самовольно уходили въ Θεодосію, возмущали другихъ крестьянъ, за что двое зачинщиковъ были посажены въ острогъ, а одинъ наказанъ розгами. Порядокъ былъ восстановленъ, но въ іюлѣ безпорядки повторились, и главный зачинщикъ былъ преданъ суду. Крестьяне жаловались на дѣйствія помѣщика, мужа владѣлицы, которая въ имѣніи не жила. И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ во многомъ виновенъ своимъ строптивымъ характеромъ.

Въ Симферопольскомъ уѣздѣ, въ имѣніяхъ графовъ Толстыхъ въ д. Ново-Баяутѣ, Ново-Чембаѣ и Покровкѣ, а также

въ им. Взметнева въ д. Анновкѣ и Алексѣевкѣ уборка сѣна и хлѣба въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ производилась крестьянами уклончиво, небрежно, неуспѣшно и всегда съ понужденіемъ. Въ другихъ имѣніяхъ жалобъ не было, но повсюду крестьяне не съ прежнимъ усердіемъ исполняли издѣльные повинности.

Въ Евпаторійскомъ уѣздѣ жалобъ не было, повинности и полевая работа отбывались крестьянами безропотно и усердно. Крестьяне съ полнымъ довѣріемъ почти повсюду относились къ своимъ волостнымъ и сельскимъ начальникамъ.

Въ выборныя волостныя должности избирались люди уважаемые и достойные, но открытіе волостныхъ и сельскихъ правленій особенно сильнаго вліянія на крестьянъ не производило. Въ Феодосійскомъ уѣздѣ замѣчалось даже общее нерасположеніе крестьянъ къ новымъ учрежденіямъ. Не видя еще отъ нихъ осязательной для себя пользы, крестьяне смотрѣли на нихъ, какъ на новый предметъ расходовъ. Съ другой стороны, они ждали отъ волостныхъ судовъ справедливой строгости по закону; высказывалась отрадная вѣра въ силу закона на защиту права невиннаго. Мировой посредникъ Зотовъ, указывая на это въ рапортѣ губернатору, высказывалъ надежду, что „при постоянномъ надзорѣ за правильностью дѣйствій волостныхъ правленій и судовъ каждый новый фактъ будетъ усиливать и поддерживать въ крестьянахъ вѣру въ пользу новыхъ учреждений, и мало по малу уяснится для нихъ существенное различіе права отъ самоуправства и съ тѣмъ вмѣстѣ окажется и благотѣльное вліяніе крестьянскаго общественнаго управленія на правильное пониманіе и добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей какъ между собою, такъ и въ отношеніи къ помѣщикамъ“.

Въ Днѣпровскомъ уѣздѣ никакихъ жалобъ не было. „Вліяніе новыхъ учреждений на исполненіе крестьянами своихъ обязанностей благотѣтельно въ томъ отношеніи, писалъ губернаторъ министру внутреннихъ дѣлъ, что поселяетъ довѣріе къ лицамъ, крестьянами же избраннымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и къ распоряженіямъ тѣхъ лицъ о порядкѣ отбыванія издѣльной повинности. Нѣкоторымъ доказательствомъ тому, что крестьяне высоко цѣнятъ дарованную свободу и право имѣть свой судъ, можетъ служить приговоръ ихъ при открытіи сельскаго общества въ имѣніи гр. Мордвинова, Днѣпровскаго уѣзда дер. Черненькой, построить церковь и открыть сельскую школу для малолѣтнихъ, чтобы сохранить въ потомствѣ памятный день начала своей общественной самостоятельности“.

Но въ этомъ же уѣздѣ мировой посредникъ 2 уч. Радчевскій замѣчалъ скрывавшееся недовѣріе и неопредѣленное ожиданіе чего-то. Въ 3 уч. Днѣпровскаго уѣзда крестьяне были тихи и спокойны, но начинали быть въ сентябрѣ 1861 г. неисполнительными въ работахъ, не довѣряли Положенію и ждали измѣненій дарованныхъ имъ правъ; повсюду барщиною тяготились. Вообще крестьяне все ожидали „новой воли“, колебались и не подписывали добровольно уставныхъ грамотъ, говоря, что въ теченіе двухъ лѣтъ будутъ исполнять всѣ требованія, „а послѣ—какъ Богъ дастъ“. Другіе говорили: „Царь далъ намъ волю, дастъ и землю“. Собственные же полевые работы они производили съ полнымъ успѣхомъ. Въ 1 участкѣ этого уѣзда озимый посѣвъ не производился, во-первыхъ, по причинѣ имѣвшагося въ виду къ веснѣ недостатка рабочихъ рукъ, во-вторыхъ, по предвидѣвшейся непомѣрно высокой задѣльной платѣ, что доказала уборка хлѣба лѣтомъ, такъ что и на затраченный капиталъ на уборку многими владѣльцами, при высокихъ цѣнахъ, едва оставалась въ процентъ одна солома, у нѣкоторыхъ же и этого не получилось, при весьма удовлетворительномъ урожаѣ. Свои же посѣвы крестьяне производили правильно. Но эти опасенія и соображенія оказались неосновательными.

Въ Мелитопольскомъ уѣздѣ (2 уч.) въ октябрѣ 1861 г. въ нѣкоторыхъ экономіяхъ крестьяне уклонялись отъ исполненія урочнаго положенія и не выходили на барщину, оказывали неповиновеніе и производили рубку лѣса, но скоро успокоились; въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказались виновными управляющіе.

Въ Симферопольскомъ уѣздѣ (1 уч.) всѣ имѣнія, кромѣ Сабловъ, состояли изъ самаго незначительнаго количества людей, которые, какъ не пользовавшіеся помѣщичьей землею, полевыхъ работъ не производили ни для себя, ни для помѣщиковъ, несли только хозяйственныя должности; слѣдовательно, въ этихъ имѣніяхъ въ ходѣ полевыхъ работъ никакихъ перемѣнъ не произошло, хотя имѣнія потеряли отъ уменьшенія количества людей, особенно въ садахъ и виноградникахъ. Во 2 участкѣ крестьяне производили экономическія работы небрежно, напр. въ имѣніи гр. Толстыхъ, особенно Взметнева и другихъ.

Но по большей части крестьяне Таврической губерніи въ точности исполняли законоположеніе 19 февраля и привыкали къ мирному разрѣшенію возникавшихъ недоразумѣній.

Своевременному прекращенію въ нѣкоторыхъ случаяхъ недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами содѣйствовало и введеніе урочнаго положенія съ назначеніемъ за неотработанные дни соразмѣрной платы, доходившей до 1 руб. за трудъ лѣшаго крестьянина, и тѣмъ отвращена была по возможности недоимка въ прогульныхъ дняхъ. Еще болѣе способствовали укрѣпленію правильныхъ и мирныхъ отношеній между помѣщиками и вышедшими изъ крѣпостной зависимости крестьянами вводившіяся уставныя грамоты. Но введеніе ихъ въ Таврической губерніи было медленное по причинѣ отсутствія помѣщиковъ и неимѣнія управляющими довѣренностей на составленіе грамотъ, а отчасти по ложному убѣжденію крестьянъ, что подписаніе уставныхъ грамотъ, лишая ихъ права на землю, оставляетъ ихъ по-прежнему въ крѣпостномъ состояніи, что усадьбы и полевая угодья выкупаются въ нѣсколько лѣтъ не особо условленною съ помѣщикомъ суммою, а вносимымъ оброкомъ, и что будетъ дана новая воля и новыя льготы, которыхъ лишатся подписавшіе документъ. Скорому введенію грамотъ мѣшали и справки о числившихся на имѣніяхъ искахъ, спорахъ и запрещеніяхъ и значительные казенные долги. По 1 января 1862 г. находилось на разсмотрѣніи губернскаго присутствія 26 уставныхъ грамотъ.

Въ 1862 г. настроеніе крестьянъ было гораздо покойнѣе. Происходило введеніе уставныхъ грамотъ. Первая уставная грамота, бывшая на разсмотрѣніи губернскаго присутствія, гласила о полученіи крестьянами жены инж. ген.-м. Любенко въ даръ отъ помѣщицы четвертой части указаннаго въ Днѣпровскомъ уѣздѣ поземельнаго надѣла¹⁾.

При составленіи уставныхъ грамотъ вызвалъ затрудненіе вопросъ о солончакахъ. Губернское присутствіе постановило: при отводѣ крестьянамъ надѣла, солончаки считать по три десятины за одну удобной земли, но и при этомъ условіи они должны были допускаться не болѣе какъ въ размѣрѣ третьей части всего надѣла, и вообще по этому вопросу прежде всего предложено было руководиться взаимнымъ добровольнымъ со-

¹⁾ Дѣло Таврическаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія № 14, объ оказаніи содѣйствій, по крестьянскимъ дѣламъ, уѣздн. предводит. дворянства, городскими земскими полиціями, объ открытіи волостныхъ и сельскихъ управленій, избраніи волостныхъ должностныхъ лицъ и состояніи полевыхъ работъ. На 529 листахъ.

глашеніемъ помѣщиковъ съ крестьянами при составленіи уставныхъ грамотъ¹⁾.

24 іюля 1862 г. введена была въ дѣйствіе первая уставная грамота, съ переходомъ крестьянъ на оброкъ, въ им. Петровскомъ, Оеодосійскаго уѣзда отст. ген.-лейт. П. А. Ладинскаго. Помѣщикъ произнесъ крестьянамъ рѣчь, въ которой указалъ сдѣланныя имъ благодѣянія, а затѣмъ вступилъ въ добровольное соглашеніе. Крестьяне на колѣняхъ благодарили его за оказанное имъ добро и просили забыть ихъ проступки. Ладинскій уступилъ имъ усадьбы и четвертую часть съ причитающейся ему выкупной суммы, свыше 800 руб. Послѣ этого былъ отслуженъ молебенъ.

Затѣмъ уставныя грамоты введены были въ им. Менгерменъ помѣщика Капниста, Оеодосійскаго уѣзда, въ имѣніи Е. П. Товбичъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ и т. д.²⁾.

Введеніе крестьянской реформы въ 1862 г. осложнено было и для помѣщиковъ и для крестьянъ почти повсемѣстнымъ въ Таврической губерніи неурожаемъ. Отъ засухи и саранчи погибло очень много хлѣба и сѣна, въ то же время свирѣпствовалъ падежъ скота. Въ большей части имѣній крестьяне перешли на оброчное положеніе. Посѣвы сократились. Въ 1863 г. урожай былъ лучше, особенно въ Крыму, но въ Днѣпровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ онъ былъ плохъ и въ этомъ году, такъ что крестьянамъ сѣверныхъ уѣздовъ оказано было значительное пособіе хлѣбомъ на продовольствіе и посѣвы.

Въ немногихъ случаяхъ крестьяне, по уставнымъ грамотамъ, оставались на издѣльной повинности, а въ большинствѣ случаевъ переходили на оброкъ, вслѣдствіе весьма высокой издѣльной платы, существовавшей въ губерніи, и легкости, съ какою оброкъ могъ уплачиваться.

Единственное училище для дѣтей крестьянъ было открыто въ м. Благовѣщенкѣ Мелитопольскаго уѣзда. Въ 1861 г. было въ немъ 18 мальчиковъ и 3 дѣвочки. Обучалъ дѣточекъ, подъ наблюденіемъ священника. 3 апрѣля открыто 5 школъ въ Мелитопольскомъ и 2 въ Днѣпровскомъ уѣздѣ. Въ 1864 году

¹⁾ Дѣло № 40. О допущеніи солончаковъ въ составъ крестьянскаго на-дѣла. На 45 листахъ.

²⁾ Дѣло Таврическаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. № 65. О выкупѣ крестьянскихъ полевыхъ надѣловъ и усадьбъ. На 746 ли-стакъ. Дѣло № 113. О внесеніи во всеподданнѣйшіе отчеты свѣдѣній о ходѣ крестьянскаго дѣла. На 86 листахъ.

школь было 19: 6 въ Мелитопольскомъ и 13 въ Днѣпровскомъ уѣздѣ.

Для полученія суммы, необходимой на покрытие расходовъ по содержанію губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений (въ 1861—1862 г. 32,500 руб.), согласно порядку, указанному въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ, земли Таврической губерніи были раздѣлены на три разряда: а) сѣверные уѣзды въ губерніи, б) горныя земли въ Крыму, исключая Ялтинскаго уѣзда, и в) степная часть полуострова. Въ первой мѣстности предположено было обложить земли сборомъ по 5 коп. съ десятины 639,124 дес., во второй по 3¹/₂ коп. 275,899 дес. и въ третьей по 1³/₄ коп. 275,899 дес. Получилось со всѣхъ земель 38,646 руб. 80 коп. Содержаніе же губернскихъ и уѣздныхъ крестьянскихъ учреждений въ 1862 г. требовало 46,920 руб. 83¹/₄ коп. Принимая во вниманіе незначительное количество вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ и обременительность вслѣдствіе этого поземельнаго сбора на издержки по крестьянскому дѣлу, было признано полезнымъ уменьшить составъ губернскихъ присутствій упраздненіемъ 19 февраля 1863 г. должностей трехъ членовъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, чѣмъ предположенный расходъ сократился на 6000 руб. Въ 1863 г. оставлено только шесть мировыхъ посредниковъ (изъ двѣнадцати), и образовано три мировыхъ сѣзда вмѣсто четырехъ, а должности членовъ отъ правительства при мировыхъ сѣздахъ были упразднены съ замѣною ихъ уѣздными стряпчими.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о ходѣ крестьянскаго дѣла въ губерніи за 1862 г. Жуковскій говорилъ, что „губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, мировые посредники и мировые сѣзды были одушевлены однимъ общимъ желаніемъ войти въ жизнь народа, пріобрѣсти его довѣріе и дѣйствительно содѣйствовать правильному и мирному исходу дѣла освобожденія крестьянъ“. Объѣхавъ, согласно предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, волости временно-обязанныхъ крестьянъ, губернаторъ „убѣдился на самомъ дѣлѣ въ томъ нравственномъ вліяніи, которое пріобрѣли мировые посредники между крестьянами, хотя были случаи, когда или крестьяне не оказывали должнаго довѣрія посреднику, или посредникъ употреблялъ довѣріе крестьянъ безъ должной осторожности. Такъ, въ с. Азаматъ, Феодосійскаго уѣзда, помѣщика Дульветова, крестьяне, въ числѣ 169 чел., переведенные по уставной грамотѣ на издѣльную повинность, съ правомъ перехода на об-

рокъ, рѣшительно отказались подчиниться условіямъ документа, не вѣря убѣжденіямъ посредника въ необходимости этого и настоятельно требуя прекращенія обязательныхъ отношеній къ помѣщику. Сперва введеніе воинской команды, а потомъ мѣры убѣжденія, предпринятые присутствіемъ, куда крестьяне были вызваны, убѣдили ихъ въ заблужденіи и возстановили порядокъ. Была введена воинская команда и въ имѣніе вел. князя Михаила Николаевича въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, гдѣ крестьяне подписали грамоту, повѣривъ неосторожнымъ убѣжденіямъ посредника, что означенный въ документѣ оброкъ они будутъ уплачивать только въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ и затѣмъ получать въ даръ четвертую часть указнаго душевого надѣла. Неисполнившіяся ожиданія крестьянъ выразились въ совершенномъ недовѣріи къ посреднику. Но затѣмъ крестьяне согласились произвести выкупъ усадебъ и полевыхъ угодій. Войска въ обоихъ случаяхъ были выведены безъ всякихъ репрессій. Въ другихъ мѣстахъ недоразумѣнія разрѣшались самими посредниками и сѣздами, или губернаторомъ во время объѣзда волостей. Лица, виновныя въ подстрекательствѣ крестьянъ къ неповиновенію и безпорядкамъ, удалялись изъ мѣста жительства и предавались суду. Въ подобномъ подстрекательствѣ замѣчались большею частію отставные чиновникии солдаты; чиновникъ Зеленгуръ былъ заключенъ за это въ тюрьму и судимъ. Но первоначально существовавшее среди крестьянъ во всей силѣ ложное убѣжденіе о новой волѣ и новыхъ льготахъ значительно ослабѣло къ 1863 г., и грамоты стали составляться успѣшнѣе¹⁾. Только въ с. Анновкѣ гр. Толстой, Мелитопольскаго у., крестьяне не хотѣли принимать грамоты вслѣдствіе ложныхъ надеждъ на новыя льготы и отдачу имъ земли безплатно. Нерадѣніе въ отбываніи работъ происходило и въ имѣніи В. Попова Васильевкѣ, Мелитопольскаго уѣзда. Происходили безпорядки и противодѣйствія введенію уставныхъ грамотъ также въ имѣніи гр. Канкриныхъ и Бутурлина, при чемъ произносились угрозы и т. д.

Случались и притѣсненія крестьянъ владѣльцами при отводѣ земель. Имѣли мѣсто и гуманные поступки помѣщиковъ. Такъ, В. П. Поповъ согласился на выкупъ мірскаго надѣла безъ дополнительнаго платежа.

¹⁾ Дѣло № 105. Объ уставныхъ грамотахъ 1862 г. Ч. I. На 607 листахъ. Дѣло № 121. Ч. II. На 756 листахъ. Дѣло № 92. 1861 г. Уставныя грамоты на имѣнія помѣщиковъ въ Таврической губ., утвержденныя губернскимъ присутствіемъ. На 747 листахъ.

„Временно-обязанные крестьяне, говоритъ губернаторъ, въ отчетѣ за 1862 г., съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе свыкаются со своимъ положеніемъ, сознають неизмѣримую разность между своимъ прошлымъ бытомъ и настоящимъ и разумно стремятся къ разрѣшенію правильнымъ и мирнымъ путемъ недоразумѣній, возникающихъ иногда между ними и помѣщиками“.

Въ 1863 г. безпорядки совершенно прекратились, довѣріе и уваженіе къ крестьянскимъ учрежденіямъ упрочилось. Настоянія послѣднихъ, чтобы уставныя грамоты строго исполнялись обѣими сторонами, приводили крестьянъ къ сознанію, что эти грамоты не остаются мертвою буквою, а составляютъ законъ дѣйствующій, и вызывали спокойствіе среди нихъ. Однако въ четырехъ имѣніяхъ губерніяхъ графини Толстой, гр. Толстого, насл. Рахмановой и кн. Кочубея необходимо было посылать воинскія команды, потому что грамоты въ нихъ введены были безъ согласія крестьянъ. Сознательное же принятіе ихъ совершенно успокоило взволнованные крестьянскіе умы, и только въ одномъ еще имѣніи гр. Толстого м. Баяуть и с. Чембаѣ и Покровскомъ, Симферопольскаго уѣзда, продолжалось упорство крестьянъ принять въ свое пользованіе отведенные имъ земельные надѣлы, и крестьяне подавали по этому поводу просьбу на Высочайшее имя.

Крестьяне этихъ имѣній продолжали упорствовать въ устройствѣ ихъ быта на законныхъ основаніяхъ и въ 1864 г., но къ концу года баяутскіе крестьяне, послѣ выселенія трехъ семействъ въ отдаленныя губерніи, къ чему необходимо было прибѣгнуть для примѣра ихъ односельчанамъ, постановили, по соглашенію съ помѣщикомъ, приговоръ о переходѣ въ мѣщане, такъ какъ селеніе ихъ переименовано въ мѣстечко, а часть покровскихъ крестьянъ согласилась принять въ даръ четверть надѣла.

„Развитіе сознанія среди крестьянъ, что только любовь къ труду и уваженіе къ закону могутъ служить для нихъ вѣрнымъ залогомъ будущаго ихъ благосостоянія, руководило дѣятельностью крестьянскихъ учреждений, говоритъ губернаторъ въ отчетѣ за 1864 г., а содѣйствіе власти и помѣщиковъ къ переходу крестьянъ въ разрядъ собственниковъ вызываетъ въ нихъ довѣріе и сознаніе благотворности заботъ о нихъ правительства“. Къ январю 1865 г. перешли въ разрядъ собственниковъ 6584 души временно-обязанныхъ крестьянъ, и 3660 душъ получили въ даръ четверть надѣла, что составляло $\frac{2}{3}$

всего количества крестьянъ, вышедшихъ въ губерніи изъ крѣпостной зависимости.

Постепенно развивалось у крестьянъ и умѣніе пользоваться своимъ самоуправленіемъ въ тѣхъ предѣлахъ, которые были указаны закономъ 19 февраля 1861 г. Въ 1864 г. крестьянское дѣло, по этому положенію, было окончательно завершено. Число собственниковъ-крестьянъ значительно увеличилось и дошло до 8329 д., и получили въ даръ четверть надѣла 5185 душъ. За всѣ выкупленныя крестьянами земли и усадьбы разрѣшено въ ссуду 912,240 руб. Въ это число по 1 января 1866 г. слѣдовало внести 108,142 руб. 20 коп., дѣйствительно же внесено въ означенный срокъ 39,966 руб. остальная же сумма оставалась преимущественно на крестьянахъ сѣверныхъ уѣздовъ, гдѣ была большая часть выкупившихъ свои надѣлы и гдѣ многолѣтними сильными неурожаями и саранчою они въ такой степени доведены были до истощенія, что необходимо было даже многимъ оказывать пособіе хлѣбомъ на посѣвъ и продовольствіе. Но у властей не было со мнѣнія, чтобы означенная недоимка, при постоянныхъ понужденіяхъ и принимаемыхъ мѣрахъ, не была пополнена въ скоромъ времени, что и оправдалось. Особенно большая недоимка лежала на васьлевскихъ крестьянахъ Мелитопольскаго уѣзда.

Въ 1866 г. въ Таврической губ., какъ и повсюду въ Имперіи, были переведены въ вѣдѣніе губернскихъ учреждений государственные крестьяне, и мировыя учрежденія заботились объ устройствѣ у нихъ общественныхъ управленій. Теперь, при сліяніи тѣхъ и другихъ крестьянъ, были образованы новыя волости и новыя сельскія общества, и снова прибавилось число мировыхъ посредниковъ, которое дошло до 16, а число мировыхъ сѣздовъ увеличилось до 8.

Быть прежнихъ крѣпостныхъ крестьянъ губерніи улучшался постепенно, недоимокъ за ними было мало. Школъ показано въ отчетѣ губернатора меньше, чѣмъ было въ предыдущіе годы — 14. Въ Крымскомъ полуостровѣ не позволяла заведенія школъ малочисленность сельскихъ обществъ. Но въ 1867 г. школъ было уже 114 съ 4,700 учащимися, а въ 1868 г. 119 съ 5,355 учащимися, преимущественно въ сѣверныхъ уѣздахъ, съ густымъ населеніемъ и большимъ благосостояніемъ крестьянъ. Большое вниманіе къ дѣлу открытія школъ обнаружили введенныя въ Таврической губерніи земскія учрежденія. Въ 1868 г. они отпустили на школы 39,243 руб. 25 коп. Выкупныхъ недоимокъ къ 1 января 1868 г. оставалось уже меньше шести тысячъ.

Въ отчетѣ за 1868 г. губернаторъ указывалъ, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ губерніи встрѣчался недостатокъ въ душевомъ надѣлѣ, отчасти вслѣдствіе увеличенія населенія, а отчасти, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ, отъ занесенія удобныхъ мѣстъ сыпучими песками. Этотъ недостатокъ въ землѣ, невыгодно отзывавшійся на экономическомъ бытѣ крестьянъ, могъ быть устраненъ, по его мнѣнію, выдачею владѣнныхъ записей, а селеніямъ, неимѣвшимъ полного душевого надѣла, дѣлалась прирѣзка недостающаго количества земли изъ свободныхъ казенныхъ участковъ.

Съ введеніемъ уставныхъ грамотъ, обязанности мировыхъ посредниковъ были въ главнѣйшемъ окончены, и, въ виду незначительности крестьянскаго населенія Таврической губерніи, при введеніи новыхъ судебныхъ учреждений и сліяніи специальныхъ мировыхъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ съ общими судебными мировыми учреждениями, должности мировыхъ посредниковъ были упразднены, а обязанности ихъ возложены на мировыхъ судей.

Великая реформа окончилась. Жизнь Тавриды вошла въ новую колею.

А. Маркевичъ.

Изъ архива Керченскаго музея древностей.

VI¹).

Пять расписныхъ склеповъ на сѣверномъ склонѣ Митри-
датовой горы.

1.

Склепъ Алкима, открытый въ 1867 году²).

Въ продолговатой могильной насыпи, лежащей на продол-
женіи сѣверной покатости горы Митридата къ западу отъ
Керчи, близъ известковой печи Ничипоренко.

Съ 15-го по 23-е марта. Сдѣланъ съ сѣверной стороны
этой насыпи, нѣсколько выше подошвы ея, направляющейся
отъ В. къ З., раскопъ на $1\frac{2}{3}$ кв. саж. площади, глубиною
 $7\frac{1}{2}$ арш., съ выкидкой изъ него земли въ два перевала. Рас-
копъ этотъ обнаружилъ въ скалистомъ основаніи означенной
насыпи, на глубинѣ 1 саж. отъ ея поверхности, прорѣзъ дли-
ною въ южномъ направленіи 5, шириною вдоль насыпи 3 арш.,
который привелъ къ открытію на глубинѣ остальныхъ $1\frac{1}{2}$ саж.,
подъ слоями скалистаго материка, лежащими параллельно одинъ
другому, четырехугольной катакомбы № 51, устроенной въ
крѣпко-глинистомъ грунтѣ и замкнутой съ сѣверной стороны
однимъ штучнымъ камнемъ известковой породы, вышиною
3 арш., шириною $1\frac{3}{4}$ арш. и толщиною около 6 вершковъ.
По вскрытіи этой катакомбы оказалось, что она имѣетъ въ
длину отъ С. къ Ю. $6\frac{3}{4}$ арш., въ ширину отъ В. къ З. $4\frac{3}{8}$ арш.

¹) См. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммисіи, № 40, стран.
61—73, и № 42, стран. 56—72.

²) Выписка изъ Журналовъ археологическихъ розысканій 1864—1877 гг.,
составленныхъ директоромъ Керченскаго музея А. Е. Люценко. Мѣсто этой
катакомбы, къ сожалѣнію, забыто.

и въ вышину, отъ середины горизонтальнаго ея пола до пологаго потолка, сдѣланнаго на подобіе коробоваго свода, съ южной стороны 3 арш. 7 вершк., а съ сѣверной—2 арш. 11 вершк. Стѣны ея, раздѣленныя черными полосками на клѣтки или квадраты въ видѣ каменной кладки, украшены сверху довольно хорошо сохранившеюся фресковою живописью, писанною водяными красками прямо на глинтъ безъ штукатурки. Особенно интересна живопись на противоположной входу южной стѣнѣ ея, представляющая какую-то религіозную сцену¹⁾. Средина потолка также украшена прямоличнымъ изображеніемъ небольшой женской головы, убранной цвѣтами²⁾. Въ стѣнахъ этой катакомбы находятся четыре полукруглыхъ ниши и два большія четырехугольной формы углубленія: одно съ правой, а другое съ лѣвой стороны отъ входа, каждое въ уровень съ поломъ. Въ первомъ изъ сихъ углубленій съ надписью надъ горизонтальнымъ потолкомъ его: ΑΛΚΙΜΟΣ ΗΓΗΣΙΟΓ³⁾ ничего не замѣчалось, въ послѣднемъ же стоялъ высѣченный изъ одного цѣльнаго известковаго камня саркофагъ, длиною 3 арш., шириною 1 арш. 2 вершк. и вышиною 1 арш. 9 вершк. съ полуцилиндрической крышкою, также изъ цѣльнаго камня. Кромѣ того, на сѣверной стѣнѣ ея съ правой стороны отъ входа, имѣющаго въ вышину съ полукруглымъ сводомъ его 2½ арш., въ ширину 1½ и въ глубину 1 арш., начертана монограмма.

Къ сожалѣнію, описанная катакомба оказалась уже расхищенною въ давнее время посредствомъ пролома стѣны изъ другой, смежной съ нею катакомбы № 52, очевидно позднѣйшей конструкціи. Сдѣланный въ восточной стѣнѣ углубленія надъ саркофагомъ, о которомъ говорится выше, круглый проломъ этотъ образуетъ между означенными подземельями свободное сообщеніе. На полу катакомбы № 51 лежало нѣсколько полуистлѣвшихъ обломковъ отъ деревянныхъ гробовъ и весьма немного костей, разбросанныхъ по сторонамъ; каменный же саркофагъ, у котораго крышка была приподнята, найденъ совершенно порожнимъ.

По снятіи рисунковъ съ стѣнной живописи и опредѣленіи размѣровъ катакомбы № 51, приняты были мѣры къ сохраненію ея въ цѣлости. Для этого входъ въ нее былъ замкнутъ по-прежнему плитою, а спускъ, ведущій къ нему съ поверх-

¹⁾ Похищеніе Кору; см. рисунокъ, изданный въ Отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи за 1868 г., стр. 114

²⁾ Тамъ же, стр. 116.

³⁾ Надпись издана В. В. Латышевымъ въ *Inscr. or. Sept. P. E.*, II, № 120.

ности, ямы засыпанъ землею почти до половины отвѣсной глубины его. Впрочемъ, мѣры эти не привели къ желаемой цѣли. Спустя не болѣе трехъ или четырехъ дней послѣ принятія ихъ нашлись искатели кладовъ, или вѣрнѣе бродяги, которые ночью спустились въ яму, очистили ее отъ земли, сдвинули съ мѣста упомянутую плиту и, войдя въ катакомбу, разбили на части не только стоявшій въ ней каменный саркофагъ, но проломали полъ и нѣсколько повредили стѣнную ея живопись.

Что же касается до катакомбы № 52, также четырехугольной формы, длиною 5, шириною $4\frac{5}{8}$ и вышиною около 2 аршинъ, со входомъ, замкнутымъ плитою съ сѣверной стороны, и тремя лежанками съ прочихъ сторонъ, то она была, повидимому, нетронута. Въ ней заключалось 7 полуистлѣвшихъ деревянныхъ гробовъ, съ такимъ же числомъ почти совершенно истлѣвшихъ остововъ, въ прахѣ которыхъ найдено: 2 маленькія серьги изъ согнутой и расплющенной золотой проволоки, 1 стеклянный флаконъ съ широкимъ отверстіемъ и выпуклою нижнею частью, 2 мѣдныхъ, покрытыхъ окисью монеты: одна Рескупорида VII¹⁾, а другая Θеорса, 1 бронзовая большая пряжка съ рѣзными узорами, въ видѣ арабесковъ, 4 пучка довольно хорошо сохранившихся мѣдныхъ рыболовныхъ крючковъ, 1 бронзовый колокольчикъ, 1 такой же ключъ, 1 мѣдная пряжка обыкновенной формы и 1 небольшой отвѣсъ изъ кости, пирамидальной формы, съ вырѣзанными на немъ кружками.

2.

Катакомба 1872 года²⁾.

.... На этой же недѣлѣ, іюля 4-го, открыта у сѣверной покатости горы Митридата, съ лѣвой стороны дороги, ведущей по направленію къ Золотому кургану, катакомба, украшенная по стѣнамъ и плафону фресковою живописью. Въ произведенномъ раскопѣ сначала обнаружился спускъ къ ней длиною 4, шириною $2\frac{3}{4}$ и глубиною $7\frac{3}{4}$ аршина, отличающійся отъ прочихъ спусковъ доселѣ открытыхъ катакомбъ

¹⁾ Теперь принято называть его шестымъ; это послѣдній Рескупоридъ, царствовавшій на Боспорѣ съ 303 по 341 г. по Р. Хр.

²⁾ Это краткое описаніе катакомбы, найденной керченскимъ мѣщаниномъ изъ цыганъ Мамстомъ Оразали оглу, составлено и. д. помощника директора Керченскаго музея художникомъ Ѳ. И. Гроссомъ. См. подробное изслѣдованіе В. Стасова въ Отчетѣ Императорской Археологической Комиссіи за 1872 г., стр. 235 слл.

тѣмъ, что онъ на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ аршинъ отъ поверхности окаймленъ весьма прочной каменной кладкою на 2 аршина глубины, основанной на скалистомъ материкѣ; за ней слѣдуетъ крѣпкоглинистый материкъ, въ которомъ изсѣчена катакомба. При углубленіи на $7\frac{3}{4}$ арш., т. е. до дна упомянутого спуска, передъ входомъ въ катакомбу стояла каменная плита изъ крѣпкаго известняка, выш. $2\frac{1}{2}$, шириною 2 и толщиною $\frac{1}{2}$ арш., но пробитая въ верхней ея части настолько, что едва возможно было чрезъ этотъ проломъ проникнуть человѣку въ катакомбу, для того, чтобы ее ограбить. См. листъ 1872 года № 8, поперечный разрѣзъ катакомбы по линіи С. D.¹⁾ И дѣйствительно, катакомба по вскрытіи оказалась ограбленной въ давно минувшее время. Даже въ лежанкахъ²⁾ оказались проломы, для того чтобы вынуть находившіяся въ боковыхъ углубленіяхъ вещи, быть можетъ, пепельныя урны. Найдены въ катакомбѣ только незамѣченная разорителями одна слезница и головка отъ терракотовой статуйки, представляющая оленя.

Катакомба представляетъ четырехугольную комнату неправильной формы, см. листъ 1872 г. № 8, планъ катакомбы³⁾; передняя стѣна ея, въ которой устроенъ входъ, имѣетъ въ длину 7 аршинъ и 2 вершка, а противоположная $9\frac{1}{2}$ аршинъ. Ширина катакомбы $4\frac{1}{2}$ аршина, высота передней стѣны по угламъ 1 арш. 15 вершк., а въ средней части 2 арш. 2 вершка. Высота же задней стѣны по угламъ 2 арш. 7 вершк., а посреди ея 3 арш. 1 верш. Въ этой задней стѣнѣ устроено углубленіе (лежанка) длиною 3, шириною $1\frac{3}{4}$ и вышиною 1 арш. 2 вершка, для вмѣщенія въ него покойника. По обѣимъ сторонамъ катакомбы, во всю ширину ея, устроены изъ камня лежанки шир. $1\frac{3}{4}$ арш. и вышиною отъ основанія 1 арш. 2 вершка, каждая съ оставленною внутри ихъ пустотою; кромѣ того, къ этимъ внутри пустымъ лежанкамъ примыкали еще у самага основанія, посреди каждой изъ поперечныхъ стѣнъ катакомбы высѣченныя въ материкѣ углубленія (ниши) длиною 1 арш. 5 вершк., шириною и вышиною 1 аршинъ каждая. См. листъ 1872 г. № 8, продольный разрѣзъ катакомбы по линіи А. В.⁴⁾

¹⁾ См. Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1872 г., табл. I.

²⁾ Правильнѣе въ „каменныхъ ложахъ“, устроенныхъ возлѣ лѣвой и правой стѣнъ катакомбы; въ лежанкѣ, высѣченной противъ входа, нѣтъ никакого пролома.

³⁾ См. ук. Отчетъ, табл. I.

⁴⁾ См. вышеупомянутый Отчетъ, табл. II.

Въ каждой изъ боковыхъ стѣнъ, по срединѣ надъ лежанками, находятся также по одной высѣченной полукруглой нишѣ, вышиною 10, шириною 10 и глубиною 6 вершк. Такія же двѣ ниши, но нѣсколько поменьше, находятся въ передней стѣнѣ по обѣимъ сторонамъ входа.

Катакомба вся оштукатурена и украшена фресковою живописью, представляющею разныхъ звѣрей, птицъ, насѣкомыхъ¹⁾ и сцены изъ боевой жизни пѣшихъ и конныхъ воиновъ. Подробности оныхъ и характеръ живописи см. фрески на холстѣ, выполненныя въ естественную величину подлинниковъ, 1872 г. №№ 9—19²⁾.

Еще слѣдуетъ упомянуть, что въ боковыхъ стѣнахъ входа въ катакомбу, въ мѣстахъ, на которыхъ обвалилась штукатурка, начертаны на материкѣ какимъ-то острымъ инструментомъ, разные знаки въ родѣ монограммъ и изображеній животныхъ. См. фреска 1872 г. № 20³⁾.

По вскрытіи означенной катакомбы, невзирая на находившійся въ ней чрезвычайно сырой и холодный воздухъ, тотчасъ было приступлено художникомъ Гроссомъ къ составленію чертежей и снятію рисунковъ съ находящихся въ катакомбѣ фресковъ; при чемъ толпа посѣтителей стала все болѣе и болѣе увеличиваться, и даже въ ночное время появлялись хищники, ищущіе драгоценностей. А потому для предохраненія находящихся тамъ фресковъ отъ поврежденій, наносимыхъ имъ такими людьми, оказалось необходимымъ катакомбу опять у входа ея заложить камнями и засыпать землею⁴⁾.

3.

Катакомба 1873 года.⁵⁾

Большая съ двумя комнатами или усыпальницами, раззоренная катакомба, открытая 12 марта на глубинѣ 7¹/₂ аршинъ

¹⁾ О. И. Гроссъ считалъ, повидимому, гирлянды, изображенныя на лѣвой стѣнѣ, на задней стѣнкѣ лежанки и на средней части потолка, за сороконожекъ (*Iulus terrestris*).

²⁾ См. уп. Отчетъ, табл. V—XV. ³⁾ См. тотъ же Отчетъ, табл. XVI.

⁴⁾ Такъ какъ мѣсто катакомбы не было точно обозначено, то скоро забыли, гдѣ она находится; только въ 1899 г., въ пріѣздѣ графа А. А. Бобринскаго въ Керчь, склепъ былъ снова найденъ благодаря указанію керченскаго мѣщанина Александра Тюрина и его пасынка Прокофія Мытаркина.

⁵⁾ Выписка изъ Журналовъ археологическихъ розысканій 1864—1877 г., написанныхъ рукою А. Е. Люценко. См. Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1874 г., стр. 112 сл.

отъ поверхности насыпи на сѣверной покатости горы Митридата, возлѣ Малаго Татарскаго ставка. На стѣнахъ этой замѣчательной катакомбы оказалась фресковая живопись, къ сожалѣнію, сильно поврежденная грабительскими въ нихъ проломами и приставшею къ этой живописи грязью (см. чертежи и рисунки ея подѣ №№ 1—19, представленные въ Коммиссію при донесеніи 6 декабря 1873 г. за № 42) ¹⁾.

4.

Катакомба 1875 года. ²⁾

Ниже скалистаго холма остроконечной формы ³⁾, близъ известковыхъ печей. Двѣ раззоренныхъ катакомбы, изъ коихъ одна оказалась совершенно пустою, а другая, съ весьма замѣчательными, хотя нѣсколько поврежденными фресками на стѣнахъ ⁴⁾, заключала въ себѣ кости остововъ, лежащія на полу ея въ крайнемъ безпорядкѣ, при которыхъ найдено: 1 небольшой сосудикъ изъ черной глины, весьма грубой работы, 1 терракотовая также грубой работы статуйка, представляющая Астарту въ высокомъ головномъ уборѣ, держащую въ правой протянутой рукѣ чашу, а лѣвой придерживающую на своихъ колѣнахъ герму Приапа ⁵⁾, 1 простая каменная буса, 3 глиняныя обыкновенной формы лампочки, 2 стеклянныхъ слезницы и 2 мѣдныхъ монеты Босфорскихъ царей Эвпатора и Римиталка (132—174 г. по Р. Хр.) ⁶⁾. См. подробный чертежъ этой катакомбы и рисунки фресокъ ея подѣ №№ 1—13, представленные въ Коммиссію при донесеніи 2 января 1876 г. за № 1.

* * *

¹⁾ Въ указанномъ рапортѣ нѣтъ подробнаго описанія катакомбы, находящейся на Нагорно-Предѣльной улицѣ, возлѣ усадьбы Тимоося Лопатина, безъ №.

²⁾ Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1876 годъ, стр. 218 слл. Мѣсто, гдѣ находилась эта катакомба, забыто.

³⁾ По точнымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ мѣстныхъ татаръ, гора эта извѣстна у нихъ подѣ именемъ не Куль оба (гора пенла), а Битль-оба (вшивая гора). Прям. А. Е. Люценко.

⁴⁾ Была открыта 1 го мая 1875 года.

⁵⁾ Изображеніе статуэтки издано въ Атласѣ къ Отчету Императорской Археологической Коммиссіи за 1876 г., табл. VI, рис. 10.

⁶⁾ Римиталкъ цѣствовалъ съ 131 по 153 г. по Р. Хр., а Эвпаторъ съ 154 по 170 годъ.

Размѣры катакомбы¹⁾.

Спускъ въ катакомбу длиною 2 саж., шириною 2 арш. 2 вершка и глубиною съ южной стороны, отъ поверхности до основанія, 4 аршина. Плита, стоявшая передъ входомъ, длиною 2 арш. 8 вершк., шириною $1\frac{3}{4}$ арш. и толщиною 4 вершка. Входъ въ катакомбу вышиною 2 арш., шириною $1\frac{1}{4}$ арш. и длиною 1 арш. Длина катакомбы 2 саж. 8 вершк., ширина 1 саж. Высота передней стѣны 2 арш. 2 вершка, высота задней стѣны, посрединѣ, 1 саж. Лежанка въ задней стѣнѣ 1 саж. 11 вершк., ширина 1 арш. и высота $1\frac{3}{4}$ арш.

5.

Склепъ Анѳестерія, открытый въ 1877 году¹⁾.

11 іюня. На глубинѣ $7\frac{1}{2}$ арш. отъ поверхности насыпи, другая меньшихъ размѣровъ катакомба № 24 длиною и шириною $3\frac{3}{4}$, высотой $2\frac{1}{2}$ аршина, съ 3 большими стѣнными углубленіями въ ней для покойниковъ и 3 небольшими нишами. Катакомба эта оказалась тоже раззоренною чрезъ сквозное отверстіе, пробитое въ стѣнѣ ея, нѣсколько выше заставной плиты, которая была замѣтно тронута. Галлерея, ведущая въ нее, имѣла чрезвычайно малые размѣры, простираясь въ длину на $1\frac{1}{4}$, въ ширину 1 и въ высоту $1\frac{1}{2}$ аршина. Впрочемъ, при костяхъ остововъ, лежавшихъ въ крайнемъ безпорядкѣ на полу, и въ стѣнныхъ углубленіяхъ описанной катакомбы, кромѣ 1 горшечка изъ черной глины, съ грубою во-кругъ шейки его рѣзьбою и 2 стеклянныхъ сосудовъ въ обломкахъ, ничего, уцѣлѣвшаго отъ расхищенія, не найдено. Зато, въ западной стѣнѣ ея, не занятой никакими углубленіями, возлѣ упомянутой галлеріи, оказался внизу грабительскій проломъ,

¹⁾ Выписка изъ приложенія къ рапорту отъ 2 января 1876 г. за № 1, написаннаго рукою О. И. Гресса.

¹⁾ Склепъ этотъ и фрески, украшавшія его стѣны, уничтожены бывшимъ владѣльцемъ усадьбы, керченскимъ мѣщаниномъ Власіемъ Ермаковымъ (Мат. по арх. Россіи, вып. 19, стр. 8, прим. 3). Теперь этотъ участокъ находится на углу 1-й Пагорной и 2-й Подгорной улицъ, домъ № 18, и принадлежитъ Александру Ишеничому. Склепъ впервые изданъ въ Отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи за 1878—1879 годъ, стр. 5 слл. и въ Атласѣ къ нему на таб. I.

посредствомъ котораго она сообщалась съ другою смежною съ нею катакомбой № 25, хотя тоже раззоренною, но гораздо обширнѣйшею и украшенною на стѣнахъ ея, съ трехъ сторонъ, весьма интересною живописью, несмотря на значительное поврежденіе сей послѣдней. Вновь открытая катакомба простиралась въ длину отъ В. къ З. на 9 арш., въ ширину отъ С. къ Ю., съ восточной стороны 4 арш. 6 вершк., съ западной же, украшенной фресками, 5 арш. 2 вершка и въ высоту отъ скалистаго пола до коробоваго свода ея, высѣченнаго въ крѣпко-глинистомъ грунтѣ и не имѣвшаго никакой живописи, $3\frac{1}{4}$ арш. Стѣны ея, въ уровень съ плечами свода, были украшены въ видѣ карниза одною широкою полосою коричневаго или бурога цвѣта, ниже которой поверхность ихъ представляла нѣсколько рядовъ параллелограмовъ, правильно очерченныхъ и расположенныхъ на подобіе каменной кладки; при чемъ 3 изъ этихъ стѣнъ: двѣ продольныя и одна поперечная (съ западной стороны) имѣли каждая по срединѣ одну небольшую нишу съ полукруглымъ сводомъ. Галлерей, ведущая въ эту катакомбу, находилась въ сѣверной стѣнѣ ея, возлѣ сѣверо-западнаго угла. Она имѣла также полукруглый сводъ и простиралась въ длину на 2, въ ширину $1\frac{1}{2}$ и въ вышину въ $2\frac{1}{2}$ аршина, была замкнута извнѣ одною плотно приставленною къ ней плитою изъ цѣльнаго известковаго камня. Почти такой же ходъ, или, вѣрнѣе, второй грабительскій проломъ оказался и въ западной стѣнѣ ея, возлѣ того же угла, при чемъ послѣдній хотя и замыкался плитою но, она была опрокинута, и позади ея находилась мина, изъ которой сыпалась земля. Что же касается фресковыхъ изображеній, находящихся на стѣнахъ означенной катакомбы, то, начинаясь на сѣверной стѣнѣ ея, съ лѣвой стороны отъ упомянутой галлерей, и переходя на западную, гдѣ надъ полукруглою нишею, шириною 9, вышиною 11 и глубиною 5 вершковъ, находилась слѣдующая, вырѣзанная въ крѣпко-глинистомъ грунтѣ, надпись:

ΑΝΘΕΣΤΗΡΙΟΥΝ
ΣΙΠΠΟΥΚΑΙ
ΚΤΗΣΑΜΕΝΟΣ ¹⁾,

они кончаются на южной стѣнѣ въ небольшомъ разстояніи отъ юго-западнаго угла.

Впрочемъ, опустошеніе этой катакомбы было такъ велико, что при разслѣдованіи находившагося на полу ея небольшого

¹⁾ Надпись издана В. В. Латышевымъ въ I. o. s. P. E. II, № 123.

количества земли никакихъ въ ней остатковъ отъ гробовъ и человѣческихъ костей не обнаружено. Только въ одной изъ боковыхъ ея нишъ найдена 1 простая, средней величины чаша изъ красной глины и возлѣ пролома 1 женская бронзовая головка.

Сообщилъ *В. Шкорпилъ.*

КАФА

въ періодъ владѣнія ею Банкомъ св. Георгія

(1454—1475).

Г о р о д ъ.

Въ статьѣ „Историческіе документы о паденіи Кафы“¹⁾ мы затронули вскользь вопросъ о степени готовности кафинскихъ властей къ встрѣчѣ угрожавшихъ имъ Турокъ. Мы тогда же указывали не только на неусыпную заботу и безпре-
станную бдительность консуловъ и высшихъ членовъ правле-
нія колоніи, но и на состояніе военныхъ и провіантскихъ за-
пасовъ, хранившихся въ казенныхъ складахъ, арсеналахъ и ка-
зармахъ. Высшее правленіе Банка св. Георгія въ Генуѣ должно
было заботиться о надежной безопасности жителей во много-
людномъ городѣ, къ которому и морскимъ и сухимъ путемъ
стекались громадныя транспорты всевозможныхъ видовъ това-
ровъ и въ которомъ сосредоточивались столь значительныя
средства казенныхъ и частныхъ доходовъ.

За время двухсотлѣтняго владѣнія черноморскими колоні-
ями Генуэзской республикой (1260—1454 г.) Кафа неодно-
кратно подвергалась нападеніямъ, какъ съ моря отъ завистли-
выхъ и сильныхъ Венеціанцевъ, такъ и съ суши со стороны
мѣстныхъ Татаръ. Вотъ почему одна изъ главныхъ заботъ пер-
выхъ кафинскихъ консуловъ состояла въ постройкѣ мощныхъ
стѣнъ, высокихъ башенъ и глубокаго, выложеннаго камнемъ рва.

Что касается до города, Кафа, подобно другимъ средневе-
ковымъ западнымъ городамъ, отличалась своими многочислен-
ными, узкими, извилистыми улицами, безъ площадей, и дѣли-

¹⁾ См. „Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи“ № 45.

лась на кварталы, называвшіеся *бортами* (*borghi*). Сколько было въ Кафѣ этихъ кварталовъ, нигдѣ въ оставшихся документахъ не упомянуто. Однако мы знаемъ, что застроенный городской периметръ (*città*) состоялъ изъ двухъ главныхъ укрѣпленныхъ частей: внутренней, центральной (*il borgho*), и внѣшней (*gli sobborghi*). Внутренняя часть (или главный кварталъ) города, хотя и меньшая по размѣрамъ, была очень густо заселена и сильно укрѣплена. Она обнимала пространство Кафы перваго періода ея существованія, и потому сохранила названіе *борто* (укрѣпленный замокъ или цитадель). Въ предѣлахъ *борто* находились главные казенныя зданія, консульскій дворецъ (*palazzo*), судебныя учрежденія (*cugia*), казначейство (*masseria*), домъ латинскаго епископа¹⁾, складъ и контора для провѣрки вѣсовъ и взысканія пошлинъ съ сыпучихъ продуктовъ (*jeghetaria*), склады и магазины болѣе цѣнныхъ товаровъ (драгоценныя камни и металлы, мѣха, шелковыя ткани и т. п.).

Эта часть (*il borgho*), въ сравненіи съ остальной (*sobborghi*), была вдвое меньшей. Она занимала нынѣшнее пространство города Θεοδοσίи, заключенное морскою береговою линіею отъ карантинна до начала Турецкой улицы. Здѣсь эта линія стѣнъ, повернувъ на югъ, по Турецкой же ул. до сада и бани С. С. Хаджи, шла вдоль Виноградовской улицы, мимо домовъ Алтынтопа и Роди, къ дому полковн. Киселева. Оттуда, круто поднявшись подъ прямымъ угломъ въ гору, она останавливалась у башни папы Климента VI-го, рядомъ съ домомъ І. А. Біанки, и спускалась опять къ морю въ карантинъ.

Такимъ образомъ, бывшая мужская гимназія, дома Дуранте, Лысенко, Алтунджи, Крыма, городской садъ и площадь за нимъ съ прилегающимъ кварталомъ до караимскаго училища — весь этотъ периметръ построекъ и улицъ составлялъ центрально-административную часть генуэзской Кафы. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь входъ въ карантинъ, стоялъ консульскій домъ (*palazzo consolare*) съ пристройкой къ нему зданія суда (*cugia*), площадкой надъ моремъ (*piazzetta di San Giorgio*)²⁾ и крытой террасой съ балкономъ (*loggia*), откуда судебный офицеръ, при звукахъ трубы, оповѣщалъ о консульскихъ постановленіяхъ и судебныхъ приговорахъ. Такъ какъ *борто* былъ окруженъ высокими, толстыми стѣнами, то доступъ къ нему былъ возмо-

¹⁾ По Виноградовской улицѣ, домъ г-жи А. С. Дуранте, какъ свидѣтельствуеъ найденная во дворѣ этого дома надпись съ гербомъ епископа Джіофредо Чикала (1421—1441).

²⁾ Эта площадка существуетъ до сихъ поръ.

женъ только черезъ главныя ворота, которыя, какъ и другія въ городѣ, по сигналу особаго колокола, закрывались при наступленіи ночи до восхода солнца. Эти ворота находились: однѣ передъ домомъ І. А. Біанки, другія на Италіанской улицѣ, возлѣ дома Алтунджи. Развалины первыхъ изъ этихъ воротъ еще замѣтны и теперь и служатъ входомъ въ такъ называемую карантинную крѣпость. Вторыя были сильно защищены обширнымъ замкомъ съ двумя высокими зубчатыми башнями и передовыми бастионами (кавальерами) съ подвижнымъ мостомъ¹⁾.

Вторая или внѣшняя часть Кафы занимала обширную территорию, окруженную второю линіею укрѣпленій, шедшею вдоль всего морского берега до замка св. Константина и оттуда къ югу, до музея и карантина. Эта часть (*sobborghi*) образовалась въ теченіе первой половины XIV-го столѣтія и была, можно сказать, силою захвачена у Татаръ, противъ договора, заключеннаго съ ханомъ Тохтамышемъ въ 1283 году. *Соборы* дѣлились на множество тѣсныхъ кварталовъ и были густо населены. Между этими кварталами выдѣлялись своей оживленностью и дѣятельностью народа нѣсколько улицъ, составлявшихъ кафинскій базаръ, гдѣ продавались преимущественно мѣстные продукты: мясо, рыба, овощи и фрукты. Дальше размѣщены были каравансараи и заѣзжіе дворы (*timo*), зерновые склады и большіе загороженные глухими стѣнами дворы, для загона въ нихъ продаваемыхъ невольниковъ²⁾.

Къ этимъ двумъ частямъ, составлявшимъ генузскую Кафу (*città*), нужно еще прибавить нѣсколько слободокъ (*avanborghi*), расположенныхъ за стѣнами (*extra muros*), какъ-то: нынѣшнія слободки—карантинная, татарская, георгіевская. Въ этихъ незащищенныхъ отъ непріятеля подгородныхъ кварталахъ стояли существующія до нашихъ дней церкви св. Георгія и св. Анны Пророчицы, давно разрушенныя церкви Воскресенія Господня (дача Чураева) и св. Θεодора (по Арабатской ул.) и нѣсколько другихъ въ предѣлахъ карантина. Кромѣ этого, тамъ находились большія городскія цистерны (теперь лѣсная Крыма), нѣсколько каравансараевъ, публичные дома и таверны, скотопронгонные дворы, склады сѣна, древеснаго угля и дровъ, обло-

¹⁾ Нѣкоторые слѣды этого сооруженія еще видны и донинѣ, подъ домомъ Палахристо, въ видѣ глубокаго сводчатаго на столбахъ погреба.

²⁾ Этотъ торгъ приносилъ кафинскимъ купцамъ и казнѣ большую прибыль. Рабы, купленные у татаръ и кавказскихъ горцевъ, отправлялись на Востокъ, въ Сирію и Египетъ (Записки Одесск. Общ. Истор. и Др. Т. V).

женные городскимъ налогомъ. Всѣ эти торговые склады и жилые дома, для огражденія ихъ отъ пожаровъ и грабежей, находились подъ наблюдениемъ отдѣльныхъ отрядовъ городской полиціи¹⁾.

Укрѣпленія Кафы.

Вся крѣпость *Кафа*, т. е. все укрѣпленное кольцо, окружающее обѣ вмѣстѣ взятыя части города (*città*), состояла изъ стѣнъ до 5-ти сажень²⁾ высоты надъ рвомъ, съ зубцами и амбразурами. На разныхъ интервалахъ и по мѣрѣ надобности, возвышались высокія зубчатыя башни, въ числѣ двадцати шести, украшенныя надписями съ гербами Генуи, Кафы и консуловъ, указывающими годъ ихъ сооруженія. Постройка этихъ укрѣпленій начата въ первой половинѣ XIV столѣтія.

Одной изъ первыхъ этихъ построекъ, воздвигнутыхъ для защиты *борго* отъ нападенія непріятеля со стороны суши, былъ большой угловой замокъ подъ горой, на южной линіи, внушительные слѣды котораго до сего времени виднѣются на карантинной слободкѣ, по сосѣдству съ домомъ Кулишева. Замокъ этотъ, носящій у археологовъ названіе „круглой башни“, былъ основанъ консуломъ Джіовани де-Скаффа въ 1342 году.

Другая мощная и внушительная по своимъ размѣрамъ постройка, возвышающаяся на сѣверо-востокъ отъ предыдущей, рядомъ съ домомъ І. А. Біанки, башня папы Климента VI, построена была въ память услуги, оказанной этимъ папой снаряженіемъ флота для избавленія Кафы отъ нападенія Татаръ (1348 г.).

Сверхъ этихъ двухъ остатковъ отъ генуэзской защитной крѣпости *борго*, возвышаются еще донинѣ развалины башенъ: такъ называемой „второй“, надъ карантиномъ, и ниже отъ этой, на самомъ берегу моря, такъ назыв. башни „Джіустиніани“.

Что касается до „башни св. Константина“, на сѣверо-западъ отъ города, вблизи памятника императору Александру III, то она является остаткомъ важнаго въ Кафѣ замка. Въ этомъ зданіи помѣщался запасъ оружія (*sabarbario*) на случай войны.

Между всѣми остальными башнями въ крѣпости башня св. Константина была единственной, гдѣ начальникъ былъ изъ

¹⁾ Statutum Caphae, XXVI.

²⁾ См. планъ Кафы 1786 года, хранящійся въ Θεοδοσίῳ музеῖν древностей.

офицеровъ (*custode e capitano della torre di s. Costantino*) и избирался Совѣтомъ Банка въ Генуѣ на одинъ годъ. Ему подчинялись, въ случаѣ войны, начальники всѣхъ остальныхъ башенъ, находившихся подъ надзоромъ капрала (*socio*). Арсеналь при башнѣ св. Константина настолько строго контролировался, что ключи отъ этого склада хранились у коменданта и у консула, и никто изъ нихъ не могъ проникнуть туда безъ согласія другого. Сверхъ этого, помощникъ коменданта обязанъ былъ безотлучно, днемъ и ночью, находиться при башнѣ съ надлежащимъ числомъ солдатъ (*stipendiarii*), подъ угрозой 150 аспровъ штрафа (*quorum socius inquam discedat a dicta turri*). Комендантъ же и консулъ ежегодно должны были представлять въ Геную отчетъ о состояніи и количествѣ находившагося подъ ихъ отвѣтственностью военного матеріала¹⁾.

О названіяхъ другихъ башенъ Кафы нигдѣ въ документахъ нѣтъ свѣдѣній. Изъ найденной въ 1883 году во рву, надъ музеемъ древностей, надписи, упоминающей о башнѣ стоявшей на этомъ мѣстѣ, можно предполагать, что эта башня носила названіе „башня св. Ѳомы“. Постройка ея относится къ 1384 году, ко времени консула Піетро Гацано.

Въ годъ уступки республикой черноморскихъ колоній Банку св. Георгія, кафинская крѣпость находилась въ весьма плачевномъ состояніи. Если вѣрить подрядчику Антоніо Ассерето, взявшемуся ремонтировать большую часть башенъ въ Кафѣ въ 1455 году, всѣ башни дали трещины; зубцы, крыши, лѣстницы и полы сильно пострадали отъ ветхости, такъ что многія сооруженія стали негодными для защиты (*ita et taliter, quod non possumus defendere civitatem nostram*)²⁾.

По словамъ вышеупомянутаго подрядчика Ассерето³⁾, впрочемъ, открывавшихъ доступъ въ городъ Кафу, „было много“. Однако въ генуэзскихъ документахъ и другихъ источникахъ, мы могли отыскать на основаніи ихъ названій всего пять.

1) Главныя городскія ворота со стороны суши находились почти рядомъ съ замкомъ св. Константина, между женскою гимназіею и фонтаномъ И. К. Айвазовскаго. Сильно защищенные двумя зубчатыми башнями, эти ворота носили имя святого покровителя Генуэзцевъ Георгія Побѣдоносца. Высоко надъ ними выдѣлялся большой барельефъ съ гербомъ республики, изображавшій фигуру св. Георгія на скачущемъ влѣво конѣ

¹⁾ Statutum Caphae, XXIV.

²⁾ Док. СXXXII.

³⁾ Loc. cit.

и со стягомъ съ бѣлымъ крестомъ на червонномъ полѣ¹⁾. Поэтому въ послѣдствіи, при турецкомъ владычествѣ, эти ворота назывались „атлы-капу“, т. е. воротами „всадника“ (la porte du cavalier)²⁾. Подъ аркой этихъ же воротъ, 15 іюня 1783 г., послѣ трехдневной осады, побѣдоносно, съ пѣніемъ, вошли впервые въ Кафу русскія войска, подъ предводительствомъ свѣтлѣйшаго князя Вас. Мих. Долгорукова³⁾.

2) Ворота „двѣнадцати Апостоловъ“ служили въѣздомъ въ Кафу со стороны холма св. Ильи Пророка, около дачи Чураева. О нихъ нѣтъ въ архивахъ Кафы другихъ указаній, кромѣ одного ихъ названія, въ письмѣ Ассерето.

3) О воротахъ подъ названіемъ „porta di Caiadoro“ встрѣчается нѣсколько указаній въ документахъ, но почти каждый разъ съ измѣненіемъ орѳографіи этого слова. Генуэзскій палеографъ Амедео Винья домогался отгадать значеніе слова „Каиадоръ“, не имѣющаго смысла ни на италіанскомъ языкѣ, ни на татарскомъ, и пришелъ къ заключенію, что это извращенное произношеніе татарскаго слова или наоборотъ. Другой генуэзскій историкъ, Джіустиніани, пишетъ: „porta di cacciatore“, т. е. ворота „охотника“⁴⁾, и очень возможно, что татары произносили это итальянское слово по-своему (кал, камень). Во всякомъ случаѣ, ни то ни другое мнѣніе не даетъ намъ пока достаточнаго основанія для точнаго разрѣшенія этой загадки. Ворота „Каиадоръ“ находились вблизи армянской церкви свв. Архангеловъ.

4) Четвертыя большія ворота, подъ башнею, открывались на набережной, возлѣ дома Бобовича (*муфти ханъ*), и носили названіе „Вонитика“. Черезъ эти ворота въ 1455 году, въ день 23 апрѣля, праздникъ св. Георгія, при звонѣ колоколовъ всѣхъ церквей, звукахъ трубъ и литавръ и радостныхъ крикахъ привѣтствующаго его населенія, совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Кафу первый консулъ, присланный Банкомъ, Томазо Домокульта⁵⁾.

5) Ворота „св. Ѳеодора“ должны были открываться, по всей вѣроятности, у одного изъ двухъ мостовъ надъ рвомъ,

1) Гербъ генуэзской республики: *серебряный крестъ отъ края до края щита на червонномъ полѣ*. Одно время фигура св. Георгія, равно и пасхальный Агнецъ съ хоругвію служили гербомъ у Генуэзцевъ.

2) См. „Путешествіе по Крыму“ о. Минаса Медичи. Венеція, 1825.

3) См. Извѣстія Тавр. Учен. Архивн. Коммиссіи № 36.

4) Annali di Genova.

5) Док. MCXLIV и MCXLVIII.

передъ зданіемъ нынѣшней мужской гимназіи, и вели къ исчезнувшей впослѣдствіи церкви св. Θεодора, за защитной стѣной.

Примѣчаніе. Изъ краткой замѣтки А. Винья¹⁾, мы узнаемъ, что генуэзскій лѣтописецъ Джіустиніани²⁾ указываетъ, между прочимъ, и на 6-я ворота „del giardino“—„садовые“, ведшія къ садамъ Бартоломео ди Тоди. Этотъ проѣздъ въ защитной стѣнѣ былъ, вѣроятно, не изъ главныхъ, иначе Ассерето не преминулъ бы о немъ упомянуть. „Садовые ворота“ представляли, вѣроятно, изъ себя частную калитку (poterna), специально предназначенную для проѣзда къ садамъ, расположеннымъ по склонамъ холма св. Іліи, на юго-востокъ отъ города. Джіустиніани указываетъ еще на эту дверь, какъ на одно изъ первыхъ мѣстъ въ стѣнѣ, разрушенныхъ Турками при взятіи ими Кафы въ 1475 году. Между тѣмъ, намъ изъ другого источника³⁾ извѣстно, что именно со стороны холма св. Іліи Пророка Турки начали бомбардировать Кафу (*nel senzo di posizione scelta dai turchi per battere in breccia la città*)⁴⁾.

Городской водопроводъ въ Кафѣ.

Одною изъ главныхъ задачъ кафинскихъ правителей было, разумѣется, снабженіе 70-тысячнаго населенія питьевой водой. Эта забота постоянно отмѣчается въ приказахъ главнаго комитета (protectores) Банка св. Георгія. Эти правительственные дѣятели ежегодно командировали изъ Генуи въ Кафу нѣсколько специалистовъ-фонтанщиковъ (*officiales aquarum* или *custodi delle acque*), на обязанности которыхъ лежало заботиться о правильномъ дѣйствіи водопровода. Поэтому эти чиновники, фонтанные сторожа и мастера, ежедневно, во всякое время года, провѣряли количество воды въ городскихъ водоемахъ. Они же слѣдили за цѣлостью сложной сѣти гончарныхъ трубъ, ведшихъ изъ сосѣднихъ холмовъ питьевую воду въ подземныя обширныя, сводчатыя водохранилища.

Въ недавнее время намъ часто приходилось слышать и читать о системѣ водоснабженія въ Кафѣ въ XIV и XV столѣтіяхъ. Специалисты утверждали и писали, что Генуэзцы прибѣгали къ

¹⁾ Atti della S-tà Ligure. T. VII, p. 858.

²⁾ Annali di Genova.

³⁾ Брунъ. „Черноморье“.

⁴⁾ Annali di Genova.

такъ называемой ассиро-вавилонской системѣ водоснабженія, пользуясь для этого источниками и водоносными подземными скважинами, встрѣчающимися въ горахъ. Однако Генуэзцы поступили гораздо проще.

Въ виду скудости, чтобы не сказать отсутствія какихъ-либо достаточно богатыхъ источниковъ или водоносныхъ жилъ и обративъ вниманіе на геологическое строеніе кафинскихъ горъ, генуэзскіе фонтанщики отмѣчали на горѣ болѣе или менѣе значительную, въ видѣ воронки, впадину на поверхности почвы. Въ периметръ этой впадины они рыли затѣмъ нѣсколько неглубокихъ колодцевъ. Соединивъ эти колодцы трубами съ однимъ находившимся ниже общимъ колодцемъ, они изъ него проводили собранную воду къ фонтану или цистернѣ.

При столь примитивной системѣ размѣръ запаса воды никогда не могъ удовлетворить потребности многочисленнаго населенія, такъ какъ онъ всецѣло зависѣлъ отъ количества атмосферной влаги, выпадавшей на сосѣднихъ холмахъ. Поэтому, несмотря на заботливый надзоръ за водопроводами, генуэзская Кафа не всегда была обезпечена отъ недостатка воды. Въ 1463 и 1464 годахъ, напр., бѣднѣйшая часть населенія Кафы сильно страдала отъ недостатка воды, вслѣдствіе продолжительной засухи и неурожая всѣхъ полевыхъ и садовыхъ продуктовъ. Освѣдомленное объ этомъ банковское правленіе рѣшило немедленно приступить къ сооруженію въ Кафѣ, на счетъ колоніи, новыхъ объемистыхъ сводчатыхъ водоемовъ¹⁾.

Хранящіеся въ генуэзской библіотекѣ св. Георгія архивные документы города Кафы изобилуютъ заботливыми наставленіями и совѣтами о водопроводныхъ сооруженіяхъ въ этомъ городѣ. Среди этихъ иногда строгихъ приказовъ метрополіальнаго правительства кафинскимъ консуламъ, одно мѣсто обращаетъ на себя особое наше вниманіе. Въ приказѣ отъ 19 іюля 1468 года протекторы пишутъ, между прочимъ, консулу Джен-тиле Камилла, что они вполнѣ одобряютъ мысль мѣстныхъ архитекторовъ, имѣвшихъ въ виду, при постройкѣ большой казенной цистерны, покрыть это сооруженіе каменною крышею, въ подражаніе армянскимъ церквамъ, „чтобы, въ случаѣ дождя, увеличить въ водоемѣ запасъ воды (*utile esse cooperiri lapidibus juxta formam ecclesiarum armenorum, et commodius aqua pro cisterna in ipso tecto colligi possit*)“²⁾. Подобная забота кафинскихъ

¹⁾ Док. CL.

²⁾ Док. DCCCXI. Vol. VII, p. 549.

гидротехниковъ доказываетъ, что они не очень-то рассчитывали на обиліе воды, ожидаемой изъ водопроводной сѣти. Впрочемъ, эта сѣть водопроводныхъ трубъ, покрывавшая громадное пространство господствовавшихъ надъ городомъ холмовъ, въ случаѣ войны, легко могла быть разрушена непріятелемъ, какъ это и случилось во время осады Кафы Ахметомъ пашой, въ 1475 году.

Во время турецкаго владычества¹⁾ мѣстныя власти еще тщательнѣе Генуэзцевъ заботились о полученіи возможно большаго количества воды въ Кафѣ. Увеличивъ за городомъ водопроводную сѣть, Турки еще вырыли въ городѣ многочисленные колодцы. Однако разсказъ извѣстнаго французскаго путешественника по Крыму Пейсонеля²⁾ о существованіи при немъ въ Кафѣ до 150 фонтановъ вызываетъ въ насъ нѣкоторое сомнѣніе. Дѣло въ томъ, что на планѣ города Кафы, снятаго съ натуры по распоряженію свѣтлѣйшаго князя Потемкина Таврическаго въ 1784 году³⁾, т. е. девять лѣтъ всего послѣ посѣщенія Пейсонеля, обозначено во всемъ городѣ лишь пять—шесть фонтановъ: карантинный, караимскій, гаевскій, два на Италіанской ул., одинъ въ урочищѣ Ташлыкѣ⁴⁾. Остальные водоемы—все колодцы. Изъ этого нужно предположить, что не только въ средніе вѣка, но и въ болѣе близкое къ намъ время эта мѣстность всегда страдала отъ недостатка въ питьевой водѣ, особенно въ періоды засухи.

При разборѣ многочисленныхъ кафинскихъ документовъ, собранныхъ и изданныхъ А. Винья⁵⁾, явно и часто выдѣляется тревожная забота генуэзскихъ и мѣстныхъ правителей черноморскихъ колоній объ изысканіи денежныхъ средствъ къ снабженію водой кафинскаго населенія. Дѣло это дошло до того, что, по представленіи⁶⁾ римской куріи рапорта о бѣдственномъ положеніи христіанскаго населенія въ Тавридѣ, папа Каликстъ III постановилъ: „отпускать ежегодно, съ цѣлью постройки въ Кафѣ большой цистерны, пособие изъ денежнаго сбора отъ индульгенцій“⁷⁾. Между тѣмъ, несмотря на столь значительную

¹⁾ 1475—1783 г.

²⁾ Пейсонель былъ въ Крыму въ 1775 г.

³⁾ Оригиналъ этого плана хранится въ Θεодосіѣскомъ музеѣ древностей.

⁴⁾ Цынѣ „Добрый Пріютъ“.

⁵⁾ Atti della Società Ligure di patria. T. VI—VII.

⁶⁾ Въ 1459 году.

⁷⁾ Atti. Vol. VI. T. I p. 940. Док. CCCCLVII. См. еще два письма отъ 5 ноября 1463 г. и Док. DLXXXIX и DXC.

матеріальную поддержку, строителям водосборнаго сооруженія пришлось прибѣгать къ нехитрому способу собиранія дождевой воды съ крышъ сосѣднихъ съ цистерной зданій.

Церкви въ Кафѣ.

Нельзя сказать, чтобы въ послѣднее 20-лѣтіе генуэзскаго владычества въ Крыму христіанскій религіозный духъ стоялъ особенно высоко, какъ среди правителей колоній, такъ и среди самага кафинскаго населенія. Наоборотъ, все въ современныхъ документахъ указываетъ на глубокое паденіе общественныхъ нравовъ, на своеволие чиновъ гражданской администраціи и сильное игнорированіе установленныхъ законовъ и традицій со стороны представителей церкви и руководителей отдѣльныхъ христіанскихъ культовъ.

Впрочемъ, разслабленіе моральныхъ основъ и религіозныхъ чувствъ проявилось въ Кафѣ гораздо раньше перемѣны правительства, еще около 1433 года, когда генуэзскій полководецъ Ломелино былъ разбитъ на голову въ окрестностяхъ Эски-Крыма татарскимъ ханомъ Хаджи-гераемъ. Это печальное для Генуэзцевъ событіе дало почувствовать кафинцамъ всю слабость авторитета далекаго отъ нихъ метропольнаго правительства.

Это послѣднее всѣми силами, хотя и малоуспѣшно, домогалось возстановленія порядка. Оно понимало, что прочныя правила христіанской вѣры должны служить основаніемъ всякому мало-мальски благоустроенному государству. Вотъ почему въ 1449 году былъ обнародованъ новый кодексъ законовъ (*Statutum Caphae*). Въ этомъ кодексѣ ясно сказывается духъ, руководившій верховнымъ правленіемъ колоній; онъ часто взываетъ къ совѣсти консуловъ и другихъ чиновъ администраціи и, между прочимъ, строго воспрещаетъ латинскимъ гражданскимъ и церковнымъ властямъ вмѣшиваться въ дѣла другихъ вѣроисповѣданій, особенно греческаго и армянскаго.

Между тѣмъ всѣ старанія и увѣщанія протекторовъ, всѣ ихъ посланія и указы имѣли мало вліянія на распущенное, разноплеменное 70,000-е населеніе Кафы. Можно смѣло утверждать, что такое сильное разслабленіе религіозной и соціальной нравственности погубило Кафу и послужило одной изъ главныхъ причинъ, приведшихъ къ окончательному разгрому всѣхъ генуэзскихъ поселеній въ Тавридѣ.

Не то было въ Кафѣ въ продолженіе всего XIV вѣка, въ то время, когда этотъ городъ дѣйствительно сталъ царицею Евксина и служилъ безопаснымъ убѣжищемъ (*ipsam urbem capham, christianorum maris pontici caput, et caphenses populos, et alios terrarum maris pontici incolas, sancte fidei cultores, commendamus*) многочисленнымъ христіанскимъ бѣглецамъ изъ Анатоліи и Арменіи, передъ нашествіемъ оттоманскихъ завоевателей¹⁾. Донынѣ существующія армянскія церкви святыхъ Архангеловъ Гавріила и Михаила, св. Сергія и св. Георгія, а также и другія въ предѣлахъ Θεодосійскаго карантина, свидѣтельствуютъ о процвѣтаніи и свободѣ христіанскихъ вѣроученій въ Кафѣ въ началѣ XIV столѣтія. Въ это время не только вѣра правителей, латинская, но и армянская и греческая высоко почитались въ границахъ генуэзскихъ черноморскихъ поселеній. Согласно съ закономъ, изданнымъ въ 1381 году и возобновленнымъ въ 1449 году, никто не смѣлъ заглянуть въ религіозную совѣсть подданныхъ, ни препятствовать имъ въ отправленіи своихъ духовныхъ обязанностей, до такой степени, что, напр., „въ праздничные дни латинянь или какого либо другого христіанскаго вѣроисповѣданія никому не запрещалось открывать лавку или мастерскую (*liceat tamen cuicumque laborare in domo ipsius ad libitum voluntatis*)“²⁾.

Латиняне въ Кафѣ имѣли много болѣе или менѣе значительныхъ храмовъ, носившихъ имена тѣхъ святыхъ угодниковъ, во славу которыхъ они были воздвигнуты. Кромѣ такихъ костеловъ, въ Кафѣ въ XIV и XV вѣкахъ, процвѣтали двѣ обители монаховъ св. Франциска и одна отцовъ-проповѣдниковъ доминиканцевъ. Эти два монашескіе ордена зависѣли отъ ихъ главныхъ домовъ въ Перѣ, предназначенныхъ для пропаганды по всему Востоку. Кафинскія обители, особенно доминиканская, служили, такъ сказать, этапомъ для дальнѣйшихъ миссій въ Персію, среднюю Азію (*Tartaria*) и даже Китай. Молодые миссіонеры прибывали въ Кафу, гдѣ они, въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, совершенствовались въ изученіи восточныхъ языковъ, и послѣ этого, съ евангеліемъ подъ мышкою и крестомъ въ рукѣ, въ бѣлой шерстяной рясѣ, опоясанной чернымъ шнуромъ, они отправлялись въ далекія земли монгольскія (*nelle lontane terre d'Oriente*), до самаго Камбалюка (Пекинъ)³⁾.

1) Atti. T. VII, parte II. Док. DCCXCV.

2) *Statutum Caphae*, cap. XXX, art. 341. Atti. T. VII. parte III, pag. 746.

3) Op. cit. „Gli ordini religiosi in Crimea“. T. VII, parte III, p. 732—743.

Спеціально посвятивъ себя проповѣди среди нехристіанскихъ восточныхъ народовъ, доминиканцы и францисканцы въ Кафѣ занимались проповѣдью особенно между татарами. Объ успѣхахъ этихъ патеровъ въ Крыму изъ документовъ мы мало почерпаемъ свѣдѣній, хотя видно, что они имѣли школы при монастыряхъ, и что контингентъ ихъ учениковъ состоялъ преимущественно изъ татарскихъ юношей. Нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ приняли христіанскую вѣру и сдѣлались извѣстными въ Кафѣ и Генуѣ, какъ напр. Костанцо Сарра, изъ Татаръ, уроженецъ Кафы (*sarracino, nativo e borghese di Caffa*)¹⁾, учитель и чиновникъ казначейства, и Ассанъ Сико, также татаринъ (*assansic, sarracenus, scriptor litterarum sarracenarum*)²⁾, писецъ и толмачъ при кафинскомъ судѣ. Въ лѣтописяхъ доминиканскаго ордена³⁾ упоминается, между прочимъ, и о громкомъ успѣхѣ въ пропагандѣ керченскаго латинскаго епископа (*vescovo di Vosporo*)⁴⁾, патера Франческо да Камерино, обратившаго въ христіанство, въ 1333 году, царя Зихии, Версахта (*Versacht*), вмѣстѣ со всѣмъ его дворомъ и народомъ.

О числѣ и названіяхъ христіанскихъ церквей въ Кафѣ ясно указывается въ *Statutum Caphae*, какъ существовавшихъ въ 1449 году. Вотъ ихъ перечисленіе:

1) Церковь *св. Агнесы*. Этотъ храмъ былъ въ большомъ почетѣ въ Кафѣ, считался, на основаніи данныхъ ему въ 1389 году римскимъ папой Бонифаціемъ IX правъ индульгенціи, каедральнымъ и подчинялся кафинскому латинскому епископу. Церковь св. Агнесы, по документамъ, отличалась большою роскошью убранства и строительнаго матеріала⁵⁾. Она стояла на томъ-же мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи Турки воздвигли свою главную мечеть Султанъ-Селима и гдѣ теперь стоитъ православный Александро-Невскій соборъ⁶⁾.

2) Церковь *Пресвятой Богородицы*. Эта церковь, судя по документамъ, въ которыхъ часто упоминается о ней, была въ завѣдываніи отцовъ францисканцевъ и стояла на базарной улицѣ, почему, въ отличіе отъ слѣдующей, ее называли „*Santa Maria del bazar*“.

¹⁾ Op. cit. 874.

²⁾ Loc. cit.

³⁾ „*Bullarium Ordinis Praedicatorum*“ Brémond. V. l. II—III.

⁴⁾ *Atti*, Vol. VII, p. III, p. 736.

⁵⁾ *Atti*. „Le chiese di Caffa. 744.“

⁶⁾ См. Виноградовъ: „*Θεοδοσία*“, ист. очеркъ.

3) Другая церковь, воздвигнутая на берегу моря, за городскими воротами (вѣроятно, недалеко отъ башни св. Константина), праздновала свой храмовой день 15 августа и потому носила имя „*Santa Maria Assunta*“ (Успеніе Пресвятой Богородицы). При взятіи Кафы въ 1475 году эта церковь одна изъ первыхъ пала подъ ударами Турокъ.

4) При консульскомъ дворцѣ (карантинъ), домашняя капелла св. *Георгія Побѣдоносца*.

Въ городѣ, при двухъ монастыряхъ находились церкви:

5) *Св. Франциска*.

6) *Св. Доминика*.

Сверхъ этого, въ *Statutum Caphae* названы еще храмы:

7) *Св. Антонія*.

8) *Св. Лазаря*.

9) *Св. Іоанна Предтечи*.

10) *Свв. апостоловъ Петра и Павла*.

11) *Св. Маріи Магдалины*.

12) *Св. апостола Іакова*.

13) *Св. Лаврентія*.

14) *Св. Клары*.

15) *Св. Михаила Архангела*.

16) *Св. Екатерины*.

17) *Св. Николая Чудотворца*.

18) *Св. Креста*.

19) *Св. Воскресенія*.

Согласно примѣчанію генуэзскаго историка А. Винья, слѣдуетъ отмѣтить, что, по всей вѣроятности, церковь св. *Креста* принадлежала Армянамъ-католикамъ, а церкви св. *Лазаря* и св. *Екатерины* Грекамъ.

Что касается до церкви св. *Михаила*, нужно ее считать тождественной съ существующею донынѣ армяно-григоріанскою церковью свв. *Архангеловъ Михаила и Гавріила*.

Хотя въ Статутѣ 1449 года, церковь св. *Сергія* не упомянута, однако, ея внѣшій и внутренній чисто армянскій архитектурный стиль, какъ и предыдущей, безспорно указываетъ на построеніе ея въ XIV-мъ столѣтіи.

Церковь же св. *Георгія*, какъ храмъ инославный и къ тому же стоявшій за городскою стѣною (*extra muros*), также не вошла въ генуэзскій списокъ. Нужно полагать, что она въ 1449 г. еще не существовала и была построена въ болѣе позднее время, уже при турецкомъ владычествѣ, въ концѣ XV-го или въ XVI столѣтіи.

Въ кафинскихъ документахъ¹⁾ названа еще церковь или часовня *св. Анны*. Однако не слѣдуетъ принимать эту святыню за стоящую въ наше время на горѣ, выше французскаго кирпичнаго завода, часовню армяно-григоріанскаго прихода. По другимъ указаніямъ, рѣчь идетъ здѣсь о часовнѣ греческой, стоявшей на берегу моря и разрушенной турками въ 1475 г. Если не ошибаемся, эта греческая святыня находилась на пляжѣ маленькой бухты, названной ѳеодосійскими рыбаками „Сантанской“, между Коктебельской и Двухъ-якорной бухтами, за мысомъ Кіи-атлама. Въ этомъ мѣстѣ въ 1463 году присталъ, вслѣдствіе бури на морѣ, ново-назначенный кафинскій и солдайскій греческій владыка Николай (*s. Anna, luogo in cui prese terra il nuovo giunto vescovo greco, Nicoló*)²⁾.

Ближе къ городу, въ Двухъ-якорной долинѣ, также на берегу моря, расположена была дача кафинскаго латинскаго духовенства, при которой стояла очень почитаемая церковь *Рождества Пресвятой Богородицы* (*Santa Maria Incoronata*) и развалины которой существуютъ донинѣ. Туда, какъ явствуетъ изъ документовъ, на лѣто отправлялся для отдыха старый латинскій епископъ Панисари (*presso quale santuario si refugio a respirare aere puro il decrepito monsignore Panissari*)³⁾.

Какъ видить читатель, церкви въ Кафѣ были многочисленны. Между тѣмъ, „дѣла церковныя, пишетъ этотъ именно владыка Панисари, скудны“ (*operarii autem pauci*). „Народъ посѣщаетъ церковь лишь въ ея храмовой день, т. е. разъ въ году, и не больше“⁴⁾. Но въ своихъ донесеніяхъ на имя Протекторовъ епископъ не сознается, что въ этомъ несоблюденіи религиозныхъ обязанностей со стороны прихожанъ онъ самъ виновенъ, хотя во всемъ обвиняетъ гражданскую власть, которая, какъ онъ выражается, слишкомъ вяло относится къ церковнымъ дѣламъ, а онъ между тѣмъ безпрестанно не только ведетъ борьбу съ своими подчиненными, католиками, но нападаетъ и на грековъ, и на армянъ, и, противъ буквы закона, вмѣшивается въ ихъ дѣла, особенно когда рѣчь идетъ о смѣшанныхъ бракахъ.

Предшественникъ Панисари, доминиканецъ Джіакомо Кампора⁵⁾, еще болѣе горячо, чѣмъ онъ, и несмотря на увѣщева-

¹⁾ *Atti*. Vol. VII, p. 384 и 547.

²⁾ *Atti* *ibid.* 745.

³⁾ *Ib id.* 744.

⁴⁾ *Atti*. Vol. VII. Doc. MLII и MLXVI.

⁵⁾ 1441—1458 г.

нія консула и протекторовъ, принялся за латинизацію Армянъ и Грековъ. Эти послѣдніе упорно стояли за вѣру своихъ предковъ и, разумѣется, не уступали, вслѣдствіе чего рождались въ Кафѣ постоянныя смуты.

Консулъ Томазо Домокульта (1455 г.), видя всю ложь и опасность политики своего епископа, донесъ, наконецъ, протекторамъ колоній въ пространномъ письмѣ о своихъ опасеніяхъ¹⁾. Ничего не скрывая изъ дѣйствій Кампоры, консулъ называетъ его агитаторомъ и возмутителемъ общественнаго порядка (*armenos et grecos cotidie perturbare volebat, et eis inovare que non solita erant, quod nullo modo permisimus*). При этомъ Домокульта подкрѣпляетъ свою аргументацію слѣдующими словами: „Вѣдь они (*armeni et greci*) наши вѣрнѣйшіе подданные и хорошіе комерсанты, приносящіе нашему городу большой доходъ (*sunt nobis fidelissimi et boni mercatores dantes civitati magnum beneficium*“). Вдаваясь въ чисто политическое разсужденіе, консулъ добавляетъ: „По-моему, особенно духовный пастырь обязанъ приноравливаться къ той средѣ, гдѣ онъ находится, и нашъ епископъ не долженъ забывать, что мы тутъ живемъ не въ католической странѣ, а среди татарскихъ племенъ (*inter tartarus nationes vivamus et oportet se accomodare de qualitate loci et habitantium*“).

Въ началѣ этой монографіи мы уже указали на сильное паденіе нравовъ въ Кафѣ въ 20-лѣтній періодъ владѣнія черноморскими колоніями Банкомъ св. Георгія. Въ нашихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ читатель увидитъ, насколько кафинскій народъ и его администрація отстали отъ священныхъ основъ христіанской совѣсти, руководившихъ ихъ предками и поставившихъ Кафу на высшую ступень богатства, славы и могущества.

Поэтому намъ нечего удивляться, если положеніе генуэзскихъ правителей дошло въ концѣ концовъ до положительной анархіи. Такъ еще въ 1454 г., при консулѣ Деметріо Вивальди, толпа изъ пятидесяти возставшихъ молодыхъ вооруженныхъ людей, подъ предводительствомъ генуэзскихъ гражданъ Антоніно Джіудичи, Джіуліано Леоне и Клементе Вальдетаро, ходили ночью по улицамъ Кафы съ криками: „да здравствуетъ народъ, смерть аристократамъ!“²⁾. Нужно удивляться, какъ при подобномъ настроеніи умовъ и крайне расшатанномъ государ-

¹⁾ *Atti*. Vol. VI. Doc. CLI.

²⁾ *Atti*. Vol. VI. Doc. XXXVII.

ственнымъ авторитетѣ, Кафа могла еще удержаться двадцать лѣтъ послѣ взятія Турками Константинополя.

Вышая администрація.

До 1455 года, т. е. до передачи черноморскихъ поселеній во власть Банка св. Георгія, должность главы колоніальнаго правленія въ Кафѣ сосредоточивалась въ одномъ лицѣ консула, назначеннаго лишь на одинъ годъ, по выбору, въ Генуѣ. Второстепенные чиновники: казначей, судьи, сборщики податей, начальникъ полиціи и др. избирались на мѣстѣ, совѣтомъ старшинъ (*anziani*), преимущественно изъ гражданъ Кафы (*borghese di Caffa*). Однако, съ перемѣной верховнаго правительства, способъ замѣщенія высшихъ должностей въ Тавридѣ былъ нѣсколько измѣненъ. По постановленію главнаго Совѣта Банка (*Consilium protectorum*), рѣшено было избрать одновременно на одно трехлѣтіе трехъ кандидатовъ на посты высшаго колоніальнаго правленія. Такимъ образомъ, каждый изъ этихъ трехъ сановниковъ, въ теченіе трехлѣтняго пребыванія въ Кафѣ, исполнялъ постепенно и поочередно должности: *консула*, *массарія* и *провизора*.

Почетная должность консула давала избранному большія права. Ее можно сравнить съ нынѣшнею должностью намѣстника. Кафинскій консулъ былъ облеченъ по Статуту правомъ жизни и смерти надъ всѣми подданными не только города Кафы, но и всѣхъ генуэзскихъ поселеній на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, и въ знакъ этого права ему вручались и мечъ и скипетръ отъ банковскаго Верховнаго Совѣта. Ему даны были исключительныя полномочія непосредственно вести дипломатическую, дѣловую и личную переписку съ сосѣдними монархами: ханомъ, султаномъ и др. (*constituimus eundem (имя консула) in consulem et pro consule dicte civitatis, et omnium pertinentiarum suarum, cum potestate, balia, arbitrio meroque et mixto imperio et gladii potestate* и т. д.¹⁾). Въ „*Statutum Caphae*“ 1449 г. онъ облеченъ титуломъ „главы Кафы и всего Чернаго моря“ (*caput et primordium dicte civitatis et totius maris majoris in imperio Gazarie*)²⁾. Консулъ Кафы руководилъ всѣми дѣлами внутренними и внѣшними, а также собраніями судей и старшинъ, утверждалъ судебныя рѣшенія, наказывалъ и награждалъ всѣхъ

¹⁾ Док. LXXXVIII, VII, р. I. 272.

²⁾ Statutum Caphae, cap. I.

по заслугамъ. Можно судить о томъ, какимъ почти безграничнымъ авторитетомъ пользовался этотъ высокій сановникъ, если въ залѣ куріи (суда), рядомъ съ сводомъ законовъ, какъ угроза виновникамъ, находилось безпрестанно наготовѣ, въ его распоряженіи, орудіе пытки.

Но если консулъ Кафы пользовался большими полномочіями, онъ также долженъ былъ и держать бразды правленія съ строгимъ и непоколебимымъ соблюденіемъ основъ челоуѣколюбія и справедливости. Поэтому, при передачѣ скипетра своему замѣстителю, онъ долженъ былъ, сначала тутъ-же въ Кафѣ передъ совѣтомъ старшинъ, а затѣмъ второй разъ въ Генуѣ предъ сенатомъ, отдать отчетъ о безукоризненномъ исполненіи имъ требованій своей годовой службы ¹⁾).

Во время господства республики, т. е. до 1454 года, консулъ Кафы величался эпитетомъ „*magnificus*“ (величественный) ²⁾; но со времени владычества Банка св. Георгія онъ уже величался ³⁾ только титуломъ „*spectabilis*“ (знатнѣйшій). Такая перемѣна произошла вслѣдствіе того, что при республикѣ консулъ Кафы являлся первымъ лицомъ послѣ дожа, между тѣмъ какъ при Банкѣ, онъ состоялъ только временно уполномоченнымъ отъ главнаго совѣта, т. е. верховнаго властелина черноморскихъ колоній.

Служебныя обязанности *массарія* и *провизора* колоній заключались въ тщательномъ надзорѣ за точнымъ соблюденіемъ нижними чиновниками требованій закона по всѣмъ отраслямъ администраціи. Поэтому массарій и провизоръ дѣлились трудомъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ, повидимому, свой опредѣленный кругъ полномочій и обязанностей. Должность массарія хотя и подчинялась консульской власти, служила ступенью къ консульству и потому стояла нѣсколько выше должности провизора. На массаріи лежала обязанность вести всѣ казенные денежные счета, взыскивать подати, управлять военными и полицейскими дѣлами въ крѣпостяхъ Кафы, Сольдаи и Чембалло и т. п. Долгомъ-же провизора было наблюдать за правильностью пошлинъ, заботиться о надлежащемъ количествѣ запаса зерна и другихъ припасовъ въ случаѣ войны или недорода и т. п. При республикѣ эти двѣ должности не вознаграждались и были исключительно почетными. Массаріи и провизоры избирались

¹⁾ *Atti. „I consoli di Caffa“.* 756.

²⁾ Такъ читаемъ, напр., на надписяхъ, нѣкогда украшавшихъ башни и другія зданія въ Кафѣ.

³⁾ Въ приказахъ и другихъ документахъ.

самимъ консуломъ совмѣстно съ совѣтомъ старшинъ изъ генуэзскихъ гражданъ, переселившихся на время въ Тавриду. При Банкѣ св. Георгія, съ введеніемъ новаго закона, эти сановники приобрѣли значеніе, равняющееся, можно сказать, со значеніемъ нынѣшнихъ министровъ финансовъ, военнаго и внутреннихъ дѣлъ и министра торговли и промышленности. Они являлись ближайшими совѣтниками и помощниками консула, котораго всюду сопровождали, „когда консулъ благоволилъ выходить куда-нибудь изъ своего дворца (*quandocumque continget dominum consulem recedere de palatio*)”¹⁾.

Мы уже указали выше, что въ обязанности консула входилъ и надзоръ за правильнымъ отправленіемъ правосудія въ предѣлахъ колоній. На немъ была сосредоточена высшая исполнительная власть, такъ какъ ему предоставлено было во всемъ право суда и расправы. Однако до 1454 года, вслѣдствіе нѣкоторыхъ нами уже указанныхъ причинъ, величіе правосудія сильно пошатнулось въ Кафѣ въ глазахъ народа. Желая поднять опять этотъ престижъ, Совѣтъ Банка, въ 1455 году, рѣшилъ командировать въ Тавриду, съ широкими полномочіями, чиновника, извѣстнаго въ Генуѣ, какъ правовѣда, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользовавшагося репутаціей достойнаго и честнаго человѣка. Такимъ образомъ, Верховный Совѣтъ учредилъ новую должность въ Кафѣ, должность своеобразнаго министра юстиціи, подъ именемъ „викарія“ (товарища) консула²⁾.

Казенные счета и сборы.

Мы уже видѣли отчасти въ предыдущихъ главахъ, насколько Банкъ св. Георгія и его представители въ Тавридѣ были озабочены предоставленіемъ многочисленному населенію Кафы всѣхъ гарантій безопасности въ случаѣ нападенія на него со стороны турецкаго султана. Къ этой трудной задачѣ нужно прибавить и заботу о необходимомъ заготовленіи всякаго вида жизненныхъ припасовъ, преимущественно зерна. Для этого изъ Генуи назначались спеціальные чиновники и счетоводы, зорко слѣдившіе какъ за доброкачественностью, такъ и за количествомъ хранившихся въ амбарахъ запасовъ. Въ каждомъ посланіи, адресованномъ правителями консулу и его помощникамъ, они настойчиво напоминали чиновникамъ казначейства (массарія)

¹⁾ *Atti*—VII, p. III. 763.

²⁾ Док. XC. *Atti*. Т. VII. 275.

о строгой отчетности по этому предмету, при чемъ требовали присылки въ Банкъ, съ оправдательными документами, подробнаго прихода-расходнаго отчета.

Кафинскіе казначеи, т. е. массарій и провизоръ, должны были вести, для ежегоднаго контроля общихъ казенныхъ доходовъ и расходовъ, довольно сложную бухгалтерію. Имъ подчиненъ былъ большой штатъ чиновниковъ-канцеляристовъ, счетоводовъ и писцовъ. Въ ихъ конторѣ (*Ufficio di monete*) сосредоточивались всѣ денежные счета и сборы не только города Кафы, но и остальныхъ второстепенныхъ черноморскихъ колоній¹⁾. Съ этой цѣлью были учреждены въ Сольдаѣ, Чембалло, на Южномъ берегу (*Ufficio della Campagna*) и другихъ филиальныхъ отдѣленіяхъ *masserii* (казначейства), съ специальнымъ штатомъ чиновниковъ²⁾.

Изъ документовъ и книгъ кафинской массеріи, хранящихся въ архивѣ св. Георгія, видно, напр., что въ 1463—64 г., при ревизіи колониальнаго казначейства, обнаружены были большія погрѣшности въ денежныхъ счетахъ. Контролеры открыли цѣлый рядъ подлоговъ и воровства, пропуски въ записяхъ, противозаконные расходы и взысканія, умышленное утаеніе нѣкоторыхъ казенныхъ сборовъ³⁾. Вотъ почему въ 1464 году, изъ Генуи были командированы въ Кафу четыре ревизора, раскрывшіе на мѣстѣ растраты суммъ, безъ оправдательныхъ документовъ. Виновные чиновники и ихъ начальники были удалены со службы и заключены на разные сроки въ сольдайскую крѣпость; другіе, принесшіе повинную, должны были внести въ казну значительные штрафы, отъ 100 до 2000 флориновъ⁴⁾.

Ревизія 1464 года была вызвана донесеніемъ кафинскаго казначея правленію Банка о томъ, что расходы 1463 года равняются суммѣ доходовъ, такъ что въ кладовыхъ массеріи отъ налоговъ и другихъ сборовъ не осталось ничего⁵⁾. И въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе громаднхъ затратъ по содержанію военныхъ силъ въ крѣпостяхъ, ремонту защитныхъ стѣнъ и т. п., касса была опустошена совершенно до послѣдняго аспра.

Дѣло въ томъ, что послѣ принятія Банкомъ св. Георгія черноморскихъ колоній, многія крѣпостныя сооруженія оказа-

¹⁾ Statutum Caphae.

²⁾ Atti. Vol. VII, p. I. 255.

³⁾ Atti. T. VII. Док. DCXXXIII и DCXXV.

⁴⁾ Op. cit. 254.

⁵⁾ Atti. T. VII, p. I. Док. DCXXXIII и DCXLVIII.

лись въ весьма плачевномъ состояніи. Успѣхи въ артиллерійскомъ искусствѣ, изобрѣтеніе новыхъ баллистическихъ и осадныхъ орудій доказали слабость сопротивленія, въ случаѣ войны, существовавшихъ въ Кафѣ и другихъ мѣстахъ стѣнъ и башенъ. Въ виду завоевательныхъ успѣховъ Магомета II въ Анатолии и на Босфорѣ, а также проявленія нѣкоторыхъ вызывающихъ притязаній со стороны крымскаго хана Хаджи-герая, кафинцамъ пришлось безотлагательно спѣшить довести свою крѣпость до уровня современныхъ требованій фортификаціи. Новыя башни и стѣны поспѣшно воздвигались въ Кафѣ, Сольдаѣ и Чембалло, рвы были расширены и углублены, выдвинуты были новые передовые валы, исправлены и заново построены водопроводы. Число наемныхъ войскъ (*stipendiarii*) было пополнено добавочнымъ наборомъ людей, арсеналы (*sa-barbaria*) получили массу военныхъ припасовъ, орудій, осадныхъ машинъ и пушекъ (*ballistaria e bombarde*). Словомъ, колониальной казнѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пришлось широко раскрывать свои кладовыя, да еще, какъ мы видѣли, при безсовѣстномъ воровствѣ нѣкоторыхъ чиновниковъ, и потому нечего удивляться, если въ результатѣ оказалась полная несостоятельность массеріи въ денежныхъ запасахъ.

Желая покрыть этотъ дефицитъ, кафинскіе правители задумали, безъ предварительнаго испрашиванія на это разрѣшенія высшей власти, ввести въ Кафѣ и окрестной области (*sam-ragna*) новые сборы и налоги. Совѣтъ Банка, узнавъ объ этомъ обстоятельствѣ, немедленно приказалъ отмѣнить подобное самовольное распоряженіе кафинскихъ чиновниковъ и оштрафовалъ консула, массарія и провизора за превышеніе власти¹⁾.

Въ 1463 г. кафинскіе правители немало тревожились слухомъ объ усиленномъ вооруженіи войска Хаджи-герая, и въ виду привлеченія охотниковъ-солдатъ на службу въ крѣпостяхъ, самовольно увеличили окладъ жалованья нижнимъ чинамъ до 500 аспровъ въ мѣсяцъ. Однако Банкъ опредѣлилъ „отноудъ не выдавать солдатамъ болѣе двухъ-сотъ аспровъ въ мѣсяцъ, подъ угрозой штрафа въ 10 флориновъ за каждый случай и за cadaго солдата“²⁾. Вмѣстѣ съ этимъ распоряженіемъ, Совѣтъ Банка издалъ еще нѣкоторыя правила, касающіяся службы зтихъ наемныхъ войскъ въ крѣпостяхъ, напр., запрещеніе всѣмъ офицерамъ и солдатамъ³⁾ и вообще казеннымъ служа-

¹⁾ *Atti*. Vol. VII, p. 255.

²⁾ *Loc. cit.*

³⁾ Док. DCLXXVIII.

щимъ отлучаться, безъ особаго разрѣшенія, изъ предѣловъ колоній, подъ угрозой лишенія *ipso facto* жалованья и должности. Писецъ, ведущій вѣдомость о военно-служащихъ, при зачисленіи своемъ въ штатъ служащихъ, долженъ былъ присягать въ томъ, что онъ донесетъ о всякомъ нарушеніи этого новаго закона¹⁾.

Изъ всего здѣсь изложеннаго чувствуется въ достаточной мѣрѣ ужасное состояніе административнаго порядка въ генуэзской Кафѣ въ послѣдніе годы ея существованія. Не напрасно правленіе Банка св. Георгія отправило въ Тавриду въ 1464 г. четырехъ ревизоровъ. Оно какъ будто предчувствовало неизбежную гибель, въ которую, какъ въ пропасть, преступно стремилась большая часть кафинскихъ чиновниковъ. Не будемъ повторять здѣсь описаніе положенія этой администраціи. Достаточно сказать, что ревизія 1464 года исправила отчасти отношеніе казенныхъ служащихъ къ ихъ обязанностямъ. Въ самомъ казначействѣ желаемый результатъ далъ себя немедленно почувствовать превышеніемъ цифры доходовъ надъ расходами въ балансѣ слѣдующаго 1465 года²⁾. Однимъ изъ послѣдствій этой строгой ревизіи было введеніе непрacticовавшейся до того времени въ кафинскомъ казначействѣ новой системы счетоводства, именно двойной бухгалтеріи во всѣхъ конторахъ хозяйственной и денежной части администраціи³⁾.

Судъ въ Кафѣ.

Отправленіе правосудія, также какъ и другія части администраціи, требовало необходимаго и основательнаго преобразованія. Множество официальныхъ и частныхъ донесеній и жалобъ изъ Кафы на имя Верховнаго Совѣта Банка описывали плачевное положеніе судебного производства въ колоніи. Въ кафинскомъ судѣ (*curia*) сами судьи, т. е. совѣтъ старшинъ (*anziani* или *sindicatori*), подъ предсѣдательствомъ консула или массарія, жили въ постоянной враждѣ другъ съ другомъ, брали взятки, оттягивали безконечно дѣла, особенно когда подсудимый былъ богатъ, или жалобщикъ бѣденъ или инородецъ (татаринъ, грекъ или армянинъ). Зажиточные генуэзцы изъ купцовъ или помѣщиковъ, вслѣдствіе подкупности судей, почти всегда оставались правыми, несмотря на законную правоту ихъ

¹⁾ Док. DCCXXX. Т. VII. 439.

²⁾ Док. DCLXIV.

³⁾ *Atti*. Vol. VII, p. 225—226.

бѣдныхъ противниковъ. Кромѣ этого, судъ въ Кафѣ, гдѣ сосредоточивались дѣла изъ всѣхъ остальныхъ колоній, еще сильно страдалъ отъ большой затруднительности сообщенія съ Генуей. Судебная волокита бывала часто безконечной, дѣла двигались медленно и затягивались даже на десятки лѣтъ. Обремененные сложной перепиской, чиновники съ трудомъ переносили суровый, беспощадный формализмъ своихъ начальниковъ, изъ вражды къ которымъ они создавали всевозможныя препятствія къ быстрому рѣшенію самаго простаго дѣла.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить, что на судъ возлагалась работа, часто не имѣвшая ничего общаго съ понятіемъ о дѣятельности судьи. По тогдашнему узаконенію, судья являлся и опекуномъ сиротъ, и агентомъ государственнаго фиска (*ufficio di monete*), и долженъ былъ строго слѣдить за точнымъ исполненіемъ предписаній устава о пошлинахъ и налогахъ. Такой кропотливый и сложный трудъ, особенно при такомъ множествѣ изворотливыхъ купцовъ и подкупныхъ чиновниковъ, постоянно ухищравшихся обмануть казну, требовалъ отъ судебного начальства много времени и вниманія, если, впрочемъ, не считать и непоколебимой честности. Къ тому же еще одно важное обстоятельство тормозило дѣятельность суда. Каково бы ни было усердіе судей, они на каждомъ шагѣ встрѣчались съ тѣмъ презрѣніемъ, съ которымъ относился къ законамъ самъ народъ, особенно Генуэзцы. Во многихъ мѣстахъ помѣщики игнорировали простое понятіе о томъ, что называется законностью. Изъ дѣлъ кафинскаго архива выдѣляется картина той враждебности, которую пытали къ авторитету суда и консульской власти нѣкоторые изъ Генуэзцевъ-колонистовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, большого труда стоило Банку св. Георгія возстановить престижъ закона въ Кафѣ, гдѣ представители этого же закона сами старались его унизить.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колоніальной территоріи творились невѣроятныя вещи. На Южномъ берегу (*capragna*) и на островѣ Тамани (*Matreca*) нѣкоторые генуэзскіе землевладѣльцы, захвативъ дозволеннымъ и недозволеннымъ путемъ цѣлыя помѣстья, не выплачивали никакихъ налоговъ, издавали собственные законы, взыскивали въ свою пользу пошлины, отправляли по своему усмотрѣнію правосудіе, пытали и вѣшали, словомъ, распоряжались у себя, какъ независимые бароны-феодалы ¹⁾).

¹⁾ См. № 36 Извѣстій Таврической Учен. Архивн. Коммиссіи: „Дѣло сольдайскаго консула ди Негро съ братьями Гуаско“.

На островѣ¹⁾ Тамани арендаторъ казенной земли Захарія Гизольфи, родной братъ одного изъ послѣднихъ консуловъ Кафы, провозгласилъ себя независимымъ князькомъ, поставилъ на проливѣ таможенную контору и сталъ взыскивать пошлину съ каждаго проходившаго мимо его границы судна²⁾. На протестъ кафинскаго консула Грегоріо Рецца (1464—1465 г.) съ требованіемъ снять эту преграду Гизольфи послалъ врагу Генуэзцевъ, хану Хаджи-гераю предложеніе заключить съ нимъ, Гизольфи, союзъ, собрать войско изъ Татаръ и внезапно напасть на Кафу. Письмо предателя было вовремя перехвачено кафинскими властями, и Гизольфи былъ арестованъ и заключенъ въ Сольдаю.

Этотъ поступокъ, по генуэзскому закону, влекъ за собою, какъ за государственную измѣну, смертную казнь. Между тѣмъ, дѣло Гизольфи, начатое въ 1465 году, благодаря связямъ преступника среди судебного персонала, тянулось болѣе трехъ лѣтъ. Въ это время Хаджи-герая умеръ (въ 1467 году), и на ханскій престолъ вступилъ его сынъ Менгли, въ высшей степени благорасположенный къ Генуэзцамъ. Положеніе узника измѣнилось въ его пользу, и дѣло его, наконецъ, разрѣшилось если не полнымъ оправданіемъ, то весьма мягкимъ для измѣнника наказаніемъ.

Къ этому дѣлу присоединилось въ 1467 году еще другое, аналогичное по роду преступленія. На Южномъ берегу жилъ помѣщикъ Якопо Гримальди, изъ генуэзскихъ дворянъ, и, какъ и Гизольфи, изъ партіи гибелиновъ. Гримальди, изъ корыстнаго побужденія, несмотря на безусловное запрещеніе по закону Генуэзцамъ принимать участіе въ политическихъ дѣлахъ чужой державы, тайкомъ завелъ сношенія съ однимъ изъ сыновей Хаджи-герая, Нуръ-Девлетомъ, соперникомъ Менгли въ правахъ на престолъ. Гримальди предложилъ Нуръ-Девлету помочь ему собрать на Тамани вооруженную шайку, напасть на Менгли и убить его. Коварный поступокъ Гримальди могъ бы навлечь на Кафу опасныя осложненія, но, къ счастью, переписка заговорщиковъ попала въ руки Менгли. Честный ханъ поспѣшилъ донести консулу о коварномъ замыслѣ генуэзца. Якопо Гримальди былъ арестованъ, заключенъ въ Сольдаю и преданъ суду за государственное преступленіе. Ему угрожала, какъ и Гизольфи, смертная казнь черезъ колесованіе. Между тѣмъ благородный Менгли, предупрежденный о предстоящемъ при-

¹⁾ Въ XV столѣтіи Таманъ была островомъ.

²⁾ Док. DCLVIII.

говорѣ, поспѣшилъ отправить въ Кафу просьбу объ ихъ помилованіи. Италіанскій маститый историкъ Амедео Винья, передавая объ этомъ благородномъ актѣ милосердія Менгли-герая, восклицаетъ: „Какая разни́ца между поведеніемъ честнаго Татари́на и подлостью христіани́на-предателя“¹⁾).

Наконецъ, послѣ трехлѣтней (1468) переписки съ Генуею и толкованій на мѣстѣ, два государственные преступника были приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и изгнанію изъ предѣловъ Тавриды²⁾).

Въ 1465 году возникло въ Кафѣ характерное дѣло на почвѣ отношенія Генуэзцевъ-латинянъ къ православному духовенству. Кафинскій греческій епископъ³⁾ послалъ въ Геную, на имя правителей Банка, жалобу о нанесенной ему генуэзскимъ гражданиномъ Николо де-Турилльа горькой обидѣ словомъ. Владыка, не вдаваясь въ подробности грубаго поступка виновника, доносилъ о томъ, какъ Турилльа, безъ уваженія къ его сану и несмотря на увѣщанія и угрозы мѣстной власти, „ежедневно наноситъ оскорбленія словомъ епископу и всѣмъ его единовѣрцамъ“⁴⁾).

Получивъ эту жалобу, правители Банка пишутъ: „Почтеннѣйшій греческій епископъ доноситъ намъ о нанесенныхъ ему тяжкихъ оскорбленіяхъ со стороны Николая Турилльа. Требуемъ и строго приказываемъ вамъ, консулу, и остальнымъ судьямъ Кафы произвести тщательное дознаніе по этому печальному дѣлу, дабы епископъ получилъ въ своемъ процессѣ скорое и справедливое удовлетвореніе. Немедленно требуйте строгаго суда противъ вышеупомянутаго Николая, равно и противъ всякаго, кто бы осмѣлился обижать столь достойнаго владыку. Знайте, что наше желаніе таково, чтобы не только онъ, греческій епископъ, но и кто бы то ни было отнюдь не подвергался никакимъ оскорбленіямъ“⁵⁾).

Однако, несмотря на столь внушительное распоряженіе банковскаго Совѣта, возмутительное дѣло объ оскорбленіи греческаго епископа, среди многихъ мытарствъ, тянулось еще два

¹⁾ *Atti*. Vol. VII, fasc. II. 521.

²⁾ Док. DCCLXXXVIII и DCCCXXI

³⁾ Имя владыки не указано въ документѣ, но знаемъ изъ другого источника (*Atti*. VII, р. III. 745), что въ 1475 году управлялъ Фулльской и Кафинской епархіей достойный епископъ Николай или Николо. См. здѣсь же, главу „Церкви въ Кафѣ“.

⁴⁾ *Atti*. Vol. VII. Док. DCLXXIII и DCLXXIV.

⁵⁾ Приказъ 30 декабря 1465 г. Док. DCLXXVIII.

года, пока, наконецъ, Турилль, распоряженіемъ консульской власти, не было предложено оставить Кафу и вернуться въ Италію¹⁾.

При разборѣ кафинскаго архива интересующаго насъ историческаго періода, встрѣчаемъ еще оживленную корреспонденцію о нѣкоторыхъ судебныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, сущность которыхъ бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на степень развращенности нравовъ среди генуэзской части населенія Кафы въ эти годы. Мы могли бы, конечно, вовсе не касаться здѣсь этого предмета, если бы сами члены Высшаго Совѣта Банка св. Георгія не придавали въ своихъ приказахъ случившимся фактамъ вѣскаго, даже государственнаго значенія. И въ самомъ дѣлѣ, когда самые вопіющіе поступки въ обществѣ уже не въ силѣ вызвать въ народѣ и его правителяхъ малѣйшаго чувства негодованія, когда жизненныя основы добродѣтели и нравственности попираются даже представителями закона, чего можно ожидать отъ подобнаго общества? Правосудіе и нравы расшатаны, безнаказанное своеволіе порождаетъ анархію, и государство недалеко отъ неминуемой гибели, что и случилось съ Кафой. Эту опасность хорошо чувствовали въ Генуѣ при чтеніи донесеній о томъ, что творилось въ таврической колоніи.

Ровно за 10 лѣтъ до разгрома Кафы, въ концѣ августа 1465 года, протекторы Банка получили извѣщеніе изъ Сольдаи (Судакъ) о тяжкомъ преступленіи, совершенномъ тамъ однимъ изъ богатыхъ мѣстныхъ дачниковъ-садовладѣльцевъ.

Генуэзскій дворянинъ Марко Джентиле проникъ однажды въ домъ сосѣда грека и тамъ, въ отсутствіи хозяина, совершилъ гнусное насиліе надъ женой сего послѣдняго, почтенной женщиной. Сольдаискій и кафинскій консулы, вмѣсто того, чтобы тутъ же задержать преступника и заключить въ крѣпость, дали ему возможность скрыться, сначала на островѣ Тамани, а потомъ въ укрѣпленномъ замкѣ Боцо или Бозіо, на берегу Азовскаго моря.

Протекторы очень возмутились. Родственники пострадавшей женщины требовали всей строгости законовъ, въ то время какъ судебная власть всѣми силами старалась спасти своего протеже и предлагала потерпѣвшей компромиссъ въ видѣ денежнаго выкупа. Узкость взгляда кафинскаго консула на нравственную сторону дѣла не позволяла ему вникнуть въ самую сущность гнуснаго преступленія, и онъ имѣлъ наглость откро-

¹⁾ Док. DCCLXXXIII.

венно писать объ этомъ предложеніи Верховному Совѣту. Въ письмѣ отъ 8-го іюля 1466 года ¹⁾ протекторы требовали строгаго наказанія Марку Джентиле и ему подобнымъ „для примѣра другимъ (*intelligimus severe punire ad exemplum aliorum*)“. Въ приказѣ отъ 12-го того же іюля ²⁾ они добавляли между прочимъ: „компромиссъ съ семьею обиженной честной женщины недостаточенъ для удовлетворенія поправнаго закона. Гнусное преступленіе Джентиле оскорбляетъ и честь нашего государства (*dictus Marcus offenderit honorem status nostri in perpetratione tam atrocis fascinatoris per eum commissi*). Поэтому повелѣваемъ вамъ задержать его и наложить, для удовлетворенія нашей чести, конфискацію на все его имущество. Если же потерпѣвшая не пожелаетъ получить предложенную ей часть имѣнія ея оскорбителя, то повелѣваемъ вырученную отъ продажи имѣнія Джентиле сумму зачислить въ капиталъ по ремонту крѣпости Сольдаи и постройкѣ тамъ же цистерны. Ожидаемъ отъ васъ полного и немедленнаго исполненія сего приказа“ ³⁾.

Казалось бы, что послѣ такого категорическаго рѣшенія высшей власти, кафинскіе судьи должны были сознать свое заблужденіе и привлечь виновнаго къ суду. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ зажиточныхъ помѣщиковъ изъ друзей Джентиле, дѣло затянулось еще на нѣсколько мѣсяцевъ, и Джентиле получивъ часть своего капитала, выѣхалъ на родину. Во время же этого процесса злой примѣръ, предвидѣнный въ Генуѣ, принесъ свои печальные плоды.

Въ концѣ 1466 года въ самой Кафѣ двое юношей оскорбили общественную нравственность новыми гнусными поступками. Молодой генуэзецъ Луксардо, пробравшись черезъ стѣнку сосѣдняго двора въ домъ знатнаго грека и съ цѣлью принудить отца согласиться выдать за него замужъ свою дочь, изнасиловалъ ее. Вслѣдъ за этимъ другой юноша, кафинскій мѣщанинъ Джіорджіо Фаціо, ворвавшись въ домъ брата одной дѣвицы-гречанки, въ отсутствіе хозяина, но при двухъ приведенныхъ съ собою свидѣтеляхъ, насильственно заставилъ эту дѣвицу принять его въ свою спальню.

Прочитавъ это новое сообщеніе, протекторы разразились гнѣвнымъ, но полнымъ справедливаго негодованія посланіемъ. Кафинская же судебная власть на жалобу двухъ оскорбленныхъ

¹⁾ Док. DCCXXXI.

²⁾ Док. DCCXXXIII.

³⁾ Atti. Vol. VII, fasc. II. 444.

семей не изволила даже обратить вниманія. Греческая колонія и вообще инородческая часть городского населенія, уже безъ этого питавшая ненависть къ Генуэзцамъ, начала громко и грозно роптать. Въ городѣ ожидали бунта черни, когда прибылъ изъ Генуи гонецъ съ отвѣтомъ протекторовъ. Позволяемъ себѣ привести здѣсь отрывокъ изъ этого посланія, датированнаго 15-го января 1467 года и дающаго намъ образецъ формы средневѣковой официальной переписки, а вмѣстѣ съ этимъ и взглядовъ протекторовъ на судебные порядки въ Кафѣ.

„Въ письмахъ, нами полученныхъ отъ кафинскихъ купцовъ, мы извѣщены о проступкѣ молодого негодяя Луксардо, который дерзнулъ ворваться въ домъ почтеннаго и богатаго грека, съ цѣлью изнасилованія дочери сего послѣдняго. Между тѣмъ, подобная гнусная наглость не повлекла за собою съ вашей стороны никакого наказанія.

„Одновременно съ этимъ молодой кафинскій мѣщанинъ Фаціо осмѣлился войти въ жилище другого знатнаго грека и тамъ, при двухъ свидѣтеляхъ, безъ вѣдома отсутствовавшего брата-хозяина, сосватался съ его сестрой. Вы-же, какъ и въ первомъ случаѣ, не приняли никакихъ мѣръ противъ такого дерзкаго проступка. Сверхъ этого этотъ же Фаціо противозаконно, для формальнаго заключенія брачнаго договора, вызвалъ къ кафинскому епископу (латинскому) ничего незнавшаго объ этомъ дѣлѣ брата дѣвицы. Столь тяжкихъ и позорныхъ дѣйствій мы никакъ не можемъ допустить. Вызванное этими событіями огорченіе наше тѣмъ болѣе чувствительно, что этотъ скандалъ произошелъ единственно по вашей винѣ.

„Вѣдь наши предшественники и мы столько разъ васъ увѣщевали наказать этого подлаго сольдайца Марка Джентиле, дерзнувшаго изнасиловать скромную женщину. Всѣ наши инструкціи вы пренебрегли. У насъ нѣтъ больше силы терпѣть дальше подобное отношеніе къ вашему долгу. Вы уже писали, не краснѣя отъ стыда, что родственники скромной матроны простили Марку его поступокъ; да это яко-бы примиреніе никого не можетъ удовлетворить, кромѣ самаго преступника Марка Джентиле.

„Ваши письма обилуютъ бессмысленными оговорками. Отношеніе сольдайского консула ¹⁾, по вашимъ же словамъ, до

¹⁾ Антонио Борласка (*Atti*. Vol. VII, p. III. 909) былъ консуломъ сольдайскимъ съ 1464 по 1467 г.

того глупо и небрежно, что никоимъ образомъ нельзя ему простить, и вы не должны этого сдѣлать.

„Благодаря существующей между вами розни, вы разсѣиваете вражду между жителями колоніи. Всѣ ваши рапорты доказываютъ, насколько неосновательны поводы вашей нерѣшимости.

„Въ дѣлѣ подлѣйшаго Луксардо и дерзновеннаго Фаціо вы не можете заслужить никакого извиненія. Вашимъ несогласіемъ и вашей медлительностью при судебномъ разборѣ этихъ возмутительныхъ и позорныхъ дѣлъ вы ставите нашъ городъ Кафу въ явную опасность. Не словами и не рапортами, но дѣйствіемъ вамъ слѣдовало бы исправить ваши собственные заблужденія“¹⁾.

Верховный Совѣтъ требовалъ задержанія виновныхъ, суда надъ ними и изгнанія изъ предѣловъ колоній. Сверхъ этого, онъ повторилъ уже неоднократно повторенный представителямъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, латинскому, греческому и армянскому епископамъ приказъ: не вмѣшиваться въ дѣла о смѣшанныхъ бракахъ между генуэзцами и инославными жителями колоній²⁾.

Это послѣднее заключеніе Совѣта имѣло въ виду дѣло Джіорджіо Фаціо и давленіе въ этомъ дѣлѣ, учиненное латинскимъ епископомъ Джироламо Паниссари. Подъ датой 16 іюня 1467 года, протекторы, между прочимъ, пишутъ монсиньору: „Съ объясненіями вашими по дѣлу сватанія греческой дѣвицы никакъ не можемъ согласиться.... Удивляемся и вмѣстѣ съ этимъ и горюемъ, что ваше преосвященство, послѣ даннаго вами обѣщанія не принимать участія въ вопросахъ, касающихся грековъ и армянъ и т. д...., вы все-таки позволяете себѣ нарушать это обѣщаніе.... Просимъ васъ, монсиньоръ, и приказываемъ вамъ отнынѣ не касаться дѣлъ инославныхъ дѣвицъ, и это ради благополучія города Кафы, что для васъ должно быть дороже всего (*cui super omnia providendum est*)“³⁾.

Наконецъ, 20 іюня 1467 года протекторы посылаютъ по дѣлу Фаціо отдѣльный приказъ: „Послѣ всесторонняго выясненія обстоятельствъ дѣла, распроса свидѣтелей и понятыхъ, оказалось, что генуэзскій юноша Джіорджіо ворвался въ чужой домъ въ отсутствіе хозяина. Несчастная же дѣвица изъ страха согласилась или притворилась согласной уступить требованіямъ

¹⁾ *Atti*. Док. DCCXL.

²⁾ Док. DCLXV, DCCXLI.

³⁾ Док. DCCLXXVII.

насильника выйти за него замужъ (*propter metum puella ipsa vel assensit vel assensisse demonstravit ipsum georgium in virum et maritum suum accipere*). Такъ какъ эти факты неоспоримо подтверждаются, то судъ обязанъ поступить съ виновникомъ Джіорджіо (Фаціо) со всею строгостью законовъ для примѣра другимъ (*eo caso contra ipsum georgium juris remedijs procedatis et ipsum puniatis ad exemplum aliorum*). Вердиктомъ кафинскаго суда Фаціо, какъ и Луксардо, былъ высланъ изъ предѣловъ колоній.

Въ заключеніе Совѣтъ приказываетъ консулу внушить латинскому епископу отнюдь не входить въ подобныя дѣла (*se nequaquam immisceat in causis ejusmodi ad grecos vel armenos pertinentibus*). Прилагая особенную заботу о благополучіи и спокойствіи своего „дорогого“ города Кафы (*cogitantes in his omnibus que affere possint quietem et concordiam populis illius nobilis civitatis Caffae nobis carissimae*), Совѣтъ строго внушаетъ судьямъ стараться очистить Кафу отъ всякаго безпокойнаго элемента, сѣющаго раздоръ и безчинство между отдѣльными національностями (*volumus ac vobis committimus ut si inveneritis delinquentes aut alios ejusmodi scandala damnosa et periculosa seminare in urbe illa, expellatis ex urbe, ut cesset ejusmodi malorum et scandalorum materia*)¹⁾.

В и к а р і а т ь.

Не безъ основанія возмущенные и встревоженные страшною неурядицею, царствовавшей въ Кафѣ и другихъ черноморскихъ колоніяхъ, протекторы Банка св. Георгія рѣшили еще въ 1464 году не только произвести основательную ревизію во всѣхъ отрасляхъ кафинской администраціи, но также послать въ Тавриду новыхъ представителей власти, персоналъ, на совѣсть и энергію котораго они могли бы вполне разсчитывать. Поэтому, въ 1465 году были избраны Совѣтомъ въ Генуѣ, для отправки въ Кафу, новые консулы, массаріи, счетоводы, квартальные начальники, коменданты воротъ и башенъ и т. п. Въ этомъ же году, изданы были новые обязательные законы и инструкции для чиновниковъ и служащихъ въ Кафѣ, Сольдаѣ, Чембалло и т. д.²⁾.

¹⁾ Док. DCCLXXXII.

²⁾ Док. DCLVII.

Между нововведеніями 1465 года, особенно и какъ прямое послѣдствіе ревизіи предыдущаго 1464 года, обращаетъ на себя наше вниманіе учрежденіе новой должности въ высшемъ управленіи колоній. Былъ назначенъ вице-консулъ, съ широкими полномочіями помощникъ консула по судебной части, т. е. *викарій* (*vicario consolare di Caffa*), специальная обязанность котораго состояла въ введеніи новыхъ порядковъ въ судебномъ производствѣ и наблюденіи за точнымъ исполненіемъ законовъ. Правда, судя по архивнымъ документамъ слѣдующихъ годовъ, вплоть до паденія Кафы во власть турецкаго султана (1475 г.), похвальные намѣренія Совѣта имѣли мало успѣха, однако это нововведеніе все-таки помогло въ исправленіи нѣкоторыхъ сторонъ сильно зараженнаго колоніальнаго организма.

Важный и почтенный постъ, такъ сказать, министра юстиціи, былъ, во первыхъ, порученъ человѣку испытанной честности, достойному правовѣду (*egregio legumdoctore*), Леонардо ди Піетрасанкта. Для болѣе ясной характеристики личности новаго викарія и размѣра данныхъ ему полномочій, считаемъ не лишнимъ ознакомить нашихъ читателей съ инструкціей, врученной Піетрасанкто въ день его отъѣзда изъ Генуи въ Тавриду, 30 декабря 1465 года. Вотъ этотъ оригинальный по содержанию документъ:

„Въ виду того, что гг. консулъ и массарій города Кафы просятъ насъ въ своемъ рапортѣ отнюдь не обязывать ихъ произвести расчетъ вашихъ издержекъ согласно съ изданной нами и доселѣ практиковавшейся формѣ, предписываемъ вамъ самимъ разсмотрѣть эту форму уплаты и позаботиться о способѣ вашего вознагражденія по вашему усмотрѣнію. Объ остальномъ, какъ вамъ извѣстно, пишемъ по почтѣ.

„Но такъ какъ судъ и расправа въ вашихъ рукахъ, то опять и опять (*iterum iterumque*) увѣщаемъ васъ стараться тяжбы всегда рѣшать въ возможно краткій срокъ, безъ ущерба для кого-либо, особенно въ дѣлахъ бѣдныхъ и нуждающихся лицъ. Отдайте всякому заслуженное, дабы вы, такимъ путемъ, приобрѣли среди кафинскаго населенія подобную же славу, какую нѣкогда снискалъ себѣ господинъ Лазаротто де Бекарія ¹⁾, на котораго смотрѣли въ Кафѣ, говорятъ, какъ на святого человѣка“ ²⁾.

¹⁾ Бекарія, уроженецъ г. Пармы, докторъ правъ и профессоръ въ Болоньѣ. Старшій судья въ Кафѣ въ 1455 году, при консулѣ Домокульта, онъ пробылъ въ Тавридѣ всего одинъ годъ.

²⁾ Док. DCLXXIX.

Право защиты при кафинскомъ судѣ.

Въ „Statutum Caprae“ ¹⁾ специально разсматриваются права повѣреннаго по судебнымъ дѣламъ. Между прочимъ, сказано: „Постановляемъ и повелѣваемъ: всякое лицо изъ юристовъ или другого сословія не можетъ войти въ кафинскій судъ или въ консульскій дворецъ съ заявленіемъ о дѣлѣ или для защиты дѣла, равно и по порученію отъ другого лица, кромѣ женщинъ, вдовъ, сиротъ и отсутствующихъ или больныхъ опекуновъ, *безъ особаго на это разрѣшенія*, подѣ штрафомъ одного сума за каждый случай.... и синдикаты или члены суда обязаны за этимъ слѣдить подѣ угрозой наказанія“.

Носмотря на такое ясное законоположеніе, число дѣлъ во время владѣнія Кафой Банкомъ св. Георгія умножилось настолько, что судъ или по небрежности своихъ членовъ, или по другой неблагоприятной причинѣ сталъ смотрѣть сквозь пальцы на эту статью закона, до того, что постепенно право защиты предѣ судомъ сдѣлалось совершенно свободнымъ. Каждая сторона могла или лично выступать съ доводами въ правотѣ своего дѣла, или поручить эту защиту другому лицу, безъ разбора его юридическихъ правъ и познаній.

Вслѣдствіе такого своеволия въ правахъ защиты, въ центрѣ, подобномъ Кафѣ, съ громаднымъ, кипѣвшимъ жизнью народонаселеніемъ, состоявшимъ изъ всевозможныхъ нравственныхъ элементовъ, число гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ умножилось до того, что адвокатура была захвачена множествомъ лицъ сомнительнаго пошиба. Въ Кафѣ италіанскіе, армянскіе греческіе, еврейскіе и др. купцы ревностно соперничали между собою въ торговлѣ. Между ними безпрестанно возникали недоразумѣнія, разрѣшеніе которыхъ частью требовало посредничества судьи. Къ тяжущимся то и дѣло являлись стряпчіе, частные повѣренные и другія лица, съ предложеніями принять на себя веденіе дѣла.

Но среди этого роя защитниковъ различной репутации, въ Кафѣ образовалась шайка адвокатовъ-шантажистовъ, бравшихъ веденіе дѣлъ, затѣянныхъ противъ богатыхъ купцовъ и честныхъ людей, которые, ради своего спокойствія, часто откупались, уплативъ этимъ хищникамъ извѣстную сумму для прекращенія дѣла. Въ одномъ приказѣ протекторовъ, отъ 30 іюля 1465 года, читаемъ, между прочимъ, что многіе изъ та-

¹⁾ *Atti*. Vol. VII, fasc. III, p. 643, гл. LXI.

кихъ адвокатовъ создавали „разныя противныя совѣсти и даже фиктивныя тяжebныя дѣла, ложныя обвиненія, мошенническія вымогательства и т. п.“.

Поэтому, съ цѣлью пресѣченія подобнаго рода злоупотребленій, Верховный Совѣтъ призналъ необходимымъ ввести реформу и въ этой области судебного производства.

„Узнавъ, что въ городѣ Кафѣ, пишутъ протекторы, существуютъ создатели и подстрекатели процессовъ (*esse in illa civitate suscitatores et provocatores litium*), посылаемъ вамъ правила, запрещающія кому-либо брать на себя защиту дѣлъ, за исключеніемъ дѣлъ бѣднѣйшихъ лицъ. Запрещаемъ всякому быть стряпчимъ безъ разрѣшенія (*nisi obtenta licentia*), выданнаго синдикатомъ¹⁾. Просимъ это учрежденіе внимательно остерегаться при выдачѣ такого разрѣшенія. Оно должно быть выдаваемо лишь извѣстнымъ суду и честнымъ людямъ, въ противномъ случаѣ—отказывать“²⁾. Но въ то время въ Кафѣ все покупалось за деньги.

Приложeніe.

Страница изъ исторіи генуэзской Кафы.

Еще за 10 лѣтъ до взятія Турками Константинополя и въ слѣдующіе годы за этимъ историческимъ событіемъ, торговля въ черноморскихъ генуэзскихъ поселеніяхъ терпѣла большіе убытки. Вслѣдствіе закрытія проливовъ для итальянскихъ судовъ сношенія Кафы съ метрополіей стали очень затрудненными. Со стороны суши ей угрожали Татары, съ моря—Турки, такъ что можно было ожидать скорого паденія этого большого города во власть султана. Спасенія невозможно было ожидать ниоткуда. Сношенія таврической колоніи съ генуэзскимъ правительствомъ велись сухимъ путемъ черезъ Румынію, Венгрію, Венецію и т. д. Въ самой Кафѣ жизнь многочисленнаго (въ 70000 душъ) населенія вскорѣ сдѣлалась положительно невыносимой. Мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ³⁾ о томъ, что происходило въ то время (1453—1456 г.) на улицахъ и

¹⁾ Смѣшанный судъ, состоящій изъ судей и делегатовъ отъ гражданъ.

²⁾ Док. DCLXVI.

³⁾ Историческіе документы о паденіи Кафы. Изв. Таврич. Уч. Архивн. Коммисіи, № 45.

площадяхъ Кафы. Развратъ и продажность во всѣхъ слояхъ администраціи не поддаются описанію. Чины суда, казначейства, полиціи, консульскаго управленія, чувствуя отдаленность верховнаго надзора, грабили казну и подданныхъ для собственной пользы. Разслабленіе власти вскорѣ породило полнѣйшую анархію. Во избѣжаніе постоянныхъ безчинствъ разнузданной толпы, ночныхъ и дневныхъ грабежей и убійствъ, совершавшихся чуть ли не на глазахъ безпомощныхъ или подкупленныхъ полицейскихъ чиновниковъ и солдатъ, многіе купцы выселялись, кто въ Анатолію, кто въ Молдо-Валахію и Польшу.

Разумѣется, при такихъ тревогахъ торговля, требующая для своихъ операцій прочной защиты, безопасности и увѣренности въ слѣдующемъ днѣ, терпѣла большіе убытки. Злодѣи грабили по ночамъ склады товаровъ и лавки, и не только не встрѣчали въ этомъ препятствія, но часто дѣйствовали въ сообществѣ со стражниками. Полицейскій надзоръ, въ лицѣ капитана и подчиненныхъ *оргузіевъ* (городовыхъ), большею частью получалъ ничтожное жалованье и удесятерять его незаконными, самовольно наложенными на купцовъ денежными взысканіями и штрафами.

Очутившись въ такомъ безвыходномъ положеніи, представители разныхъ жившихъ въ Кафѣ національностей: генуэзцы (латинцы), греки, армяне, евреи, лѣтомъ 1455 года, отправили въ Геную, въ Верховное Правленіе черноморскихъ поселеній, письма съ жалобами, прося о защитѣ.

Въ это время, т. е. съ 1455 года, безграничное владѣніе черноморскими поселеніями только что перешло въ руки генуэзскаго богатѣйшаго Банка св. Георгія. На эти донесенія кафинцевъ (т. е. своихъ новыхъ подданныхъ) Банкъ отвѣтилъ присылкой избранныхъ имъ въ Генуѣ новыхъ чиновниковъ, съ порученіемъ ввести въ Кафѣ всеобщую реформу администраціи.

Между прочимъ, среди этихъ новыхъ должностныхъ лицъ изъ генуэзцевъ, состоялъ еще съ 1454 года, въ качествѣ начальника кафинской городской полиціи (*capitano di borghi*), *Николлай* (*Nicoloso*) *Буонавентура*. Съ появленіемъ въ Кафѣ этого полиціймейстера, положеніе жителей сразу измѣнилось. Ночные нарушители порядка на улицахъ какъ-то стали рѣже появляться, и вмѣстѣ съ этимъ прекратились воровство и грабежи.

По закону, изданному еще при управленіи Генуэзскою республикою, специально для Кафы и другихъ черноморскихъ мѣстностей (Судакъ, Балаклава и т. п.), и дополненному правле-

ніемъ Банка св. Георгія въ 1454 году (Statutum Caphae), представители власти въ Тавридѣ, отъ консула до послѣдняго чиновника, избирались всего на одинъ годъ. По истеченіи этого короткаго срока чиновники мѣнялись, уступая свои должности другимъ лицамъ. Когда же наступалъ срокъ ухода отъ должности полиціймейстера (capitano di borghi) Николозо Буанавентуры, населеніе, особенно купцы Кафы, встревожились. И вотъ опять каждая группа жителей, по національностямъ, отправила въ Геную отдѣльныя петиціи о продленіи обязанностей Николозо еще на годъ. Среди этихъ документовъ, хранящихся вмѣстѣ со многими другими въ муниципальномъ архивѣ въ Генуѣ, выдѣляются петиціи отъ армянскаго и еврейскаго¹⁾ купеческихъ обществъ. Изъ ихъ содержанія и изложенія можно заключить, что эти интересные документы, нѣкоторымъ образомъ, выражаютъ собою отличительныя черты каждой писавшей народности, высказавшей въ ней то, чѣмъ онѣ страдали.

Такъ армяне обращаютъ вниманіе правителей только на денежные убытки, ими понесенные въ торговлѣ въ прошлые смутные годы. Въ ихъ петиціи сильно высказывается сожалѣніе о потерянныхъ ими процентахъ, о томъ, сколько истратили они на содержаніе и прокормленіе ночныхъ и дневныхъ стражниковъ, и какъ имъ ежедневно приходилось по вечерамъ переносить свои товары изъ лавокъ домой, и утромъ все опять переносить въ лавки и т. п., словомъ, эти жалобы узкомеркантильнаго свойства.

Другимъ голосомъ звучитъ петиція отъ представителей еврейской общины. Объ убыткахъ, понесенныхъ ими, не сказано ни слова. За то громко выставляются личныя высоконравственныя качества Николозо, его добросердечіе, его обходительность безразлично съ малыми и великими, усердіе въ огражденіи чужого имущества отъ насилія и пожара и въ защитѣ евреевъ отъ постоянныхъ и многочисленныхъ оскорбленій и обидъ, ими вынесенныхъ при прежнихъ полицейскихъ чиновникахъ, и т. п.

Въ виду большого интереса, возбуждаемаго этимъ послѣднимъ документомъ, постараемся передать его здѣсь въ переводѣ на русскій языкъ, придерживаясь возможно ближе средневѣковаго генуэзскаго діалекта, на которомъ изложена эта петиція, въ томъ безхитростномъ, но задушевномъ видѣ, въ которомъ ее читаемъ въ VI томѣ (стр. 319) „Актвъ Лигу-

¹⁾ Евреевъ въ Кафѣ, должно быть, было немного, потому что въ бумагахъ, хранящихся въ генуэзскомъ архивѣ, весьма рѣдко о нихъ упоминается.

рийскаго Общества отечественной исторіи“ (Atti della Società ligure di Patria).

Документъ СXXXI.

„Свѣтлѣйшимъ и Державнымъ Вельможамъ, Господамъ Протекторамъ (члены Совѣта Банка). Общества акціонеровъ св. Георгія Побѣдоносца выраженію вѣрноподданства и почтенія“.

„Свѣтлѣйшіе и державные Господа, цѣль сего письма, наравнѣ съ письмомъ отъ армянскаго общества вашего города Кафы, извѣстить и просить васъ о томъ, чтобы вы благоволили оставить въ занимаемой должности капитана надъ базаромъ и городомъ, господина Николозо Буанавентура, еще на срокъ по вашему благосклонному усмотрѣнію. Мы можемъ свидѣтельствовать здѣсь, вмѣстѣ съ армянами, и сообщить о хорошей душѣ и честности вышеназваннаго Николозо. Мы можемъ только вкратцѣ выразить предъ Вашими Свѣтлостями то, что мы видѣли и испытали съ конца февраля мѣсяца до сего дня, при управленіи честнаго, добросердечнаго и дорогого вышесказаннаго господина Николозо. Въ доказательство добросовѣстной службы его, мы извѣщаемъ Ваши Свѣтлости о томъ, что мы, при прежнихъ капитанахъ переживали столь частыя и тяжелыя обиды и насилія, что письменно невозможно ихъ перечислить, и что при предшествовавшихъ намъ поколѣніяхъ, обитавшихъ въ нашемъ городѣ Кафѣ, всегда относились къ нашему племени съ презрѣніемъ и враждой.

„Вотъ почему мы умоляемъ и нижайше просимъ Вашу Свѣтлость благоволить признать господина Николозо достойнымъ званія капитана. Онъ же, Николозо, хорошо владѣетъ языками и знаетъ cadaго изъ насъ, онъ и опытный защитникъ нашъ и днемъ и ночью; онъ также и вѣжливъ со всѣми и любимъ всѣми гражданами, какъ богатыми, такъ и бѣдными. Во все время его бытности въ должности, мы, кафинскіе евреи, не потерпѣли ни малѣйшаго насилія, за что не знаемъ какъ его достаточно благодарить. И если Ваша Свѣтлость снизойдетъ выслушать нашу просьбу и продлить службу Николозо, то она навѣрно утѣшитъ всѣхъ порядочныхъ гражданъ сей области и особенно насъ евреевъ, пережившихъ при другихъ капитанахъ столько оскорбленій“.

„Изъ Кафы, XXVIII день іюня MCCCCLV года.

Нѣсколько ниже написаны слѣдующія строки на латинскомъ языкѣ:

„Вашей Свѣтлости преданные подданные евреи, подписи которыхъ ниже слѣдуютъ отъ имени всѣхъ остальныхъ евреевъ, живущихъ въ Кафѣ“.

Затѣмъ слѣдуютъ одиннадцать строкъ съ еврейскими именами, въ древне-еврейскихъ формахъ, послѣ чего идетъ переводъ этихъ именъ на латинскомъ языкѣ. Вотъ они:

Аведія, сынъ Моисея.
Коя¹⁾, сынъ Адолькарема²⁾.
Натанель, сынъ Абрама.
Пасса, сынъ Саледи.
Анурпотамъ (?), сынъ Абрама.
Яковъ, сынъ Рабани.
Янпбей, сынъ Пассы.
Игахаэль, сынъ Якова.
Иля Пасса, сынъ Якова.

Въ подлинникѣ эти имена изображены такъ:

Avedia, filius Moise.
Coia, filius Adolcarem.
Natanel, filius Abram.
Passa, filius Sagodi.
Anurpotam (?), filius Abram.
Iacob, filius Rabani.
Ianiboi, filius Passa.
Ihachael, filius Iacob et
Ila Passa, filius Iacob.

При чтеніи вышеприведенныхъ подписей является невольное сомнѣніе въ точности передачи генуэзскимъ палеографомъ Амедео Винья орѳографіи нѣкоторыхъ именъ кафинскихъ купцовъ, напримѣръ имя „Анурпотамъ“.

Подобныя ошибки или описки очень неудивительны, если принять во вниманіе давность документа или то, что самъ писецъ-генуэзецъ могъ не быть знакомъ съ инородными именами и т. п. Вотъ почему считаемъ не лишнимъ присоединить здѣсь слѣдующее поясненіе.

Въ числѣ кафинскихъ актовъ этого же 1455 года встрѣчается еще одинъ (также прошеніе отъ евреевъ), буквально тождественной редакціи, какъ бы копія перваго документа. Единственное отличіе этого втораго документа отъ перваго — его датировка, именно:

„Настоящее (письмо) написано въ вашемъ благословенномъ городѣ Кафѣ въ VIII день августа MCCCCLV года“.

И нѣсколько ниже латинскими словами:

„По-еврейски, съ низайшимъ почтеніемъ, подписались вѣрнопооданные Вашей Свѣтлости поименованные здѣсь евреи“.

¹⁾ Имя, встрѣчаемое у испанскихъ евреевъ въ Крыму или крымчаковъ.

²⁾ Тоже.

Слѣдуютъ подписи:

Ануркохамъ (?), сынъ Аве... (Авеля?).
 Симха, сынъ Мелиска.
 Натанель Леви, сынъ Сади.
 Яковъ, сынъ Рабани.
 Элія Пасса де Манзо, сынъ Якова.
 Кокосъ¹⁾, сынъ Исаака.
 Янибей, сынъ Пасса.
 Іехіель, сынъ Якова.

Тѣ же имена по-латыни:

Anurcoham (?), filius Ave..
 Simcha, filius Melisca.
 Natanel Levi, filius Sadi.
 Iacob, filius Rabani.
 Elia Passa de Manso, filius Iacob.
 Cocos, filius Isaac.
 Ianibei, filius Passa.
 Iechiel, filius Iacob.

Въ первой группѣ этихъ подписей выдѣляется странное имя „Анурпотамъ“, принявшее во второй группѣ измѣненную ореографію „Ануркохамъ“. Быть можетъ, эта вторая форма одного и того-же имени поможетъ намъ объяснить первую. Очевидно, что тамъ или здѣсь обнаруживается ошибка или описка первоначальнаго писца, такъ какъ генуэзскій палеографъ А. Винья прочелъ ихъ два раза, въ разныхъ документахъ, и каждый разъ иначе. Въ виду этого намъ приходится сдѣлать нѣкоторое предположеніе.

Очень часто въ генуэзскихъ и кафинскихъ актахъ встрѣчаются мѣста, гдѣ въ собственныхъ именахъ лицъ или мѣстностей порядокъ буквъ переставленъ. Встрѣчается, даже очень часто, выраженіе „tucri“, „theucri“, вмѣсто „turci“ (Турки). Но допустимъ, что въ формѣ „Anurcoham“ мы имѣемъ соединеніе двухъ словъ: „Anur“ и „coham“. Въ первомъ словѣ (имя) могли быть переставлены буквы *n* и *r* одна на мѣсто другой, такъ что очень можетъ быть, что настоящая форма этого слова была „Arun“ (Aron?)²⁾. Второе слово, фамилія или прозвище, „coham“³⁾, т. е. „Cohan“, „Cohen“, „Cohn“, фамиліи, суще-

¹⁾ Имя литовскихъ евреевъ.

²⁾ Впрочемъ, въ Библии встрѣчается имя Онеір.

³⁾ Хазарское или, точнѣе, еврейское выраженіе „священникъ“, „служитель алтаря“, *каханъ*—царь хазарскій, *гахамъ* у караимовъ.

ствующія до нашихъ дней. Разумѣется, мы нисколько не настаиваемъ на подобномъ объясненіи даннаго слова и оставляемъ это поле открытымъ для болѣе опытныхъ истолкователей библейскихъ именъ.

Что касается до подписи „Elia Passa de Manso“, намъ кажется, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ настоящею еврейскою фамиліею, такъ какъ приставка „de Manso“ указываетъ на одну изъ неправильныхъ формъ названія извѣстной въ Крыму мѣстности, нѣкогда обитаемой исключительно евреями („жидовская крѣпость“), именно Мангупъ-Кале. Слѣдовательно, приходится, по нашему пониманію, вышеприведенную форму читать такъ: „Элія Пасса изъ Мангупа, или Мангупскій“.

Замѣтимъ, что въ средневѣковыхъ документахъ (генуэзскихъ и др.) и въ реляціяхъ позднѣйшихъ путешественниковъ и историковъ упоминается о Мангупѣ подъ разными терминами, напр.: Mancor, Mancup, Mancoria, Mancupo, Mangub, Manssioub, Mango, Manso, Mangoutsi, Mangout, Mangutum и т. п. (См. Кеппенъ, „Крымскій Сборникъ“, стр. 261 и др.).

Л. Колли.

Древнія армянскія рукописи изъ Крыма.

I.

Армянская рукопись изъ Кафы (Θεοδοσίи).

Рукопись Шаракана¹⁾ XV-го вѣка, писана круглымъ почеркомъ, на пергаментѣ, въ одинъ столбецъ; число листовъ 301; ширина и длина листа 6×13 сантиметровъ, на страницѣ 23 строки. Въ началѣ и въ концѣ рукопись дефектна, недостаетъ нѣсколькихъ листовъ. Пергаментъ тонкій, прекрасной выдѣлки, текстъ шаракана на немъ сохранился отлично и читается безъ малѣйшихъ затрудненій. Въ рукописи имѣются двѣ заставки въ византійскомъ стилѣ: наверху первой заставки — блюдо съ плодами, по сторонамъ его двѣ птички, изъ которыхъ одна взяла изъ блюда плодъ, другая, раскрывъ клювъ, приготовилась послѣдовать примѣру первой; направо вдоль листа, на поляхъ, пущено длинное и узкое украшеніе, составленное изъ разнообразныхъ узоровъ и арабесокъ и наверху заканчивающееся крестомъ, внизу изображеніе сидящаго волка. Подъ заставкой первая буква текста составлена изъ двухъ сиренъ, съ головнымъ уборомъ въ видѣ остроконечнаго клобука, который и понынѣ носитъ армянское черное духовенство. Напротивъ заставки, на предыдущемъ листѣ, всю страницу занимаетъ слѣдующая картина изъ Новаго Завѣта: у открытаго гроба Воскресшаго Христа сидитъ ангелъ, и передъ нимъ стоятъ жены мироносицы; поодаль отъ нихъ воинъ изъ стражи въ изумленіи выронилъ изъ рукъ мечъ, который тутъ же лежитъ. Вторая заставка такъ же, какъ и первая, занимаетъ половину листа; наверху крестъ, по сторонамъ двѣ птич-

¹⁾ Подъ „Шараканомъ“ разумѣются богослужебные каноны и пѣсни армянской церкви, полный русскій переводъ которыхъ издалъ проф. Н. Эминъ въ Москвѣ, въ 1879 г.

ки; подъ заставкой—гіена, на спинѣ послѣдней—терзающій ее орелъ. Направо, вдоль листа, на поляхъ, обычное узкое украшеніе, которое впервые появляется въ армянскихъ рукописяхъ, какъ справедливо замѣтилъ покойный графъ А. С. Уваровъ, въ своемъ описаніи Эчміадзинской библіотеки, въ XIV столѣтіи. Узкое украшеніе наверху заканчивается равнобедреннымъ крестомъ. Заглавныя буквы величиной въ два, три и пять сантиметровъ.

Рукопись отличается богатой орнаментировкой; миниатюръ много, напр.: изображеніе Григорія Просвѣтителя въ крестчатыхъ ризахъ, съ золотымъ сіяніемъ вокругъ головы, отсѣченной головы Іоанна Крестителя на блюдѣ, архангела Гавріила, у котораго одно крыло опущено, другое приподнято, правая рука протянута для благословенія, плащъ краснаго цвѣта, вокругъ головы золотое сіяніе, императора Θεодосія въ коронѣ; множество великолѣпныхъ шатровыхъ башенъ, различныхъ узоровъ, оканчивающихся крестомъ, виньетокъ, птицъ, изъ которыхъ преимущественно составлены заглавныя буквы. На миниатюрахъ преобладаютъ золото, красный, синій и желтый цвѣта, которые чрезвычайно ярки, свѣжи и прекрасно сохранились. Далѣе, въ той же рукописи мы встрѣчаемъ изображенія звѣздъ, разныхъ растений, деревьевъ съ фруктами на нихъ, отдѣльныя части шатровыхъ башенъ и различныхъ орнаментовъ.

Кѣмъ, когда и гдѣ написана разбираемая рукопись и какая ее постигла участь, видно изъ нижеслѣдующихъ трехъ записей. Приведемъ вкратцѣ содержаніе каждой изъ нихъ. Въ первой записи мы читаемъ: „Я, смиренный рабъ изъ рабовъ воистину благого Господа нашего Іисуса Христа, Теръ Степанось, искатель слова и послѣдній изъ любослововъ въ областяхъ Иверіи (Грузіи), родомъ изъ Ахалцыха, неопытный писатель и заблудшій пастырь, съ давнихъ поръ питалъ живѣйшее желаніе увидать страну Гунновъ, монастыри, иноковъ и гражданъ. Такъ я прибылъ и вступилъ въ Богохранимый градъ Кафу и встрѣтился (тамъ) съ знаменитымъ архипастыремъ, владыкой Матѳеосомъ, ученикомъ великаго ритора Григорія; при его содѣйствіи я отыскалъ цѣломудреннаго инока Кристостура, писца художника и переплетчика, и, отдавъ ему изъ преходящихъ моихъ средствъ, возымѣлъ желаніе обрѣсти сіе нотное произведеніе (пѣсни Шаракана) для собственнаго и предковъ (?) моихъ пользованія. Означенное произведеніе написано въ странѣ гуннской, въ Крыму, въ великолѣпномъ и славномъ градѣ Кафѣ, при церкви св. Анны и другихъ сонмовъ святыхъ, въ

патріаршество владыки Погося (II-го, 1418—1430 г.) и при даровитомъ и мудрому риторѣ, вардапетѣ Матѳеосѣ, въ лѣто 872 (отъ Р. Хр. 1423 г.) армянской эры. Я, расточитель Господней казны и скрытыхъ талантовъ, Теръ-Степаносъ, павъ ницъ, умоляю васъ, святорожденные сонмы служителей святой церкви, кому доведется видѣть воочию, пользоваться имъ и насладиться чтеніемъ или копированіемъ, помяните въ молитвахъ вашихъ искренне и чистосердечно заказчика сего творенія Теръ-Степаноса, а также заслуженнаго, мудраго и доблестнаго учителя нашего, покойнаго вардапета Якова, владыку архіепископа Нерсеса, владыку Якова, настоятеля великой обители Ахпата¹⁾ и наставника нашего инокъ Вардана, жену и отца благодѣтеля моего барона²⁾ Іоаннеса, сына барона Курдамира, тѣлесныхъ родителей моихъ ага Киракоса и Куль-Меликъ-Хатунъ, ага Мурада и Шахъ-Хутлу, отца моего барона Мартироса и мать мою Шнаворъ, брата барона Іоаннеса, принявшаго мученическій вѣнецъ въ Месопотаміи, дядю барона Якова, невѣстку мою Нукзаръ-Хатунъ, зятя барона Лазаря, сестру мою, Деспина-Хатунъ, дядю по матери барона Григора и всѣхъ родныхъ и благодѣтелей моихъ, живыхъ и усопшихъ, коихъ да помилуетъ Христосъ Господь нашъ при второмъ пришествіи Своемъ, аминь. А также если удостоите жалостнаго повиновенія, въ день славнаго и грознаго суда, недостойнаго писца, рисовальщика и переплетчика Крестостура и родителей моихъ, то искренне и непринужденно поминающій здѣсь поименованныхъ самъ будетъ помянуть Христомъ, Богомъ нашимъ, Который благословенъ во вѣки вѣковъ, аминь. Кто съ вѣрой провозгласитъ аминь, того помилуетъ Христосъ во время второго Своего пришествія, аминь“.

Вторая запись гласитъ слѣдующее: „Я, епископъ Киракосъ, купилъ святыя шараканы на праведныя свои средства, на память обо мнѣ и родителяхъ моихъ: отцѣ Аствацатурѣ, матери Азисъ, братьяхъ моихъ: Мхитарѣ и Мартиросѣ, сыновьяхъ ихъ Давидѣ... Итакъ, умоляю васъ, кому доведется читать или переписывать сей сборникъ шаракановъ, въ молитвахъ вашихъ,

¹⁾ Древній монастырь, основанъ въ X в. въ Борчалинскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи.

²⁾ Титулъ „баронъ“ употребляется у армянъ съ XII-го вѣка, когда крестоносцы впервые проходили черезъ Киликію, гдѣ царствовали тогда армянскіе Рубениды. Слово „баронъ“ замѣняетъ у армянъ слово „господинъ“. Армянскій царь Леонъ II (1187—1219 г.) всѣхъ своихъ владѣтельныхъ князей-нахараровъ переименовалъ баронами.

возсылаемыхъ къ небу, помяните души наши, аминь. Сію книгу я купилъ у епископа Мартироса въ 1054 году армянской эры (1605 г.), въ царствованіе персидскаго шаха Аббаса (I-го Великаго, ум. въ 1628 г.), грузинскаго царя Луарсапа, при эчміадзинскомъ патріархѣ Мелкиседѣ¹⁾ (1593--1627 г.). Памятная запись написана рукой инока Ованеса въ столичномъ городѣ Тифлисѣ. Съ Божьей милостью да пользуется шараканомъ архіепископъ Киракосъ“.

Третья запись: „Слава единой Троицѣ, Отцу и Сыну, и Святому Духу, аминь. Я, выходецъ изъ Бендеръ (Херсонской губерніи), Гомичъ Кертонъ Саркисъ купилъ сей сборникъ Шаракана на праведныя средства мои, на память себѣ, сыновьямъ моимъ—дьячкамъ: Аствацатуру и Мартиросу, всему дому и чадамъ моимъ, да пользуются имъ съ Божьей милостью! Умоляю васъ, отцы и братья, помяните меня въ вашихъ молитвахъ при чтеніи или копированіи сего Шаракана, купленнаго мною въ 1201 году армянской эры (1752 г.), въ царствованіе Османскаго султана Махмуда, въ правленіе эчміадзинскаго католикоса Минаса (1751--1753). Запись написана рукой недостойнаго священника Теръ-Хачатура въ столицѣ Бендерахъ“.

Изъ вышеприведенныхъ записей мы видимъ, что заказчикъ рукописи Теръ-Степаносъ Тавриду называетъ страной Гунновъ. Но подъ этимъ наименованіемъ не слѣдуетъ понимать исключительно Гунновъ, которые въ V вѣкѣ, подъ начальствомъ своего грознаго царя Атилы, прошли черезъ южныя степи Россіи въ западную черту, гдѣ въ 451 году были разбиты римскимъ полководцемъ Аэціемъ въ Каталаунской битвѣ; подъ Гуннами армянскіе писатели разумѣютъ вообще всѣ тѣ народности и племена, которыя въ различныя историческія эпохи перебывали въ Крыму. Церковь св. Анны, при которой писалась рукопись, вѣроятно, та самая, что находится въ Феодосіи на горахъ. Она долгое время лежала въ развалинахъ, и въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія ее возобновилъ архіепископъ Гавріилъ, братъ извѣстнаго мариниста И. К. Айвазовскаго, и съ тѣхъ поръ она носитъ названіе церкви Іоакима и Анны. Восторженный отзывъ кавказца о „великолѣпномъ и славномъ градѣ Кафѣ“ доказываетъ, что молва о благоденствіи Армянъ въ Тавридѣ въ XIV и XV вѣкахъ достигла до слуха ихъ соплеменниковъ, жившихъ на Кавказѣ и за Чернымъ мо-

¹⁾ Рельефное изображеніе патріарха Мелкиседа находится внутри церкви Святителя Николая въ Каменецъ-Подольскѣ, куда онъ удался изъ Эчміадзина отъ персидскихъ гоненій и поборовъ.

ремъ. Отсюда само собой становится яснымъ, почему у восточныхъ Армянъ является „сильное желаніе увидѣть страну Гунновъ, монастыри, иноковъ и гражданъ“. Но, кромѣ Кафы, древняя армянская письменность процвѣтала и въ другихъ мѣстахъ Тавриды, напр. въ монастырѣ Сурбъ-Хачъ (св. Креста) въ Старомъ Крыму, въ Сурхатѣ¹⁾, Бахчисараѣ и, вѣроятно, въ Карасубазарѣ. Изъ второй записи явствуетъ, что наша рукопись изъ Кафы попала въ столицу Грузіи Тифлисъ, и оттуда ее, черезъ Крымъ, занесли въ Бендеры. Послѣднимъ собственникомъ ея является секретарь армянской епархіальной консисторіи покойный Степанъ Сергѣевичъ Бархударовъ, кстати сказать, большой библіофилъ; онъ оставилъ своей семьѣ богатую библіотеку печатныхъ книгъ, преимущественно венеціанскаго изданія. Въ числѣ означенныхъ книгъ оказались и нѣсколько рукописей, одну изъ которыхъ составляетъ только что нами описанная. Въ заключеніе добавимъ, что переплетъ этой рукописи досчатый, снаружи покрытый кожей, а внутри обитый дорогой златотканной матеріей; затѣйливый рисунокъ на ней даетъ представленіе о степени мануфактурнаго искусства въ Крыму въ данную эпоху. Считаю своимъ пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь мою искреннюю благодарность почтенной семьѣ Бархударовыхъ, любезно предоставившихъ въ мое распоряженіе любопытный памятникъ для изученія, въ бытность мою въ Кишиневѣ лѣтомъ нынѣшняго года.

II.

Армянская рукопись, принадлежащая фундаментальной библіотекѣ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ.

Рукопись Новаго Завѣта (№ 146 каталога рукописей), писана мелкимъ и круглымъ почеркомъ, въ два столбца, на пергаментѣ; число листовъ 320, ширина и длина страницы 8×11 сантиметровъ. Выходъ въ концѣ Евангелія отъ Іоанна и гласитъ такъ: „благодатью Бога Вседержителя, я началъ и, неусыпной милостью Его, закончилъ святое, желанное Евангеліе великимъ тщаніемъ и трудомъ, — съ экземпляра Св. Саака, армянскаго переводчика и второго Просвѣтителя Арменіи, въ

¹⁾ Солхатъ, Старый Крымъ.

793 году армянской эры (1344 г.), въ Крыму, въ городѣ Сурхатѣ, подѣ покровительствомъ (церкви) Св. Богородицы, при патріархѣ Мхитари; и писано оно (Евангеліе) рукой моею, Григорія Сукіасянцъ, послѣдняго грѣшника и недостойнаго писца, на добрую память обо мнѣ и родителей моихъ. Вы, кому придется читать либо переписывать его, вѣрьте искренней правдивости словъ моихъ и помяните во Христѣ меня, грѣшнаго писца Григорія, родителей и братьевъ моихъ, и Христосъ Богъ помянетъ и помилуетъ васъ“.

Такимъ образомъ, датированная рукопись относится къ памятникамъ XIV столѣтія, но весьма сомнительно увѣреніе писца, будто онъ ее скопировалъ съ подлиннаго экземпляра Св. Саака (Великаго), послѣдняго потомка Григорія, Просвѣтителя Арменіи. Какъ извѣстно изъ исторіи древней армянской письменности и церкви, патріархъ Саакъ, сынъ Нерсеса Великаго, при содѣйствіи ученаго сподвижника своего вардапета Месропа, изобрѣтателя армянскаго алфавита въ 406 году (по мнѣнію европейскихъ армянистовъ, изобрѣтеніе армянскихъ письменъ произошло въ 397 году), и многочисленныхъ учениковъ, приступилъ къ переводу Священнаго Писанія на армянскій языкъ сначала съ сирскаго списка, называемаго „Пешитта“, а когда изъ Константинополя имъ былъ полученъ экземпляръ Семидесяти Толковниковъ, то онъ вторично перевелъ Ветхій и Новый Заветъ съ греческаго. Переводъ былъ законченъ, по преданію, въ 436 году, и въ это время въ церквахъ и храмахъ, гдѣ до тѣхъ поръ богослуженіе происходило на непонятныхъ народу языкахъ сирскомъ и отчасти греческомъ, Армяне впервые съ умиленіемъ и въ глубокомъ благоговѣніи услышали священное слово на родномъ языкѣ. Съ переводомъ Библии на армянскій языкъ было положено основаніе Золотого вѣка армянской литературы. Имена славныхъ переводчиковъ покрыты ореоломъ величія въ народной памяти. Патріархъ Саакъ Великій, предвидя скорое паденіе изнѣженныхъ и неспособныхъ армянскихъ Аршакидовъ (династія ихъ пала въ 428 г.), подарилъ свой народъ собственной письменностью и тѣмъ пробудилъ въ немъ національное самосознаніе. Занимая почти полвѣка патріаршій престолъ, онъ умеръ въ глубокой старости въ 438 году. Такимъ образомъ, цѣлое тысячелѣтіе отдѣляетъ знаменитую эпоху Саака Великаго отъ времени сурхатскаго писца Григорія Сукіасянцъ, которому едва ли въ данномъ случаѣ можно вѣрить, хотя онъ и умоляетъ насъ объ этомъ. Ели, паче чаянія, уцѣлѣлъ бы до XIV вѣка подлинный

экземпляръ Саака, то ему мѣсто въ Эчмιάдзинской библіотекѣ и быть подъ семью замками, а не въ Сурхатѣ, „странѣ Гунновъ“.

Но какъ бы неправдоподобнымъ ни казались увѣренія писца относительно помянутаго саакова экземпляра, мы не могли обойти ихъ молчаніемъ и немедленно приступили къ сличенію разбираемаго памятника съ печатнымъ текстомъ Евангелія, изданнаго въ Петербургѣ въ 1817 году, при чемъ оказалось слѣдующее: въ XVI и XXIII глав. Евангелія отъ Матѳея недостаетъ нѣсколькихъ стиховъ; особыхъ вариантовъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ глагольных формъ, мы не замѣтили; разночтенія настолько незначительны, что по этимъ признакамъ трудно предположить, чтобы писецъ имѣлъ подъ рукой особенно древній списокъ Евангелія, съ котораго онъ скопировалъ свою рукопись. Вѣроятно же всего, что послѣдняя списана съ памятниковъ XII или XIII столѣтія, на что указываетъ отсутствіе въ нашей рукописи выдающихся архаизмовъ. Продолжая описаніе рукописи, замѣтимъ, что заставки въ ней большія и занимаютъ менѣе половины листа; заглавныя буквы узорчатыя, мініатюры евангелистовъ нарисованы на поляхъ, сбоку, символическія животныя у евангелистовъ отсутствуютъ; попадаются разныя и мелкія украшенія. Кромѣ текстовъ Четвероевангелія, въ концѣ рукописи имѣются нѣсколько молитвъ и, въ томъ числѣ, извѣстное „слово на освященіе винограда“ патріарха Нерсеса Благодатнаго (1165—1172 г.), резиденція котораго, вслѣдствіе тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ, была перенесена въ замокъ Храмклъ, на Евфратѣ, въ Малой Арменіи. Далѣе, въ записи упоминается имя патріарха Мхитара, который является ставленникомъ послѣдняго царя изъ династіи Рубенидовъ, Леона V (1320—1341 г.), и преемникомъ патріарха Якова. Онъ (Яковъ) былъ низложенъ Леономъ за обличеніе царя въ угодничество римскимъ первосвященникамъ въ ущербъ интересамъ армянской церкви, на которую сильно посягали римскіе папы послѣ византійцевъ. Но и новый патріархъ Мхитаръ далекъ былъ отъ мысли подчиниться Риму; онъ до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1355 году, мужественно отстаивалъ автокефальность родной церкви.

Въ заключеніе вышеизложеннаго намъ остается прибавить, что Григорій Сукіасянцъ былъ извѣстнымъ писцомъ XIV вѣка, и отъ него остался еще Шараканъ, списанный имъ въ Сурхатѣ же въ 1352 году. Рукопись принадлежитъ Эчмιάдзинской библіотекѣ и въ свое время была описана графомъ А. С. Уваровымъ.

III.

Пять армянскихъ рукописей изъ находящихся въ Нахичевани.

Значительное количество армянскихъ рукописей перевезено Армянами изъ Тавриды во время переселенія ихъ, въ XVIII в., изъ Крыма на берега р. Дона и хранятся онѣ въ г. Нахичевани, въ церкви Григорія Просвѣтителя. Пять экземпляровъ этихъ рукописей намъ посчастливилось видѣть лѣтомъ сего года въ Кишиневѣ, у начальника Нахичевано-Бессарабской епархіи, преосвященнаго Нерсеса, который выписываетъ ихъ изъ Нахичевани для члена мѣстной армянской консисторіи, архимандрита Тирайра. Послѣднему онѣ нужны для ученаго труда, который современемъ появится въ печати. Я не преминулъ, конечно, воспользоваться представившимся мнѣ удобнѣмъ случаемъ и, съ разрѣшенія архіепископа Нерсеса, немедленно приступилъ къ ихъ детальному изученію. Всѣ пять рукописей ¹⁾, аналогичнаго содержанія и называются „Гандзаранъ“ (сборникъ церковныхъ пѣсенъ).

1. Рукопись (№ 116) Гандзарана, XVII-го вѣка, писана круглымъ почеркомъ, въ два столбца, на бомбицинѣ; число листовъ 448, ширина и длина листа 21×31 сант., на страницѣ 27 строкъ. На 12-мъ листѣ византійская заставка и, направо отъ нея, на поляхъ, длинное и узкое украшеніе, составленное изъ разнообразныхъ узоровъ и украшеній, занимаютъ половину листа. Первая строка текста подъ заставкой составлена изъ узорчатыхъ буквъ, слѣдующія четыре строки писаны сурикомъ. Первая буква семь сантиметровъ длины, другія заглавные буквы изъ птицъ и человѣческихъ головъ величиной отъ пяти до шести сантиметровъ; на поляхъ нарисованы многочисленные украшенія, въ видѣ виньетокъ, разныхъ узоровъ, заканчивающихся крестомъ, шатровыя башни съ крестомъ на верху, кресты разныхъ видовъ и другія мелкія украшенія. Орнаментировкой рукопись, вообще, богата, но рисунки не отличаются особенной оригинальностью, что доказываетъ, что художникъ, для составленія ихъ, пользовался готовыми образцами.

¹⁾ Нумера 116, 117, 118, 119, 120 рукописнаго каталога, составленнаго въ Нахичевани на Дону.

Выходъ въ концѣ рукописи и гласить слѣдующее:

„Слава Пресвятой Троицѣ, Единому Божеству.

Сборникъ церковныхъ пѣсенъ переписанъ рукой ничтожнаго и неоостойнаго священника Арзымана, въ царствованіе султана Мурата и въ патріаршество Владыки Филиппа (1633—1655 г.) и при епархіальномъ начальникѣ страны гуннской въ Кафѣ, владыкѣ—архіепископѣ Хачатурѣ, въ церкви Евангелиста Іоанна“.

Въ настоящее время трудно указать въ Θεодосіи то мѣсто, гдѣ нѣкогда стояла церковь во имя св. евангелиста Іоанна.

Рукопись (№ 120), сборника церковныхъ пѣсенъ XVII-го вѣка, писана на бомбицинѣ, въ два столбца, круглымъ почеркомъ; число листовъ 323, ширина и длина листа 21×29 сант.; на страницѣ 29 строкъ. На первой страницѣ заставка въ византійскомъ стилѣ; направо, вдоль листа, пущено длинное и узкое украшеніе, увѣнчанное крестомъ; въ серединѣ этого украшенія нарисованъ ангелъ съ вѣткой въ правой рукѣ, лѣвая приподнята. Подъ заставкой изображенія Св. Дѣвы съ золотымъ сіяніемъ вокругъ головы и Духа Святаго въ видѣ голубя. Первая строка текста писана крупными буквами, составленными изъ птицъ, вторая крупнымъ уставомъ новаго образца. Послѣ 292-го листа круглый почеркъ смѣняется курсивомъ. Миниатюръ много, ибо нѣкоторые акаѳисты сопровождаются изображеніями святыхъ, коимъ они посвящены. Таковыми являются миниатюры: Іоанна Предтечи, держащаго въ рукѣ посохъ, который заканчивается крестомъ, патріарха александрійскаго Петра, старца Симеона съ младенцемъ Іисусомъ на рукахъ, пророка Іоны въ пасти кита-рыбы, св. воина Θεодора верхомъ, поражающаго копьемъ дракона, Григорія Просвѣтителя въ праздничныхъ ризахъ и съ тиарой на головѣ, съ жезломъ въ правой рукѣ и Евангелиемъ въ лѣвой; далѣе миниатюры головы Іоанна Крестителя на блюдѣ, Вознесенія Христа, св. дѣвы Риксиміи, вторая миниатюра Іоанна Предтечи, а также Григорія Просвѣтителя, съ правой рукой, приподнятой для благословенія, и съ посохомъ въ лѣвой и тиарой на головѣ, Нерсеса Великаго (отца переводчика Библии на армянскій языкъ—патріарха Саака), въ святительскихъ ризахъ, съ посохомъ въ лѣвой рукѣ и сіяніемъ вокругъ головы, Преображенія, Успенія св. Богородицы, Георгія Побѣдоносца, верхомъ и поражающаго копьемъ змія, архангела Гавріила, Іоанна Златоуста, Св. Мины съ Гермогеномъ, патріарха Іакова Низибинскаго, пророка Давида, Первомученика Стефана, сыновъ грома—Петра, Павла и

Іоанна. Крімъ вышеприведенихъ мініатюръ, на поляхъ рукописи встрѣчаються изображенія прекрасныхъ шатровыхъ башенъ, птицъ, изъ коихъ нѣкоторыя держать въ клювѣ вѣтки, разныхъ узоровъ и опять шатровыхъ башенъ съ крестами наверху. За акаѳистомъ Киракоса и Улиты читается краткая записка: „рукопись написалъ въ Кафѣ Григорій¹⁾, именующій себя заблудшимся и невѣждой“ (см. листъ 26).

На 243 листѣ, внизу, читаемъ: „Помяните недостойныхъ родителей моихъ, и вы будете помянуты Богомъ, аминь“.

Даты никакой нѣтъ, но, судя по характеру письма и особенностямъ мініатюръ, не всегда удачно исполненнымъ, а также матеріалу, на которомъ написана рукопись, послѣднюю можно отнести къ письменнымъ памятникамъ XVII-го вѣка.

Рукопись (№ 118) сборника церковныхъ пѣсенъ, писана на бомбицинѣ убористымъ и круглымъ почеркомъ, въ одинъ столбецъ; число листовъ 565, ширина и длина листа 18×26 сант., на страницѣ 20 строкъ. Въ началѣ имѣется особый предохранительный пергаментный листъ, на которомъ сохранился написанный крупнымъ уставомъ отрывокъ изъ Новаго Завѣта, о которомъ скажемъ ниже. Въ концѣ рукопись растрепана, недостаетъ нѣсколькихъ листовъ; заставокъ и мініатюръ нѣтъ никакихъ, за исключеніемъ мелкихъ узоровъ и виньетокъ, на которыхъ выцвѣли краски.

На второмъ листѣ мы встрѣчаемъ слѣдующія даты, которыя приводимъ въ хронологическомъ порядкѣ:

„Лѣто армянской эры 993 марта 9-го (1544 г.).

„Въ лѣто армянской эры 993, въ началѣ апрѣля, я, Біата, принялъ къ себѣ въ услуженіе на шесть лѣтъ сына Асвадура, съ жалованьемъ въ годъ 150 піастровъ, чему свидѣтелями были: Теръ-Тадеосъ, Хазаръ, Гула, Азизъ-Бекъ“. 993 годъ армянской эры соотвѣтствуетъ 1544 году.

Далѣе читается такъ: „Неопытнаго писца не забудьте помянуть въ молитвахъ вашихъ вы, священники и духовныя лица, ибо по просьбамъ чужихъ легко даруется отпущеніе грѣховъ грѣшникамъ, въ лѣто армянской эры 1057 г. (1608 г.).

Третья дата написана мелкимъ почеркомъ и буквально гласитъ слѣдующее: „Памятная записка написана въ 1065 году армянской эры (1616 г.)“.

Такимъ образомъ, нигдѣ не указано мѣсто, гдѣ писалась рукопись, но угадать не трудно по языку записи и имени Бі-

¹⁾ Это, очевидно, другое лицо, а не Сукіасянцъ Григорій, жившій въ XIV вѣкѣ.

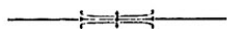
ата, которое употребительно только у крымскихъ татаръ, караимовъ и у армянъ.

Выше мы отмѣтили отрывокъ изъ Новаго Завѣта, писанный крупнымъ уставомъ; хотя послѣдній и сильно пострадалъ отъ времени, но изъ первыхъ же словъ разобраннаго нами текста почтенный архіепископъ Нерсесъ установилъ текстъ Евангелія отъ Іоанна и помогъ мнѣ опредѣлить точно каждый стихъ его. Вновь открытый отрывокъ составляетъ часть 16-й главы Евангелія отъ Іоанна, стихи 20—30. Варіанты, по сличенію съ печатнымъ текстомъ Евангелія (изъ бібліотеки преосвященнаго), оказались незначительными, за исключеніемъ двухъ, трехъ архаическихъ формъ. Рукопись, несомнѣнно, крымскаго происхожденія, чего не могу сказать относительно двухъ остальныхъ¹⁾, въ которыхъ нѣтъ ни даты, ни указаній или намека на мѣсто, гдѣ онѣ написаны; поэтому, о нихъ здѣсь рѣчи быть не можетъ, хотя онѣ и были вывезены изъ Крыма.

Х. Хучукъ-Іоаннесовъ.

¹⁾ №№ 117 и 119.

Некрополь у „крестововиднаго“ храма въ Херсонесѣ.

Описываемый некрополь былъ раскопанъ въ 1907 году. Расположенъ онъ на востокъ отъ Херсонеса, приблизительно въ 170 саженьяхъ отъ его городскихъ стѣнъ, на цѣльной материковой скалѣ, имѣющей видъ возвышеннаго мыса, ограниченаго съ трехъ сторонъ балкой, которая по нѣкоторымъ соображеніямъ, какъ напр. нахожденію въ ней большого количества морского песку, повидимому, въ древности являлась русломъ доходившей сюда Херсонесской (Карантинной) бухты, нынѣ совершенно пересохшимъ.

Всѣ склепы и гробницы, количествомъ 58, покрывающіе густой стѣтью раскопанный участокъ скалы, около 452 кв. саж., считаясь съ направлениемъ и различной плотностью скалы, вырубивались безъ какой-либо систематической оріентаціи. Вслѣдствіе малой толщины слоя земли (отъ 0,25 до 1,20 м.), покрывавшей скалу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и полного отсутствія такового, были довольно ясно видны контуры нѣсколькихъ гробницъ и дромосовъ. Многія погребенія еще въ древнее время были разграблены или совершенно или же поверхностно, съ оставленіемъ даже золотыхъ вещей, бывшихъ для грабителей главной цѣлью ограбленія. Возможно допустить, что грабителями или, какъ ихъ теперь называютъ, „счастливицами“ являлись каменщики, которые, вырубая гробницы и склепы, при работѣ случайно наталкивались на какую-нибудь по сосѣдству расположенную гробницу или же склепъ и, конечно, не упускали возможности ознакомиться съ ихъ содержимымъ. При разслѣдованіи нѣкоторыхъ склеповъ иногда встрѣчались въ одной или двухъ стѣнахъ довольно большіе проломы, ведущіе въ сосѣдніе склепы. Ясно, что таковыя проломы являются работой рукъ грабителей. Если время и вообще окружающая обстановка имъ благопріятствовала, то грабленіе было болѣе тщательное, и наоборотъ.

Описываемый некрополь интересенъ тѣмъ, что представляетъ совокупность различныхъ видовъ погребеній, какъ-то: погребеніе въ склепахъ, гробницахъ, въ перебитыхъ пополамъ амфорахъ, просто въ насыпи и ямахъ и трупосожженіе. Большинство гробницъ, преимущественно вырублялись въ скалѣ въ видѣ простыхъ прямоугольныхъ ящиковъ, съ среднимъ размѣромъ 1,95 м. длины 0,57 м. ширины и 0,62 м. глубины. Болѣе сложной конструкціей гробницъ являются гробницы съ такъ называемыми подбойными нишами-койками, одной или двумя. Если смотрѣть на нихъ сверху, они совершенно тождественны съ предыдущими гробницами, но болѣе глубоки и въ продольныхъ своихъ стѣнкахъ имѣютъ вырубленные ниши-койки, которыя дѣлались или на одномъ уровнѣ съ поломъ гробницы или же на нѣкоторомъ отъ него возвышеніи. Въ настоящемъ некрополѣ была открыта всего лишь одна подобная гробница. Судя по размѣрамъ 0,97 м. длины, 0,45 м. ширины и 0,35 м. глубины, гробница, повидимому, была приготовлена для погребенія въ ней подростка. Кости, которыя были сильно истлѣвшія, были перемѣшаны съ наполнявшей гробницу землей, попавшей сюда вслѣдствіе отсутствія какого-либо покрытія. Находокъ въ ней не было никакихъ. Въ открытыхъ по настоящее время въ Херсонесѣ гробницахъ съ подбойными нишами-койками, а также и въ простыхъ ящиковидныхъ гробницахъ совершенно отсутствовали хотя бы малѣйшіе остатки гробовъ, что заставляетъ думать, что погребенія въ гробницахъ производились безъ гробовъ, и трупы клались просто на ниши и на полъ. Въ нѣкоторыхъ болѣе и менѣе сохранныхъ гробницахъ съ подбойными нишами-койками можно было ясно прослѣдить порядокъ, въ какомъ клались трупы; первый трупъ клался, повидимому, посерединѣ ниши-койки, слѣдующій за нимъ клался рядомъ, вслѣдствіе чего первый костякъ отодвигался отъ своего мѣста ближе къ стѣнѣ; при положеніи слѣдующихъ труповъ, второй костякъ также придвигался къ первому и т. д., вслѣдствіе чего у стѣнки ниши-койки происходила скученность нѣсколькихъ костяковъ. Когда же возможность класть трупы на ниши-койки прекращалась, то послѣдній трупъ клали уже просто на полъ. Тотъ же порядокъ положенія труповъ на ниши-койки наблюдается и въ склепахъ, но съ той разницей, что въ склепахъ находили костяки въ большинствѣ случаевъ съ остатками деревянныхъ гробовъ, а иногда даже и цѣлые гробы.

Оба описанные вида гробницъ по большей части были заполнены землей, перемѣшанной съ камнемъ, по причинѣ

отсутствія покрытій. Сравнительно небольшое количество гробницъ находились покрытыми известняковыми плитами, которыя клались просто на верхнія кромки гробницы, или же, для болѣе тщательнаго покрытія, плиты вкладывались въ вырубленные въ четырехъ стѣнкахъ, по верхнимъ кромкамъ, заплечики и замазывались известью или цемянкой. Такіе способы покрытій съ заплечиками—явленіе довольно рѣдкое. Нѣкоторыя гробницы, повидимому, изъ желанія придать имъ болѣе пріятный для глаза видъ, оштукатуривались цемянкой и окрашивались красной муміей. Кромѣ гробницъ, вырубленныхъ въ скалѣ, встрѣчались гробницы земляныя, т. е. прямоугольныя ящиковидныя ямы, тѣхъ же размѣровъ, что и вырубленные въ скалѣ. Нѣкоторыя изъ такихъ, т. е. земляныхъ гробницъ обкладывались внутри небольшими известняковыми плитками, поставленными на ребро, и покрывались такими же плитками, которыя иногда замазывались по швамъ известью. Иногда, вмѣсто такихъ плитокъ, внутренней обкладкой гробницъ служила поставленная также на ребро кровельная черепица, но такія гробницы уже нѣсколько разнообразны по своему виду. Большинство изъ нихъ имѣютъ ту же ящиковидную форму съ плоскимъ покрытіемъ; иногда покрытіе дѣлалось въ видѣ двухската, а третій извѣстный въ Херсонесѣ видъ черепичныхъ гробницъ—это гробница, представляющая изъ себя одинъ двухскать, но подобная форма гробницъ встрѣчается очень рѣдко. То обстоятельство, что черепицы, изъ которыхъ были сложены открытыя въ Херсонесѣ гробницы, часто встрѣчаются побитыми, и недостающія части дополнялись кусками стараго боя, ясно говоритъ, что эти черепицы не приготовлялись исключительно для обкладки гробницъ, а брались какъ ненужный бракованный матеріалъ, служившій для покрытія зданій. Средній размѣръ такихъ черепицъ 9×13 вершковъ. Иногда на такихъ черепицахъ встрѣчаются имена астиномовъ и монограммы гончаровъ. Одна изъ черепичныхъ гробницъ, открытая послѣдними раскопками, была выложена черепицей съ отиснутыми на нихъ вглубь именами херсонесскихъ астиномовъ: Форміонъ, Аполлоній, Геракліотъ и др., и рядомъ съ именами астиномовъ были отиснуты монограммы гончаровъ. По характеру нѣкоторыхъ буквъ на клеймахъ, черепицы относятся къ III вѣку до Р. Хр. Мѣстомъ обжига подобныхъ черепицъ являются разныя греческія колоніи, имена которыхъ по настоящее время, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Всѣхъ гробницъ въ настоящемъ некрополѣ было открыто 23.

Склепы, открытые здѣсь, весьма разнообразны по своему внутреннему устройству. Какъ извѣстно, склепъ представляетъ изъ себя родъ четырехугольной комнаты, средній размѣръ которой 2,35 м. длины, 2,21 м. ширины и 1,77 м. высоты. Иногда, конечно въ рѣдкихъ случаяхъ, склепы дѣлались пятиугольные и даже овальные въ плановомъ видѣ. Потолокъ дѣлался обыкновенно плоскимъ или же коробовымъ, въ христіанскихъ склепахъ, въ большинствѣ случаевъ, двухскатнымъ; въ стѣнахъ вырублялись ниши-койки по одной—двѣ въ каждой стѣнкѣ. Въ настоящемъ некрополѣ были открыты склепы отъ одной до семи нишъ-коекъ, явленіе довольно рѣдкое. Ниши дѣлались въ видѣ полокъ, среднимъ размѣромъ 1,95 м. длины и 0,62 м. ширины и иногда съ аркосоліями. Въ христіанскихъ склепахъ, открытыхъ въ Херсонесѣ, ниши дѣлались въ видѣ углубленныхъ ящиковъ, въ которыхъ положенные трупы совершенно замуровывались. Самый распространенный въ Херсонесѣ видъ склеповъ—это склепы съ тремя нишами-койками, по одной въ двухъ боковыхъ и въ задней стѣнахъ. Если же нишъ дѣлалось 4—5 и болѣе, то въ такихъ случаяхъ они вырублялись въ два яруса одна надъ другой, при чемъ нижнія ниши дѣлались или на одномъ уровнѣ съ поломъ склепа или же на нѣкоторомъ отъ него возвышеніи. Встрѣчались также склепы и совершенно безъ нишъ. Мнѣ кажется, что отсутствіе нишъ не есть явленіе умышленное, а просто, если въ склепъ, въ который до полного его окончанія оставалось лишь вырубить ниши, являлась надобность положить умершаго, то, конечно, кончатъ такой склепъ уже не было возможности, и трупъ клали прямо на полъ. Подтвержденіемъ моего мнѣнія можетъ служить тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ склепахъ съ совершенно отсутствовавшими нишами были ясно видны на стѣнахъ вырубленные контуры нишъ. Къ этой категоріи склеповъ можно отнести также склепы съ одной и двумя нишами, такъ какъ и здѣсь иногда встрѣчаются такіе же контуры. Отмѣтимъ и тотъ фактъ, что иногда находились костяки въ совершенно только начатыхъ склепахъ, но брошенныхъ вслѣдствіе высказанныхъ мною причинъ. Въ нѣкоторыхъ склепахъ вмѣсто нишъ-коекъ дѣлались лежанки, т. е. тѣ-же ниши-койки, но вырубленные во всю длину стѣны, а иногда такія лежанки дѣлались въ двухъ и трехъ стѣнахъ, т. е. общими. Подобныхъ склеповъ съ лежанками въ настоящемъ некрополѣ было открыто 4, изъ коихъ 2 съ тремя лежанками въ трехъ стѣнахъ, раздѣленными рамковидными выступами на три койки для положенія въ нихъ

труповъ. Къ сожалѣнію, одинъ изъ этихъ склеповъ былъ разграбленъ черезъ сдѣланный въ стѣнѣ грабительскій проломъ изъ сосѣдняго склепа. Кромѣ нишъ-коекъ и лежанокъ, дѣлались также небольшія арковидныя ниши для постановки въ нихъ урнъ съ трупосожженіемъ. Такія ниши дѣлались въ склепахъ, имѣющихъ ниши или лежанки или же то и другое вмѣстѣ, а иногда, хотя сравнительно рѣдко, находились склепы и исключительно съ такими нишами; по нѣскольکو штукъ въ каждомъ склепѣ. Если потолокъ, вслѣдствіе большой своей площади или рыхлости скалы, угрожалъ паденіемъ, то въ такихъ случаяхъ дѣлались подпорные столбы изъ той же скалы или же выкладывались изъ тесаннаго камня. Такихъ столбовъ дѣлалось въ нѣкоторыхъ случаяхъ два. Входныя отверстія въ склепахъ имѣли видъ четырехугольныхъ оконъ, которыя закладывались цѣлой плитой, замазывались красной цемянкой или известью и засыпались щебнемъ съ землей. Иногда плиты заклада вставлялись своими кромками въ заплечики, сдѣланные во входномъ отверстіи, имѣющемъ въ рѣдкихъ случаяхъ арковидную форму. Такой тщательный способъ замуравливанія склеповъ встрѣчается довольно рѣдко; въ большинствѣ же случаевъ входныя отверстія просто насухо закладывались плитами или же большими камнями. Если входное отверстіе было вырублено высоко надъ поломъ склепа, то въ такихъ случаяхъ дѣлались ступеньки, отъ одной до трехъ. Дромосы, т. е. корридоры, ведущіе ко входному отверстію, также иногда имѣютъ по нѣсколько ступенекъ. Они въ большинствѣ случаевъ оказывались заполненными битыми камнями съ землей, но иногда они были весьма тщательно покрыты плитами, вложенными въ сдѣланные съ трехъ сторонъ дромоса заплечики. Если склепы принадлежали болѣе состоятельнымъ людямъ, то они отдѣлывались внутри съ претензіей на нѣкоторую роскошь; мы видимъ въ нихъ пилястры, украшенные базочками и капительками, подпорные столбы съ такими же базочками и капительками и т. п. Кромѣ описаннаго устройства внутренности склеповъ, въ настоящемъ некрополѣ былъ открытъ склепъ съ вырубленной у задней стѣны дѣтской гробничкой. Въ нѣкоторыхъ склепахъ, вслѣдствіе рыхлости скалы, стѣны и потолокъ штукатурились цемянкой или известью.

Въ перебитыхъ амфорахъ находили исключительно дѣтскіе костяки. Причина, заставлявшая хоронить въ перебитыхъ амфорахъ, мнѣ кажется, была слѣдующая: если умершему ребенку по какимъ-либо причинамъ не было заранѣе приготовлено мѣсто для

погребенія, а также для приготовленія такового не было времени, то въ виду нежеланія близких умершаго хоронить его просто въ землѣ, брали подходящихъ размѣровъ урну, разбивали ее на двѣ части, клали въ нихъ умершаго ребенка, соединяли обѣ половинки, и такимъ образомъ получался родъ своеобразнаго гроба.

На погребеніяхъ просто въ насыпи и въ ямахъ я останавливаться не буду, такъ какъ мнѣ кажется, что они ясны для всѣхъ; умершаго клали въ приготовленную яму и засыпали землей. Иногда въ такихъ ямахъ находили большое количество костей, что показываетъ, что ямы эти могли быть какими-нибудь братскими могилами. Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ ямъ находилось много золотыхъ и вообще цѣнныхъ вещей.

Погребенія посредствомъ сожженія труповъ представляютъ болѣе интересный способъ погребенія. Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Умершаго приносили на кладбище, гдѣ уже было приготовлено мѣсто для сжиганія, клали на разведенный костеръ, гдѣ трупъ превращался въ небольшую кучку пепла, который собирали и сыпали въ приготовленную для этой цѣли урну, бронзовую, свинцовую или же глиняную съ такими же крышками. Урны эти ставились или въ склепахъ, въ сдѣланныхъ для нихъ небольшихъ арковидныхъ нишахъ, или же для нихъ дѣлались квадратныя гробнички изъ небольшихъ известняковыхъ плитокъ и такой же плиткой покрывались. Всѣ драгоценныя вещи, подлежащія къ положенію умершему, клались также въ урну вмѣстѣ съ пепломъ. Въ такихъ урнахъ были найдены въ Херсонесѣ лучшія драгоценныя вещи. При разслѣдованіи нѣкоторыхъ участковъ некрополя были открыты мѣста съ остатками горѣлаго дерева отъ костровъ, на которыхъ происходило сжиганіе труповъ. Трупы сжигались также и въ вырубныхъ гробницахъ. По положенію находимыхъ остатковъ негорѣвшаго дерева можно судить о способѣ сжиганія въ гробницахъ. Поперекъ гробницы клали деревянные брусья, на которые клали умершаго, и подъ нимъ разводили огонь; если поперечные брусья сгорали раньше, а трупъ еще не успѣлъ совершенно сгорѣть, то огонь, на который онъ падалъ вслѣдствіе сгорания поперечныхъ брусьевъ, доканчивалъ свое дѣло. По окончаніи процесса сжиганія, гробница или закладывалась плитами, или же забрасывалась землей.

Способъ сжиганія умершихъ исключительно языческій, и практиковался онъ въ Херсонесѣ до половины V-го вѣка по Р. Хр., до царствованія императора Θεодосія II-го. Въ настоя-

щемъ некрополѣ была открыта одна вырубная гробница съ однимъ костякомъ; у восточной стѣны гробницы стояла большая свѣтлоглиняная урна, грубой, но характерной работы, 0,39 м. вышины и наибольшимъ діаметромъ 0,30 м., съ тремя ручками, большой вертикальной и двумя малыми горизонтальными, закрытая свинцовой остроконечной крышкой, сильно разрушенной временемъ. Въ урнѣ кромѣ жженныхъ костей ничего не было. Такая же урна и тѣхъ же размѣровъ, съ херсонесской монетой IV вѣка до Р. Хр. между жженными костями, была найдена внутри квадратной гробнички изъ плитъ на мѣстѣ монастырскаго скотнаго двора въ 1905 г.; впервые же подобная типичная урна была найдена въ насыпи некрополя въ 1901 г. на сосѣднемъ со скотнымъ дворомъ участкѣ. Находка описываемой урны въ настоящемъ некрополѣ, безспорно, доказываетъ, что и на самомъ отдаленномъ участкѣ некрополя, у „крестововиднаго“ храма, т. е. описываемомъ участкѣ, считаемомъ А. Л. Бертъе-Делагардомъ исключительно христіанскимъ, встрѣчаются погребенія и древне-греческой эпохи, а тотъ важный фактъ, что урна стояла внутри вырубленной въ скалѣ гробницы, не менѣе ясно подтверждаетъ высказанное ранѣе мнѣніе, что всѣ старательно исполненныя гробницы этого типа, расположенныя безъ всякой систематической оріентаціи, соображаясь съ напластованіемъ скалы, относятся къ до-христіанской эпохѣ и только въ послѣдствіи утилизированы христіанами. Отрицая это, пришлось бы допустить, что въ гробницу, вырубленную христіанами, положили древне-греческую урну съ прахомъ, перенесенную изъ другой части некрополя. При разслѣдованіи склеповъ и гробницъ, въ нѣкоторыхъ совершенно не было видно слѣдовъ погребенія. Объясняется это, я думаю, тѣмъ, что лица, для которыхъ были приготовлены склепы или гробницы, въ силу какихъ-либо обстоятельствъ были погребены на чужбинѣ или же погибли въ морѣ, благодаря чему приготовленныя мѣста для ихъ погребенія оставались неиспользованными. Лучшимъ изъ всѣхъ склеповъ настоящаго некрополя, какъ по своей внутренней архитектурѣ, такъ равно и по находкамъ, является безусловно римскій фамильный склепъ, подробно описанный М. И. Скубетовымъ¹⁾.

Въ заключеніе своего очерка постараюсь дать по возможности полный перечень выдающихся вещей, найденныхъ въ описываемомъ некрополѣ:

¹⁾ Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммисіи, № 45. „Римскій фамильный склепъ II—IV в. по Р. Хр.“.

Нѣсколько астрогаловъ, т. е. пятковыхъ косточекъ животныхъ, служившихъ дѣтскими игрушками. Стекланные бальзамаріи, весьма разнообразныя по формѣ. Глиняная посуда: блюда, блюдца, миски, тарелки, блюдца на высокихъ ножкахъ, чашечки, кувшинчики одноручные и двуручные, чашечки безъ ручекъ и одноручныя и такія же чашечки краснолаковыя. Пришивныя золотыя бляшки, различныя по оттиснутымъ изображеніямъ на нихъ. Бронзовыя браслеты, одинъ изъ коихъ сдѣланъ изъ крученой проволоки съ плоскими концами съ выгравированными на нихъ змѣиными головками, изъ хорошей сохранности темно-зеленой патины, что въ Херсонесѣ встрѣчается очень рѣдко; браслеты синяго стекла. Бронзовыя головныя булавки и такія же булавки изъ кости. Одна гемма изъ зеленого стекла, 5 сердоликовыхъ на которыхъ были вглубь вырѣзаны слѣдующія изображенія: орелъ на рыбѣ, фантастическій звѣрекъ съ передней частью козла и съ рыбьимъ хвостомъ, рогомъ изобилія и кадуцеемъ, дельфинъ и одна съ бюстомъ мужчины варварскаго типа, съ бородой, повязкой и головнымъ уборомъ, украшеніемъ въ видѣ калытоса. 1 гемма изъ темной яшмы съ вырѣзками съ обѣихъ сторонъ; на лицевой сторонѣ вырѣзана человѣческая фигура вправо, съ пѣтушиной головой и змѣями вмѣсто ногъ, съ поднятыми и направленными въ противоположныя стороны головами; въ высоко поднятой правой рукѣ фигура держитъ пруть, перегибающійся черезъ голову, а въ лѣвой большой круглый щитъ, на которомъ какъ бы внутри вѣнка вырѣзаны въ двухъ строкахъ греческія буквы ΙΑ—ω; на фигурѣ надѣта только короткая юпочка, ниже пояса, на нижней скошенной сторонѣ, короткая греческая надпись ΑΒΡΑΣΑΕ, представляющая символическую надпись гностиковъ, также какъ и три буквы на щиткѣ лицевой стороны. Нахожденіе такихъ „абрасаксъ-геммъ“ въ Херсонесѣ представляетъ выдающійся интересъ. Въ 1905 году была найдена въ городищѣ половина большой геммы изъ обсидіана, но съ иными изображеніями и надписью. Костяныя головныя гребни, совершенно подобныя современнымъ. Дощечка изъ сѣро-зеленаго мрамора, служившая для растиранія красокъ и румянъ. Нѣсколько бронзовыхъ иглъ, подобныя которымъ уже встрѣчались въ Херсонесѣ. Золотыя индикаціи, оттиснутыя съ различныхъ монетъ. Бронзовыя и желѣзные ключи различныхъ конструкцій. Бронзовыя кольца и кружки: глиняныя, янтарныя и разноцвѣтнаго стекла, невыясненнаго назначенія. Большое количество глиняныхъ лампочекъ, съ рельефными изображеніями; лампа большой вели-

чины, краснолаковая, впервые встрѣчаемой формы; ручка въ видѣ поднятой вверхъ трубочки; отъ ручки съ обѣихъ сторонъ, по самому краю, сползаютъ внизъ двѣ змѣи, головы которыхъ симметрично расположены въ вершинахъ двухъ угловъ равносторонняго треугольника, стороны котораго исполнены рельефно; изъ этого треугольника, подобно головкѣ черепахи, выдвинулся удлинённый носикъ для фитиля, украшенный пупышкой; посерединѣ, какъ бы внутри блюда, помѣщается отверстіе для масла, въ видѣ колеса съ 6-ю спицами или розетки о 6-ти лепесткахъ, исполненныхъ ажурно, причемъ, кромѣ центрального круглаго отверстія и боковыхъ треугольных между лепестками, въ расширенныхъ основаніяхъ послѣднихъ проколоты дырочки съ желобками, начинающимися отъ вершины лепестковъ и предназначенными, вѣроятно, для свободнаго стока масла. Лампочка съ характерной головой Медузы, помѣщенной внутри вѣночка изъ овъ и тройного круга; лампочка малой величины съ лучезарной головой Геліуса; лампочка съ изображеніемъ женской фигуры, держащей въ рукѣ неясный предметъ; лампочка съ изображеніемъ барса съ повернутой головой назадъ и большой урны съ пьедесталомъ впереди, все внутри двойного круга и вѣночка изъ овъ; лампочка съ изображеніемъ вѣночка изъ завитковъ и полушарій, двойного круга и внутри барана влѣво (подобныя лампочки уже встрѣчались); лампочка съ изображеніемъ дельфина; лампочка съ изображеніемъ вѣночка изъ завитковъ, тройного круга и внутри соломенной полукруглой корзины, подобной нынѣ употребляемому, съ двумя ручками (лампочка съ этимъ изображеніемъ встрѣчается впервые); лампочка съ вѣнкомъ изъ виноградной лозы съ красивыми, сильно выпуклыми гроздьями, листьями и усиками съ кругомъ и углубленіемъ, украшеннымъ рубчиками изъ центра, гдѣ внутри круга помѣщается надпись римской эпохи изъ семи буквъ; три небольшія лампочки, украшенныя сверху лежащей собачкой; три лампочки, украшенныя орломъ, пѣтухомъ и розеткой о четырехъ лепесткахъ; лампочка съ изображеніемъ сидящей женщины; лампочка съ изображеніемъ морской раковины. Большое количество лампочекъ съ рубчиками и пупышками и совершенно гладкихъ. 3 совершенно одинаковыхъ по размѣрамъ и рисунку, терракотовыхъ краснолаковыхъ пластинки въ формѣ яйцевидныхъ листиковъ, съ штампованными ободками, продольнымъ колосообразнымъ углубленіемъ, соединяющимъ вершину листика со сквозной дырочкой у самаго его основанія. Подобныя листики невыясненнаго наз-

наченія встрѣчаются впервые. Бронзовая лопаточка, повидимому, принадлежность коропласта или для растиранія красокъ. Оселокъ для точенія ножей, по своей формѣ совершенно тождественный съ современными. Костяныя и стекляныя палочки невыясненнаго назначенія. Перстни бронзовые и желѣзные, съ выпавшими геммами. Большое количество разнообразныхъ по формѣ и матеріалу подвѣсокъ и пронизей: агатовыя, бѣлаго стекла, горнаго хрусталя, зеленого стекла, золотыя, золотистаго стекла, лигнитовыя, мозаичной пасты, сердоликовыя, янтарныя, гранатовыя, египетской пасты, зеленой пасты, красной яркой пасты, молочнаго стекла, разноцвѣтнаго стекла и синяго и чернаго стекла. Бронзовыя поясныя пряжки. Серебряныя розетки. Серьги золотыя и бронзовыя. Стригилы желѣзные. Серебряныя талисманы для ношенія въ нихъ заклинаній. Бронзовыя фибулы, изъ которыхъ одна особенно интересна по работѣ; она имѣла видъ колеса съ 6-ю спицами и выступающей втулкой; ободокъ колеса раздѣленъ на 32 квадратики, заполненныхъ поочередно мельчайшей зеленой съ желтой и голубой съ бѣлой эмалью, а часть фона, примыкающая къ ободку, заполнена красной эмалью производитъ впечатлѣніе красиваго цвѣтка; къ сожалѣнію, она сильно повреждена окисью. Бронзовая человѣческая фигурка. Шильца для руководѣльныхъ работъ: серебряныя, бронзовыя и костяныя. Судя по найденнымъ здѣсь монетамъ, которыхъ было большое количество, я думаю, что настоящимъ некрополемъ пользовались почти что съ самаго основанія города и до его паденія.

Порядокъ, въ какомъ находились переименованныя здѣсь вещи, точно указать трудно, но приблизительно, въ общихъ чертахъ онъ таковъ. Глиняная посуда, какъ напр.: чашечки, горшечки, миски и т. п. находились въ ногахъ костяка; стеклянная посуда, бальзамаріи и т. п. въ головахъ. Такія вещи, какъ, напр., поясныя пряжки, фибулы и вообще принадлежности костюма, находились въ мѣстахъ своего назначенія. Предметы роскоши, какъ, напр.: кольца, браслеты, ожерелья, пронизи и т. п., также находились въ мѣстахъ своего назначенія. Монеты находились иногда у кистей рукъ, а иногда въ зубахъ. Кромѣ вещей, найденныхъ при костякахъ, также были довольно интересныя находки въ насыпи некрополя, какъ то: обломанный со всѣхъ сторонъ кусокъ мраморной, повидимому, надгробной плиты, сверху полированный, снизу отесанный, съ частью крупной греческой надписи римской эпохи. Обломанный со всѣхъ сторонъ, полированный съ обѣихъ сторонъ кусокъ мраморной

плиты, съ частью греческой надписи византійской эпохи. Бронзовыя монеты. Золотой медальонъ изъ серебряной, сильно поврежденной римской монеты, оправленной въ ободокъ, съ широкимъ ушкомъ; для лицевой стороны медальона избрана стоящая богиня, вслѣдствіе чего голова императора на оборотной сторонѣ получила противоположное положеніе. Подобные медальоны уже неоднократно встрѣчались въ Херсонесѣ. Оправа съ ушкомъ отъ малаго медальона, вмѣщавшая въ себѣ, повидимому, гемму. Дѣтскій золотой перстенецъ и золотая пронизь.

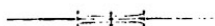
Д. Косцюшко-Валюжихичъ.

ОСТАТКИ СЛАВЯНСКАГО ГОРОДИЩА

и

ДЮННАЯ СТОЯНКА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

на озерѣ Буромкѣ, Черниговской губ., Сосницкаго уѣзда.

I.

Проводя лѣто 1910 года въ селѣ Слободкѣ, Черниговской губерніи, Сосницкаго уѣзда, намъ посчастливилось найти въ восьми верстахъ отъ этого села, вблизи стараго и невдалекѣ отъ новаго русла Десны, городище, обваливающееся въ озеро Буромку.

Для данной мѣстности эти памятники старины не являются рѣдкостью. Такъ, возлѣ с. Слободки находятся 2 городища, изъ которыхъ большее, равное десятинѣ, занято подъ крестьянскіе огороды, меньшее же расположено на заливномъ лугу. Какъ эти два городища, такъ и Буромское одинаковой овальной формы, безъ всякихъ признаковъ валовъ или рвовъ. Всѣ они окружены смутными разсказами, смѣшанными съ историческими воспоминаніями; для нихъ всѣхъ общими являются также разсказы мѣстныхъ крестьянъ о горящихъ свѣчкахъ, проваливающихся сундукахъ съкладами и т. д. И только, какъ завѣтъ дѣйствительной старины, всѣ эти городища сохранили въ народныхъ устахъ названіе „городковъ“.

Недалеко отъ большаго слободскаго городища находятся 4 кургана, расположенные на крестьянскихъ поляхъ. Такое незначительное количество ихъ объясняется постоянной распашкой полей, постепенно уничтожающей эти древніе памятники.

Буромское городище расположено, какъ уже упомянуто, въ восьми верстахъ отъ с. Слободки и верстахъ въ пяти отъ

уѣзднаго города Сосницы. Оно лежитъ на высокомъ берегу живописнаго озера Буромки, которое лѣтомъ питается мелкими подпочвенными ключами, а весной, во время разлива Десны, сливается съ ея широкими водами, затопляющими на много верстъ въ окружности прибрежные луга и образующими такимъ образомъ безпредѣльное море, въ которомъ одиноко возвышаются отдѣльные островки „городковъ“.

Высокій берегъ этого озера представляетъ отлично выраженные въ геологическомъ отношеніи дюны, которыя непрерывными холмами тянутся съ З. на В. на протяженіи полуверсты и теперь почти всѣ покрыты молодымъ смѣшаннымъ лѣсомъ. На западномъ концѣ этихъ дюнъ расположено городище, а восточная обнаженная часть ихъ представляетъ прекрасные песчаные холмы съдвигающимися песками, то засыпающими, то открывающими безчисленные остатки стоянки каменнаго вѣка, о которой рѣчь будетъ впереди.

За свое многовѣковое существованіе въ заброшенномъ видѣ Буромское городище успѣло не только придвинуться къ водѣ, но и потерять половину, если и не большую часть, въ Буромкѣ (Размѣръ остатка городища равняется 100 шагамъ въ длину и 20--22 шагамъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ)¹⁾.

Постепенные оползни берега, оборвавши городище по діагонали, обнажили множество костей животныхъ, золу, уголь, а также безчисленные черепки какъ орнаментированныхъ, такъ и лишенныхъ орнамента глиняныхъ сосудовъ. Среди орнаментовъ преобладаютъ волнистый и линейный, какъ извѣстно, очень типичные для славянскихъ сосудовъ. Черепки съ этимъ орнаментомъ послужили для вѣрной датировки городища, относя его къ концу желѣзнаго вѣка, къ такъ называемой славянской эпохѣ, а полное отсутствіе среди находокъ предметовъ христіанскаго времени указываетъ на языческую пору.

По независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, произвести раскопку городища не было возможности, почему мы ограничились извлеченіемъ изъ обрыва только тѣхъ остатковъ, которые были обнажены или же находились въ немъ неглубоко и выниманіе которыхъ садовымъ савкомъ, взятымъ для этой цѣли, не представляло особыхъ затрудненій.

Масса черепковъ, собранныхъ нами какъ въ этомъ городищѣ, такъ и на дюнахъ, представляетъ обычное явленіе, связанное со всѣми древними поселеніями и временными стано-

¹⁾ Произвести болѣе точныя измѣренія остатка городища намъ не удалось, за отсутствіемъ необходимыхъ для этого инструментовъ.

вищами человѣка. Ни одинъ видъ археологическихъ памятниковъ не является столь распространеннымъ, какъ остатки доисторической керамики, которые представляютъ значительный интересъ благодаря своимъ цѣннымъ качествамъ — именно, способности отлично сохраняться въ землѣ и гибкости глины, позволявшей древнему человѣку удовлетворять свои художественныя наклонности. Къ сожалѣнію, этотъ родъ памятниковъ до сихъ поръ еще недостаточно изученъ, несмотря на многія попытки со стороны ученыхъ изслѣдователей. Но въ будущемъ, когда выработается опредѣленная система описанія остатковъ древней керамики, и когда серьезное изученіе ихъ дастъ близкое знакомство съ типами и характеромъ керамическихъ издѣлій разныхъ эпохъ, явится точность и безошибочность датировки и легкость опредѣленія взаимныхъ вліяній разныхъ культуръ.

Черепки, добытые нами изъ Буромскаго городища, какъ я упоминала выше, являются типичными для *славянской* эпохи. Разбираясь въ нихъ внимательнѣе, можно рассортировать ихъ: 1) по качеству выработки сосудовъ и 2) по орнаменту. Въ отношеніи качества выработки сосудовъ собранные нами черепки можно раздѣлить на остатки сосудовъ, лѣпленныхъ отъ руки, слабо или средне обожженныхъ, и на остатки сосудовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи въ то же время и лучшей техники, выражавшейся въ сильномъ, равномерномъ обжигѣ, и говорившихъ о знакомствѣ съ гончарнымъ кругомъ. При этомъ не трудно замѣтить, что сосуды, отличавшіеся грубой выдѣлкой, въ большинствѣ случаевъ не орнаментировались (такъ изъ 27 фрагментовъ сосудовъ грубой выдѣлки орнаментировано только 10), тогда какъ хорошо обожженные и сработанные на гончарномъ кругѣ всѣ безъ исключенія украшались орнаментомъ. Къ глинѣ во всѣхъ случаяхъ примѣшивался песокъ и въ нѣкоторыхъ — кварцъ.

Сосуды, лѣпленные отъ руки, сохранили слѣды сглаживания ихъ поверхности пальцами или травой.

Какъ на примѣръ очень грубой выдѣлки, можно указать на единственный сосудику, который удалось собрать цѣлымъ, — это небольшая чашечка, діаметръ которой равенъ 11 сантиметрамъ, а высота 6 сантим. Выработка ея до того небрежна, что чашечка имѣетъ неправильную, косую форму, а обжигъ такъ слабъ, что первоначально мы приняли ее за одинъ изъ тѣхъ необожженныхъ сосудовъ, которые изрѣдка встрѣчаются среди остатковъ доисторической керамики и являются скорѣе

недоконченными или же наскоро приготовленными для умерших¹⁾. Въ примитивной выдѣлкѣ этой чашечки чувствуется неопытная рука; очевидно, она была слѣплена для собственнаго домашняго обихода, при чемъ глина для нея бралась безъ выбора—черная съ органическою примѣсью.

Поверхность нѣкоторыхъ сосудовъ сглаживалась какимъ-то инструментомъ, а въ одномъ случаѣ были найдены остатки сосуда, покрытаго бѣлой обмазкой (возможно, составленной изъ мѣла). Лучшая и худшая выработка сосудовъ Буромскаго городища невольно вызываетъ вопросъ о одновременности керамическихъ издѣлій и, слѣдовательно, о долговременной обитаемости этого городища. Но этотъ вопросъ настолько сложенъ и труденъ, что рѣшать его на основаніи одной техники гончарнаго производства рисковано. Основываясь же на полномъ отсутствіи среди нашихъ находокъ предметовъ христіанскаго времени, а также на кое-какихъ данныхъ, касающихся общаго вида сосудовъ, какъ то: ихъ орнаментъ, отчасти обрѣзъ края и общемъ видѣ сосудовъ, напоминающемъ горшки или малорусскія „макитры“, которые, по замѣчанію покойнаго проф. Антоновича, нерѣдко встрѣчаются въ сѣверянскихъ курганахъ²⁾, можно отнести существованіе этого городища къ языческому времени, точнѣе къ IX-му и началу X-го вѣка.

На обломкахъ днищъ клеймо незамѣтно, что также указываетъ на болѣе древнюю пору. Клейма встрѣчаются рѣже на днищахъ сосудовъ IX-го вѣка и чаще въ X-мъ, особеннаго же распространенія они достигаютъ въ XI и XII вѣкѣ, т. е. появленіе ихъ связано съ византійскимъ вліяніемъ.

Орнаментация сосудовъ Буромскаго городища не очень разнообразна; въ ней можно отличить слѣдующіе типы орнаментовъ: 1) волнообразный, 2) линейный, 3) елочкой, 4) кружковый, 5) ямочный, 6) нарѣзной. Послѣдніе 3 типа встрѣчаются въ единичныхъ находкахъ.

Волнообразный орнаментъ, сдѣланный при помощи вилочки (почему получалось нѣсколько зигзагообразныхъ линій) или острія (одна волнистая линія), какъ уже упоминалось, являлся самымъ излюбленнымъ славянскимъ украшеніемъ сосудовъ. Начало свое онъ ведетъ съ далекихъ временъ каменнаго вѣка, когда мы встрѣчаемъ его на прекрасныхъ сосудахъ три-

¹⁾ В. А. Городцовъ: „Русская доисторическая керамика“. Стр. 38.

²⁾ В. Б. Антоновичъ: „Черты быта славянъ по курганнымъ раскопкамъ“. (Древности Приднѣпровья. Вып. V, стр. V).

польской культуры¹⁾ и на грубыхъ черепкахъ изъ землянокъ каменнаго вѣка (на послѣднихъ онъ очень сходенъ со славянскимъ)²⁾. Въ славянскую эпоху онъ сталъ пользоваться всеобщимъ распространѣніемъ и встрѣчается всюду, гдѣ только жили славяне³⁾. Интересно, что любовь къ этому роду орнамента сохранилась и до нашихъ дней, по крайней мѣрѣ въ Малороссіи, гдѣ на ярмаркахъ Кіевской, Черниговской, Полтавской губерній можно найти множество современной посуды крестьянскаго производства, украшенной волнистымъ орнаментомъ. Съ великокняжескаго періода сосуды начинаютъ расписываться этимъ орнаментомъ. Остатки подобныхъ сосудовъ, найденные при раскопкахъ въ усадьбѣ Петровскаго въ Кіевѣ (относящіеся къ XII, XIII и XIV вв.⁴⁾), а также въ Бѣлгородкѣ⁵⁾ (XIV, XV вв.), указываютъ на необыкновенную устойчивость этого рода орнамента, который пришелся по душѣ нашимъ предкамъ и неизмѣнно оставался излюбленнымъ до нашихъ дней.

Не буду подробно останавливаться на описаніи остальныхъ орнаментовъ; скажу только, что линейный орнаментъ, украшавшій рядомъ параллельныхъ линій или всю поверхность сосуда или отдѣльныя части его, по распространѣнію не уступалъ волнистому и, подобно послѣднему, занималъ первое мѣсто среди остальныхъ типовъ орнамента⁶⁾. Красивымъ узоромъ является „елочка“, которая особенно распространена въ южно-русскихъ стоянкахъ и землянкахъ каменнаго вѣка⁷⁾. Въ моей коллекціи славянскихъ черепковъ есть нѣсколько родовъ „елочки“, сдѣланной зубчатымъ чеканомъ и остріемъ. Поверхности всѣхъ сосудовъ, украшенныхъ послѣднимъ орнаментомъ, были сглажены какимъ нибудь инструментомъ, что придавало имъ видъ шлифованныхъ. Любопытно, что въ малорусскихъ вышивкахъ любимымъ и типичнымъ узоромъ (особенно для Черниговской губ.) является „сосенка“, нѣсколько напоминающая древній орнаментъ „елочкой“. Среди фрагментовъ сосудовъ, лишенныхъ орнамента, намъ попался черепокъ съ дыркой, про-

¹⁾ Раскопки В. В. Хвойка. Предметы, найденные при этихъ раскопкахъ, находятся въ Кіевскомъ городскомъ музеѣ.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Л. Нидерле: „Человѣчество въ доисторическія времена“, стр. 543.

⁴⁾ Раскопки В. В. Хвойка 1907—8 г. Предметы, найденные при этой раскопкѣ, хранятся въ Кіевскомъ городскомъ музеѣ.

⁵⁾ Раскопки В. В. Хвойка 1909—10 гг.

⁶⁾ В. Е. Данилевичъ: „Курсъ русскихъ древностей“. Стр. 95.

⁷⁾ Раскопки В. В. Хвойка. Предметы, найденные при этой раскопкѣ, хранятся въ Кіевскомъ городскомъ музеѣ.

сверленной въ стѣнкѣ сосуда уже послѣ его обжиганья, на что указываетъ воронкообразная форма дырки и слѣды сверленія. Подобныя дырки иногда встрѣчаются на древнихъ сосудахъ, но значеніе ихъ до сихъ поръ не выяснено, что и заставляетъ отнести ихъ къ разряду загадочныхъ предметов¹⁾.

Какъ бы конкурируя въ численности съ черепками при изслѣдованіи городища, намъ попадались во множествѣ кости различныхъ животныхъ, находившіяся въ большинствѣ случаевъ въ зольной или угольной прослойкѣ культурнаго слоя. Среди нихъ попадались кости, принадлежавшія какъ домашнимъ животнымъ (барану, быку, лошади), такъ и дикимъ, напр. дикому кабану, медвѣдю, бобру и какому-то представителю одной изъ породъ крупнаго дикаго быка, можетъ быть туру или зубру. Тутъ же найденъ небольшой олений рогъ. Въ поражающемъ количествѣ попадалась также рыба чешуя, которую мѣстами можно было выгребать изъ обрыва цѣлыми лопатами.

Не лишена интереса находка небольшого камня, выдвинутого обрывомъ изъ уничтоженной землянки. Этотъ камень имѣетъ неправильную форму; верхняя сторона его, пропитанная сажей, имѣетъ нѣсколько вогнутую поверхность. Размѣры его: длина 12¹/₂ см., самое широкое мѣсто равно 12 см., узкое—7-и, высота отъ 3¹/₂ до 5 см. Онъ находился въ зольной прослойкѣ культурнаго слоя. Вынимая этотъ камень, пришлось выгрести много рыбьей чешуи и угля, которые, очевидно, окружали его. Возможно, что онъ находился на очагѣ землянки и могъ служить подставкой подъ сосуды.

Недалеко отъ мѣста нахождения этого камня обрывъ обнажилъ стѣны землянокъ, сдѣланныя частью изъ средне обожженного и очень толстаго слоя глины, частью же изъ комковъ слабо обожженной глины, среди которыхъ изрѣдка попадались большіе куски чистаго, отличнаго мѣла. Чтобы удостовѣриться въ принадлежности этихъ стѣнъ землянкамъ, мы на поверхности городища, на разстояніи приблизительно 1¹/₂ аршина отъ обрыва, обнажившаго стѣны, сдѣлали пробную яму и, дѣйствительно, нашли на глубинѣ двухъ съ лишнимъ аршинъ глиняный обожженный полъ и такія же стѣны. При раскопкѣ этой ямы, кромѣ доньшка сосуда очень грубой работы, покрытаго бѣлой обмазкой, небольшого количества золы и угля и нѣсколькихъ обломковъ костей животныхъ, ничего не нашли.

¹⁾ В. А. Городцовъ: „Русская доисторическая керамика“. Стр. 25, 31, 37.

Изъ предметовъ, относящихся къ оружію, найденъ только одинъ костяной наконечникъ стрѣлы отличной работы и прекрасной сохранности, сдѣланный изъ черепной кости, на что указываетъ отсутствіе костнаго губчатого вещества.

Костяные наконечники стрѣлъ встрѣчаются еще въ каменномъ вѣкѣ и въ скиѣскую эпоху, когда, впрочемъ, бѣльшимъ распространеніемъ пользовались бронзовые; въ славянской же они существовали рядомъ съ желѣзными, которыми постепенно вытѣсняются въ великокняжеское время. Подобные наконечники стрѣлъ были найдены при раскопкахъ „Княжей горы“ въ Кіевской губ.¹⁾ и усадьбы Петровскаго въ Кіевѣ²⁾.

Здѣсь же найденъ желѣзный ножикъ съ прямымъ лезвіемъ, оправленный въ костяную ручку, конецъ которой небрежно украшенъ зубчиками. Подобные ножи въ деревянныхъ³⁾ и костяныхъ ручкахъ, иногда украшенныхъ серебряными пластинками⁴⁾, обычны для славянскихъ погребеній и городищъ; въ послѣднихъ они встрѣчаются среди случайно затерянныхъ вещей. Найдена также небольшая косточка, служившая привѣской, со сточеннымъ концомъ и просверленнымъ отверстіемъ, края котораго слегка залоснились отъ тренія о шнурокъ. Весьма возможно, что она носилась на шеѣ, какъ амулетъ, предохраняющій отъ болѣзней, дурного глаза и т. д.

Самую интересную изъ всѣхъ нашихъ находокъ составляетъ обломокъ ребра съ изображеніемъ фантастическаго животнаго, напоминающаго зайца, съ туловищемъ, переходящимъ въ змѣиный хвостъ, перевитый лентой. По стилю рисунокъ является византийскимъ, а исполненіе могло быть и мѣстнымъ. Къ сожалѣнію, часть рисунка обломана.

Рѣзба по кости была распространена на Руси въ славянскую эпоху и позже. Но, къ сожалѣнію, этотъ родъ славянскаго производства встрѣчается сравнительно рѣдко въ древнихъ памятникахъ, причиной чего служить разрушеніе, которому легко подвергаются костяные предметы.

Представляло ли найденное нами орнаментированное ребро часть какого-нибудь предмета, или рисунокъ былъ начерченъ, не преслѣдуя никакой практической цѣли, рѣшить трудно.

¹⁾ П. О. Бѣляшевскій: „Раскопки на Княжей горѣ“, стр. 39.

²⁾ Раскопки В. В. Хвойка 1907—8 г. Предметы хранятся въ Кіевскомъ городскомъ музеѣ.

³⁾ Извѣстія Императорской Археологич. Коммисіи: вып. 15, стр. 105.

⁴⁾ В. В. Хвойка: „Раскопки могильника при с. Браворки Гадяческаго уѣзда. Полтавской губ.“ и Е. П. Мельникъ: „Раскопки въ землѣ Лучанъ“, стр. 16.

Предметами, не относящимися къ славянской эпохѣ и представляющими остатки болѣе древней культуры, являются 6 черепковъ красиваго сосуда ручной работы, слѣпленнаго изъ глины съ незначительною примѣсью песка, средняго обжига, сплошь украшеннаго ямочнымъ орнаментомъ. Стѣнки этого сосуда были тонки, орнаментъ наносился энергично, почему на обратной сторонѣ получались выпуклости; вся наружная и внутренняя поверхность была испещрена легкими насѣчками, почему на сосудѣ не оставалось ни одного не орнаментированнаго мѣста. Волнистый край его на протяженіи сантиметра покрытъ зубчатымъ орнаментомъ, сливающимся съ крупнымъ, глубокимъ ямочнымъ; ниже крупныя ямки смѣняются болѣе мелкими и менѣе глубокими, а еще ниже и еще болѣе мелкими. Ямки овальной формы и наносились на сосудъ наклонно; промежутки между ними заполнены, какъ было уже сказано, мелкими, тонкими линіями или насѣчками. Черепки такого же характера выдѣлки, но значительно меньшихъ размѣровъ и худшей сохранности (сточенные водой), собраны нами въ значительномъ количествѣ на сосѣдней дюнной стоянкѣ. Нельзя также отнести къ славянской эпохѣ и кусокъ кварцита, съ гладко обтесанной нижней стороной и закругленнымъ бокомъ, найденный подъ обрывомъ. Этотъ камень, удобный для держанія въ рукѣ, могъ служить частью зернотерки, замѣнявшей первобытному человѣку жерновъ. Подобные куски розоваго кварцита со стертymi частями мы находили на дюнной стоянкѣ.

Какъ эти находки, такъ и довольно часто попадавшіеся у городища осколки кремня, наконецъ, самое положеніе городища на дюнномъ холмѣ, даютъ возможность сдѣлать предположеніе о существованіи здѣсь въ глубокой древности стоянки каменнаго вѣка, на которой впослѣдствіи возникло городище. Культурный слой этого городища, состоявшій изъ золы и дубоваго угля, прикрытъ растительной землей, которая достигаетъ полуаршина толщины. Уголь принимаетъ иногда размѣры значительныхъ кусковъ. Глиняныя стѣнки землянокъ уходятъ въ песокъ на глубинѣ двухъ слишкомъ аршинъ отъ современной поверхности почвы.

Резюмируя все сказанное, можно сдѣлать слѣдующіе выводы. Принимая во вниманіе постепенное высыханіе почвы, можно предположить, что въ IX и X в. нашей эры окрестности современной Буромки были болѣе болотисты, чѣмъ теперь, полноводная Десна шире затопляла ихъ и дольше удерживала

на нихъ свои воды; объ этомъ говоритъ характеръ Буромскаго и сосѣднихъ съ нимъ городищъ, подходящихъ подъ типъ такъ называемыхъ „болотистыхъ“, расположенныхъ обыкновенно въ низкихъ мѣстахъ или среди болотистыхъ равнинъ¹⁾. Однако такое обиліе воды не препятствовало произростанію по близости дѣвственнаго лѣса, пріютившаго въ себѣ дикихъ хищниковъ, крупныхъ дикихъ быковъ и оленей.

Если и считать вопросъ о назначеніи городищъ до сихъ поръ неполнѣ выясненнымъ, то во всякомъ случаѣ назначеніе Буромскаго городища съ его землянками, остатками пищи и бытовыми предметами ясно: это было постоянное мѣстожительство славянъ, положеніе котораго среди болотъ и воды можетъ объяснить отсутствіе валовъ.

Обитатели Буромскаго городища занимались рыбнымъ промысломъ, на что указываетъ масса рыбьей чешуи; они не пренебрегали также и охотой, доказательствомъ чего служатъ кости дикихъ звѣрей.

Кусочки желѣзнаго шлака, поднятаго нами у обрыва, составляющіе одну изъ принадлежностей славянскихъ городищ²⁾, указываютъ на существованіе у нихъ кузнечнаго производства. Множество черепковъ, среди которыхъ многіе очень грубой работы, доказываетъ мѣстное производство ихъ. Кости домашнихъ животныхъ говорятъ о скотоводствѣ. Мѣлъ, встрѣчаемый значительными кусками въ стѣнахъ землянки и находящійся въ мѣловыхъ залежахъ подъ Новгородъ-Сѣверскомъ и на сѣверъ отъ Буромки, по направленію къ Новгородъ-Сѣверскому и Стародубскому уѣздамъ, а также въ Кролевецкомъ и Глуховскомъ уѣздахъ³⁾, можетъ указывать на торговые сношенія съ сосѣдями, а орнаментированная кость говоритъ за то, что древнему обитателю Буромскаго городища не были чужды и художественныя стремленія.

Теперь остается отвѣтить на вопросъ: какому изъ славянскихъ племенъ могло принадлежать это городище? Въ лѣтописи по Ипатскому списку говорится, что по Деснѣ, Сейму и Сулѣ жили Сѣверяне. Основываясь на этомъ показаніи лѣтописи, можно предположить, что Буромское городище, находящееся вблизи новаго и стараго русла Десны, верстахъ въ 12 отъ впаденія въ нее Сейма, могло принадлежать Сѣверянамъ.

¹⁾ В. А. Городцовъ: „Первобытная археологія“. Стр. 131.

²⁾ В. Е. Данилевичъ: „Курсы русскихъ древностей“. Стр. 95.

³⁾ Описаніе Черниговской губ., составленное А. А. Ржовымъ. Томъ I, стр. 74.

II.

На противоположномъ восточномъ концѣ дюнъ, какъ упоминалось выше, находится стоянка каменнаго вѣка. Буромскія дюны, свободныя отъ лѣса и растительной земли только съ восточной стороны, представляютъ собою большіе холмы чистаго, почти бѣлаго крупнаго песка, съ которыхъ открывается широкой видъ на ярко-зеленые заливные луга съ темной полоской лѣса вдали. Сыпучій песокъ, смотря по погодѣ, то открывается, то засыпаетъ множество черепковъ, устѣвающихъ мѣстами поверхность дюнъ такъ густо, что трудно поставить ногу, не наступивши на эти остатки древней керамики. Не въ меньшемъ количествѣ мы находили здѣсь и кремневые осколки, среди которыхъ только нѣсколько носили характеръ болѣе или менѣе выраженныхъ орудій.

Многіе холмы Буромскихъ дюнъ выметены вѣтромъ, вымыты дождями и представляютъ собою впадины, на которыхъ, главнымъ образомъ, и находятся черепки и кремневые осколки. Зольная прослойка культурнаго слоя съ угольными вкрапинами равнымъ пластомъ проходитъ черезъ всю открытую часть дюнъ, храня въ себѣ многочисленные остатки сосудовъ и каменныхъ орудій, этого единственнаго богатства человѣка на зарѣ его культуры. Подобныя явленія наблюдаются на всѣхъ дюнныхъ стоянкахъ Россіи и происходятъ отъ часто повторявшихся выжиганій дюнъ, производившихся въ древности намѣренно въ цѣляхъ борьбы со зловредными насѣкомыми и ради культивирования почвы для земледѣлія¹⁾.

Разсматривая многочисленные черепки, собранные на Буромскихъ дюнахъ, легко замѣтить, что всѣ сосуды были сдѣланы безъ помощи гончарнаго круга, неизвѣстнаго еще древнему обитателю Буромскихъ дюнъ. Слабо обожженная глина въ большинствѣ случаевъ была обильно насыщена размельченнымъ, разноцвѣтнымъ кварцемъ, куски котораго во множествѣ собраны нами на поверхности дюнъ (изъ общаго числа черепковъ 69 только 20 не имѣли замѣтной примѣси); впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчалась примѣсь песка, а кварцъ или совсѣмъ отсутствовалъ или попадался въ небольшомъ количествѣ. Глина бралась желтоватая или красноватая. Неравномѣрный, плохой обжигъ сосуда, возможный только при обжиганіи сосудовъ на открытыхъ кострахъ²⁾, давалъ темный, зем-

¹⁾ В. А. Городцовъ: „Первобытная археологія“. Стр. 331—332.

²⁾ Его же: „Русская доисторическая керамика“. Стр. 76.

листый цвѣтъ въ изломѣ черепка при его цвѣтной поверхности. Всѣ сосуды за небольшимъ исключеніемъ орнаментированы (изъ 69 черепковъ—14 не орнаментированы). Всѣ орнаменты на черепкахъ можно раздѣлить на: 1) ямочный, самый распространенный въ керамикѣ дюнныхъ стоянокъ; 2) орнаментъ, произведенный чеканами разнаго рода; 3) чеканный зубчатый; 4) печатный веревочный и линейный, встрѣчающійся въ неолитической керамикѣ всей Россіи; 5) елочкой, относящейся къ разряду такъ называемаго псевдо-зубчатого орнамента, вытисненнаго перевитой веревочкой на сырыхъ стѣнкахъ еще необожженнаго сосуда; орнаментъ елочкой является излюбленнымъ для Западной Россіи и, какъ мы видѣли, встрѣчается и на сосудахъ славянскихъ городищъ; 6) лѣпной—въ видѣ двускатныхъ рельефныхъ линий; встрѣчается на дюнныхъ стоянкахъ Харьковской губерніи¹⁾.

Сосуды, украшенные ямочнымъ орнаментомъ, носятъ на своей поверхности слѣды сглаживанья травой. Примѣсю къ глинѣ служить разноцвѣтный кварцъ, иногда гранить съ блестками слюды, рѣже крупный песокъ. Во всѣхъ случаяхъ, кромѣ одного (когда весь сосудъ былъ испещренъ глубокими ямками), орнаментъ помѣщался подъ вѣнчикомъ сосуда. Края встрѣчались или нѣсколько отогнутые или же прямые. Обрѣзъ края не былъ орнаментированъ, за исключеніемъ одного, украшеннаго поперечными бороздками и имѣвшаго подъ вѣнчикомъ двѣ сквозныя дырочки для подвѣшиванія сосуда. Обжигъ во всѣхъ случаяхъ слабый.

Къ черепкамъ, украшеннымъ орнаментомъ, произведеннымъ чеканами разнаго рода, относятся, во 1-хъ, остатки сосудовъ съ обильной примѣсю размельченнаго розоваго кварца съ розовой пористой поверхностью, орнаментированныхъ въ видѣ маленькихъ трехугольных углубленій, въ большинствѣ случаевъ покрывавшихъ всю поверхность сосуда; края прямые; обрѣзъ края украшенъ удлиненными ямками; во 2-хъ, остатки сосудовъ съ примѣсю къ глинѣ бѣлаго кварца; украшены (не вся поверхность) рядами квадратныхъ ямокъ, въ одномъ случаѣ опоясывавшихъ всю окружность сосуда двумя рядами, въ другомъ—лишь часть ея; въ 3-хъ, черепки сосудовъ съ примѣсю розоваго кварца и песка, орнаментированные рядомъ

¹⁾ В. Е. Данилевичъ: „Стоянка и мастерская около сл. Хухры, Ахтырскаго у., Харьковской губ.“—„Нѣсколько стоянокъ и случайныхъ находокъ каменнаго вѣка въ Ахтырскомъ у., Харьковской губ.“.

сердцевидныхъ ямокъ; если не ошибаюсь, подобный видъ чекана еще не встрѣчался.

Къ остаткамъ сосудовъ, украшенныхъ вмѣстѣ и веревочнымъ и линейнымъ орнаментомъ, относятся фрагменты сосудовъ кирпичнаго цвѣта, съ прямымъ краемъ, отъ котораго сосудъ былъ украшенъ печатной веревочкой, смѣнявшейся ниже глубокимъ линейнымъ орнаментомъ, состоявшимъ изъ параллельныхъ линій, расположенныхъ подъ угломъ къ веревочному. Обжигъ слабый; поверхность черепковъ потрескалась и осыпается.

Къ неопредѣленнымъ орнаментамъ относится орнаментъ вродѣ ногтевого, нанесенный на сосудъ, грубо слѣпленный изъ свѣтлой глины.

Самыми красивыми и тонкими по работѣ являются остатки сосуда, найденнаго у славянскаго городища, которые были описаны выше, и черепки сосудовъ того-же характера выдѣлки, сплошь украшенные мелкой елочкой, энергично вытисненной перевитой веревочкой, почему на обратной сторонѣ тонкихъ стѣнокъ этихъ сосудовъ образовались выпуклости.

Тутъ-же можно упомянуть о части края сосуда болѣе грубой работы и худшаго обжига. Прямой край этого сосуда былъ украшенъ короткими полосами зубчатаго чекана, подъ которыми, слегка закругляясь, шли параллельнымъ рядомъ довольно широкія бороздки.

Части сосудовъ, украшенные лѣпнымъ орнаментомъ, найдены нами въ числѣ 3-хъ экземпляровъ. Это были фрагменты очень грубаго сосуда, ярко-краснаго цвѣта, съ обильной примѣсью кварца и песка. Орнаментъ состоялъ изъ грубаго двускатнаго утолщенія на шейкѣ сосуда, произведеннаго ущемленіемъ глины между пальцами.

Сравнивая между собой древніе черепки Буромской стоянки, можно замѣтить, что нѣкоторые сосуды были сплошь покрыты трехугольными и круглыми ямками, при чемъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, словно боясь свободнаго мѣста, заштриховывались всѣ промежутки между орнаментомъ.

Подобная пестрота въ украшеніяхъ древнихъ сосудовъ характерна для Средней, Сѣверной и Восточной Россіи. Въ Москвѣ, въ витринахъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея, можно видѣть множество черепковъ, украшенныхъ подобнымъ образомъ. Этотъ характеръ орнаментаціи сосудовъ беретъ начало на Востокѣ—въ Южной Сибири, Японіи, почему В. А. Городцовъ называетъ его „восточнымъ“. Подобный спо-

собъ украшенія сосудовъ чуждъ древней керамикѣ Южной Россіи, которая отличалась большей умѣренностью въ украшеніи и которую, опять-таки вслѣдъ за В. А. Городцовымъ, можно назвать „западной“¹⁾).

Остатки сосудовъ Буромской стоянки, относящіеся частью къ восточному, частью-же къ западному типу орнамента, ставятъ ее въ область взаимныхъ вліяній этихъ 2-хъ типовъ орнамента. Если познакомиться съ керамикой другихъ неолитическихъ стоянокъ, расположенныхъ также на востокъ отъ Днѣпра, то можно замѣтить подобное же явленіе: оба эти типа орнамента одинаково характерны для дюнныхъ стоянокъ Ахтырского и Богодуховскаго уѣздовъ Харьковской губерніи²⁾).

Незначительная величина черепковъ, собранныхъ нами на Буромскихъ дюнахъ, не позволяетъ составить хотя бы приблизительнаго представленія о внѣшнемъ видѣ сосудовъ. Нѣсколько обломковъ шеекъ сосудовъ указываютъ на существованіе прямыхъ и отогнутыхъ краевъ.

Днища всѣ безъ исключенія плоскія, при чемъ изъ 4-хъ днищъ 3 имѣютъ едва замѣтный бортикъ. Въ одномъ случаѣ найдена часть очень толстаго, грубаго днища, съ примѣсю къ глинѣ кварца. Днище свѣтло-кирпичнаго цвѣта; его окружность была значительно уже окружности боковъ сосуда, почему оно напоминаетъ толстую, короткую ножку. Посрединѣ оно вдавлено.

Неолитическій человѣкъ, не будучи знакомъ съ гончарнымъ кругомъ, облегчалъ себѣ работу инымъ способомъ. Въ Сибири было найдено каменное правило, на которомъ лѣпились сосуды³⁾). Въ Европейской Россіи при раскопкахъ у села Пудъ, Харьковской губерніи, пр. В. Е. Данилевичъ нашелъ нѣсколько десятковъ частей глиняныхъ правилъ. Нѣкоторыя правила имѣли дырки для выниманія изъ сосудовъ по окончаніи лѣпки и служили для слѣпливанья по нимъ нижней части сосуда⁴⁾). Собирая остатки древней культуры на дюнахъ, мы нашли небольшой кусокъ глины, сглаженный съ одной стороны

¹⁾ В. А. Городцовъ: „Первобытная археологія“. Стр. 294.

²⁾ В. Е. Данилевичъ: „Стоянка и мастерская около сл. Хухры, Ахтырскаго у., Харьковской губ.“. Стр. 2. Его же. „Нѣсколько стоянокъ и случайныхъ находокъ каменнаго вѣка въ Ахтырскомъ у., Харьковской губ.“. Стр. 7, 8.

³⁾ В. А. Городцовъ: „Русская доисторическая керамика“, стр. 20.

⁴⁾ В. Е. Данилевичъ: „Раскопка кургановъ около с. Будъ и х. Березовки, Ахтырскаго уѣзда, Харьковской губ.“. Стр. 6, 7, 8 и 9.

и суживающійся въ нижней части. Несмотря на то, что онъ составлялъ только часть предмета, его первоначальную форму можно было легко возстановить. Это было глиняное правило, подобное найденнымъ у с. Будъ Харьковской губ. Оно имѣло видъ усѣченного конуса; поверхность его носила слѣды ручной лѣпки и сглаживанья плоскими поверхностями; сдѣлано оно изъ сильно обожженной желтой глины съ едва замѣтною примѣсью песка. Съ одной стороны оно закопчено.

Подобныя находки вполне характерны для дюнныхъ стоянокъ восточнаго побережья Днѣпра. На западномъ—правила до сихъ поръ еще не найдены.

Интересной находкой является часть шейки небольшого сосудика, вѣроятно имѣвшего форму стаканчика, толстая стѣнка котораго сплошь проколота сквозными дырочками, придающими черепку видъ глинянаго ситочка. Сдѣланъ онъ изъ свѣтлой глины съ едва замѣтной примѣсью песка. Части подобныхъ сосудиковъ часто встрѣчаются на дюнныхъ стоянкахъ каменнаго вѣка. Назначеніе ихъ не выяснено, но нѣкоторые изслѣдователи считаютъ ихъ остатками сосудовъ, служившихъ для приготовленія сыра.

Желая прослѣдить толщину и высоту залеганія культурнаго слоя, который на всемъ своемъ протяженіи имѣлъ толщину въ одинъ сантим., мы провели небольшую траншею въ глубь дюннаго холма, гдѣ на бѣломъ фонѣ песка темнымъ пятномъ выдѣлялся культурный слой.

На днѣ траншеи мы нашли половину небольшого сосуда, къ сожалѣнію, распавшагося на мелкія части, несмотря на всю осторожность, какую мы употребили при выниманіи его изъ песка. Сосудъ оказался отличной выдѣлки, слѣпленный изъ свѣтлой глины съ небольшой примѣсью толченаго гранита (дресвы) съ слюдой, которая красивыми бронзовыми блестками была разсыпана по его поверхности. Послѣдняя была прекрасно сглажена костью или какимъ нибудь инструментомъ. По формѣ этотъ сосудъ напоминалъ небольшую малорусскую „макитру“ и былъ украшенъ геометрическимъ орнаментомъ, расположеннымъ 2-мя лентами—у днища и шейки сосуда, оставляя среднюю часть совершенно гладкой (Приблизительная величина этого сосуда—высота 24 сантим., діаметръ горла 19 сантим.). Орнаментъ состоялъ изъ прямыхъ линій, расположенныхъ въ видѣ буквы Z и елочки, которыя отдѣлялись нѣсколькими парал-

¹⁾ В. А. Городцовъ: „Русская доисторическая керамика“. Стр. 25,

лельными линиями, обхватывающими всю окружность сосуда. Оба эти орнамента относятся къ западному типу. Обрѣзь нѣсколько отогнутого края былъ украшенъ прямыми линиями, расположенными подъ острымъ угломъ къ бортикамъ края. Днище—плоское, гладкое.

Какъ этотъ сосудъ, такъ и фрагменты другого сосуда, сходнаго съ нимъ по выдѣлкѣ и украшеннаго рядомъ вертикальныхъ линий, рѣзко выдѣляются среди остальныхъ черепковъ дюнной стоянки. Отлично сглаженная поверхность, имѣющая видъ почти шлифованной, а также мало замѣтная примѣсь къ глинѣ песка и дресвы, указываютъ на ихъ позднѣйшее происхожденіе.

Переходя теперь къ описанію кремневыхъ орудій, найденныхъ на Буромской стоянкѣ, необходимо сдѣлать оговорку, что собственно настоящихъ орудій, опредѣленно выраженной формы, не найдено (за исключеніемъ наконечника стрѣлы и обломка ножа). Всѣ они носятъ характеръ острыхъ, отбивныхъ осколковъ небольшихъ размѣровъ и очень напоминаютъ собой кремневые орудія, найденныя на древнѣйшей палеолитической стоянкѣ, открытой В. В. Хвойко въ Кіевѣ въ 1893 г.

Въ большомъ количествѣ собраны нами также и кремневые осколки крошечной величины, напоминающіе рыбу чешую. Они получались при отбивкѣ орудій.

Орудія эти принадлежатъ къ простѣйшимъ типамъ и приготовлялись изъ 2-хъ породъ камня—кремня и (въ 3-хъ случаяхъ) бураго мелкозернистаго песчаника. Всѣ они небольшихъ размѣровъ, и наиболѣе опредѣленные изъ нихъ можно разсортировать на слѣдующіе типы: 1) скребки. Ихъ найдено 8, изъ нихъ 3 сдѣланы изъ бураго мелкозернистаго песчаника, неправильной 5-ти-угольной формы (въ 3—4 сантим. длиной); остальные—кремневые, изъ нихъ 4 большихъ размѣровъ (5—6 сантим.) и имѣютъ нѣсколько вогнутую форму. 2) Острія, имѣющіяся въ 3-хъ экземплярахъ, размѣры которыхъ не превышаютъ 1—1½ сантим.; изъ нихъ 2 имѣютъ загнутую форму и напоминаютъ собой звѣриный коготь. 3) Треугольный наконечникъ стрѣлы съ ножкой для насаживанья на древко. Наконечникъ стрѣлы носитъ слѣды повторной оббивки, что здѣсь встѣчается только на одномъ этомъ орудіи. 4) Пилы—двѣ—продолговатая съ суживающимся концомъ и мелко зазубренной одной стороной (3½ сантим.) и небольшой обломокъ пилы, утончающійся къ рѣзущему краю. 5) Наконецъ, часть кремневаго ножа отличной работы, сдѣланнаго изъ буроватаго про-

зрачнаго кремня. Этотъ обломокъ ножа имѣетъ видъ узкой пластинки съ закругленнымъ концомъ. На всѣ кремневые подѣлки употреблялся черный съ бѣлыми крапинами кремень, и только ножъ, отбитый отъ бураго, и одно остріе—отъ бѣлаго непрозрачнаго кремня составляли исключеніе. Поэтому и всѣ осколки принадлежали черному кремню и рѣдко-цвѣтному. Большинство подѣлокъ и осколковъ сохранили части известковой корки, покрывающей кремневые валуны.

Кремневые орудія Буромской стоянки вполне аналогичны орудіямъ неолитическихъ стоянокъ Харьковской губ. Тѣ же небольшіе размѣры орудій встрѣчаются на стоянкахъ около сл. Хухры, а незначительное количество орудій изъ песчаника и куски кварцита сближаютъ ее со стоянкой у с. Кочетка¹⁾ (Всѣ находки съ харьковскихъ стоянокъ хранятся въ археологическомъ музеѣ Кіевского университета св. Владиміра). Буромская стоянка, будучи сходной по характеру орудій и керамики со стоянками Харьковской губерніи, является типичной для губерній, лежащихъ на востокъ отъ Днѣпра, а небольшіе размѣры ея орудій относятъ ее къ такъ называемому макролитическому типу стоянокъ.

Откуда добывалъ первобытный человѣкъ кремневую гальку, трудно сказать: ни у Буромки, ни въ ближайшихъ ея окрестностяхъ кремень до сихъ поръ еще не встрѣчался. Небольшіе размѣры орудій говорятъ о пользованіи древнимъ человѣкомъ мелкими кремневыми гальками, возможно, добытыми изъ мѣловыхъ залежей сосѣднихъ уѣздовъ.

Несомнѣнно, что Буромская стоянка долгое время посѣщалась первобытнымъ человѣкомъ,—иначе онъ бы не могъ оставить послѣ себя такого количества черепковъ сосудовъ и осколковъ кремня, служившихъ ему для различныхъ цѣлей. Здѣсь онъ не только добывалъ себѣ пищу, но и изготовлялъ орудія и сосуды, т. е. имѣлъ и свои примитивныя мастерскія (на что указываетъ правило и безчисленные кремневые осколки, получавшіеся при выдѣлкѣ орудій). Отсутствие костей и вообще какихъ бы то ни было остатковъ пищи объясняется условіями почвы, препятствовавшими ихъ сохраненію.

Въ заключеніе можно сказать, что наши случайныя открытія отодвинули обитаемость красиваго озера Буромки въ далекую глубь вѣковъ. Мы находимъ здѣсь остатки человѣческаго

¹⁾ В. Е. Данилевичъ: „Стоянка и мастерская около сл. Хухры, Ахтырскаго у., Харьковской губ.“. Стр. 4.

существованія въ каменный вѣкъ, когда едва только затеплилась культурная жизнь его, встрѣчаемъ ихъ и въ славянскую эпоху оставленными нашими предками. На дюнахъ и вблизи ихъ находимъ кафли XVIII вѣка, что указываетъ на заселенность этихъ мѣстъ въ историческое время; теперь же постепенно нарастаютъ тамъ хутора, разбиваются баштаны, желтѣютъ нивы. Новая жизнь вступаетъ въ свои права, и время покрываетъ новымъ культурнымъ слоемъ древніе остатки далекаго прошлаго.

В. Козловская.

Погребальный обрядъ диллювіальнаго человѣка.

Статья И. В. Желизко.

Перевелъ Алоизій Кашпаръ.

Древній среднеевропейскій человѣкъ, оставившій послѣ себя такъ много данныхъ о своемъ существованіи, былъ намъ еще недавно очень мало извѣстенъ въ физическомъ отношеніи по причинѣ недостаточныхъ, иногда даже научно-спорныхъ данныхъ.

Только теперь, въ послѣднее время, когда прибавились новыя, цѣнныя находки нѣсколькихъ болѣе или менѣе сохранившихся скелетовъ, открывается передъ нами образъ древняго человѣка въ болѣе опредѣленныхъ чертахъ. Эти новыя находки не только доставили богатый матеріалъ для антропологии, но изъ положенія покойника можно даже заключить о кое-какихъ религіозныхъ понятіяхъ, имѣющихъ связь съ погребальнымъ обрядомъ.

Это подтверждаетъ, напр., недавняя находка въ окрестностяхъ La Chapelle aux Saints (departament Corrèze)¹⁾ и скелетъ изъ пещеры Le Moustier (depart. Dordogne) во Франціи²⁾.

Положеніе этого скелета было особенно интересно, такъ какъ при открытіи находки оказалось, что лицо лежало на подложенной правой рукѣ, и тѣло было нѣсколько поджато. У скелета находилось нѣсколько предметовъ изъ кремня, а у

¹⁾ A. et I. Bouyssonie et L. Bardon. Découverte d'un squelette moustérien à La Chapelle aux Saints (Akadémie des Sciences, 21 décembre 1908). Paris.

²⁾ H. Klaatsch und O. Hauser. Homo mousteriensis Hauseri. Ein altdiluvialer Skelettfund im Departement Dordogne und seine Zugehörigkeit zum Neandertaltypus (Archiv für Anthropologie, Heft. 4. Neue Folge—Band VII) Braunschweig. 1909.

лѣвой руки находилась искусно выдѣланная каменная булава; были также многочисленные остатки звѣрей, брошенные вблизи костяка.

Что способъ этого погребенія покойника не есть только случайное явленіе, вполне понятно; однако мы видимъ, что здѣсь дѣло идетъ о правильныхъ, хотя очень бѣдныхъ похоронахъ, но совершенныхъ съ нѣкоторымъ піэтизмомъ.

Изъ этого ясно, что даже этотъ дилувіальный человѣкъ, находившійся на такой низкой ступени развитія, какую только можно себя представить, видѣлъ въ смерти сонъ и продолженіе жизни и хотѣлъ, быть можетъ, принесенными погребальными дарами показать, что онъ вѣритъ даже въ жизнь посмертную.

Для насъ имѣетъ особенно большой интересъ огромная могила древняго человѣка съ начала второго ледниковаго періода (Solutrén) въ Предмостѣ¹⁾, въ Моравіи, найденная и прилежно изслѣдованная г. Машкою.

Могила, содержащая въ себѣ человѣческія кости, была эллиптической формы, 4 метра въ длину и 2,5 метра въ ширину. Она была покрыта многогранными кусками известняка разной величины, которые на сѣверной и восточной сторонахъ выдавались надъ краемъ могилы, не доходя до южнаго конца. Толщина этого слоя равнялась 40 сант. Дно могилы было 2,6 метра глубины; человѣческіе остатки достигали 30 сант. высоты.

Человѣческія кости находились даже внѣ громадной могилы, именно невдалекѣ, въ культурномъ слоѣ, вмѣстѣ съ костями мамонта, сѣвернаго оленя, лисицы и др. Большею частью онѣ были на концахъ обгрызены хищными звѣрями, скорѣе всего полярными лисицами и волками.

Каменный покровъ долженъ былъ, конечно, защищать мертвые тѣла отъ обезчещенія, но былъ, повидимому, сдѣланъ недостаточно плотно, чѣмъ дана была возможность хищнымъ звѣрямъ растаскать часть содержанія могилы. Вслѣдствіе этого нельзя было точно опредѣлить число погребенныхъ лицъ. Но, несмотря на это, все множество найденныхъ остатковъ чрезвычайно велико, достигая нѣсколькихъ тысячъ кусковъ. Остатки, открытые г. Машкою, принадлежатъ по крайней мѣрѣ 20 лицамъ, изъ нихъ 8 взрослымъ и 12 молодымъ, большею частью дѣтямъ, изъ которыхъ самому меньшему приблизительно было шесть мѣсяцевъ.

¹⁾ K. I. Máška. Diluvální člověk v Předmostí (Časopis vlast. musejního spolku v Olomouci. 1895).

Найденные скелеты были по большей части въ положеніи поджато́мъ и лежали или рядомъ или поперекъ. Нѣкоторыя голени были переломлены, и ни одинъ черепъ не былъ цѣль. Но все-таки г. Машкѣ удалось составить изъ этихъ обломковъ 10 череповъ взрослыхъ лицъ и большихъ дѣтей. При самыхъ костяхъ въ Предмостьѣ находились остатки диллювіальныхъ звѣрей, именно мамонта, полярной лисицы, волка, россомахи, бѣляка, бобра и сѣвернаго оленя. Кромѣ нѣкоторыхъ обломковъ кремня и сожженныхъ косточекъ, не было въ могилѣ никакихъ замѣчательныхъ произведеній или погребальныхъ даровъ.

Хотя громадная могила въ Предмостьѣ была въ безпорядкѣ и отчасти была разрушена, она все-таки допускаетъ хотя слабое предположеніе о томъ, что кости находились въ поджато́мъ положеніи, что и здѣсь былъ съ обрядомъ похороненъ диллювіальный человѣкъ.

Другая цѣнная находка, нѣсколько моложе предмостьской, сдѣлана была въ Бернѣ, на улицѣ Франца-Іосифа. Покойный профессоръ Маковскій¹⁾ открылъ здѣсь въ 1891 г. при постройкѣ канала въ желтой глинѣ, на глубинѣ 4,5 метр., почти весь человѣческій скелетъ съ интересными издѣліями и вмѣстѣ съ ними кости мамонта и ребра носорога. Вокругъ черепа находились украшенія, именно 600 зубныхъ трубочекъ, 14 кружковъ каменныхъ и изъ слоновой кости, выточенныхъ и просверленныхъ въ срединѣ, и кромѣ того голая, вырѣзанная изъ зуба мамонта человѣческая фигурка 22 сантим. въ вышину.

Зубныя трубочки, навѣрно, были нанизаны на шнурочекъ и служили украшеніемъ покойника. Украшенія изъ зубовъ любилъ, впрочемъ, древній человѣкъ и въ другихъ мѣстахъ Моравіи и Нижней Австріи.

Скелетъ былъ выкрашенъ красною краскою, равнымъ образомъ и остатки звѣрей, находившіеся вблизи, изъ чего Вирховъ²⁾ заключилъ, что покраска была произведена на искусственно мацерированномъ трупѣ, и онъ только послѣ этого былъ похороненъ. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ погребеніемъ *à deux degrés*, которое до сихъ поръ встрѣчается у нѣкоторыхъ примитивныхъ племенъ.

Вирховъ думаетъ, что мѣсто погребенія въ Бернѣ позднѣйшей эпохи, неолитической, между тѣмъ какъ Маковскій

¹⁾ A. M a k o w s k y. Der Mensch der Diluvialzeit Mährens. Brünn 1899.

²⁾ Verhandlungen der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. Jahrg. 1898, S. 70.281.

защищалъ его принадлежность къ палеолиту (solutréen). Последний подтверждалъ свое мнѣніе тѣмъ, что погребальные дары, изготовленные изъ костей животныхъ дилювіальной эпохи, могли быть сдѣланы только изъ свѣжаго матеріала, слѣдовательно въ одновременной эпохѣ—палеолитической.

Другое интересное большое мѣсто погребенія болѣе поздняго палеолита (Azilien-Tardenoisien) найдено недавно въ Баваріи, въ пещерѣ, вблизи Офнета у Нордлинга (Nördlingen)¹⁾. Въ этой пещерѣ находились двѣ могилы. Могила побольше содержала въ себѣ 27 череповъ, которые лежали въ слоѣ, наполненномъ охроу и пепломъ, между тѣмъ какъ другая могила, на разстояніи 1 метра отъ первой, содержала только 6 череповъ. Способъ погребенія въ обѣихъ могилахъ указываетъ на одинъ и тотъ же погребальный обрядъ, т. е. помѣщеніе однихъ только череповъ въ охровомъ слоѣ. Всѣ головы лежали тѣсно другъ возлѣ друга, какъ яйца въ гнѣздѣ, и были обращены лицомъ на западъ.

Насколько можно было судить изъ положенія находки, погребеніе происходило вскорѣ послѣ смерти, потому что у всѣхъ череповъ были еще челюсти и кое-гдѣ даже позвонки. Черепа не были положены въ гробъ въ одно и то же время, но постепенно, смотря по времени смерти отдѣльныхъ членовъ жившаго здѣсь древняго племени.

Изъ остальныхъ частей костяка были найдены только обугленные кости съ остатками древеснаго угля и пепла, изъ чего ясно, что остальное тѣло было сожжено. Большинство похороненныхъ составляли женщины и дѣти, только 6 череповъ было мужскихъ.

Погребальные дары женщинъ состояли изъ украшеній, изготовленныхъ изъ оленьихъ зубовъ и просверленныхъ раковинъ; такія раковины были найдены также у дѣтей. У мужчинъ не было никакихъ подарковъ. Изъ царства животныхъ у Офнета находились олень, лось, россомаха и левъ. Г. Шлицъ нашелъ, что остатки древнихъ погребеній у Офнета принадлежатъ двумъ разнымъ племенамъ необыкновенно малаго роста, но онъ нашелъ также два черепа, принадлежащіе людямъ болѣе высокаго роста.

Погребальный обрядъ челоѵка у Офнета, основывавшійся, безъ сомнѣнія, на религіи, напоминаетъ въ извѣстной степени представленіе древнихъ египтянъ, которые предста-

¹⁾ Rob. Rud. Schmidt. Die spaeopalaeolithischen Bestattungen der Ofnet („Mannus“ Zeitschrift für Vorgeschichte, I. Würzburg 1910.

вляли себѣ царство умершихъ на западѣ. Они также отдѣляли головы покойниковъ отъ тѣла, которое, въ свою очередь, раздѣляли на части, чтобы покойникъ никогда больше не возвратился къ жизни. Представленію египтянъ соотвѣтствуетъ также представленіе индусскаго племени Бонаковъ, у которыхъ отлученіе мертвыхъ (?) должно быть поводомъ опустошенія земли. Равнымъ образомъ, мы встрѣчаемся съ подобными обрядами и у другихъ примитивныхъ племенъ, но приводить ихъ здѣсь не будемъ. Кромѣ того, существуетъ у нѣкоторыхъ племенъ, напр. въ Тибетѣ, обычай, по которому трупъ разрѣзывается и бросается на съѣденіе хищнымъ птицамъ, между тѣмъ какъ голова дается родственникамъ для сохраненія, какъ реликвія ¹⁾).

О подобныхъ посмертныхъ дѣйствіяхъ написалъ знаменитый Свенъ-Гединъ не одну интересную главу въ послѣднемъ своемъ путешествіи по Тибету. Съ погребеніемъ и сожженіемъ отдѣльныхъ частей тѣла мы встрѣчаемся не только у нынѣшнихъ примитивныхъ племенъ, но часто и у людей доисторической эпохи.

Ученый G. de Mortillet защищалъ ошибочный взглядъ, будто дилювіальный человѣкъ средней Европы не имѣлъ религіи, и что онъ не зналъ погребальныхъ обрядовъ. Это все, говорилъ онъ, было принесено въ Европу только въ слѣдующую эпоху новымъ народомъ, пришедшимъ изъ Азіи. Онъ же отрицалъ даже большинство находокъ человѣческихъ скелетовъ въ пещерахъ дилювіальнаго періода. Теперь мы знаемъ на основаніи многихъ новыхъ открытій, что погребальный обрядъ существовалъ уже въ дилювіи у Мустеріена (Mousterien). Погребеніе цѣлыхъ труповъ производилось, главнымъ образомъ, только въ болѣе позднюю эпоху палеолитическую и въ концѣ ея, подобно тому, какъ и такъ называемое погребеніе въ охрѣ, обычай, который былъ очень распространенъ въ позднемъ палеолитѣ между жителями восточной и западной Европы.

Вышеупомянутый обрядъ начинается Авригнаціею у Гримальди и Кро-Магнона, повторяется въ солиотренѣ, въ Бернѣ и въ другихъ мѣстахъ и, кончается въ Азилиенѣ у Масъ

¹⁾ О цѣли черепа и человѣческой кости въ доисторическую эпоху и позднѣйшую г. Желизко писалъ подробно въ „Nar. Listy“ 1902 г., и напечаталъ раньше болѣе обширную статью объ этомъ предметѣ въ „Casopis vlasten. musejního spolku“ въ Оломуцѣ. Эту статью я также перевелъ на русскій языкъ и она помѣщена въ „Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи“. 1901 г.

д'Азилия. Также и погребальные дары во всѣхъ погребеніяхъ почти одинаковы (украшенія изъ оленьихъ зубовъ и раковинъ). До сихъ поръ мало обращалось вниманія на погребеніе отдѣльных частей костяковъ, обрядъ, который начинается скорѣе всего въ солютренѣ.

Піеттъ (Piette) считалъ находки череповъ, костей, челюстей и пр. остатками послѣ пира древняго человѣка, сохранившимися отъ времени антропофагіи, что мы видимъ еще и теперь у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ Африки.

Находкѣ изъ Офнета соотвѣтствуетъ также профиль пещеры du Placard¹⁾, гдѣ найдено въ верхнихъ слояхъ солютренскихъ и нижнихъ маделенскихъ нѣсколько положенныхъ въ видѣ круга череповъ возлѣ одной ручной и бедренной кости. Нѣсколько выше, но все-таки еще въ тѣхъ же маделенскихъ слояхъ, найдена одна человѣческая челюсть въ томъ же положеніи въ серединѣ, а впереди пещеры верхняя часть черепа и, наконецъ, влѣво при входѣ цѣлый черепъ женскій съ челюстью, положенный на плоскомъ камнѣ, со многими украшениями изъ просверленныхъ и цѣлыхъ раковинъ.

Подобныя находки дала и пещера des Hommes у Arcy-sur-Cure²⁾, гдѣ лежали въ верхнемъ слоѣ надъ авригнаціеномъ три черепа, также положенные на каменной подставкѣ. Въ родѣ погребальнаго подарка положенъ былъ въ погребеніи малый каменный ножикъ.

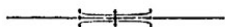
Аббатъ Пара назвалъ этотъ горизонтъ „couche néolithique“, но такъ какъ не нашлось здѣсь ни опредѣляющей его керамики, ни остатковъ домашнихъ животныхъ, то эти слои надо считать палеолитическими.

¹⁾ H. Breuil v. Obermayer. L'Anthropologie 1909. T. XX. № 5, p. 523—530.

²⁾ Abbe Parat. La grotte des Hommes à Saint-Moré (Bull. doc. d. Sc. d'Ionne 1896).

Южно-русскіе плѣнники въ Крыму.

„Зажурилась Україна, що нігде прожити:
Гей витоптала орда кіньми маленькі діти,
Ой маленьких витоптала, великих забрала,
Назадъ руки постягала, під хана погнала“.

(Малорусская дума).

Вся исторія Южной Руси въ древній и средній періодъ ея наполнена безпрестанной борьбой съ кочевниками. По своему географическому положенію, эта часть Руси примыкали къ обширному степному пространству, на которое Азія издавна насылала свои кочующія племена, какъ-то: хазаръ, печенѣговъ, половцевъ и др. Племена эти сталкивались съ Русью и немало бѣдъ причинили ей въ древности. Но эти бѣдствія незначительны въ сравненіи съ тѣми пораженіями, разореніями и истязаніями, какія причиняла Южной Руси татарская орда.

Первое татарское нашествіе подъ предводительствомъ Батты скоро было позабыто, тѣмъ болѣе, что литовскіе князья, овладѣвшіе около 1360 г. Кіевской землей, отгѣснили татаръ за Перекопъ. Но вотъ въ XV вѣкѣ (въ 1430 г.) основывается на югѣ, отдѣлившись отъ Золотой Орды, особое татарское царство, Крымское ханство, которое безъ конца разоряло и заливало кровью Малую Русь, или Украину. Литва, Польша и Московская Русь, въ своихъ взаимныхъ спорахъ, вступаютъ въ союзъ съ Крымскою ордою и приглашаютъ ее на помощь, позволяя разорять противную сторону, а въ результатѣ особенно страдала Украина, которую татары опустошали, грабили и изъ которой уводили въ плѣнъ ея населеніе.

Особенно страшны дѣлаются нападенія татаръ послѣ того, какъ они подпали подъ власть турокъ (въ 1475 г.). Не разъ они вторгались въ Малороссію, пытались завоевать ее и даже

Польшу. То была, казалось, страшная, несокрушимая сила враговъ креста Господня, и много тяжкихъ ранъ нанесла она русскому народу, но встрѣтила жестокий отпоръ со стороны южно-русскихъ дружинниковъ, или казаковъ, и подъ этимъ отпоромъ она сначала отступила, а затѣмъ на вѣсахъ исторической судьбы рѣшено было, чтобы русская сила сокрушила въ конецъ дикія орды татаръ и турокъ.

Прослѣдимъ, хотя вкратцѣ, перипетіи этой кровавой подлинной исторической трагедіи, стоившей многихъ слезъ нашей родины¹⁾.

Весною 1482 года Крымскій ханъ Менгли-Гирей, по приглашенію Московскаго князя Ивана III, напалъ на Кіевъ, разрушилъ кіевскій замокъ, почти всѣхъ кіевлянъ забралъ въ плѣнъ и сильно разорилъ кіевскую землю. Затѣмъ почти каждый годъ являлись въ несчастную Украину татары, терзали ее и уводили изъ нея плѣнныхъ, которыхъ, большею частью, продавали въ Кафѣ въ рабство туркамъ.

Число плѣнныхъ было неимовѣрно. Я перечислю только болѣе важныя нападенія, отмѣченныя лѣтописцами, или хронистами, а мелкихъ загоновъ, когда татарскіе охотники, или „здобышники“, охотились за плѣнными, какъ на пушнаго звѣря, не сосчитать. И это переполнило мѣру страданій человѣческихъ и вызвало къ дѣйствию особую силу—казачество, сплотило его въ рыцарскую общину—славную Запорожскую Сѣчь.

Вотъ эти страшныя данныя относительно татарскихъ нападеній:

„Въ 1516 г. татары напали на Червоную Русь и вывели оттуда до 5000 плѣнныхъ, а въ 1537 г. 15000 изъ Волыни“. (Хроника М. Бѣльскаго, 533 и 571). Въ 1575 г. татары захватили до 35000 плѣнныхъ, 40000 коней и до полумилліона головъ скота; послѣ этого набѣга русскіе послы прибыли на сеймъ въ траурной одеждѣ. Татары охотно захватывали въ плѣнъ знатныя и богатые семейства, такъ какъ за нихъ можно было взять богатый выкупъ. Такъ, въ 1482 году кіевскій воевода Иванъ Ходкевичъ былъ взятъ со всею семьею; въ 1549 году было взято въ плѣнъ все семейство кн. Вишневецкаго въ замкѣ Перемирѣ, въ 1589 году кн. Збаражскій съ семьею и множествомъ шляхты. Въ 1593 году татары пришли неожиданно на Волынь и даже „половили сторожу“; захватили много плѣнныхъ

¹⁾ Въ настоящей статьѣ я, главнымъ образомъ, пользуюсь изслѣдованіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова въ извѣстномъ капитальномъ трудѣ: „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, т. I.

изъ шляхетныхъ домовъ, особенно „бѣлаго пола“ (женщинъ), такъ какъ мужчины находились кто на судебныхъ засѣданіяхъ волынскаго воеводства, кто на сеймѣ. Много шляхты было забрано на Волини и въ 1666 году („Истор. пѣсни мал. нар.“ I, 84, 85). Часто татары нападали на селянъ во время полевыхъ работъ и захватывали тогда много народу. Ерличъ рассказываетъ о нападеніи орды въ 1667 г. на округъ Збаражскій и Вишневецкій, гдѣ орда забрала много людей, изъ которыхъ одни пахали, другіе сѣяли. Говорятъ, что однихъ домохозяевъ, кромѣ женъ, дѣтей и челяди, взято было тогда 8064 (Ерличъ. „Лѣтописецъ“, II, 117—119). Извѣстны также большіе набѣги татаръ на Украину въ 1640 и 1671 г. („Истор. п. м. н.“, I, 73). Герберштейнъ, посолъ германскаго императора (въ 1517 и 1526 г.), говоритъ, что ханъ Махметъ-Гирей увелъ изъ Московіи плѣнныхъ, число которыхъ превышало 800000 („Историч. п. м. н.“ I, 74).

Захвативъ огромное количество плѣнныхъ, татары гнали ихъ, какъ скотъ, съ чрезвычайной жестокостью и свирѣпостью, окруживъ ихъ цѣпью верховыхъ и подхлестывая ихъ нагайками, клеймили тавромъ, раскаленнымъ въ огнѣ („Истор. п. м. н.“, 87). Эту картину трогательно рисуетъ слѣдующая малорусская дума:

Коли турки воївали,
Білу челядь (женщинъ) забірали;
І въ нашої попадоньки
Взяли вони три дівоньки.
Едну взяли по при коні,
По при коні на ремені,
Другу взяли по при возі,
По при возі на мотузі.
Третю взяли в чорні мажі...
Що не взяли по при коні,
По при коні на ремені,
То та плаче: „Ой, Боже-ж мій!
Коса моя жовтенькая!
Не мати тя росчесує,
Візник бичем ростріпує“.
Що ю взяли по при возі,
По при возі на мотузі,
То та кричить:
„Ой Боже мій, ніжки мої!
Ніжки мої біленькіі!

Не мати васъ умиває,
Пісокъ пальці розтідає,
Кровця пуки заливає!“
Що ю взяли въ чорні мажі,
То та плаче, то та кричить:
„Ой, Боже-ж мій, очка мої,
Очка мої чорпенькі!“
Тільки орсак (странъ) проходили,
А білий світ не виділи!“

(„Историч. пѣсни м. н.“ I, 86, 87).

О страшно жестокомъ обращеніи татаръ съ плѣнными подробно говоритъ упомянутый уже посолъ Герберштейнъ. Указанное выше огромное количество плѣнныхъ, по его словамъ, ханъ Махметъ-Гирей „частію продалъ туркамъ въ Кафѣ, частію умертвилъ. Ибо старцы и немощные, за которыхъ нельзя много выручить и которые негодны для работы, отдаются у татаръ,— все равно, какъ зайцы молодымъ собакамъ,— юношамъ, которые учатся на нихъ военному дѣлу и побиваютъ ихъ камнями, или бросаютъ ихъ въ море, или убиваютъ ихъ какимъ-либо другимъ образомъ. Тѣ-же, которые продаются, принуждены цѣлыхъ шесть лѣтъ пробывать въ рабствѣ; по истеченіи этого срока они становятся свободными, однако не смѣютъ уйти изъ страны“. („Зап. о Московіи“, 144).

Такое же мучительное положеніе плѣнныхъ рисуешь Михалонъ Литвинъ (XVI в.). „Тѣ, говоритъ онъ, которые посильнѣе изъ этихъ несчастныхъ, часто если не дѣлаются кастратами, то клеймятся на лбу и на щекахъ и, связанные или скованные, мучатся днемъ на работѣ, ночью въ темницахъ, и жизнь ихъ поддерживается небольшимъ количествомъ пищи, состоящей изъ мяса дохлыхъ животныхъ, гнилого, покрытаго червями, отвратительнаго даже для собакъ... Когда рабовъ выводятъ на продажу, то ведутъ ихъ на площадь гуськомъ, какъ будто журавлей въ полетѣ, цѣлыми десятками, прикованныхъ другъ къ другу около шеи, и продаютъ такими десятками съ аукціона, причемъ аукціонеръ кричитъ громко, что это рабы самые новые, простые, не хитрые, только что привезенные изъ народа Королевскаго, а не Московскаго. Московское же племя считается у нихъ дешевымъ, какъ коварное и обманчивое. Невольники покупаются купцами для продажи другимъ народамъ во всѣхъ городахъ полуострова, особенно въ Кафѣ. Тамъ цѣлыя толпы этихъ несчастныхъ невольниковъ

отводятся съ рынка прямо на корабли. Этотъ городъ, ненасытная и незаконная пучина, кровь нашу пьющая, лежитъ на удобномъ для морской торговли мѣстѣ пролива“ (Истор. п. м. н., I, 97, 98). Въ Кафѣ всегда бывало до 30000 рабовъ.

Невольники, пока не были проданы за море, имѣли еще возможность освободиться посредствомъ выкупа или обмѣна на плѣнныхъ татаръ. Объ этомъ говорятъ и думы („Историч. п. м. н.“, I, 93—96) и историческіе документы. Священникъ с. Лукнова, Коробскаго уѣзда, писалъ въ челобитной царю (въ 1662 г.), что татары плѣнили всю его семью и что онъ узналъ, будто семья его въ Крыму. „И нынѣ я, богомолецъ твой, прихлопнулся къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ бити челомъ о своей бѣдности... Пожалуй меня, богомольца своего, вели, государь, мнѣ свою государеву дать грамоту къ Запорожскому гетману и ко всему войску, чтобъ мнѣ, богомольцу твоему, по твоему великаго государя указу, тотъ гетманъ и все войско Запорожское на обмѣну давали татаръ за отца моего и мать, и братьевъ, и попадьишку, и дѣтишекъ моихъ, чтобъ имъ въ бусурманскомъ безвѣріи у поганцовъ въ конецъ не погинути, а мнѣ-бъ, твоему богомольцу, до остатку не разоритца, и вели, государь, мнѣ, богомольцу своему, на одежду и дорогу дать, какъ тебѣ, великому государю, Богъ извѣститъ. Царь, государь, смилуйся, пожалуй“ (Акты Ю. и З. Руси, т. V, 120).

Часто татары, не уводя плѣна въ Крымъ, позволяли выкупать невольниковъ. По словамъ Ерлича, татары, ограбивъ въ 1671 г. Волинь и Подолію, сдѣлали списокъ плѣнныхъ и послали его польскимъ военнымъ начальникамъ съ предложеніемъ выкупить, кого хотятъ. Герберштейнъ говоритъ, что Махметъ-Гирей, получивъ отъ Василія III обязательство платить дань, — отвелъ войско къ Рязани и далъ позволеніе москвитамъ выкупать и размѣнивать плѣнныхъ, а остальную добычу продалъ съ аукціона („Истор. п. м. н.“, I, 104). Подобныя же отношенія существовали у казаковъ къ татарамъ, что мы видимъ напр. въ войнахъ атамана Сирка съ Крымомъ.

Иногда греки, сжалившись, выкупали русскихъ невольниковъ изъ турецкой каторги и отсылали ихъ на Русь. Въ битвѣ при Лепанто (1571 г.) испанцы и итальянцы захватили 130 турецкихъ галеръ, овладѣли 3468 рабами-каторжниками, которыхъ и подѣлили между собою, а 15000 христіанъ-рабовъ освободили изъ цѣпей (Истор. п. м. н.“, I, 92—93).

Невольники, большею частью, покупались турками на галеры, или каторги. Каторга—это длинное, очень узкое судно, идущее на парусахъ и на веслахъ. „Гребцы, въ числѣ около 300, сидѣли, прикованные на 25 или 30 скамьяхъ, пересѣкавшихъ и заграждавшихъ палубу на половину съ лѣвой, на половину съ правой стороны. Пять или шесть гребцовъ на каждой скамѣ приводили въ движеніе одно весло, которое опиралось на подставку, торчавшую сверхъ палубы. Лѣвыя скамьи отдѣлялись отъ правыхъ проходомъ, узкимъ помостомъ, служившимъ для перехода съ задней части корабля въ переднюю. Въ этомъ проходѣ, болѣе возвышенномъ, нежели скамьи, прогуливался галерный приставъ, съ кнутомъ въ рукѣ, управляя невольниками, прикованными подъ его ногами. Волны постоянно хлестали галерныхъ невольниковъ, прикованныхъ къ очень низкой палубѣ и обнаженныхъ во всякую погоду до пояса. Спали и ѣли они по смѣнамъ, не оставляя своихъ скамей и не останавливая хода галеры“ („Истор. п. м. н.“, I, 221—222).

Плѣнницы, особенно красивыя, цѣнились очень высоко и покупались для гаремовъ знатныхъ турокъ; нѣкоторыя изъ нихъ достигали высокаго положенія. Такъ, жена Сулеймана I была русинка, знаменитая Росса, или Роксолана, имѣвшая большое вліяніе на политику. Русская была и любимѣйшая жена Османа II (1604—1622 г.). Мать Османа III, русская по происхожденію, прославилась даже своимъ магометанскимъ благочестіемъ („Истор. п. м. н.“, I, 236—237).

Тяжела была судьба Украйны: постоянныя татарскія разоренія, тяжкая неволя и гибель ея населенія, казалось, въ конецъ истощили страну. Михалонъ Литвинъ передаетъ, что „одинъ еврей, мѣняла, сидя у единственныхъ воротъ Тавриды (въ Перекопѣ) и видя безпрестанно безчисленное множество приводимыхъ туда плѣнниковъ нашихъ, спрашивалъ у насъ, остаются-ли еще люди въ нашихъ сторонахъ или нѣтъ, и откуда такое ихъ множество“ („Истор. п. м. н.“, I, 97).

Но могучая природа Украйны создала и могучихъ борцовъ-казаковъ, которые вначалѣ небольшими общинами, а затѣмъ и крѣпко организованной силой вступили въ борьбу съ татарами и турками за попираемыя человѣческія права.

Первыя, сравнительно небольшія нападенія казаковъ на татаръ и турокъ отмѣчены подъ 1516 г. Казаки, подъ предводительствомъ Предслава Ланцкоронскаго, старосты Хмѣльницкаго, отправились подъ Бѣлгородъ (Аккерманъ), вступили съ татарами и турками въ битву, одолѣли ихъ и возвратились съ

богатою добычею (Хроника М. Бѣльскаго, 534). Въ концѣ 1528 г. Ланцкоронскій, Остафій Дашкевичъ, староста Черкасскій, вмѣстѣ съ старостами Винницкимъ и Брацлавскимъ составили отрядъ въ 1200 человекъ и отправились подъ Очаковъ. Тамъ въ трехъ битвахъ они побѣдили татаръ (Ibid., 560). Дашкевичъ первый подаль мысль польскому правительству поставить за порогами Днѣпра отрядъ, который бы наблюдалъ за татарами и не позволялъ имъ переправляться черезъ Днѣпръ и грабить Украйну; но осуществилъ эту мысль кн. Дмитрій Вишневецкій, который основалъ на островѣ Хортицѣ богатырскую заставу-сѣчь и отсюда дѣлалъ успѣшныя набѣги на татаръ и турокъ, вслѣдствіе чего ханъ съ ордою въ 1557 г. осадилъ Хортицу, но не могъ ея взять и только потомъ, вмѣстѣ съ турецкимъ войскомъ, взялъ Хортицу, а Дмитрій Вишневецкій удался въ Черкасы. Это уже былъ идейный борецъ съ мусульманствомъ, какъ врагомъ креста Господня. Страшно мстилъ татарамъ и предводитель казаковъ Богданъ Рожинскій, который разорилъ Крымъ въ 1575 г. „Казаки все жгли и никого въ живыхъ не оставляли, даже дѣтей сажали на колъ“ (Хроника М. Бѣльскаго, 722). Рожинскому приписываютъ разореніе Синопа, Трапезунда и окрестностей Константинополя (Лѣтоп. Самовидца, 3).

Еще болѣе упорную и успѣшную борьбу съ татарами и турками повелъ непобѣдимый вождь казаковъ, гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный. Подъ предводительствомъ его уже собиралось до 30000 казаковъ. Въ 1616 г. Сагайдачный взялъ Синопъ, Трапезундъ и страшную Кафу, въ которой освободилъ тысячи русскихъ невольниковъ.

Казаки на своихъ легкихъ судахъ-чайкахъ отправлялись изъ Сѣчи по Днѣпру въ море, разоряли турецкіе города и даже жгли окрестности Константинополя, наводя страхъ на султана („Истор. п. м. н.“, 204). Но турецкимъ галерамъ иногда удавалось ловить запорожскія чайки, и наши рыцари жестоко платились тогда головою. О такомъ случаѣ передаетъ и исторія. Въ 1621 г., во время похода султана Османа II къ Дунаю, турецкіе начальники полонили на Черномъ морѣ много казаковъ (одинъ 18 чаекъ у Очакова, другой 200 казаковъ въ морѣ, третій у Кафы 300 казаковъ), которые были казнены въ присутствіи султана. Однихъ раздавливали ногами слоновъ, другихъ набивали на крюки, третьи были посажены на колъ. Султанъ часто садился на маленькія чайки въ Бѣлгородѣ (Аккерманѣ) и ѣздилъ на другой берегъ смотрѣть казни, или упражнялся въ ѣздѣ на конѣ и стрѣльбѣ изъ лука, будучи ловкимъ

наѣздникомъ и стрѣлкомъ... Въ припадкѣ меланхоліи онъ стрѣлялъ не только въ плѣнныхъ казаковъ, но и въ собственныхъ пажей. Онъ велѣлъ посолить головы казацкія для отсылки въ Константинополь (Hammer. Gesch. des Osman. Reichs, IV, 526—527).

Послѣ присоединенія Малороссіи къ Москвѣ, Запорожская сѣчь почувствовала еще большую силу и уже не оставляла обидѣ крымцевъ неотомщенными. Въ этомъ отношеніи замѣчательнѣе походъ кошевого атамана Сирка на Крымъ въ 1675 г., въ отвѣтъ за внезапное нападеніе ночью татаръ и турокъ на Запорожскую сѣчь. Янычары сняли сторожу и уже ворвались въ сѣчь; но здѣсь 15000 ихъ было перебито, и ханъ бѣжалъ. А затѣмъ съ 20000 казаковъ Сирко ворвался черезъ Сивашъ въ Крымъ. „Тое войско вѣтроногими конми своими внутрь селеній Крымскихъ нечаянно вшедши и, по совѣту, на килко частей раздѣлившись, весь Крымъ собою наполнили и засѣяли, огнемъ и мечемъ оной плундруючи, Козлова (Гезлеве, Евпаторія), Карасева (Карасубазаръ), Бакчисарая столицы Ханской и иннихъ городовъ Крымскихъ коснувшись и превеликіе имъ бѣды и разоренія въ ихъ селеніяхъ нанеши“. Плѣнныхъ Сирко захватилъ 13000; изъ нихъ христіанъ было 7 тысячъ. Послѣднимъ атаманъ разрѣшилъ вернуться въ Крымъ, кто пожелаетъ. Когда пожелавшіе, въ количествѣ 3000, отошли на порядочное разстояніе, Сирко велѣлъ своимъ казакамъ догнать ихъ и истребить, а затѣмъ самъ приблизился къ трупамъ и промолвилъ: „простите насъ, братія, а сами спѣте тутъ до страшного суду Господня, нежели бысте мѣли въ Крыму между бѣсурменами размножатися на наши христіанскіи молодецкіи головы, а на свою вѣчную безъ крещенія погибель“. Татарскихъ ясырей (плѣнниковъ) Сирко раздѣлилъ на три части: одну отправилъ въ Москву, другую гетману Самойловичу, а третью оставилъ въ Сѣчи. За послѣднихъ онъ позволилъ прислать выкупъ. Ханъ прислалъ выкупъ частью деньгами, частью товарами, а кошевому атаману прислалъ подарки. „А для склонности Сѣрковой на ханское о окупѣ прошеніе, обослалъ Ханъ особно Сѣрка пятами вина, двома кулями волосяними сиру, а третимъ розинковъ и двома бюрдюгами оливы“. По возвращеніи плѣнниковъ, когда узнали, что часть подарена гетману Самойловичу и Москвѣ, то большая печаль и нареканія были: „зъ чого не меншій въ Крыму плачъ, а на Хана, Солтана и везѣра нарѣкане, же запорожцовъ роздразнили“ (Лѣтопись Величка, II, 372—384).

Хозяйничали и потомъ татары и турки на Украинѣ, захватывали ея сыновъ въ плѣнъ---во время Дорошенка и такъ называемой *руины*; но уже для нея приближались красные дни, и они наступили съ присоединеніемъ къ Россіи, въ 1783 г., дикаго разбойничьяго гнѣзда—Крыма.

Борцы же за свободу и человѣческія права своей родины наполнили міръ своими героическими подвигами, и о нихъ можно по всей справедливости сказать словами самого народа, въ думѣ:

„Слава их не вмере, не поляже!
Буде слава славна:
Поміж козаками,
Поміж друзями,
Помиж рицарями
Поміж добримы молодцями“.

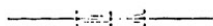
(„Истор. пѣсни м. н.“, I, 219).

Хр. Ящуржикскій.

Академикъ П. С. Палласъ.

Его жизнь, пребываніе въ Крыму и ученые труды.

(Къ столѣтію со дня его смерти).

I.

Говорить о великомъ ученомъ, писателѣ, мыслителѣ—это значить говорить преимущественно и прежде всего о его трудахъ, произведеніяхъ, идеяхъ, открытіяхъ. Но чѣмъ болѣе знаменитъ ученый, писатель, мыслитель, чѣмъ онъ ближе къ намъ и дороже намъ въ какомъ либо отношеніи, тѣмъ сильнѣе и естественнѣе желаніе знать подробно и жизнь его и его характеръ. Къ сожалѣнію, не всегда это желаніе можетъ быть удовлетворено, и Палласъ принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ людей, о жизни которыхъ извѣстно весьма немного. Уже первые біографы его — Кювье, Рудольфи и др. высказали мысль, что вся жизнь Палласа заключается въ его произведеніяхъ, его ученыхъ трудахъ. То же приходится сказать и теперь, когда исполнилось уже сто лѣтъ со дня его смерти. Очень мало данныхъ дошло до насъ, въ частности, и о томъ продолжительномъ, пятнадцатилѣтнемъ періодѣ его жизни, который тѣсными узами связалъ его съ нашей Тавридой. До насъ не дошло никакихъ воспоминаній, записокъ о его жизни здѣсь, неизвѣстна и его переписка. Поэтому въ изложеніи жизни Палласа приходится довольствоваться уже извѣстными свѣдѣніями, а для крымскаго періода его жизни мѣстными архивными матеріалами, отчасти уже использованными, а въ значительной степени сообщаемыми здѣсь впервые¹⁾.

¹⁾ Пособіями при составленіи этой статьи были: а) Біографія Палласа, пом. въ №№ 39 и 40 „Одесскаго Вѣстника“ за 1832 г. (Извл. изъ біографіи Палласа, пом. въ Beiträge zur Anthropologie und allgem. Naturgeschichte von

Петръ Симонъ или, какъ называли у насъ, Петръ Семеновичъ Палласъ родился въ Берлинѣ 22 сентября 1741 года. Отецъ его былъ раньше полковымъ хирургомъ, а потомъ профессоромъ анатоміи въ Берлинской медицинской академіи или коллегіумѣ и былъ женатъ на французенкѣ, уроженкѣ Берлина, Сусаннѣ Леонардъ. Братъ Палласа Августъ Фридрихъ также былъ врачомъ, а сестра была замужемъ за банкиромъ Досланомъ въ Берлинѣ. До 1754 года Палласъ воспитывался дома, вмѣстѣ съ братомъ и сестрой, подъ руководствомъ учителей и наблюденіемъ отца, а съ 1754 по 1758 г. слушалъ лекціи въ медико-хирургическомъ коллегіумѣ и былъ выдающимся ученикомъ своего отца, который и его готовилъ къ профессіи врача. Обладая необыкновенными способностями, Палласъ рано изучилъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, былъ весьма силенъ въ латинскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ и свободно владѣлъ нѣмецкимъ, и эта способность къ изученію языковъ была для него важнымъ подспорьемъ впослѣдствіи, во время его путешествій. Онъ любилъ римскихъ классиковъ и часто въ своихъ сочиненіяхъ приводитъ цитаты изъ нихъ. Еще въ отроческіе годы онъ обнаружилъ способности къ самостоятельнымъ научнымъ изслѣдованіямъ, составилъ оригинальную классификацію птицъ, а 15-ти лѣтъ отъ роду систематически наблюдалъ жизнь гусеницъ. Въ 1758 году Палласъ отправился въ Галле, гдѣ слушалъ лекціи Сегнера по математикѣ и физикѣ и занимался естественной исторіей, между прочимъ собираніемъ минералловъ въ окрестностяхъ этого города. Въ 1759 г. онъ вернулся въ Берлинъ и слушалъ лекціи Меккеля и Вольфа, но вскорѣ отправился въ Геттингенъ, гдѣ исключительно занимался естественными науками. Здѣсь онъ слушалъ лекціи Галлера, Редерера и Фогеля и серьезно работалъ въ тамошней богатой библіотекѣ. Въ 1760 г. Палласъ слушалъ лекціи медицинскихъ наукъ въ знаменитомъ тогда Лейденскомъ университетѣ, особенно профессоровъ Альбинуса, Гобиуса и Мушенброка, а подъ руководствомъ Гроновіуса изучалъ богатѣйшія въ этомъ университетѣ собранія предметовъ по есте-

Karl Asmud Rudolphi. Berlin, 1812 г.; б) Кювье. Похвальное слово Палласу, произн. 5 января 1813 г. (переводъ въ Вѣстникѣ Естественныхъ Наукъ 1860 г.); в) Кеппенъ, О. Ученые труды Палласа (Журн. Мин. Нар. Просв. 1895 г. мартъ; г) Ив. К. Памяти Палласа. Правительств. Вѣстникъ 1911 г. № 194; д) А. Сонцовъ. Палласъ въ Крыму. Древняя и Новая Россія, 1876 г., т. I; е) Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, разные выпуски; ж) Дѣла Таврическаго губернскаго архива.

ственной исторіи. Въ Голландію со всѣхъ ея многочисленныхъ колоній стекались тогда замѣчательные произведенія природы и обогащали ея кабинеты, что вызвало особенное увлеченіе естественными науками.

Въ томъ же году Палласъ защищалъ въ Лейденѣ написанную имъ еще въ Геттингенѣ диссертацию: „*De infestis viventibus intra viventia*“ (т. е. о врагахъ, живущихъ въ тѣлѣ животныхъ). Это сочиненіе девятнадцатилѣтняго юноши превзошло все, написанное раньше о глистахъ въ естественно-историческомъ отношеніи; онъ указалъ въ немъ и на ошибки самого Линнея, а знаменитый Кювье замѣтилъ, что Палласъ въ этомъ сочиненіи пролилъ внезапный свѣтъ на малоизвѣстные въ то время классы животныхъ, которые смѣшивались тогда подъ общимъ именемъ червей. Въ это время опредѣлились вполне и его страсть къ изученію естественныхъ наукъ и его живой, обаятельный характеръ, вызывавшій къ нему общую любовь и вниманіе. Но въ Голландіи на этотъ разъ онъ пробылъ недолго. Онъ чувствовалъ себя тамъ не по себѣ, предавался, по его словамъ, „печальнымъ мыслямъ“, упрекалъ себя въ праздности и лѣни. Въ 1761 г. Палласъ переѣхалъ въ Лондонъ, куда отецъ совѣтовалъ ему поѣхать, чтобы ознакомиться съ тамошними больницами; но и здѣсь молодой врачъ попрежнему увлекался естественными науками и свелъ близкое знакомство со многими учеными: Коллинсомъ, Мендесъ да Коста, Еллисомъ, Бакеромъ, Соландеромъ и др., предпринималъ экскурсіи въ Оксфордъ и на побережье Суссекса для собиранія морскихъ животныхъ, растений и раковинъ, неустанно въ то же время занимался чтеніемъ сочиненій по естествознанію. О пребываніи своемъ въ Англіи, которое продолжалось болѣе года, Палласъ всегда вспоминалъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Въ іюнѣ 1762 г. онъ возвратился черезъ Голландію въ Берлинъ, по вызову отца, и ѣздилъ въ Ганноверъ съ надеждой получить мѣсто военного врача при союзной арміи, но вскорѣ Семилѣтняя война окончилась, и назначеніе его не состоялось. Несмотря на убѣжденія отца, Палласъ не сдѣлался врачомъ и продолжалъ свои излюбленные занятія естественными науками. Въ Берлинѣ онъ написалъ сочиненіе *Fauna Insectorum Marchica*, но не напечаталъ, считая его недостаточно обработаннымъ. Такимъ образомъ, положеніе его не устраивалось на родинѣ, и отецъ разрѣшилъ ему искать счастья въ Голландіи. Въ концѣ августа 1763 года Палласъ отправился въ Гагу и рѣшилъ тамъ поселиться, о чемъ просилъ позволенія отца. Кромѣ ученыхъ

занятій, онъ надѣялся найти здѣсь случай къ большому путешествію, но эта надежда его не осуществилась.

Во время трехлѣтняго пребыванія молодого ученаго въ Гатѣ выходили въ свѣтъ одно за другимъ его изслѣдованія, обратившія на него вниманіе всего ученаго міра. Здѣсь появился его первый капитальный трудъ: „*Elenchus zoophytorum*“ (1766 г.), первый перечень животнорастеній, еще болѣе замѣчательныя *Miscellanea Zoologica* (1766), т. е. зоологическій сборникъ, въ которомъ Палласъ впервые обратилъ вниманіе на важный вопросъ о географическомъ распредѣленіи животныхъ, *Specilegia zoologica* (1767—1774) и др. Въ классическомъ введеніи къ первому изъ этихъ сочиненій и въ другихъ трудахъ своихъ Палласъ отбросилъ старое дѣленіе природы на три царства, указалъ, что старое разграниченіе животныхъ отъ растений невозможно и что зоофиты составляютъ переходъ отъ одного царства къ другому. Этотъ взглядъ, поддержанный Линнеемъ, произвелъ переворотъ въ наукѣ. Палласъ первый составилъ систему органическихъ существъ, общепринятую въ настоящее время, въ видѣ дерева или куста съ большими развѣтвленіями. Но при этомъ онъ указалъ, что развитіе всего органическаго міра въ видѣ единой лѣстницы существъ нельзя себѣ представить. Въ этихъ и другихъ сочиненіяхъ, написанныхъ позже, онъ высказалъ много идей, ставшихъ популярными столѣтіе спустя благодаря Дарвину, напр. мысли о происхожденіи разновидностей домашнихъ животныхъ въ знаменитомъ мемуарѣ *Memoire sur la variation des animaux*, 1780 г., о географическомъ распредѣленіи животныхъ и др. Въ это же время Палласъ издалъ рядъ трудовъ по энтомологіи и другимъ естественнымъ наукамъ. Ученая слава его разнеслась далеко по Европѣ. Онъ былъ избранъ въ члены многихъ ученыхъ обществъ, между прочимъ Лондонской и Римской академіи наукъ. Продолжалъ онъ занятія и медициной. Но изданіе сочиненій не обезпечивало Палласа, а между тѣмъ въ 1766 г. онъ женился. Въ виду этихъ обстоятельствъ онъ вернулся въ Берлинъ, въ родительскій домъ.

Вскорѣ послѣ этого открылось предъ нимъ новое и блестящее поприще, но не на родинѣ, а на чужбинѣ, въ далекой Россіи. Онъ получилъ приглашеніе, давшее ему обезпеченность, средства къ труду и европейскую славу, и прежде всего — возможность осуществить давнишнюю мечту, совершить большое путешествіе въ отдаленныя, малоизвѣстныя страны. Для изслѣдованія Сибирскаго края наша Академія Наукъ, по пору-

ченію императрицы Екатерины II, обратилась въ Лейпцигъ къ проф. Людвигу, а онъ рекомендовалъ Палласа, получившаго уже громкую извѣстность въ ученѣмъ мірѣ. И вотъ 22-го декабря 1706 г. академикъ Штеллинъ писалъ Палласу и, по порученію директора Академіи гр. В. Г. Орлова, пригласилъ его въ академію „профессоромъ исторіи натуральной“ съ жалованьемъ по 700 руб. въ годъ. Предложенное матеріальное вознагражденіе не удовлетворило Палласа, и онъ отказался отъ этого мѣста, но въ апрѣлѣ 1767 г. дѣло уладилось; Академія по контракту обязалась платить ему по 800 руб., какъ ординарному своему члену и профессору натуральной исторіи, и приобрѣла, такимъ образомъ, въ лицѣ его новаго члена. По 8-му пункту этого договора Палласъ давалъ обѣщаніе „во время своей при Академіи наукъ службы стараться ревностно исправлять касающіяся до его профессіи должности, изобрѣтать нѣчто новое въ своей наукѣ, подавая со временемъ сочиненія для академическихъ комментарій, и обучать своей наукѣ опредѣленныхъ къ нему учениковъ или студентовъ вѣрно; сверхъ того, быть при академическомъ натуральномъ кабинетѣ и стараться умножить оной достойными вещами“. Почти одновременно съ Палласомъ были приглашены въ нашу Академію и такіе выдающіеся ученые, какъ Эйлеръ, Гмелинъ, Гильденшtedтъ и др. 30 го іюля Палласъ, имѣя 26 лѣтъ отъ роду, явился въ Академію. Но недолго пришлось ему оставаться въ Петербургѣ. Вскорѣ по прибытіи въ Академію ему поручена была организація задуманныхъ императрицей ученыхъ путешествій въ далекіе края Россіи.

II.

Извѣстно, что со времени Петра Великаго и благодаря его геніальной и безпримѣрной инициативѣ начался у насъ длинный рядъ ученыхъ путешествій, продолжавшійся въ послѣдующія царствованія. „Путешествія эти, говоритъ Риттеръ въ своемъ „Землевѣдѣніи Азіи“, которыя Петербургская Академія, не щадя издержекъ, устраивала при вспомошествованіяхъ императрицъ Анны, Елисаветы и Екатерины II-й, должно причислить къ самымъ блестящимъ и успѣшнымъ предпріятіямъ для науки, просвѣщенія и народнаго благополучія Россіи... Это обширное государство только посредствомъ такихъ путешествій могло достигнуть до самопознанія и познанія своихъ частей, природныхъ силъ и ихъ благотворнаго употребленія для своихъ

подданных“. Со времени Петра Великаго, Мессершмидтъ совершилъ первое путешествіе по Сибири, затѣмъ Берингъ и его сотрудникъ Кирилловъ, далѣе Стеллеръ, Крашенинниковъ, Миллеръ, Гмелинъ старшій изслѣдовали сѣверо-восточные края Азіи и Камчатки. Въ 1768 г. Академія Наукъ задумала обширный планъ ученыхъ экспедицій во всѣ края Россіи для изслѣдованій естественно-научныхъ, этнографическихъ, археологическихъ и другихъ. „Эти экспедиціи, говоритъ академикъ Пыпинъ, составляютъ одинъ изъ лучшихъ фактовъ во всей исторіи Академіи Наукъ и вообще въ исторіи русскаго образованія“¹⁾. Въ нихъ прославились Георги, Фалькъ, Гильденшtedтъ, Фишеръ, Гмелинъ младшій, погибшій на Кавказѣ въ плѣну у горцевъ, Лепехинъ, Озерецковскій, Ловицъ, убитый пугачевцами, Иноходцевъ, едва спасшійся отъ этой участи, и др. „Но, быть можетъ, величайшая заслуга, говоритъ Пыпинъ, въ этихъ путешествіяхъ принадлежитъ Палласу, который обладалъ не только выдающимися познаніями въ области естественныхъ наукъ, филологіи, исторіи, этнографіи, но былъ и талантливымъ руководителемъ и писателемъ“.

Принятый въ члены Академіи Наукъ, Палласъ немедленно занялся разработкой плана и снаряженіемъ экспедиціи въ Восточную Россію и Сибирь, гдѣ, между прочимъ, ученымъ предстояло любопытное наблюденіе надъ прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца (въ 1769 г.). Цѣль этой экспедиціи состояла, во-первыхъ, въ изученіи народностей, населявшихъ посѣщенные ею огромныя страны Россіи, во-вторыхъ, изслѣдованіи произведеній природы, собираніи коллекцій и, въ-третьихъ, въ выясненіи пользованія населеніемъ естественными произведеніями. Во время приготовленій къ этой экспедиціи Палласъ написалъ рядъ важныхъ сочиненій, между прочимъ знаменитую записку о костяхъ большихъ четвероногихъ въ Сибири: мамонтовъ, слоновъ, носороговъ и пр., которую представилъ въ Академію и которая обратила на себя вниманіе ученыхъ всей Европы.

Экспедиція двинулась въ путь въ іюнѣ 1768 г. Изъ Петербурга Палласъ отправился черезъ Москву, Владиміръ, Муромъ, Арзамасъ, Пензу въ Симбирскъ, гдѣ провелъ зиму. Въ 1769 г. онъ продолжалъ путешествіе черезъ Ставрополь, Самару, Сызрань и Усолье къ Сѣрному городку и обратно въ Самару черезъ Бирскъ и Оренбургъ, къ Илецкимъ солевар-

¹⁾ Пыпинъ. Исторія русской этнографіи. Т. I, 106—107.

нямъ, оттуда на Яикъ--къ казакамъ, калмыкамъ и киргизамъ и въ Гурьевъ на Каспійскомъ морѣ, затѣмъ обратно въ Уфу, гдѣ зимоваль. Въ 1770 году Палласъ, главнымъ образомъ, изучаль оба склона Уральскихъ горъ и тамошніе многочисленныя желѣзные рудники. Сначала онъ отправился изъ Уфы къ желѣзнымъ рудникамъ на р. Симѣ, къ шиферной горѣ Уртишъ-тагъ и черезъ Чебаркулъ въ Екатеринбургъ и тамошніе горныя заводы, а оттуда въ Челябинскъ, гдѣ остался на зиму. Въ 1771 г., продолжая путь на востокъ, Палласъ осмотрѣлъ Тобольскъ, тогдашнюю столицу Сибири, потомъ отправился вдоль Иртыша къ Коряковскимъ и Ямскимъ солянымъ озерамъ, далѣе къ Змѣиногорскимъ желѣзнымъ рудникамъ и Барнаульскимъ заводамъ. Осмотрѣвъ эти рудники, онъ доказаль, что они въ древнее время уже разрабатывались финскими племенами; оттуда отправился въ Томскъ и чрезъ Енисей въ Красноярскъ, гдѣ зимоваль. Въ 1772 г. отправился онъ въ дальнѣйшій путь по сѣвернымъ склонамъ Алтайскихъ горъ, черезъ Байкалъ въ Иркутскъ, Селенгинскъ, Кяхту, китайское мѣстечко Маймачинъ и обратно въ Селенгинскъ, оттуда къ даурскимъ тунгузамъ, опять въ Селенгинскъ и Кяхту и обратно въ Иркутскъ и Красноярскъ, отсюда въ Саянскія горы и снова въ Красноярскъ, гдѣ провелъ большую часть зимы. Въ Дауриіи онъ изучиль природу, совершенно отличную отъ европейской, а на границахъ Китая познакомился съ невиданной имъ раньше цивилизаціей, которая привела его къ мысли, что китайцы особая раса, отдѣлившаяся отъ европейской по крайней мѣрѣ со времени послѣдняго геологическаго переворота и шедшая въ своемъ развитіи совершенно особымъ путемъ. Въ 1773 г. Палласъ двинулся въ Томскъ и Тару, проѣхаль вдоль Иртыша въ Сарапуль, оттуда въ Казань и обратно, далѣе въ Сарепту и Царицынъ, затѣмъ въ Саратовъ, къ Элтонскому озеру, Астрахань и обратно въ Царицынъ, гдѣ прожилъ зиму и часть весны. Въ 1774 году онъ ѣздиль черезъ Волгу къ соленому озеру Богдо и снова черезъ Царицынъ въ Москву и Петербургъ, куда прибыль 30 іюля 1774 г.

Такимъ образомъ, это замѣчательное путешествіе Палласа продолжалось шесть лѣтъ и совершенно было съ огромными трудностями и лишеніями. Но энергія Палласа превозмогла всѣ неудобства. Жизнь въ юртахъ, грубая пища, состоявшая часто изъ одного чернаго хлѣба, страшный холодъ зимой и ужасная жара лѣтомъ, мириады насѣкомыхъ, отвратительныя, грязныя, грубыя туземцы, отсутствіе дорогъ, къ тому же нѣзнаніе рус-

скаго языка—вотъ тяжелыя условія этого подвига Палласа. Его сопровождала жена, а ближайшими сотрудниками его были воспитанники Академіи Соколовъ и Зуевъ, трудами которыхъ онъ былъ весьма доволенъ. Въ экспедиціи участвовали астрономы, геометры, натуралисты и большое число воспитанниковъ Академіи.

Зимнее время во время этого путешествія Палласъ употреблялъ на составленіе своего путевыхъ журналовъ по плану, данному ему президентомъ Академіи, и отправлялъ ихъ въ Петербургъ. Они составили цѣлые томы, которые были потомъ изданы въ свѣтъ. Эти отчеты, очень подробные и обстоятельные, полные сжатыхъ и какъ бы сухихъ, но образныхъ описаній, представляли для современниковъ захватывающій интересъ и до сихъ поръ важны для естествовѣдцовъ, географовъ и этнографовъ.

Человѣкъ молодой и здоровый при отправленіи въ это путешествіе, Палласъ вернулся изъ него полустарикомъ, съ надорваннымъ здоровьемъ и изможденною внѣшностью. На тридцать третьемъ году у него уже посѣдѣли волосы, его мучили упорныя воспаленія глазъ, угрожавшія ему полной потерей зрѣнія, и постоянныя желудочныя заболѣванія, мучившія его до послѣднихъ дней жизни. Въмѣстѣ съ здоровьемъ онъ потерялъ въ путешествіи и спутницу-жену, которая умерла въ 1782 г., оставивъ ему дочь четырехъ лѣтъ.

Но Палласъ находилъ утѣшеніе въ сознаніи совершеннаго имъ подвига, что выразилъ впослѣдствіи въ слѣдующихъ словахъ: „Блаженство видѣть природу въ самомъ ея бытіи, гдѣ человѣкъ весьма мало отшибся отъ нея, и ей учиться служило мнѣ за утраченную при этомъ юность и здоровье лучшею наградою, которой отъ меня никакая зависть не отниметъ“.

Издержки по этому путешествію были весьма невелики, именно, по отчету Палласа, составляли съ апрѣля 1768 по 15 марта 1773 г. всего 1798 р. сер., слѣдовательно въ годъ не болѣе 365 р., кромѣ жалованья рисовальщику, набивальщику чучель и на проводниковъ, на что издержано было 580 р.

Сложная цѣль путешествія была вполне достигнута Палласомъ. Имъ были составлены точныя свѣдѣнія о народахъ въ посѣщенныхъ имъ странахъ, произведеніяхъ природы въ нихъ и указаны способы къ развитію въ нихъ полезныхъ учрежденій; были выяснены и производство горныхъ и соляныхъ промысловъ, выгоды фабрикъ, скотоводства, земледѣлія и лѣсоводства, и высказаны весьма дальновидныя соображенія отно-

сительно необходимыхъ улучшеній, которыми правительство руководствовалось въ послѣдующее время.

III.

Собранныя Палласомъ во время путешествія коллекціи и научный матеріалъ были такъ огромны, что онъ разрабатывалъ ихъ до конца своей жизни. Они дали матеріалъ для очень многихъ специальныхъ сочиненій. Все это прежде всего изложено въ знаменитомъ, классическомъ описаніи этого путешествія: „*Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs*“, которое состоитъ изъ 3-хъ большихъ томовъ in 4, напечатанныхъ въ Петербургѣ въ 1772—1776 гг., со многими рисунками и чертежами, и до настоящаго времени не потеряло своего значенія для естествоиспытателя, энтомолога и антрополога. Здѣсь онъ представилъ сводъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ наблюденій во время путешествія. Между прочимъ, Палласъ указалъ слѣды прежняго гораздо болѣе высокаго уровня Каспійскаго моря и опредѣлилъ даже части его древнихъ береговъ. Наблюденія надъ цѣпями горъ и геологическимъ строеніемъ двухъ большихъ горныхъ цѣпей Сибири привели его къ выводу, что гранитъ, сланецъ и известнякъ слѣдуютъ всегда другъ за другомъ въ одномъ и томъ же порядкѣ. Онъ говоритъ и о мамонтѣ, найденномъ имъ совершенно цѣлымъ, съ мясомъ и кожей, въ замерзшей землѣ. Эти и другія находки опровергли теорію Бюффона о постепенномъ охлажденіи полярныхъ странъ, но Палласъ ошибся въ предположеніи о томъ, что юго-восточныя воды принесли въ сибирскія тундры трупы индійскихъ животныхъ, такъ какъ найденные имъ трупы ископаемыхъ животныхъ весема отличны отъ индійскихъ. Онъ нашелъ въ Сибири, на вершинѣ горы близъ Енисея, гдѣ не было слѣдовъ вулканическихъ изверженій, массу самороднаго желѣза, вѣсомъ въ 1600 ф., *палласитъ*, хранящійся въ музеѣ Академіи Наукъ. Онъ далъ намъ превосходныя описанія сибирскихъ четвероногихъ, напр. кабарги, росомахи, бѣлаго медвѣдя, соболя, нѣкоторыхъ видовъ грызуновъ, одного вида однокопытныхъ, новаго вида новой лошади. и др.

Многіе вопросы требовали спеціальнаго изслѣдованія, что было сдѣлано Палласомъ по окончаніи путешествія. Результатомъ этихъ изслѣдованій былъ цѣлый рядъ его обширныхъ и замѣчательныхъ сочиненій.

На первомъ мѣстѣ здѣсь надо поставить его „*Sammlungen historischer Nachrichten ueber die Mongolischen Völkerschaften*“, in 4. T. I и II. SPB. 1776—1801, съ рис. Это сочиненіе Кювье назвалъ едва ли не самымъ классическимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ въ то время историческихъ сочиненій. Палласъ говоритъ въ немъ о происхожденіи и физическихъ особенностяхъ монголовъ, о нравахъ и исторіи монгольскихъ племенъ, ихъ религіи, обычаяхъ и понятіяхъ, о ламаизмѣ, его таинствахъ и обрядахъ, о завоеваніяхъ и переселеніяхъ монголовъ, между прочимъ переселеніи одной орды, искавшей убѣжища въ Россіи отъ завоеванія китайцевъ и поселенной въ Астраханскихъ степяхъ въ 1758 г., а спустя 12 лѣтъ, въ 1771 г. вернувшейся въ количествѣ 60,000 семействъ въ Монголію.

Тогда же онъ началъ свой самый замѣчательный и важный трудъ по зоологіи, надъ которымъ работалъ около 40 лѣтъ, до конца свой жизни: „*Zoographia rossoasiatica*“, въ трехъ томахъ съ описаніемъ всѣхъ извѣстныхъ до того времени позвоночныхъ животныхъ, водящихся въ Россіи и прилежащихъ къ ней моряхъ, м. пр. дикаго осла пустынь средней Азіи, небольшого буйвола, кожа котораго употреблялась татарами и турками на военные значки, маленькой породы лисицъ, о которыхъ, какъ думаютъ нѣкоторые ученые, упоминалъ Геродотъ, и мн. др. Все это превосходно разработано, съ такою точностью, примѣръ которой давали сочиненія Бюффона, бывшія образцомъ для Палласа.

Спеціальнымъ предметомъ занятій Палласа была зоологія, и сочиненія его по зоологіи особенно многочисленны. Но во время путешествія своего онъ, по справедливому замѣчанію Кювье, сдѣлался и ботаникомъ. Вернувшись въ Петербургъ, онъ съ увлеченіемъ трудился надъ составленіемъ „Россійской Флоры“, *Flora Rossica*, великолѣпнаго изданія, очень понравившагося императрицѣ, на изданіе котораго она дала ему средства, но, къ сожалѣнію, неоконченнаго (обработаны одни лишь древесныя растенія въ двухъ частяхъ). Приведя въ порядокъ свои матеріалы, въ чемъ ему много помогали Фалькъ, Георги, Гмелинъ сынъ и Гильденштедтъ, Палласъ ревностно взялся за этотъ трудъ, но другія работы, которыя отвлекали его, помѣшали ему окончить его. Но отдѣльно было напечатано имъ много трудовъ по ботаникѣ.

Такъ же замѣчательны и сочиненія Палласа по геологіи, относящіяся къ этому времени. Изъ этихъ произведеній особенно важна его записка: „*Observations sur la formation des*

montagnes et sur les changemens, arrivés au Globe, particulièrement à l'égard de l'Empire de Russie", читанная въ 1777 г. въ Академіи въ присутствіи шведскаго короля Густава и положившая, какъ говоритъ Кювье, начало новѣйшей геологіи.

Укажемъ и сочиненія Палласа по нумизматикѣ и археологіи: 1) *"Description de douze monnoyes asiatiques d'argent d'une antiquité très reculée"*, 1785. Описанныя здѣсь монеты найдены были въ Смоленской губерніи. 2) *"Explication de quinze monnoyes antiques, trouvées au gouvernement de Pleskov"*. 3) *"Von einer in Sibirien gefundenen unbekannten Steinschrift"*, 1793.

Екатерина Великая дорожила Палласомъ и питала къ его ученымъ познаніямъ и опытности особое довѣріе. Онъ былъ назначенъ членомъ комитета для составленія новой топографіи Россіи, сдѣланъ историкомъ адмиралтейства и въ этомъ званіи имѣлъ право подавать свои мнѣнія касательно научныхъ вопросовъ, относящихся къ мореходству. Нерѣдко императрица дѣлала замѣтки по разнымъ вопросамъ государственной экономіи, по которымъ требовала его мнѣнія, напр. о распредѣленіи лѣсовъ на округа, о классификаціи рыбъ и млекопитающихъ животныхъ, входящихъ въ народную промышленность. Она поручила ему составленіе проекта лѣсного управленія, составленіе инструкции для экспедиціи Биллинга и др. дѣла. По порученію императрицы, Палласъ взялся и за громадный трудъ — составленіе всеобщихъ сравнительныхъ словарей всѣхъ обитающихъ въ Россіи народовъ. Съ колоссальной энергіей онъ принялся за этотъ трудъ и выпустилъ въ свѣтъ въ 1786—1789 г. двѣ его части: *"Linguarum totius orbis vocabularia comparativa sectionis primae linguae Europae et Asiae complete"*. Въ этомъ словарѣ много недостатковъ, и онъ не имѣетъ въ настоящее время научнаго значенія, но говоритъ о громадныхъ филологическихъ познаніяхъ автора и послужилъ весьма важнымъ пособіемъ для изысканій другихъ ученыхъ, настоящихъ лингвистовъ. По порученію Екатерины II, Палласъ неоднократно дѣлалъ свои доклады при посѣщеніи Академіи коронованными особами. Такъ, въ присутствіи короля Густава III, какъ сказано выше, онъ читалъ свое извѣстное разсужденіе „о происхожденіи горъ и перемѣнахъ, бывшихъ на земномъ шарѣ, преимущественно въ Россіи“; въ присутствіи принца Прусскаго Генриха сдѣлалъ докладъ „о перерожденіи животныхъ“, а по случаю ожидавшагося посѣщенія Академіи имп. Іосифомъ II приготовилъ разсужденіе: *"Reflexions sur les anciens travaux des mines qu'on trouve en Sibirie et sur leur rapports avec ceux d'Hon-*

grie, qui se distinguent des travaux Romains“. Палласъ же, по выбору императрицы, преподавалъ исторію и физику великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ.

Мы не будемъ здѣсь перечислять всѣхъ ученыхъ сочиненій и изданій Палласа, плодовъ неустоимимаго труда, необыкновеннаго подвига. Членъ многихъ ученыхъ обществъ: Россійскаго Вольноэкономическаго Общества, Императорской Римской, Академіи естествоиспытателей, Естествоиспытательныхъ друзей въ Берлинѣ, Единодушныхъ друзей въ Вѣнѣ, Богемскаго общества, Королевскаго въ Лондонѣ, Академіи Наукъ въ Стокгольмѣ, онъ написалъ свыше ста семидесяти статей по естественно-научнымъ и экономическимъ вопросамъ и входилъ въ тѣсное общеніе со многими извѣстными тогда учеными, напр. Тилезіусомъ, Вильденевомъ и др.

Въ 1786 г. Палласъ вторично женился, на Королинѣ Ивановнѣ Польшманъ, но отъ этого брака дѣтей у него не было. Счастливый характеръ Палласа поддерживалъ въ немъ энергію, физическія силы и бодрость духа. Палласъ находилъ время и для громадныхъ трудовъ и для участія въ свѣтской жизни столицы и общенія съ друзьями.

Приобрѣтя высокую славу, окруженный всеобщимъ почетомъ и достигнувъ уже преклоннаго возраста, Палласъ пожелалъ отдохнуть отъ своихъ неустоимыхъ трудовъ и удалиться изъ столицы на югъ Россіи, въ только недавно присоединенную Тавриду. Съ разрѣшенія императрицы, онъ въ февралѣ 1793 года отправился въ путешествіе, на свой счетъ, съ женою и 14-лѣтней дочерью и въ сопровожденіи рисовальщика Х. Гейслера, который постоянно находился при немъ и былъ ему весьма полезенъ, но въ послѣдствіи причинилъ громадный вредъ наукѣ, когда, уѣхавъ въ Лейпцигъ, заложилъ тамъ рисунки и клише къ сочиненіямъ Палласа, вслѣдствіе чего очень многіе изъ нихъ погибли.

Проѣхавъ благополучно Тверь и Москву, Палласъ испыталъ непріятное приключеніе при переѣздѣ черезъ р. Клязьму. Ледъ на ней былъ уже слабъ, и Палласъ долженъ былъ идти пѣшкомъ. По несчастію, онъ оступился, попалъ въ прорубь и погрузился въ воду до колѣнъ, а потомъ продолжалъ путь до станціи (Судогды) на протяженіи 37 верстъ, не перемѣнивъ бѣлья и платья и завернувшись только въ одѣяло. Этотъ случай причинилъ непоправимый вредъ его здоровью. Далѣе Палласъ проѣхалъ Арзамасъ, Пензу, Саратовъ, отсюда вдоль Волги черезъ Царицынъ, Сарепту, Астрахань въ Красноярскъ, при

чемъ дѣлалъ ботаническія экскурсіи на Арзагарскія алебастровыя возвышенности и посѣщалъ окрестныя безводныя степи. Отсюда онъ проѣхалъ къ кундуранскимъ татарамъ, подымался на г. Богдо и вернулся въ Сарепту, гдѣ пробылъ довольно долго по причинѣ болѣзни дочери. Приведя здѣсь въ порядокъ свое великолѣпное собраніе насѣкомыхъ, онъ въ августѣ мѣсяцѣ отправился снова въ Астрахань, оттуда на Кавказскую линію и изъ Георгіевска ѣздилъ къ кислымъ водамъ и сѣрнымъ источникамъ и г. Бештау. Возвратясь въ Георгіевскъ, Палласъ отправился отсюда черезъ Таганрогъ, Мариуполь, р. Берду и Перекопъ въ Крымъ, „добрался“, наконецъ, до „прелестной долины Салгира“ и Симферополя 30 октября 1793 г. къ обѣду и „испыталъ большую отраду и удовольствіе, увидѣвъ снова Божьи горы и страну, гдѣ холмы и извилистые ручьи въ долинахъ смѣняются разнообразными лѣсками“.

Палласъ поселился здѣсь въ домѣ вице-губернатора Габлица, ученаго ботаника, въ которомъ нашелъ друга и энергичнаго сотрудника. Весь ноябрь и начало декабря продолжалась пріятная погода, и Палласъ пользовался ею для собиранія растеній и рѣдкихъ сѣмянъ. Но путешествіе сильно утомило его, здоровье очень пострадало, и онъ не могъ часто выходить на воздухъ и почти весь декабрь и январь долженъ былъ оставаться въ комнатѣ, чтобы немного поправиться. Съ марта 1794 г. Палласъ началъ обзорѣніе полуострова и, окончивъ его къ 18 іюня, собрался въ обратный путь въ Петербургъ, куда прибылъ 14 сентября и представилъ государынѣ восторженный отчетъ о Крымѣ въ небольшомъ но превосходномъ сочиненіи, посвященномъ князю П. А. Зубову: „*Tableau physique et topographique de la Tauride*“. Касаются Тавриды и слѣдующія сочиненія его этого времени: 1) „*Catalogue des espèces de végétaux spontanées, observés en Tauride*“. Это продолженіе его *Tableau*. 2) „*Von einem im Frühjar 1786 auf der Taurischen Halbinsel vorgegagnen merkwürdigen Erdfall*“.

Крымъ привелъ въ восхищеніе Палласа, и онъ, желая найти спокойный пріютъ на старость, рѣшилъ получить его въ Тавридѣ. Свободныхъ земель въ Крыму, за уходомъ татаръ въ Турцію послѣ присоединенія его къ Россіи, было много, и онѣ отводились правительствомъ сановникамъ и другимъ лицамъ, даже иностранно-подданнымъ, или захватывались искателями легкой наживы, а подружившійся съ Палласомъ Габлицъ указалъ ему на свободныя, живописныя и богатые земли и сады при дд. Айтодоръ и Шулю, сосѣднія съ прекраснымъ его Чоргун-

скимъ имѣніемъ. Слѣдую обычаю, Палласъ, возвратившись въ Петербургъ, обратился къ императрицѣ съ просьбой о пожалованіи ему земли въ Крыму.

Благоволившая къ Палласу Екатерина II согласилась на переѣздъ его на жительство въ Крымъ въ виду разстроеннаго его здоровья и щедро наградила его землями въ указанныхъ имъ урочищахъ; кромѣ того, пожаловала ему садъ въ Судакской долинѣ, ханъ въ Симферополѣ и 10,000 р. на обзаведеніе. При этомъ ему повелѣно было „продолжать тамо ученые труды“, съ сохраненіемъ академическаго жалованья.

Ордеромъ 22 марта 1795 г. Таврическому губернатору Жегулину новороссійскій генералъ-губернаторъ князь Зубовъ увѣдомлялъ, что „императрица всемилостивѣйше соизволила пожаловать ст. сов. и кав. Палласу въ вѣчное и потомственное владѣніе въ Симферопольскомъ уѣздѣ Таврической губ. землю, называемую Шулю, лежащую при р. Айтодорѣ, съ садами, мельницею и прочими угодіями, да въ Судацкой долинѣ винограднаго сада около десяти десятинъ и такого же количества земли“. Затѣмъ ордеромъ отъ 25 августа 1795 г. Зубовъ подтверждалъ Жегулину отвести Палласу землю по Шульской дорогѣ и снабдить его на это владѣніе планомъ и книгою. Кромѣ того, Зубовъ поручилъ Жегулину „сколь возможно способствовать Палласу во всѣхъ его предпріятіяхъ, не исключая хозяйственнаго заведенія“. Палласъ прислалъ вѣрующее письмо отъ 19 апрѣля 1795 г. Габлицу на принятіе земли, отведенной ему при д. Шулю, а въ декабрѣ 1795 г. онъ снова прибылъ въ Крымъ и на первое время основался въ Симферополѣ. Здѣсь онъ большею частию проживалъ въ своемъ домѣ до 1802 г., а затѣмъ купилъ вблизи Симферополя садъ, названный имъ Каролиновка, впослѣдствіи Воронцовскій садъ „Салгирка“. Здѣсь онъ построилъ домъ, который существуетъ и теперь. Это флигель въ Салгиркѣ, въ которомъ живетъ управляющій. Владѣнія его по Салгиру, тянулись болѣе чѣмъ на двѣ версты, и сады, разведенные имъ здѣсь, цѣнились очень высоко. Впослѣдствіи они перешли во владѣніе разныхъ лицъ: кн. Воронцова, Хр. Хр. Стевена, Чарыкова, наслѣдниковъ Дессера и др. Рѣже жилъ онъ въ д. Шулю, чаще въ Судакѣ, гдѣ у него былъ виноградникъ и гдѣ съ 1805 г. онъ завѣдывалъ училищемъ виноградарства и винодѣлія, а послѣднее время пребыванія своего въ Крыму, счастливейшіе годы своей старости (1808—1810), онъ проживалъ въ им. Калмукара, въ 17 верстахъ отъ Симферополя, купленномъ имъ для дочери, вышедшей за-

мужъ за офицера фонъ-Вимпфена и скоро овдовѣвшей, такъ какъ онъ въ чинѣ генерала умеръ въ Люневилѣ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи при Аустерлицѣ, оставивъ сына, любимаго внука Палласа.

Имѣнія Палласа въ Крыму измѣнялись тысячами десятинъ, у него были отличные лѣса и сады. Палласъ оказался отличнымъ хозяиномъ и съ юношескимъ увлеченіемъ обрабатывалъ новые участки своихъ владѣній, заводилъ образцовое хозяйство. Но хозяйственныя занятія не заглушали въ Палласѣ ученаго. Онъ и здѣсь не оставилъ своей ученой дѣятельности и прежде всего занялся обработкой своего капитальнаго сочиненія второго путешествія по Россіи: „*Bemerkungen auf eine Reise in südlichen Stadthalterschaften des Russischen Reichs*“, вторая часть котораго посвящена описанію Крыма и представляетъ классическое, въ высшей степени точное и полное описаніе его природы и памятниковъ древности, сопровождаемое цѣлыми геологическими, ботаническими и другими изслѣдованіями, богатое глубокомысленными соображеніями, касающимися экономической и политической жизни нашего края¹⁾. „Второй томъ, говоритъ Палласъ въ предисловіи къ этому сочиненію, содержитъ полное описаніе Крымскаго полуострова. Къ нему приложены рисунки, въ которыхъ изображены самые интересныя виды этой прекрасной страны. Я, правда, уже издалъ общія замѣтки о Крымѣ на французскомъ языкѣ²⁾. Эти замѣтки были переведены на нѣмецкій и русскій языки³⁾, но эти замѣчанія не разрушаютъ пользы общей картины, содержащей все, что касается естествознанія, торговли и политическаго положенія этой страны, усовершенствованій, къ какимъ она способна, равно какъ выгодныхъ измѣненій, принесенныхъ ей русскимъ владычествомъ. Несмотря на то, что это послѣднее путешествіе не принесло мнѣ обильной жатвы по части ботаники и зоологій, я все-таки не далъ здѣсь всѣхъ растений и животныхъ, которыя я наблюдалъ. Я намѣренъ подробно говорить о нихъ, вмѣстѣ съ ихъ изображеніями, въ специальномъ сочиненіи по естественной исторіи, надъ которымъ я тружусь, насколько позволяетъ мнѣ плохое состояніе моего здоровья. Надѣюсь

¹⁾ Переведено на русскій языкъ М. Сосногоровой. Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Т. XII и XIII.

²⁾ *Tableau physique et topographique de la Tauride*.

³⁾ „Краткое физическое и топографическое описаніе Таврической области“. Перев. Ив. Рижскаго. Спб. 1795 г.

окончить его въ непродолжительномъ времени; это будетъ, вѣроятно, послѣднее изъ изданныхъ мною трудовъ“.

Много времени Палласъ посвящалъ въ Крыму своей „*Zoographia Rosso-Asiatica*“, и закончилъ отдѣлы млекопитающихъ и птицъ, къ 1803 г. 3 т. in 4°, съ атласомъ, вышедшіе въ свѣтъ спустя 20 лѣтъ послѣ смерти Палласа. Не будемъ приводить здѣсь всѣхъ сочиненій, написанныхъ Палласомъ въ Крыму. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) „*Premier rapport de mr. Pallas*“ (1796 г.), первое извѣстіе изъ новаго мѣста жительства его — Симферополя, содержащее разныя естественно-историческія замѣчанія, сдѣланныя на пути въ Крымъ. 2) „*О тепловичныхъ растеніяхъ, произрастающихъ въ Россійскомъ государствѣ*“ (1794 г.), съ краткой замѣткой жены его: „О шелковистомъ пухѣ въ семянныхъ стручкахъ двухъ дикихъ растений въ астраханской степи. 3) „*О раздѣленіи народовъ мунгалскаго помянія*“ (1797 г.). 4) „*Species Astragalorum*“... (1800 г.). 5) „*Описание виноградныхъ садовъ въ Астраханской губ.*“ (1802 г.). 6) „*Illustrationes plantarum*“... (1803 г.). 7) „*Labraces, novum genus piscium Oceani Orientalis*“ (1806—1807 г.) и др.

IV.

„Первенствующій писатель о Крымѣ“, какъ его справедливо и мѣтко назвалъ академикъ П. И. Кеппенъ въ своемъ „Крымскомъ Сборникѣ“, Палласъ въ главномъ своемъ сочиненіи о Тавридѣ далъ всестороннее описаніе Крыма—не только въ естественно-научномъ отношеніи, но и археологическомъ, отчасти этнографическомъ, экономическомъ и даже политическомъ. Онъ явился въ Крымъ не только во всеоружіи ученаго естествоиспытателя, но и отлично знакомый съ историко-географической литературой о Крымѣ. Въ своемъ сочиненіи онъ ссылается на Страбона, Плинія, Периплы Арріана и Скимна Хиосскаго, Одерико, Формалеони, гр. Потоцкаго, барона Тотта, леди Кравенъ и др. Въ свои частыя поѣздки по Крыму онъ обращалъ серьезное вниманіе на всѣ мѣста и предметы, важные въ историко-археологическомъ отношеніи; онъ подробно описываетъ ихъ, даетъ точныя измѣренія ихъ и приводитъ соображенія объ ихъ происхожденіи и значеніи.

Прослѣдимъ его сообщенія, касающіяся исторіи и древностей Крыма, въ порядкѣ путешествія его по Крыму.

Описывая Перекопскій перешеекъ, онъ даетъ подробный планъ и описаніе остатковъ Перекопской крѣпости и справедливо говорить, что нынѣшнее укрѣпленіе въ Перекопѣ, Орѣ-капу,—работа турокъ и находится на мѣстѣ древне-греческаго укрѣпленія Νέον Τειχος, построеннаго для защиты полуострова отъ набѣговъ тавро-скивовъ. Надъ воротами онъ видѣлъ изображение изсѣченной на камнѣ совы и въ этомъ изображеніи видитъ гербъ (тамгу) Чингизъ-хана и властителей Крыма. Онъ говоритъ и о значеніи Перекопа въ политическомъ отношеніи и попутно замѣчаетъ, что вѣрность татаръ все еще ненадежна. Въ описаніи Бахчисарайскаго дворца Палласъ останавливается и на ханскомъ кладбищѣ, говоритъ, что одинъ изъ мавзолеевъ на немъ, а именно первый отъ входа, построенъ ханомъ Хаджи Гиреемъ, что на этомъ же кладбищѣ находится и поэтический мавзолей Менгли Гирея. Далѣе онъ даетъ цѣнное указаніе относительно мавзолея, который обыкновенно считается памятникомъ въ честь Маріи Потоцкой: „надъ верхнимъ фруктовымъ садомъ стоитъ куполообразный мавзолей съ золотымъ шаромъ надъ куполомъ; здѣсь похоронена грузинка, жена храбраго хана Крымъ-Гирея“. Палласъ говоритъ подробно и о мавзолеехъ въ предмѣстѣи Бахчисарая Азисъ или Эски-Юртъ и, сравнивая ихъ съ подобными сооруженіями въ Маджарахъ, Татаркупѣ и Болгарѣ, высказываетъ мысль, что они были построены однимъ народомъ. Упоминаетъ онъ о древнемъ татарскомъ кладбищѣ вблизи дер. Кара-Коджа съ необыкновенными у татаръ памятниками въ видѣobeliskовъ. Описывая окрестности Бахчисарая, онъ упоминаетъ о двухъ загородныхъ ханскихъ дворцахъ, изъ которыхъ одинъ находился въ 4-хъ верстахъ отъ Бахчисарая по пути въ Симферополь, а другой въ урочищѣ Ашлама, вблизи Чуфуть-Кале¹⁾. При описаніи караимскихъ гробницъ въ Чуфуть-Кале, Палласъ употребляетъ выраженіе „двурогія гробницы“ (Zweihörnige Grabsteine), и этотъ терминъ вошелъ въ общее употребленіе и принятъ въ наукѣ. Подробно говоритъ онъ и о надгробномъ памятникѣ дочери Тохтамышя. Въ Чуфуть-Кале, по словамъ Палласа, было во время посѣщенія его 200 домовъ и 1200 душъ караимовъ обоюго пола.

Много говоритъ Палласъ о древностяхъ Гераклеяскаго полуострова и Херсонесѣ. „Окрестности Севастополя, говорить

¹⁾ Первый изъ этихъ дворцовъ часто упоминается въ статейныхъ спискахъ русскихъ посланниковъ въ Крымъ, а нѣкоторыя части второго были употреблены, по распоряженію кн. Потемкина, на сооруженіе путевого дворца для Екатерины II въ Симферополѣ.

онъ, представляютъ поистинѣ землю классическую. На каждомъ шагу вы наталкиваетесь на греческія древности, которыхъ прежде было здѣсь гораздо больше, потому что Ахтіяръ возникъ изъ развалинъ древняго Херсонеса“. Онъ считаетъ несомнѣннымъ, что на севастопольскія постройки брался матеріалъ изъ развалинъ Херсонеса. „Здѣсь, говоритъ онъ, въ окрестности много камня для построекъ, и съ тѣхъ поръ, какъ истощились тесаные четырехугольные камни древней крѣпости Корсуня, изъ которыхъ построены многія зданія Ахтіяра, начали употреблять мягкій известковый инкерманскій камень“. Описывая древности Гераклейскаго полуострова, Палласъ указываетъ многочисленныя слѣды круглыхъ и четырехугольныхъ башенъ, стѣнъ и другихъ построекъ по линіи отъ Инкермана до Балаклавы, „быть можетъ упоминаемыхъ Страбономъ“, изъ громаднхъ плотно пригнанныхъ другъ къ другу квадеровъ, скрѣпленныхъ деревянными брусьями и сложенныхъ на глинѣ, „обычный древне-греческій способъ построекъ въ Крыму“. Камень изъ этихъ сооружений уже въ его время былъ большею частию вывезенъ. Ихъ описали Кларке, Муравьевъ-Апостолъ и Аркасъ. Эти сооружения, по его мнѣнію, нѣкогда служили къ охраненію обитателей Гераклейскаго полуострова отъ нападений варваровъ. Палласъ описываетъ также древнія стѣны и башни у мыса Айя, на западномъ склонѣ Караньской долины, на крутомъ берегу моря между Балаклагою и Георгіевскимъ монастыремъ; укрѣпленіе это простиралось въ длину на 15, а въ ширину на 14 саж., отъ Святого мыса оно отдѣлялось ужаснымъ рвомъ. Палласъ дѣлаетъ предположеніе, что, быть можетъ, это и было *Promontorium Parthenium*, что здѣсь была крѣпость и стоялъ *fanum Virginis* (храмъ Дѣвы). Онъ считаетъ вѣроятнымъ, что вблизи Георгіевскаго монастыря, гдѣ онъ видѣлъ развалины зданій, которыя подробно описалъ, также былъ храмъ Дѣвы.

Согласно со Страбономъ, Палласъ предполагаетъ, что древнѣйшій Херсонесъ находился на западной оконечности полуострова, между Херсонесскимъ мысомъ и Казачьей бухтой, у нынѣшняго маяка, описываетъ слѣды поселенія, которыя тамъ находятся, правильно расположенныя ограды полей, башни и стѣны, построенныя, быть можетъ, для огражденія окрестныхъ жителей отъ нападений тавро скиѳовъ, и опредѣляетъ даже мѣсто кладбища. Описываетъ извѣстный островокъ въ Казачьей бухтѣ, даетъ планъ и подробное описаніе находящихся на немъ развалинъ и дѣлаетъ предположеніе, что это былъ одинъ изъ

оборонительныхъ постовъ стараго Херсонеса или одно изъ укрѣплений, заложенныхъ скиѣскимъ царемъ Скилуромъ противъ полководца Митридата Діафанта. Палласъ опредѣляетъ площадь новаго Херсонеса—отъ 70 до 80 тысячъ кв. сажень; онъ говоритъ, что расположеніе улицъ и домовъ въ Херсонесѣ нельзя уже различить, потому что при добываніи тесаныхъ камней все было разрушено, перерыто и завалено. „При занятіи Крыма существовала еще большая часть стѣнъ, построенныхъ изъ прекрасныхъ тесанныхъ камней, прекрасныя городскія ворота и значительная часть крѣпкихъ башенъ, изъ которыхъ одна стояла надъ самой бухтой и еще при моемъ посѣщеніи въ 1794 г. находилась въ порядочномъ состояніи. Но постройка г. Ахтіяра была причиною уничтоженія этого древняго города. Прекрасныя квадеры были выкопаны даже изъ фундаментовъ... При этомъ не было снято ни одного рисунка, ни одного плана города. Мнѣ только удалось найти прекрасную надпись на бѣломъ мраморѣ временъ императора Зенона. Я нашелъ эту надпись у моего друга Габлица¹⁾. Она была вѣдлана въ башню“. Палласъ упоминаетъ и о другой видѣнной имъ херсонесской надписи съ монограммой. „Еще другія незначительныя надписи я видѣлъ, говоритъ онъ далѣе, въ Ахтіярѣ, вмѣстѣ съ плохимъ барельефомъ, изображающимъ мужскую фигуру въ одеждѣ, со свиткомъ въ рукѣ и съ надгробною надписью. Ее сохраняютъ у церкви²⁾. „Онъ говоритъ и о прекрасной мраморной капители колонны коринѣскаго ордена, свѣтлосѣраго цвѣта, изъ Херсонеса, которую видѣлъ на дачѣ адмирала Пустошкина, о находкахъ монетъ и другихъ предметовъ древности въ Херсонесѣ, о слѣдахъ древняго херсонесскаго водопровода.

Очень подробно у Палласа и описаніе Инкермана и развалинъ этой крѣпости. „Существовала ли эта крѣпость во времена херсонесскихъ грековъ, говоритъ онъ, и можно ли вмѣстѣ съ Формалеони считать ее за древній Ктенусъ, или, что мнѣ кажется вѣроятнѣе³⁾,—не была ли она основана только генуэзцами, рѣшеніе этого вопроса я оставляю въ сторонѣ. Пещеры, во всякомъ случаѣ, кажется, болѣе древнія, чѣмъ сама крѣпость, по моему мнѣнію, суть работа монаховъ, жившихъ во времена императоровъ въ средніе и болѣе поздніе вѣка“. Здѣсь

¹⁾ По всей вѣроятности въ Чоргунѣ. Эта плита съ надписью находится въ музеѣ Херсонесскаго монастыря.

²⁾ Этотъ памятникъ древности находится теперь въ Эрмитажѣ.

³⁾ Здѣсь Палласъ сильно ошибается.

Палласъ весьма близокъ къ истинѣ, но тутъ же дѣлаетъ ошибочное предположеніе, что эти пещеры были изсѣчены преслѣдуемыми монахами-аріанами. Херсонитовъ онъ также ошибочно считалъ аріанами. „Подобныя кельи и жилища, пробитыя въ скалахъ, находятся, продолжаетъ онъ, кромѣ Инкермана, въ известнякахъ къ С.-З. отъ лежащей у Балаклавы деревни Карани, въ скалахъ принадлежащей мнѣ мѣстности Каракоба и подъ Мангупомъ, надъ принадлежащей также мнѣ деревней Шурю¹⁾, затѣмъ еще въ Тепе-Керменѣ, Кызъ-Керменѣ²⁾ у д. Шурю на Качѣ³⁾, недалеко отъ „жидовской крѣпости“, и еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ мягкій мѣлоподобный известнякъ легко могъ высѣкаться“. Описывая Кызъ (или Хызъ) Керменъ, Палласъ передаетъ преданіе, что здѣсь жили плѣнницы, которыя, наконецъ, бросились со скалы; можетъ быть, это были монахини, говоритъ онъ въ примѣчаніи. Указывая на древности Черкесь-Кермена, Палласъ употребляетъ выраженіе *Tscherkassen Festung* и говоритъ, что близлежащая деревня этого имени прежде была обитаема греками. По преданію, говоритъ онъ, при верховьяхъ Кабарты (Бельбека) нѣкогда жили кабардинцы или черкесы, и замѣчаетъ, что еще въ его время мѣста, лежація между верховьями Качи и Бельбека, назывались Черкестюсомъ (*Tscherkesstüss*). Главная достопримѣчательность Черкесь-Кермена, по его мнѣнію, глубокій колодезь, изсѣченный въ скалѣ, вода котораго одна изъ самыхъ холодныхъ въ Крыму. Справедливо удивляется Кеппенъ, что Палласъ, говоря объ эскикерменскомъ колодцѣ, ни слова не сказалъ о колодцахъ инкерманскихъ, хотя подробно обслѣдовалъ древности и достопримѣчательности Инкермана.

Мощеную, очень испорченную дорогу черезъ долину Черной рѣчки и разрушенный каменный мостъ изъ четырехъ арокъ Палласъ считаетъ памятниками глубокой древности.

Въ описаніи Георгіевскаго монастыря Палласъ дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующее указаніе: „въ вырѣзкѣ берега, по которой идетъ спускъ къ монастырю, въ известнякѣ, подобномъ оолитовому (который однако весь состоитъ изъ мелкихъ просовидныхъ, спирально завитыхъ раковинъ), замѣтны мѣста, гдѣ выламывали большіе камни, какіе встрѣчаются въ древнихъ сооруженіяхъ Херсонеса“. Чоргунскую башню, по всей вѣроятности турецкаго происхожденія, Палласъ приписываетъ

¹⁾ Пещеры Мармара п Шулданъ кая.

²⁾ Вѣроятно Эски-Керменъ.

³⁾ Качи-Кальень?

корсунскимъ грекамъ или генуэзцамъ и думаетъ, что она служила связью между лежащей въ 6 верстахъ отсюда Балаклавой и крѣпостью Мангупомъ, находящейся въ 10 верстахъ. Вообще у Палласа описаніе древностей Инкерманской и Бельбекской округи превосходно. Весьма обстоятельно онъ описалъ и Мангупъ, но называетъ его генуэзскимъ городомъ, бывшимъ, по его мнѣнію, послѣднимъ убѣжищемъ Лигуровъ, изгнанныхъ турками съ южнаго берега. На Мангупѣ онъ указываетъ остатки строеній, между прочимъ, двухъ небольшихъ церквей со слѣдами фресковой живописи и довольно хорошо сохранившейся мечети. Луговая Айтодорская долина, Филегусъ или Пелагосъ, могла, по мнѣнію Палласа, въ отдаленныя времена составлять дно окруженнаго высокими горами, замкнутаго озера. Слово Каралезъ у Палласа пишется Кара-Илесъ (Kara-Iläs), т. е. Черный Илья, какъ у византійскихъ писателей *Karà Ioussouf*. Кеппенъ указываетъ правильность такого начертанія.

Балаклавская крѣпость, по предположенію Палласа, была построена сначала греками. Этотъ городъ онъ справедливо признаетъ за скиѣскій Палакіонъ. Онъ обратилъ вниманіе и на древнія развалины въ Лименѣ и Симеизѣ, именно на остатки стѣны въ верстѣ къ западу отъ Симеиза, на скалѣ Дзива, толщиною въ 2 аршина, и въ урочищѣ Исаръ. Говоря объ этихъ мѣстахъ, онъ дѣлаетъ слѣдующее интересное въ антропологическомъ отношеніи сообщеніе. „Горскіе татары деревень Кикинеиса, Лименъ и Симеиса имѣютъ совершенно особенный типъ лица, отличающій ихъ отъ всѣхъ другихъ горскихъ татаръ. Очень продолговатыя лица, непропорціонально длинный и загнутый носъ и сжатые съ боковъ высокія головы. — все это большую часть изъ нихъ дѣлаетъ настоящими карриатурами; остальные же, менѣе карриатурные, имѣютъ видъ, по крайней мѣрѣ, сатировъ. Профессоръ Хакеттъ, которому я сообщилъ это наблюденіе, во время пребыванія его въ Крыму, въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ указываетъ на замѣчаніе Скалигера, которое можетъ относиться и къ особенному типу этихъ прибрежныхъ жителей. Онъ пишетъ: „Генуэзцы переняли отъ своихъ предковъ мавровъ обычай сжимать новорожденнымъ дѣтямъ головы; отъ того теперь, хотя этого обычая и не существуетъ болѣе, они тѣмъ не менѣе рождаются настоящими тирситами“. Я не буду касаться вопроса, продолжатьъ Палласъ, представляютъ ли жители этихъ сельскихъ общинъ, имѣющіе особенный внѣшній видъ, остатки древнихъ генуэзскихъ обитателей Крыма, или же какого-либо другого народа, посели-

вшагося въ этихъ мѣстахъ, который уединился отъ другихъ и сохранилъ необыкновенный складъ лица. И замѣчательно при томъ, что всѣ эти татары имѣютъ рыжій или свѣтлый цвѣтъ волосъ, что вообще очень рѣдко случается между татарами. Вѣрно, впрочемъ, то, что всѣ прибережные татары суть остатки обитавшихъ здѣсь прежде народовъ и совершенно чужды монгольской расѣ, почему собственно крымскіе татары и считаютъ ихъ не своими, а чужестранными, и называютъ презрительнымъ именемъ „татъ“.—Замѣчаніе Палласа о лименскихъ татарахъ подтверждается указаніемъ Кеппена, которому тамошніе татары говорили, что предки ихъ были „женеви“.

Стѣнообразные утесы надъ Алупкой Палласъ считаетъ за Кріуметопонъ древнихъ грековъ; другіе ученые считаютъ имъ Аюдагъ. Онъ указываетъ на развалины на мысу Ай-Тодоръ „предполагаемаго греческаго монастыря“ и такія же развалины на Ай-Петри, также развалины укрѣпленія на утесѣ Исаръ-Ургенда (Оріанда). На послѣдній укрѣпленный скалистый бугоръ можно, говоритъ онъ, взойти только по весьма тѣсной, отчасти искусственной тропѣ, а въ приступныхъ мѣстахъ проведены стѣны, сложенные изъ дикаго камня. Здѣсь онъ находилъ куски черепицы и битые горшки, а въ долинѣ видѣлъ слѣды прежнихъ жилищъ. Пастухи, какъ ему передавали, замѣчали здѣсь какіе-то огненные пары и изъ этого заключали, что въ этихъ мѣстахъ скрытъ кладъ. Далѣе, Палласъ указываетъ остатки древнихъ греческихъ церквей въ окрестностяхъ Аутки и другихъ мѣстахъ южнаго берега Крыма, урочища Ай-Власъ, Вагелиста, Папасъ-чаиръ, Фуиль и др., развалины монастыря между Массандрой и Магарачомъ, описываетъ развалины Гурзуфской и Алуштинской крѣпости, сооруженіе которыхъ правильно приписалъ грекамъ, развалины монастыря Константина и Елены на Аюдагѣ, внутри укрѣпленія¹⁾. При этомъ онъ сообщаетъ интересное извѣстіе, неизвѣстно откуда заимствованное, что Алушта нѣкогда имѣла своего епископа.

Палласъ обратилъ вниманіе также на древнее укрѣпленіе, которое ошибочно считалъ генуэзскимъ, и мечеть (Узбека, 1313 г.) въ Эскисараѣ, упоминаетъ о хорошо еще сохранившейся въ его время греческой церкви въ д. Енисала, которая

¹⁾ Кеппенъ указалъ на неточность этого указанія. „Первенствующій писатель о Крымѣ, который, вѣроятно, не успѣлъ побывать на самой вершинѣ Аю-дага, безъ сомнѣнія, разумѣетъ тутъ слѣды какихъ то зданій, находящіяся болѣе нежели на полчаса пути ниже оной, на приморскомъ скатѣ“, но и эти слѣды построекъ были при Кеппенѣ ничтожны.

теперь почти разрушилась. Онъ даетъ подробное описаніе башни Чобанъ-кале, которую справедливо признаетъ древнимъ греческимъ укрѣпленіемъ, и описываетъ остатки близъ нея крѣпости и кладбища. Указываетъ онъ далѣе на остатки древнегреческаго монастыря св. Георгія въ Судакѣ, на уступѣ между двумя вершинами горы Голой, вблизи источника, и церкви св. Саввы, также подлѣ прекраснаго источника, на сѣверной сторонѣ г. Перчемъ-кай. Даетъ онъ и подробное описаніе генуэзской крѣпости въ Судакѣ. „Во время моего перваго путешествія по Крыму, говоритъ Палласъ, существовало еще большое число зданій готическаго типа и изящной архитектуры; но потомъ они были разрушены для постройки изъ этого матеріала казармъ, которыя и были сооружены внутри крѣпости. Уцѣлѣли только на восточной отлогости города большое куполообразное зданіе каѳедральнаго собора, а также башни и стѣны крѣпости. У подошвы горы, на западной сторонѣ, лежала прежде татарская деревня съ мечетью, но многіе изъ ея жителей выселились при покореніи Крыма, остальные же, послѣ постройки казармъ, должны были также перейти въ другое мѣсто“. Указываетъ онъ на остатки древней греческой церкви въ ущельи къ западу отъ Судака, обращаетъ вниманіе на древнее кладбище въ Козахъ и остатки монастыря и церкви св. Георгія въ этой деревнѣ, на плоской вершинѣ Кадирли-бурунъ¹⁾. Подробно описываетъ онъ древнее кладбище (мезарлыкъ) къ Ю. В. отъ Параланъ-кай, у д. Токлукъ: рядъ большихъ могилъ, обложенныхъ вертикально стоящими камнями; всѣ эти могилы были четырехугольныя и одна круглая. „Татары, говоритъ Палласъ, считаютъ эти гробницы за еврейскія, но онѣ, кажется, скорѣе принадлежать другому, очень древнему, но немногочисленному народу“²⁾. Далѣе онъ указываетъ на остатки древней крѣпостной стѣны на вершинѣ г. Элтегенъ, на остатки церквей и кладбища въ Отузахъ, подобныя козскимъ и судакскимъ кладбищамъ. „Надгробныя плиты этихъ кладбищъ, говоритъ Палласъ, сдѣланы изъ длинныхъ четырехугольных плоскихъ столбовъ, которые добываются изъ песчаныхъ пластовъ. Всѣ они цементированы известью, иногда желѣзисты и звенящи. Я видѣлъ подобные камни, поставленные вмѣсто пограничныхъ столбовъ въ Токлукской округѣ (Gränzzeichen), на возвышен-

1) Въ недавнее время эта церковь реставрирована.

2) Сосногорова признаетъ ихъ дольменами. Такія же гробницы Палласъ видѣлъ въ землѣ черноморскихъ казаковъ и признавалъ ихъ предположительно черкесскими.

ностяхъ между Козами и Судакомъ. Я ихъ измѣрилъ; они имѣли отъ поверхности земли больше двухъ сажень вышины и только полъ аршина въ ширину, въ толщину даже немного менѣе этого“¹⁾. Старый Крымъ, по неправильному предположенію Палласа, древній Киммеріумъ, а гора Агермышъ, быть можетъ, Киммерійская гора Страбона. Древнія развалины Стараго Крыма уже въ его время были немногочисленны и почти совершенно разрушились и заключались только въ остаткахъ татарской бани, двухъ мечетей и одной греческой церкви. Но „древній дворецъ хановъ, построенный на берегу рѣчки Сереньсу, протеющей въ южной части города, еще довольно хорошо сохранился“. Въ этомъ домѣ до 1600 г. жилъ, замѣчаетъ Палласъ, русскій архіерей, а затѣмъ для его резиденціи былъ пріобрѣтенъ другой домъ.

Палласъ даетъ описаніе гснгуэзскихъ стѣнъ, башенъ и цитадели въ Θεодосіи, знаменитой мечети „Біюкъ-джами“ и др. Во дворцѣ, построенномъ для императрицы Екатерины, имѣлъ пребываніе въ его время, епископъ.

Подробно описываетъ Палласъ остатки стѣнъ, башенъ и рва у д. Шибанъ и въ 4-хъ верстахъ отъ Аргина, шедшихъ отъ Азовскаго моря къ Θεодосійской бухтѣ. Онъ считаетъ ихъ остатками древней стѣны босфорскаго царя Асандра, проведенной поперекъ полуострова, о которой говоритъ Страбонъ и которая служила границей владѣній херсонитянъ и босфорцевъ. Описываетъ онъ остатки крѣпости Арабатъ и красивую мечеть въ Аргинѣ; даетъ описаніе древней крѣпости въ Керчи, древней греческой церкви и находокъ древностей, остатковъ Пантикапея: барельефовъ съ надписями и изображеніями, туловищъ львовъ, саркофаговъ, колоннъ и пр. Указываетъ Палласъ и развалины на г. Опукъ и въ другихъ мѣстахъ на Керченскомъ проливѣ. Указываетъ мѣсто, гдѣ предположительно были древніе города Мирмикіонъ (развалины башенъ и остатки нѣсколькихъ колодцевъ у берега моря, между Керчью и Еникале) и Пореміонъ, Парөениумъ Страбона; послѣдній, по Палласу, должно искать въ Узунъ-Келечи, на мысѣ Фанари, надъ узкимъ проливомъ изъ Босфора въ Азовское море. Нимфеонъ, положеніе котораго неясно опредѣлено у Страбона, по периплу, долженъ былъ находиться, предполагаетъ Палласъ, въ бухтѣ между нынѣшней Павловской батареей и Камышъ-буруномъ. Акракоміонъ, говоритъ онъ, вѣроятно, нынѣшній Такиль-бурунъ,

¹⁾ Кеппенъ считаетъ эти камни (тикле, текиль ташъ) могильными. Они встрѣчаются въ Крыму въ разныхъ мѣстахъ.

Китасъ находился между Такиль-буруномъ и г. Опукъ, Киме-риумъ Палласъ относитъ къ развалинамъ Элкенъ-кале, около г. Опукъ. Казека, по Палласу, надо отнести къ мысу Ташъ-начикъ, въ восточномъ углу Теодосійской бухты. Теодосія, думаетъ онъ, несомнѣнно совпадаетъ съ нынѣшнимъ городомъ, хотя находилась вблизи его; Аёенеумъ, по мнѣнію его, находился у Козскаго мыса или у Судакской бухты. Много говоритъ Палласъ и о древностяхъ Тамани, между прочимъ, объ извѣстной плитѣ князя Глѣба 1065 г.

Укажемъ еще, что Палласу мы обязаны за сохраненіе для насъ въ переводѣ одного изъ фирмановъ хана Шагинъ-Гирея — объ отдачѣ въ откупъ въ его пользу тѣхъ земель, которыя до Кучучъ-Кайнарджійскаго мира принадлежали туркамъ.

Попутно Палласъ сообщаетъ свѣдѣнія, касающіяся современныхъ ему обстоятельствъ жизни Крыма, и подробности, имѣющія для насъ уже историческое значеніе. Напримѣръ, указавъ на запустѣніе Симферополя послѣ уничтоженія Таврической области при Павлѣ I, онъ даетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія объ этомъ городѣ: „на площади, предназначенной раньше для построенія Симферополя (нынѣ 1-я часть города отъ Перекопской заставы до Салгирной ул.), стоитъ на разстояніи полуверсты прекрасный губернаторскій дворецъ, превращенный, съ отмѣной здѣсь губернаторства, въ казармы и помѣщенія для присутственныхъ мѣстъ; кромѣ того, на этой же площади построено еще нѣсколько домовъ, въ томъ числѣ и домъ для училища. Между губернаторскимъ домомъ и старымъ городомъ, почти въ срединѣ, на берегу Салгира, находится батарея, защищенная рвами, которыя изрыты теперь дождевыми потоками. Батарея эта построена еще Суворовымъ, одно имя котораго, прибавляетъ Палласъ, громче всякихъ восхваленій, всякихъ громкихъ титуловъ¹⁾. Здѣсь долженъ былъ быть построенъ соборъ“. Говоритъ онъ о водоснабженіи Симферополя, его садахъ, непостоянствѣ погоды здѣсь и вообще въ Крыму, составѣ жителей города, ремеслахъ и промыслахъ. Палласъ сообщаетъ статистическія свѣдѣнія также о Бахчисараѣ, Чуфутъ-Кале и другихъ мѣстахъ. Въ Чуфутъ-Кале въ его время было еще небольшое стадо благородныхъ оленей, 41 штука, которое паслось здѣсь со временъ хановъ. Палласъ сообщаетъ свѣдѣнія о балаклавской греческой командѣ, описываетъ екатерининскія мили. Далѣе онъ сожалеетъ, что всѣ лучшія и болѣе теплыя

¹⁾ Слѣды этой батареи существуютъ еще и теперь.

долины горной части Крыма, наиболѣе облагодѣтельствованныя природой, отданы правительствомъ въ руки такихъ лицъ, которыя не имѣютъ ни возможности, ни доброй воли хорошо обрабатывать свои земли. Татары, по его мнѣнію, лѣнны, во многихъ отношеніяхъ опасны и склонны скорѣе уничтожить, чѣмъ насаждать. Палласъ полагалъ, что во время 2-й турецкой войны, когда татарское населеніе южного берега было временно удалено изъ своихъ жилищъ на 10-верстное разстояніе отъ берега моря, слѣдовало совсѣмъ переселить его въ степи, а населенныя ими цвѣтушія долины съ садами отдать трудолюбивымъ колонистамъ, которые стали бы воздѣлывать здѣсь маслину, хлопчатникъ, шелковицу и виноградъ¹⁾. Но, съ другой стороны, Палласъ говоритъ объ умѣніи татаръ пользоваться многочисленными ручьями для поливки разводимыхъ ими садовъ въ южной части Крыма и умѣломъ уходѣ за плодовыми деревьями, объ ихъ обширномъ коневодствѣ, скотоводствѣ, овцеводствѣ, виноградарствѣ и табаководствѣ. Между прочимъ, Палласъ перечисляетъ 35 сортовъ винограда, отличаемыхъ и разводимыхъ татарами, а о плодовыхъ садахъ ихъ говоритъ, что они напоминали ему сады нѣмецкихъ крестьянъ. Грушъ татары разводили въ его время болѣе 14 сортовъ. Говоритъ онъ и о другихъ занятіяхъ татаръ, напр. объ изготовленіи бахчисарайскими татарами хорошихъ ножей, а кокозскими—деревянной посуды. Хвалитъ умѣніе татаръ добывать и проводить воду. Называя татаръ лѣнными и лукавыми, Палласъ въ то же время говоритъ объ ихъ воздержаніи, простотѣ и добротѣ и хорошемъ ихъ въ общемъ здоровьи. Надо помнить, что Палласъ пріѣхалъ въ Крымъ послѣ того, когда отсюда выселилось болѣе 300,000 татаръ, притомъ большей части лучшаго и знатнаго татарскаго населенія, мурзъ и беевъ. Подробно говоритъ Палласъ о винодѣліи въ Судакѣ и неудачныхъ попыткахъ заведенія шелковичныхъ плантацій и шелковичнаго завода въ Старомъ Крыму. Отмѣтимъ еще слѣдующія указанія его: Мамутъ Султанъ—пребываніе почтеннѣйшаго и богатѣйшаго изъ татарскихъ дворянъ ст. сов. Батыръ аги Ойратскаго, у котораго всѣ путешественники, желающіе подняться на Чатырдагъ, находили гостепріимство, лошадей и проводниковъ; мурзы пріѣзжали въ города не иначе, какъ верхомъ на лошадяхъ.

¹⁾ Взглядъ Палласа на татаръ встрѣтилъ суровый стѣнъ Е. Л. Маркова въ его „Очеркахъ Крыма“.

V.

Мы не будемъ подробно излагать здѣсь естественно-научныя свѣдѣнія, которыя заключаются въ сочиненіяхъ Палласа о Крымѣ. Укажемъ только самое главное. Палласъ называетъ Тавриду замѣчательной на земной поверхности страной въ отношеніи физической географіи и минералогіи. Слѣдуя Плинію и другимъ древнимъ писателямъ, онъ говоритъ, что Крымъ нѣкогда былъ совершенно отдѣленъ отъ материка и представлялъ островъ, именно въ то время, когда уровень Чернаго моря былъ еще выше. Онъ указываетъ, что многія скалы въ Крыму имѣютъ такой видъ, какъ будто ихъ когда-то омывали морскія волны. Въ высшей степени важны его замѣчанія, касающіяся геологіи Крыма, строенія крымскихъ горъ, нигдѣ болѣе не встрѣчающагося. Онъ называетъ наши горы „книгой, въ которой естествоиспытатель весьма много найдетъ того, что можетъ послужить къ изъясненію состава нашего земного шара“. Между прочимъ, онъ высказываетъ предположеніе, что „или самое сердце этой цѣпи горъ опустилось въ морскую бездну, или вся эта громада слоевъ поднята выше моря чрезвычайно какою-либо силою, дѣйствовавшею въ величайшей глубинѣ, приблизительно на 65,000 сажень, такъ что Таврида представляется грудой разсѣвшихся слоевъ, южная сторона которыхъ поднята болѣе чѣмъ на 6,000 футовъ и представляетъ непрерывную цѣпь горъ, простирающуюся свыше 130 верстъ, а сѣверная нечувствительно опускается и теряется въ степной равнинѣ. Подробно Палласъ говоритъ о цѣпяхъ Крымскихъ горъ, ихъ строеніи, протяженіи и высотѣ, объ обвалахъ горныхъ скалъ въ Крыму, гл. обр. отъ подмытія ихъ водами. Чрезвычайно огромные кабаны змѣвика и известкового камня въ Алупкѣ Палласъ объясняетъ, какъ результатъ разрушенія огромной скалы, которая была подмыта ручьями и ниспровергнута. Онъ указываетъ на остатки разрушившихся горъ въ другихъ мѣстахъ Крыма и угрожающіе еще паденіемъ. Очень много говоритъ Палласъ объ осѣданіи земли въ Крыму отъ подмытія источниками и дѣйствія морскихъ волнъ. „Лучшій примѣръ, говоритъ онъ, Кучукъ-кой, близъ Кикинеиза. На этомъ мѣстѣ видны теперь два возвышенныхъ утеса, отъ которыхъ отдѣлилась осѣвшая внизъ часть этой долины, и находятся еще отпавшіе отъ слоевъ куски известкового камня, которые упали вмѣстѣ съ паденіемъ рухлыхъ слоевъ. Во время этого явленія природы, въ февралѣ 1786 г., во многихъ мѣ-

стахъ Европы, особенно въ Венгріи, чувствовалось землетрясеніе“. Подобный обвалъ указываетъ онъ и на другомъ концѣ хребта Таврическихъ горъ, между Курузенемъ и Алуштою. Разрушеніе, подобное происшедшему въ Кучукъ-коѣ, слѣды котораго и теперь еще бросаются въ глаза, можетъ произойти, говоритъ Палласъ, и во всѣхъ другихъ частяхъ южнаго берега, и, вѣроятно, оно произошло здѣсь не въ послѣдній разъ. Говоритъ Палласъ объ обвалахъ въ Бельбекской долині (напр. въ Дуванкоѣ въ 1796 г.), слѣды которыхъ видны во многихъ мѣстахъ. Отмѣчаетъ также, что признаковъ вулкановъ въ Крыму нѣтъ.

Подробныя свѣдѣнія сообщаетъ Палласъ о флорѣ Крыма, перечисляетъ растенія Крыма, отмѣчаетъ время ихъ цвѣтенія и т. д. Онъ указываетъ особенности почвы и климата разныхъ мѣстъ Крыма, долинъ, горныхъ цѣпей, степей и пр., сообщаетъ подробныя метеорологическія свѣдѣнія о Крымѣ. Говоритъ онъ и о качествахъ крымскихъ долинъ — Альминской, Качинской, Бельбекской, садахъ, виноградникахъ въ нихъ и выдѣлываемомъ въ нихъ винѣ, а также подробно о природѣ южнаго берега, Судакской долині, Яйлѣ и т. д. Много говоритъ Палласъ о фаунѣ степной части Крыма, о водящихся въ Крыму животныхъ, о морскихъ организмахъ у береговъ Чернаго моря, о минералахъ, обстоятельно говоритъ о крымской соли, о грязевыхъ изверженіяхъ и ключахъ горнаго масла на Тамани и Керченскомъ полуостровѣ и керченскихъ сопкахъ.

Много сдѣлалъ Палласъ, и теоретически и практически, для поднятія садоводства въ Крыму и распространенія здѣсь здоровыхъ понятій о виноградарствѣ и винодѣліи. Онъ первый обратилъ вниманіе на важность разсортировки виноградныхъ лозъ и тщательнаго выбора мѣста для того или другого сорта винограда. Своимъ совѣтомъ Палласъ содѣйствовалъ акклиматизаціи въ Крыму токайскихъ лозъ, выборъ мѣста для посадки которыхъ былъ сдѣланъ неудачно, указавъ на Судакскую долину, какъ на самое пригодное мѣсто для этого сорта винограда. Онъ завѣдывалъ училищами винодѣлія въ Судакѣ и Козахъ и принадлежащими имъ казенными участками земли. Сады его въ Судакѣ, Салгирской землѣ и Калмукарѣ были образцовыми. Онъ обратилъ вниманіе и на овцеводство, имѣлъ довольно значительныя стада крымскихъ овецъ и мериносовъ.

Земледѣліемъ онъ не занимался въ обширныхъ размѣрахъ, такъ какъ у него было мало крѣпостныхъ, да и тѣхъ онъ передалъ дочери, обрабатывать же поля вольнонаемными людьми

было невыгодно. Свои пахатныя земли онъ отдавалъ въ аренду, выговаривая себѣ десятину со всего урожая и два рабочихъ дня въ каждый мѣсяцъ. Онъ самъ управлялъ своими имѣніями, входилъ во всѣ подробности хозяйства, распоряжался работами. По указанію Сонцова, въ числѣ документовъ, представленныхъ г-жею Палласъ въ судъ, находится записка Палласа, написанная по-татарски шулинскому прикащику Дмитрію: „Симъ даю знать: слѣдующую половину сѣна съ луга (когого половина мною предоставлена Селамету) часть мою отдалъ я подателю сего Муслы Худыну, то никому не мѣшать ему сѣна на оной половинѣ выкосить. Отъ эдры 1210 мая, а отъ Р. Хр. 1796 г. Палласъ“. Онъ сознавался Стевену, что занятія хозяйствомъ отвлекали его отъ научныхъ трудовъ. Постояннымъ желаніемъ его было написать полную флору Крыма, для чего онъ собиралъ гербаріи, приготовилъ много рисунковъ, посадилъ въ Шульскомъ саду много характерныхъ растений.

VI.

Вернемся къ жизни Палласа въ Крыму.

По восшествіи на престолъ императора Павла Петровича Палласъ, въ виду вышедшаго распоряженія объ иностранцахъ, просилъ Высочайшаго соизволенія на дальнѣйшее пребываніе свое въ Крыму. На письмо Палласа государь удостоилъ его рескриптомъ отъ 25 марта 1797 г., въ которомъ разрѣшалъ ему жить въ Россіи, гдѣ онъ пожелаетъ, и назначилъ тѣ же денежные оклады, которые получалъ онъ при императрицѣ Екатеринѣ II. Замѣчательны слѣдующія слова этого рескрипта: „Я совершенно увѣренъ, что авторъ „Россійской Флоры“ вездѣ употребитъ свое время на изслѣдованія и открытія, полезныя человѣчеству“. Съ такимъ же благоволеніемъ и уваженіемъ относился къ Палласу и императоръ Александръ Павловичъ.

Первые годы жизни Палласа въ Крыму были покойны, почетны и пріятны. Но со смертію Екатерины II, увольненіемъ кн. Зубова, перемѣщеніемъ Жегулина въ Вѣлорусскую губернію и уходомъ въ отставку Габлица, уѣхавшаго изъ Крыма въ Петербургъ, Палласъ очутился одинокимъ среди чуждыхъ ему людей и даже враждебныхъ. Начались у него земельные процессы съ татарами и сосѣдомъ маіоромъ Чернышевымъ, продолжавшіеся въ теченіе всего пребыванія его въ Крыму, причинившіе ему много непріятностей, отравлявшіе его жизнь.

Навѣщали его въ Крыму ученые и образованные путешественники, и нѣкоторые изъ нихъ говорятъ о немъ въ своихъ сочиненіяхъ. Такъ, въ 1799 году познакомился въ Симферополѣ съ Палласомъ Сумароковъ¹⁾. Побывавъ въ Шулѣ во время второго своего пребыванія въ Крыму, Сумароковъ пишетъ: „Въ Шулѣ, деревнѣ г. Палласа, при концѣ ущелья, идущаго отъ Каралева къ Мангуну, двѣ или три комнаты составляли убогое жилище нашего ученаго, при коемъ не было ни службъ, ни какихъ-либо заведеній, или отличнаго садоводства... Семейство г. Палласа большую часть лѣта въ оной проводятъ“²⁾. Сумароковъ часто упоминаетъ о своихъ бесѣдахъ съ Палласомъ. Такъ, указавъ въ своихъ „Досугахъ“ на то, что онъ видѣлъ въ Херсонесѣ основаніе зданія, окруженное 8-угольною стѣною, съ подземнымъ при немъ ходомъ, въ глубинѣ котораго былъ колодезь съ чистою, прѣсною водою, Сумароковъ дѣлаетъ предположеніе, что „можетъ быть не сей ли колодезь Владиміръ при осадѣ града приказалъ завалить, и можетъ быть не тѣ ли проходы служили проводами воды въ Херсонесъ“, и прибавляетъ: „за сіе свѣдѣніе обязанъ я г. Палласу, которое при моемъ испытаніи нашлось весьма справедливымъ“³⁾.

Болѣе интересныя свѣдѣнія о знакомствѣ съ Палласомъ въ Крыму сообщаетъ извѣстный путешественникъ, профессоръ Кембриджскаго университета Кларке. Онъ говоритъ: „Городъ Акмечетъ надолго останется знаменитымъ, какъ мѣстопробываніе профессора Палласа, этого столь извѣстнаго въ ученѣмъ мірѣ своими многочисленными трудами изслѣдователя. Его слава была бы достаточно упрочена однимъ изданіемъ начатаго имъ сочиненія „Flora Rossica“, но некультурность народа, среди котораго ему приходится жить, такъ велика, что ему не разрѣшаютъ даже окончить это полезное предпріятіе; всѣ рисунки уже готовы, и текстъ почти весь доведенъ до конца. Мы всегда будемъ благодарны этому знаменитому человѣку за оказанное намъ гостепріимство, заботы и помощь, равныя (чтобы не сказать—большія) съ тѣми, которыя мы могли бы встрѣтить въ нашей странѣ. Лишь только мы предъявили ему наши рекомендательныя писяма, какъ онъ принялъ насъ не какъ чужой, а какъ отецъ, подъ покровительство котораго насъ послали. Не желая беспокоить его, мы отказались отъ квартиры въ его

¹⁾ Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 г., стр. 49.

²⁾ Досуги крымскаго судьи, т. II, 182.

³⁾ Тамъ же, стр. 205—206.

домъ, жилищъ, болѣе похожемъ на дворецъ, чѣмъ на домъ простого смертнаго¹⁾). Между тѣмъ, воспользовавшись нашимъ однодневнымъ отсутствіемъ, когда мы отправились въ экскурсію, онъ приказалъ переставить всю мебель, и послѣ нашего возвращенія мы нашли нѣсколько комнатъ, обставленныхъ для нашего помѣщенія со всею желанною изысканностью для умственныхъ занятій и отдыха. Не перестану всю жизнь быть ему за это глубоко признательнымъ.

„Переутомленіе отъ пути, малярія и нездоровое питаніе настолько пошатнули мое здоровье, что меня стала трясти перемежающаяся лихорадка. Однако, благодаря уходу и искусству Палласа, я избѣжалъ неминуемой смерти отъ этой болѣзни. Онъ самъ собственноручно изготовлялъ для меня лѣкарства и заботливо слѣдилъ за моимъ режимомъ. Ухаживая за мною, какъ за своимъ сыномъ, онъ вернулъ мнѣ, наконецъ, здоровье. Послѣ моего выздоровленія онъ собралъ кое-что изъ своихъ коллекцій и преподнесъ намъ въ подарокъ: рисунки, карты, книги, предметы древности, минералы—словомъ, все, что могло имѣть какое-либо отношеніе къ цѣли нашего путешествія. Затѣмъ онъ началъ принимать участіе въ утомительныхъ нашихъ экскурсіяхъ, разыскивая съ нами мѣстныхъ насѣкомыхъ и растенія. Кромѣ того, онъ благоволилъ еще посѣщать съ нами всѣ памятники, могущіе бросить новый свѣтъ на древнюю и новѣйшую исторію полуострова. и если онъ самъ или кто-нибудь изъ его семьи бросить взоръ на это мое сочиненіе, то увидить въ немъ единственно свидѣтельство благодарности, которое мы можемъ преподнести знаменитому Палласу за его безпримѣрное гостепріимство.

„Конецъ жизни Палласа былъ отравленъ многими незаслуженными невзгодами. Онъ ихъ всѣ переносилъ со стоической философіей. Какимъ великолѣпнымъ ни казалось его мѣстопробываніе, но воздухъ въ немъ настолько вреденъ, что абсолютное воздержаніе отъ всякой мясной пищи недостаточно для защиты здѣсь отъ злокачественной лихорадки. Когда мы прощались съ нимъ, онъ высказалъ рѣшеніе посвятить остатокъ своей жизни воздѣлыванію винограда среди горъ на южномъ берегу этого полуострова.

„Мы имѣли нѣкоторое основаніе предполагать, что послѣ смерти императора Павла такой человѣкъ, какъ Палласъ, столь знаменитый, получить, наконецъ, какія-нибудь почести, награды.

¹⁾ Здѣсь Кларке говорить, вѣроятно, о городскомъ домѣ Палласа въ Симферополѣ.

Между тѣмъ путешественники, вернушіеся послѣ насъ въ Англію изъ Россіи, не привезли намъ относительно этого никакихъ свѣдѣній. Когда императрица Екатерина II отпустила Палласа на жительство въ Крымъ, пожаловавъ ему земли на этомъ полуостровѣ, то возстановленіе его здоровья служило мотивомъ, коимъ украшена была высочайшая воля вознаградить ученаго за его долгую службу. Между тѣмъ ни то ни другое изъ этихъ благихъ намѣреній не было исполнено; просторное помѣщеніе, непрерывно подверженное болотной лихорадкѣ, вотъ все, что удалось ему получить. Оттого мы видимъ теперь этого человѣка на семидесятомъ году жизни, всецѣло посвященной наукѣ, приступающимъ къ послѣднему своему труду съ намекомъ на „тревоги и страданія, изнуряющія его въ нынѣшнемъ мѣстѣ жительства и наполняющія горечью послѣдніе дни его жизни“¹⁾. Мы дѣлали всевозможныя усилія уговорить его покинуть эту страну и сопровождать насъ въ Англію, но преклонный возрастъ его и опасеніе потерять все свое имущество въ Россіи заставили его отказаться отъ нашего предложенія.

„Мы были свидѣтелями свадьбы его дочери съ офицеромъ нѣмцемъ; вѣнчаніе совершено было по обрядамъ православной церкви. Онъ, такимъ образомъ, почувствовалъ себя свободнымъ отъ всѣхъ связей, привязавшихъ его къ этой странѣ, и мы имѣли уже нѣкоторое основаніе надѣяться на его согласіе принять наши предложенія. Согласившись на это, Палласъ получилъ бы возможность продлить свою жизнь и довести изданіе своихъ сочиненій до конца. Наши настоятельныя мольбы не имѣли однако никакого успѣха“²⁾.

Въ словахъ Кларка много преувеличеній и тенденціозности, въ нихъ сказывается присущее ему враждебное, злобное отношеніе къ Россіи, но въ нихъ отражается и личность Палласа, его характеръ, и указаны тѣ непріятности и страданія, которыя отравляли пребываніе его въ Крыму. Они вытекали изъ неопредѣленности въ то время землевладѣнія въ Крыму и связанныхъ съ этимъ обстоятельствомъ земельныхъ споровъ и тяжбъ. Остановимся подробнѣе на этомъ моментѣ въ жизни Палласа.

¹⁾ Предисловіе къ путешествію его по южной Россіи, т. II.

²⁾ Clarke, Edw. Ban. Travels in various countries of Europe, Asia and Africa. T. III.

VII.

Пребываніе Палласа въ Крыму было временемъ безконечныхъ земельныхъ споровъ и процессовъ въ этомъ краѣ. Новороссійскій генераль-губернаторъ Михельсонъ въ донесеніи своемъ Оболянинову писалъ, что корень поземельныхъ тяжбъ въ Крыму заключался, во-первыхъ, въ томъ, что многіе татары-поселяне остались безъ земли по причинѣ раздачи ихъ земель въ качествѣ пустопорожнихъ, и, во-вторыхъ, въ томъ, что отношенія новыхъ владѣльцевъ къ жившимъ въ предѣлахъ ихъ имѣній татарамъ-поселянамъ стали неблагопріятны, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже прямо враждебны, такъ какъ новые помѣщики желали, чтобы они вмѣсто крестьянъ имъ служили¹⁾.

Членъ второй комиссіи по разбору земельныхъ споровъ Сумароковъ признавалъ раздачу земель въ Крыму неосмотрительной. „Оныя (земли) вмѣсто небольшихъ участковъ полезнымъ поселянамъ назначались тысячами десятинъ или боярамъ, оставившимъ ихъ безъ вниманія, или неизвѣстнымъ пришельцамъ, невѣдающимъ домостроительства и лишеннымъ всякихъ средствъ. Уполномоченные чиновники, вопреки предписаніямъ, отводили не то, что слѣдовало, а новые помѣщики получали ненадежныя удостовѣренія на свои пріобрѣтенія. Всякій остался въ сомнѣніи, никто не приступилъ къ обзаведеніямъ, родились тяжбы, разборы, — и вотъ нынѣшнее положеніе Крыма“²⁾.

Эта печальная картина новаго землевладѣнія въ Крыму вполне сказала и въ процессахъ Палласа.

Отведенная Палласу земля въ Шульской долинѣ входила въ составъ земель при деревняхъ Мармара, Шулю и Айтодоръ, оставшихся послѣ выведенныхъ въ Маріуполь грековъ и вышедшихъ въ Турцію татаръ. Эти земли, признанныя казенными, были описаны и состояли подъ присмотромъ членовъ казенной экспедиціи Караценова и Хамить-аги, бывшаго сборщикомъ при Шагинъ-Гирѣѣ. По „описанію нѣсколькихъ дачъ, назначенныхъ къ отводу разнымъ особамъ изъ состоящихъ въ Таврической области земель, составленному въ 1785 г. и хранящемуся въ Московскомъ отдѣлѣ архива главнаго штаба³⁾), между прочимъ Шульской дачи, видно, что въ деревняхъ этихъ

¹⁾ Лашковъ, Ѳ. Историческій очеркъ Крымско-татарскаго землевладѣнія. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи, № 24, стр. 62.

²⁾ Досуги крымскаго судьи. Т. I, стр. 161.

³⁾ Напечатано въ Извѣстіяхъ Таврической Ученой Архивной Комиссіи, № 19.

дачь жило значительное число простых татаръ, владѣвшихъ землей въ этихъ дачахъ. Большая часть земли принадлежала казнѣ, перейдя отъ вышедшихъ за границу татаръ и грековъ, отчасти частнымъ лицамъ, напр. англичанину Рейхсу. Татарамъ принадлежали, какъ видно изъ описи, при Айтодорѣ и Шули „огороженные пашни и сѣнокосныя мѣста“, находившіяся каждое отдѣльно. Въ 1789 году часть этихъ земель и угодій, именно при д. Мармора, была отдана губернаторомъ Жегулинымъ штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ греческаго пѣхотнаго баталіона для водворенія ихъ здѣсь, а земли при дд. Шульѣ и Айтодорѣ въ 1794 г. были переданы въ вѣдомство Таврической казенной палаты, а ею сданы на откупъ симферопольскому купцу Куртъ Сеитъ Челеби на четыре года изъ платы въ казну оброка за д. Шулю по 76 р., а за д. Айтодоръ по 10 р. въ годъ.

Получивъ во владѣніе земли при д. Шулю, Палласъ подалъ прошеніе Зубову о томъ, что, по полученнымъ имъ извѣстіямъ, будто бы лучшими участками пожалованной ему Шульской долины, именно землями, оставшимися послѣ грековъ, вышедшихъ изъ сел. Марморя, завладѣли балаклавскіе албанцы, и чрезъ то въ Шульскомъ владѣніи остается не болѣе 60 десятинъ удобной земли и нѣсколько садовъ, безъ лѣса и луговъ, такъ что этой земли недостаточно будетъ для самаго умѣреннаго домоводства, и просилъ, чтобы албанцамъ въ замѣну селенія Марморя была отведена другая земля по Шульской долины, или ему прирѣзано было соотвѣтствующее количество лѣсныхъ угодій и луговъ, лежащихъ вблизи, а также возвращена была къ той же Шульской долины та часть, которая безъ всякаго права занята маіоромъ Чернышевымъ. Съ своей стороны, губернаторъ Жегулинъ рапортами отъ 11-го и 24-го сентября 1795 г. доносилъ Зубову, что вице-губернаторъ Габлицъ, по довѣренности Палласа, найдя землю Шулю по малости ея недостаточною для хлѣбопашества, сѣнокоса и др. хозяйственныхъ потребностей, просилъ, чтобы къ этой округѣ были присоединены земли округи д. Айтодоръ, такъ какъ эти земли несравненно выгоднѣе для Палласа, нежели при д. Мармара, которыя отданы чинамъ, служащимъ въ греческомъ полку съ 1790 г., и испрашивалъ на это повелѣнія, при чемъ представилъ кн. Зубову и карту съ описаніемъ земель обѣихъ деревень. На это князь Зубовъ ордеромъ отъ 12 марта 1796 г. предписалъ Жегулину „земли, въ округѣ деревни Айтодоръ состоящія, ежели онѣ лежатъ впустѣ и обще съ тою, которая

въ Шульской долині назначена Палласу, отвести ему, отдавъ ему и ту часть, которою, по заявленію его, завладѣлъ майоръ Чернышовъ, если тотъ на право своего владѣнія не представитъ законныхъ доказательствъ, и *сдѣлать Палласу совершенное удовлетвореніе такимъ образомъ, чтобы онъ воспользовался въ полной мѣрѣ пожалованною ему Ея Императорскимъ Величествомъ милостію*“.

14-го декабря 1795 г. Жегулинъ писалъ кн. Zubову, что Палласъ ожидаетъ увѣдомленія отъ екатеринославскаго губернатора Хорвата о людяхъ, коихъ князь далъ ему для поселенія на всемилостивѣйше пожалованной ему землѣ.

Желая исполнить осуществитъ предложеніе кн. Zubова, Жегулинъ въ маѣ и ноябрѣ 1796 г. назначилъ къ отдачѣ и отмежеванію Палласу не одну пожалованную ему казенную землю при с. Шулю, на р. Айтодоръ, съ угодіями, но и всѣ казенныя земли, въ округахъ дд. Шулю, Айтодоръ и Мармара, въ томъ числѣ и 27 участковъ, принадлежавшихъ ранѣе вышедшимъ въ Турцію татарамъ, отданныхъ въ 1789 г. чинамъ греческаго пѣхотнаго баталіона и доставшіяся майору Чернышеву по куплѣ отъ разныхъ лицъ, — въ общую округу деревень Айтодоръ и Шулю, съ присоединеніемъ и купленныхъ Палласомъ 27 октября 1796 г. у с.с. казнадара Мегметъ-аги въ урочищѣ Каракоба и 28 ноября у Арсланши мурзы при д. Мармара пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель съ лѣснымъ кустарникомъ. Объ отмежеваніи всей этой земли Палласу „со всевозможнымъ поспѣшеніемъ“ Жегулинъ далъ предписаніе областному землемѣру Колчигину, при чемъ препроводилъ къ нему и два проекта отмежеванія этой земли. Вслѣдствіе этихъ указаній уѣздный землемѣръ Бовчевскій, при бытности земскаго исправника и областного земскихъ дѣлъ стряпчаго, въ предупрежденіе „всякихъ несправедливыхъ препятствій со стороны Чернышева“, отмежевалъ во владѣніе Палласа 3184 дес. 2037 саж., въ томъ числѣ 1299 дес. строевого и дровяного лѣса, въ одну округу деревень Шули и Айтодоръ, подъ названіемъ дачи *Петровской*.

Татары принуждены были покориться и обязались выставять ежемѣсячно съ cadaго двора по два работника Палласу и платить ему десятину, но подписать планы и межевыя книги не согласились. Чернышевъ же, имѣвшій формальное доказательство только на владѣніе однимъ своимъ участкомъ, вслѣдствіе чего и его земли были отрѣзаны Палласу, тутъ же, при самомъ межеваніи, предъявилъ споръ.

Затѣмъ татары—казенные поселяне дд. Шули, Айтодоръ, Кучки, Уппу и Узеньбашъ и маіоръ Чернышевъ объявили споръ, состоявшій въ томъ, что Бовчевскій отмежевалъ во владѣніе Палласа и собственныя ихъ земли, сады и лѣса, доставшіеся татарамъ по наслѣдству отъ предковъ, а Чернышеву покупкой отъ разныхъ лицъ.

Дѣло это поступило къ разбору въ Акмечетскій уѣздный судъ въ 1797 г., но Палласъ, до окончанія спора, вступилъ во владѣніе отмежеванными ему Бовчевскимъ землями и угодіями и требовалъ отъ татаръ исполненія повинностей.

Уѣздный судъ въ рѣшеніи своемъ отъ 23 іюня 1798 года установилъ, что землемѣръ Бовчевскій произвелъ межеваніе неправильно, безъ соблюденія законныхъ правилъ и не принявъ во вниманіе спора съ Палласомъ татаръ и Чернышева, и опредѣлилъ межеваніе его отмѣнить и произвести его вновь по дачамъ и крѣпостямъ, а до того времени отмежеванныя въ Петровскую дачу земли и угодья, за исключеніемъ доставшихся Палласу по купчимъ и другимъ законнымъ укрѣпленіямъ, на кои не было спора, оставить за прежними владѣльцами и въ казенномъ вѣдомствѣ въ такомъ положеніи, въ какомъ они находились до отмѣненнаго межеванія.

20 января 1797 г., когда Таврическая область была уже уничтожена и присоединена къ Новороссійской губерніи, Жегулинъ увѣдомилъ нижній земскій судъ, что, во исполненіе Высочайшаго указа императрицы Екатерины II, кн. Зубовымъ дано ему знать, что г. Палласу на водвореніе въ Тавридъ на отведенныхъ ему земляхъ всемилоостивѣйше пожаловало изъ казенныхъ поселянъ Вознесенскаго намѣстничества 20 семей въ вѣчное потомственное владѣніе, и эти поселяне препровождены въ область Таврическую и состоятъ во владѣніи Палласа, почему онъ (Жегулинъ) предлагалъ суду вписать этихъ поселянъ въ ревизскую сказку за Палласомъ „подданными владѣльческими крестьянами“, при чемъ препроводилъ въ судъ и именной списокъ ихъ, въ которомъ показано 43 д. мужеск. пола и 33 д. женск. пола. На запросъ же коммисіи о земельныхъ спорахъ симферопольское уѣздное казначейство отвѣчало, что за Палласомъ при д. Шули состоитъ въ подушномъ окладѣ малороссійскихъ крестьянъ только 34 души.

Терзаемый процессомъ, Палласъ въ 1798 г. подалъ на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что удостоенъ былъ покойной императрицей пожалованіемъ въ вѣчное и потомственное владѣніе въ Крыму земли при д. Шули, лежащей

по рѣчкѣ Айтодоръ, съ садами, лѣсомъ и другими угодіями; но такъ какъ эта дача, по невыгодному ея положенію, оказалась весьма скудною, то по его просьбѣ и „въ сходство высокомонаршей воли“ представлено было бывшимъ губернаторомъ Жегулинымъ къ бывшему же генералъ-губернатору кн. Зубову о присоединеніи къ той дачѣ округи деревни Айтодоръ, при чемъ и снятый съ этой послѣдней округи планъ къ нему былъ препровожденъ, на что хотя и послѣдовало отъ кн. Зубова предписаніе объ удовлетвореніи его, Палласа, въ полной мѣрѣ высокомонаршею милостію округой Айтодоръ, если она лежитъ впускъ, которою онъ не малое время безспорно и пользовался, но уже послѣ происшедшаго отмежеванія по претензіямъ живущихъ тамъ татаръ произведено было слѣдствіе въ Акмечетскомъ судѣ въ ихъ пользу и подъ предлогомъ неважности предписаній князя Зубова и сомнѣнія о существованіи высочайшаго повелѣнія, даннаго Зубову о присоединеніи означенной округи Айтодоръ Палласу, вслѣдствіе чего онъ остается почти вовсе лишеннымъ высокомонаршихъ щедротъ.

Императоръ Павелъ поручилъ разсмотрѣніе этой просьбы генералъ-прокурору П. В. Лопухину, а тотъ 31 августа 1798 г. поручилъ разслѣдовать это дѣло Новороссійскому губернатору т. с. Ив. Як. Селецкому и удовлетворить Палласа, если онъ по существу дѣла заслуживаетъ этого.

Новороссійское губернское правленіе на запросъ Селецкаго увѣдомило его 29 ноября 1798 г., что вслѣдствіе прошедшаго при межеваніи Палласу земли въ Шульской долины и въ округѣ д. Айтодоръ спора отъ казенныхъ татаръ пяти деревень, Акмечетскій уѣздный судъ производилъ дѣло и учинилъ рѣшеніе, на которое Палласъ выразилъ свое неудовольствіе, почему дѣло это должно поступить на ревизію въ Палату суда и расправы. Къ этому былъ приложенъ рапортъ Акмечетскаго уѣзднаго суда отъ 5 августа 1798 г. съ изложеніемъ дѣла Палласа и ослушности татаръ при межеваніи Палласу земли, за что они нижнимъ земскимъ судомъ взяты подъ стражу и преданы суду уѣзднаго суда, который разбиралъ дѣло на основаніи указа изъ Новороссійскаго губернскаго правленія отъ 27 августа 1797 года, въ виду отношеній генерала отъ инфантеріи графа М. В. Каховскаго и б. Таврическаго областного правленія.

Изъ слѣдствія, произведеннаго уѣзднымъ судомъ, оказалось слѣдующее. Уѣздный землемѣръ прапорщикъ Бовчевскій, по предписанію б. Таврическаго областного правленія и Жегу-

лина откомандированный къ отмежеванію Палласу дачи въ Шульской долины и въ округѣ дер. Айтодоръ, хотя производилъ межеваніе по просьбѣ Габлица и Жегулина, на основаніи показанныхъ татарами же межъ и проськъ, показанныхъ ими въ 1795 г. и при бытности засѣдателя нижняго земскаго суда Арсланъ бека мурзы, якобы для предохраненія правъ казенныхъ поселянъ, и въ присутствіи старожилыхъ, выбранныхъ изъ 5 деревень Айтодорской округи, но не соблюлъ всѣхъ нужныхъ при межеваніи правилъ и формальностей. Во время составленія акта межеванія, вмѣсто 11 выборныхъ татарами старожилыхъ людей, ввалилась во дворъ, гдѣ находился совѣтъ не по должности капитанъ-исправникъ Адиль мурза, толпа татаръ до 50 человѣкъ „съ великимъ шумомъ и немалымъ азартомъ“, говоря, что они плана подписывать не будутъ, такъ какъ отмежеванныя Палласу земли ихъ общественныя. Исправникъ, видя ихъ худое намѣреніе, требовалъ чрезъ своего человѣка 10 человѣкъ старѣйшихъ къ себѣ въ горницу съ цѣлю ихъ уговорить; но, они, прогнавъ его, сказали, что никто къ нему не пойдетъ, и никому идти къ нему они не позволяютъ. Тогда исправникъ самъ вышелъ къ нимъ во дворъ и началъ ихъ уговаривать, но вдругъ нѣсколько человѣкъ татаръ, схвативъ его за грудь, начали его бить по щекамъ и кулаками по бокамъ, и если бы бывшій при немъ переводчикъ капитанъ Мулла Али не вырвалъ его изъ ихъ рукъ, то лишили бы его жизни. Объ этомъ бунтѣ исправникъ и землемѣръ донесли областному правленію. Послѣднее потребовало отъ командовавшаго войсками графа М. В. Каховскаго отрядить воинскую команду въ означенныя деревни, и наряжены были особыя лица для производства слѣдствія. Но Каховскій не нашелъ требованія областного правленія правильнымъ и отправилъ только въ Айтодоръ и Шули одного штабъ и двухъ оберъ-офицеровъ для выясненія происшествія, которые не замѣтили среди татаръ ни малѣйшаго непослушанія или неповиновенія, но, въ виду дерзостныхъ поступковъ татаръ съ исправникомъ, взяли пять человѣкъ изъ дер. Шули и Айтодора и особо зачинщика — муэззина Агметку и представили въ колодкахъ въ областное правленіе, а оттуда въ уѣздный судъ. Они не признали себя виновными, но заявили что въ 1796 г. они принуждены были насильно, угрозами и побоями, исправникомъ съ бывшими съ нимъ чинами „обводить границы общей земли 5 деревень, какъ ему и землемѣру было угодно, а потомъ имъ объявили, что вся та округа по Высочайшему повелѣнію отведена Палласу,

и они принуждены были земским исправникомъ дать подписку исполнять обязательства Палласу за безпрепятственное пользованіе земель, именно, отъ cadaго двора давать ему ежемѣсячно по два работника, *что исполняли до полученія свидѣнія о послѣдовавшемъ отъ высокомонаршей власти разрѣшенія на безпрепятственное пользованіе всѣмъ татарамъ своимъ недвижимымъ имѣніемъ, а тогда отъ того отказались.* Затѣмъ они были неоднократно понуждаемы къ подписи сдѣланнаго на ту дачу плана, *но какъ они явное доказательство имѣютъ, что всѣмъ татарамъ собственностью пользоваться дозволено, а въ помянутой дачѣ вся земля пяти показанныхъ деревень жителямъ нераздѣльно принадлежала, то они, не желая добровольно лишиться собственности, условились не подписывать плана ни подъ какимъ видомъ, и когда пріѣхалъ исправникъ и потребовалъ по два человѣка съ каждой деревни для подписи плана, они отвѣтили, что въ хату не войдутъ, а если у него есть нужное къ нимъ, извоилъ бы самъ исправникъ выйти во дворъ и вслухъ всѣмъ объявить, за что Адиль мурза, ожесточась, вышелъ во дворъ, схватилъ татарина Абди за бороду и билъ по щекамъ и прочимъ мѣстамъ, но остановленъ переводчикомъ, самого же его никто не билъ и никто къ нему не прикасался. Рассмотрѣвъ показанія свидѣтелей, судъ пришелъ къ заключенію, согласному съ мнѣніемъ гр. Каховскаго и Екатеринославскаго военнаго губернатора Бердяева, что обвиненія татаръ неосновательны, что къ межеванію они были принуждаемы насиліемъ и притѣсненіемъ къ лишенію ихъ права, и что имъ безвинно приченены волокиты и убытокъ, и затрудненія главнаго начальства и присутственныхъ мѣстъ, въ то время какъ слѣдовало силою межевыхъ узаконеній учинить разборъ происходящаго спора одною кротостію и правосудіемъ.*

Что касается показаній Палласа, то онъ указывалъ на высочайшее пожалованіе ему земли въ Шулю, по р. Айтодоръ, съ угодіями и съ апробаціею покойной государыни повелѣніе, согласно представленію Жегулина Зубову, присоединить и округу д. Айтодоръ, почему онъ, Палласъ, приступилъ ко владѣнію ихъ и, скупивъ другіе участки, лежавшіе между ними, отъ разныхъ татаръ и другихъ лицъ, при обмежеваніи ихъ взялъ съ татаръ, по доброй ихъ волѣ, въ годовой срокъ на природномъ ихъ языкѣ обязательство, что они, всѣ безъ исключенія, въ каждый мѣсяцъ будутъ ему работать два дня и давать десятину со всего урожая. Но отъ этой работы и дачи десятины въ половинѣ назначеннаго срока они отказались, объясняя сверхъ

того, что Палласъ въ той дачѣ рубилъ лѣсъ и взялъ по подряду заготовить для черноморскаго флота сажнями дрова, которыя хотя по воспрепятствованію также остались на мѣстѣ, но потомъ были возвращены Палласу особо отряженными чиновниками.

Изъ представленныхъ Палласомъ документовъ: 2-хъ предписаній князя Зубова въ копіяхъ, судъ усмотрѣлъ, что ему всемилостивѣйше пожалована была земля, называемая Шуля, лежащая при р. Айтодоръ, съ садами, мельницею и прочими угодьями, а не деревня, какую онъ, Палласъ, именуетъ, и велѣно ему эту землю отмежевать на законномъ основаніи. Въ уваженіе же представленія Жегулина, о недостаткѣ пожалованной въ Шульской долинь земли, велѣно Зубовымъ отвести ему и земли, въ округѣ деревни Айтодоръ состоящія, и открытыми листами Жегулина было ему дозволено владѣть этими землями до формальнаго ихъ отмежеванія. Но на отводъ земли Палласу въ Айтодорской округѣ всемилостивѣйшаго повелѣніи не было изображено, а въ предписаніи Зубова сказано было отвести земли въ округѣ д. Айтодоръ, *если оны лежатъ впускъ, обще съ тою, которая отдана была ему въ Шульской долинь*; но на этихъ земляхъ находились 5 деревень во владѣніи казенныхъ поселянъ татаръ, которые не были переданы Палласу, и положенная по межевой инструкціи имъ пропорція земли не была выдѣлена и передана Палласу, при чемъ отмежеваны были ему собственные ихъ, по наслѣдству доставшіеся имъ участки. Такимъ образомъ казенные поселяне были привлечены въ подданство Палласу, и онъ употреблялъ ихъ на свои работы, собиралъ съ нихъ десятину, рубилъ лѣсъ и пр., и пользовался землею, не имѣя еще настоящаго утвержденія за собою этой дачи. Между тѣмъ высочайшими именными указами 19 октября 1794 г. и 17 сентября 1796 г. дозволено въ здѣшнемъ краю татарамъ каждому владѣть своею собственностью, а неправильно взятое возратить настоящему хозяину.

Маіоръ Чернышевъ жаловался, что Палласу были отмежеваны его собственные земли, пріобрѣтенныя покупкой. Татары и онъ просили о возвращеніи имъ ихъ собственности и уничтоженіи межи, а первые и объ отмѣнѣ налоговъ и удовлетвореніи за произведенную Палласу работу.

Рѣшеніемъ Акмечетскаго уѣзднаго суда 23 іюня 1797 г. приговорено: „межеваніе Бовчевскаго, какъ неправильное, отставить и сдѣлать новое межеваніе по дачамъ и крѣпостямъ, и поколѣ дача, прописанная за Палласомъ, формальнымъ закон-

нымъ порядкомъ не будетъ отмежевана, отмежеванныя до сего въ оную дачу земли и угодія, кромѣ доставшихся ему по купчей и другимъ законнымъ укрѣпленіямъ, на кои нынѣ спора не имѣется, оставить за прежними владѣльцами и въ казенномъ вѣдомствѣ въ такомъ положеніи, какъ они до означеннаго межеванія находились; преданныхъ же по сему дѣлу суду татаръ за невиновностью освободить и о причиненномъ имъ притѣсненіи донести Новороссійскому губернскому правленію на благоразсмотрѣніе; предоставить татарамъ право войти съ ходатайствомъ объ убыткахъ и уплатѣ за работы Палласу законнымъ порядкомъ". На это рѣшеніе Палласъ подписалъ свое неудовольствіе.

Селецкій увѣдомилъ Палласа о ходѣ его дѣла, и 22 октября 1798 г. Палласъ обратился къ нему со слѣдующимъ замѣчательнымъ письмомъ:

„Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь. Почтеннѣйше Вашего Высокопревосходительства письмо со вложенною въ него генераль-прокурорскаго повелѣнія копіею сего октября 15-го числа я имѣлъ удовольствіе получить. Милостивое ваше ко мнѣ благоволеніе и отличное расположеніе въ предпріятіи для пользы моей съ точною справедливостію сопряженнаго о дѣлѣ моемъ изслѣдованія не токмо оживляютъ духъ мой новымъ восторгомъ радости, но какъ бы, по предчувствованію моему, и ограждаютъ отъ стороны злобныхъ сердецъ, не терпящихъ бытія честныхъ людей, и доставляютъ напередъ душѣ моей спокойствіе тѣмъ паче, что не по долгу каковой либо ко мнѣ привязанности, но честностію души по правиламъ здраваго разсудка предпринимаете Ваше Высокопревосходительство вывести наружу скрывавшееся до сего времени у всѣхъ недоумѣніе и открыть въ ономъ прямую истину. Слѣдственно, будучи я теперь такъ много обезпеченъ вашимъ съ хорошей стороны обнадеживаніемъ, не долженъ болѣе уже бороться я мысленно въ душѣ моей съ противостателями провосудію, а остаться съ большимъ моимъ равнодушіемъ; и потому, не находя болѣе что-либо вновь сообщить Вашему Высокопревосходительству, кромѣ одной всегдашней моей благодарности и дальней приверженности, ибо существо дѣла моего свѣдомо, помѣщаю нѣчто здѣсь для любопытства В. Выс-ства о первоначальномъ спорѣ, вышедшемъ отъ татаръ на оное, и вотъ отъ чего послѣдовалъ!

„Назадъ тому два года во время бытности бывшаго здѣшняго дворянскаго предводителя Мегметъ-бея Ширинскаго въ

Санктпетербургѣ, выходилъ для него случай быть при лицезрѣніи высокомонаршаго лица блаженной памяти Государыни Императрицы. По многимъ его просьбамъ и по предстательствамъ за нѣсколько мурзъ, его родственниковъ, осмѣлился утруждать всеавгустѣйшую особу о возвращеніи, подъ предлогомъ якобы то взятыхъ въ казенное вѣдомство земель и имъ будто бы изстари принадлежащихъ, скрывая при томъ, что оныя земли съ давняго времени поступили уже въ раздачу другимъ помѣщикамъ, высокомонаршимъ пожалованіемъ въ ихъ личную пользу. Государыня Императрица, снисходя на его просьбу, высочайше повелѣтъ соизволила партикулярно утвердить за его родственниками тѣ земли, кои однакожъ въ недавнемъ времени Высочайшимъ Государя Императора указомъ отобранны назадъ отъ сихъ послѣднихъ и обращены первымъ попрежнему во владѣніе. Таковое всемилостивѣйшее благоволеніе Высокомонаршей воли покойной Государыни къ предводителю Ширинскому преподало мысль и бывшему въ правленіи здѣшной области первому присутствующему Іосифу Ивановичу Хорвату во время бытія его въ 1796 г. въ Крыму, по принятіи многихъ прозъбъ отъ татаръ изъ какихъ-то частныхъ причинъ, распространить, соображаясь сему случаю, свое мнѣніе распубликованіемъ приложеннаго здѣсь въ копіи указа о возвращеніи нѣкоторымъ татарамъ собственности и о утвержденіи ихъ имущества по представленію отъ нихъ ясныхъ документовъ безспорнымъ образомъ, что и подало явную причину всѣмъ имъ ко всякому лживому предначинанію, тѣмъ болѣе, что по раздачѣ во всѣ мѣста на турецкомъ діалектѣ какихъ-то листовъ, именуемыхъ рескриптомъ, за большія деньги, появилось немалое число сумазбродныхъ просителей, а къ нимъ уже вскорѣ присоединились алчные корыстолюбцы и за реформою оставшіеся ябедники. Вдругъ очутились кучи нелѣпыхъ просьбъ; суды скоро оными обогатились, и судьи, по слабости здоровья главнокомандующаго, предоставили чинить по дѣламъ разбирательство ихъ письмоводителямъ, кои не внемлютъ истинному сознанію мнимыхъ помѣстевъ искателей. добровольно открывающихъ путь къ пресѣченію ихъ вздоровъ. что усмотрѣтъ изволите изъ особо прилагаемой здѣсь ремарки. И такъ, правосудіе въ другомъ уже видѣ со времени уничтоженія бывшей области показалось: невинные, не находя онаго, страждутъ, а просители нелѣпостей съ ихъ ябедниками, очищавшими ихъ карманы, торжествуютъ. Сихъ послѣднихъ исчислять много потребно времени. И такъ, опуская другихъ, я

выставляю изъ нихъ здѣсь одного, такъ какъ главнаго къ сему побужденію татаръ предводителя, въ сосѣдствѣ съ моею дачей живущаго отставнаго секундъ-маіора Чернышева, по его ремеслу всей Тавридѣ извѣстнаго ябедника, судамъ и начальствующимъ оными перваго послушника. Онъ научаетъ такого рода просителей къ начинанію дѣлъ, требующихъ достаточныхъ свѣдѣній, о коихъ едва и самъ слабое имѣетъ понятіе, возстаютъ противъ общей тишины и спокойствія, склоняя ихъ къ тому сею виною, что будто Государь Императоръ утверждаетъ всѣ безъ изъятія земли за ними. По поводу чего въ самомъ дѣлѣ вздумали бѣдняки сіи Байдарскую долину, принадлежащую Николаю Семеновичу Мордвинову, также и мою дачу нерезоннымъ образомъ присвоивать себѣ, хотя притомъ сами же они неоднократно предъ уѣзднымъ судомъ показали, что до сего времени никакого на земли и лѣса, состоявшія прежде присоединенія Крыма къ Россійской Державѣ въ султанскомъ, а не ханскомъ распоряженіи, права не имѣли, о чемъ и всѣ здѣшніе мурзы подтвердятъ съ клятвою единогласно. Кромѣ сего, онъ же, Чернышевъ, и въ другомъ случаѣ оказываетъ геройскіе свои подвиги, отъ коихъ едва только спастися могъ живущій на дачѣ моеи Шули прикащикъ, о чемъ по поданной отъ сего послѣдняго явкѣ нижній земскій судъ не безызвѣстенъ. Вотъ начало всего происшествія татарскихъ просьбъ и всѣхъ по нихъ встрѣчающихся неудовольствъ для россійскихъ помѣщиковъ!

Для отраженія таковыхъ зловредныхъ кощунствъ и пресѣченія дальняго пути къ излишнимъ ябедамъ, всѣ здѣшніе россійскіе помѣщики просятъ чрезъ меня Ваше Высокопревосходительство и между тѣмъ твердо уповаютъ на правосудіе Ваше, что, конечно, не по долгу, но изъ челоуколюбія не преминете доставить всѣмъ намъ защиту и душевное спокойствіе, чѣмъ самимъ одолжите всѣхъ вообще вѣчною благодарностію, а меня наиболѣе всѣхъ оною. Затѣмъ съ истиннымъ моимъ высокопочитаніемъ и таковою же душевною преданностію навсегда пребыть честь имѣю Ваше Высокопревосходительства, М. Г.,

„всепокорнѣйшій слуга

Петръ Палласъ“.

Къ этому письму Палласъ приложилъ слѣдующіе два документа.

1. Объясненіе по поводу рѣшенія его дѣла съ татарами въ Акмечетскомъ судѣ:

„По произведенному въ здѣшнемъ уѣздномъ судѣ дѣлу объ оспариваніи татарами Высочайше пожалованной мнѣ округи Айтодоръ въ присоединеніе (къ) Шульской изъ рѣшенія того суда явствуетъ, что по двоекратномъ обмежеваніи моей дачи отъ стороны претендателей никакого спору не выходило, но что судъ вяжется и поставляетъ въ винность землемѣру, для чего онъ при второмъ формальномъ обмежеваніи велѣлевой журналъ не такъ, якобы порядочной; мысль сія уничтожается тѣмъ, что первая межа дачи, при бывшемъ здѣшнемъ вице-губернаторѣ Габлицѣ и въ присутствіи самого графа М. В. Каховскаго сдѣланная, во удовлетвореніе всѣхъ сосѣднихъ деревень, апробована блаженной памяти Государынею, по коей и второй разъ пройдено формально безъ всякаго отъ жителей прекословія. Сверхъ того слишкомъ прошло полтора года безъ всякихъ со стороны ихъ начинаній по сему оспариванію. Что жъ до окончанія плановъ и межевыхъ книгъ, оныя давно уже землемѣромъ окончены, и нѣкоторые помѣщики на оныхъ подписались, а остановлены вдаль къ подпискѣ помянутымъ маіоромъ Чернышевымъ въ то время, когда призывали татаръ также къ подпискѣ для ихъ же собственной пользы, ибо въ планѣ собственные ихъ сады, пашни, сѣнокосныя огороды съ лучшимъ дровянымъ и строевымъ лѣсомъ означены; онъ имъ запретилъ сіе дѣлать, и между тѣмъ сдѣлался за нихъ послѣходатаемъ; отъ того и происходила въ здѣшнемъ уѣздномъ судѣ у меня тяжба съ ними“.

2. Копія указа Таврическаго областного правленія симферопольскому нижнему земскому суду.

„По указу Ея Императорскаго Величества въ семъ правленіи, по предложенію господина генераль-поручика, перваго присутствующаго въ правленіяхъ Вознесенскомъ намѣстническомъ и Таврическомъ областномъ, правителя Екатеринославскаго намѣстничества и разныхъ орденовъ кавалера Іосифа Ивановича Хорвата, въ коемъ прописываетъ: въ проѣздъ его чрезъ Тавриду многіе изъ татаръ, живущихъ въ деревняхъ, подали ему, господину порутчику и кавалеру, жалобы, что нѣкоторые помѣщики изъ російскихъ чиновниковъ, коимъ внутри Тавриды розданы сады, лѣса и земли изъ числа поступившихъ въ казенное вѣдомство отъ выѣхавшихъ за границу татаръ или переведенныхъ въ Екатеринославскую губернію грековъ и армянъ и другихъ, казнѣ и нечастно (sic) кому-либо принадлежащихъ земель, состоящія въ черезполосномъ владѣніи съ древними сея земли жителями-татарами, оставшимися

въ вѣчномъ подданствѣ подъ всероссійскою Ея Императорскаго Величества державою и имѣющими собственные свои сады, лѣса и земли, дошедшіе къ нимъ по наслѣдству отъ ихъ предковъ, почитая ихъ въ видѣ своихъ крестьянъ или подданныхъ, а потому и недвижимыя ихъ имѣнія себѣ принадлежащими, берутъ по древнему въ Тавридѣ введенію (sic) изъ хлѣба и другихъ продуктовъ десятую часть отъ годового ихъ дохода, а буде изъ нихъ кто татаръ по основанію указа Правительствующаго Сената, 1794 г. ноября въ 9 день съ Высочайшей именной Ея Императорскаго Величества конфирмаціи въ Таврическое областное правленіе послѣдовавшаго, почитая собственность свою принадлежностію самому себѣ, отдачи десятинной части продуктовъ своихъ совмѣстному и чрезполосному съ ними владѣльцу отрывается, таковыхъ оныя помѣщики принуждаютъ выходить изъ селеній и земель своихъ, куда похотятъ, присваивая землю ихъ себѣ. А какъ въ именномъ Ея Императорскаго Величества Высочайшемъ манифестѣ, при случаѣ присоединенія Тавриды къ Россійской Имперіи 783 г. февраля въ 8 день изданномъ, всевысочайшимъ словомъ Ея Императорскаго Величества обѣщано свято всѣхъ жителей Тавриды охранять и защищать лица и имущества, и вслѣдствіе онаго его свѣтлость г. ген.-фельдцейхмейстеръ Екатеринославскій, Вознесенскій и Таврическій ген.-губ. и разныхъ орденовъ кавалеръ князь П. А. Зубовъ представлялъ правительствующему сенату свое мнѣніе, дабы жителей области Таврической не лишать стяжанія и достоянія, имъ отъ предковъ дошедшаго, не отъять плодовъ раченія и трудовъ ихъ, которые употребили они на обрабатываніе земли, садовъ и другихъ заведеній, и чтобы ободрить и поощрить ихъ къ лучшему устроенію своего хозяйства, всѣхъ Таврической области обывателей, какъ магометанскаго духовнаго званія, такъ разныхъ націй купцовъ, мѣщанъ, простыхъ татаръ и другихъ, кои нынѣ имѣютъ у себя помѣстья, вотчины и т. п. дворянскія имѣнія, принадлежащія имъ въ собственность, по наслѣдству или по инымъ законнымъ правиламъ, оставить въ свободномъ владѣніи, распространяя свободу сію и на наслѣдниковъ ихъ, за коими оныя и утвердить, что на поднесенномъ отъ правительствующаго сената Ея Императорскому Величеству докладѣ собственноручно Ея Величествомъ конфирмовано, и на оное изъ правительствующаго сената послѣдовалъ въ Таврическое областное правленіе указъ отъ 9 ноября 1794 года,—предлагаетъ, во исполненіе высочайшихъ именныхъ Ея Императорскаго Величества узаконеній, древнихъ

обитателей Тавриды татаръ и иныхъ націй охранять и защищать лица и имущество во всей силѣ воли Ея Императорскаго Величества, въ оныхъ манифестѣ и указѣ предначертанныхъ, и во исполненіе ихъ и каждого владѣющаго данными садами, лѣсами и землями и прочими имуществами помѣщиковъ учиня достовѣрные чрезъ экспедицію губернскаго землемѣра выправки, koliko число состоитъ въ какой деревнѣ десятинъ подъ садами, лѣсами и землями, дѣйствительно помѣщикамъ и особенно татарамъ и иныхъ націй обитателямъ въ однихъ съ ними (sic) принадлежащихъ, составить изъ нихъ по уѣздамъ и селеніямъ книгу для легчайшаго по онымъ тяжбъ ихъ разбирательства и впредь при дѣланіи опредѣленій на выдачу владѣльцамъ на жалуемые имъ сады, лѣса и земли владѣнныхъ указовъ именно означить, гдѣ сколько десятинъ отъ казеннаго вѣдомства отдается, о чемъ отъ Его Высокопревосходительства и Его свѣтлости кн. П. А. Зубову съ испрошеніемъ повелѣнія на составленіе для разбора прежде розданныхъ земель при областномъ правленіи особыя экспедиціи. Приказали: къ вѣдающимъ градскія и сельскія полиціи, внутри Тавриды состоящимъ, послать указы и велѣть въ охраненіи и защищеніи лицъ и имущества древнихъ обитателей Тавриды татаръ и иныхъ націй поступать по точнымъ словамъ, изъясненнымъ въ предписаніи Его Высокопревосходительства г. ген.-поруч. Хорвата, сему правленію данномъ, поставляя непремѣннымъ себѣ долгомъ и всемѣрно удалять отъ нихъ впредь наносящія имъ оскорбленія, не изъемя при томъ изъ памяти и того, что ежели и за симъ кто-либо въ притѣсненіяхъ защищаемъ не будетъ, то взыщется съ управляющихъ полиціями по всей строгости законовъ, а дабы о семъ извѣщены были и всѣ помѣщики, имѣющіе земли и угодья внутри Тавриды, послать указы къ господамъ дворянскимъ предводителямъ. Октября 30 дня 1796 г.“¹⁾

VIII.

Дѣло Палласа возбудило живой интересъ въ Крыму среди русскихъ помѣщиковъ, между прочимъ, живо интересовало знаменитаго адмирала Н. С. Мордвинова, у котораго также шелъ уже процессъ съ татарами изъ-за Байдарскаго его имѣнія.

¹⁾ Дѣло Таврическаго Губернскаго Правленія 1798 г. № 370 (св. 12): По отношенію генераль-прокурора П. В. Лопухина о учиненіи выправки о землѣ, пожалованной въ Крыму ст. сов. Палласу. На 59 листахъ.

Узнавъ отъ Палласа о порученіи Селецкому разслѣдовать споръ его съ татарами, Мордвиновъ обратился къ послѣднему также съ письмомъ отъ того же 12 октября 1798 г. изъ Николаева, съ изложеніемъ своего процесса съ татарами и просьбой о заступничествѣ, послѣ того какъ его ходатайство предъ графомъ М. В. Каховскимъ не было уважено.

По приказанію Селецкаго, 20 декабря 1798 года сдѣлана была справка въ Новороссійской палатѣ суда и расправы, имѣется ли въ ней на ревизіи дѣло, произведенное въ Акмечетскомъ нижнемъ земскомъ судѣ надъ татарами д.д. Айтодоръ и Шули за сдѣланныя нижнему земскому суду и исправнику грубости и за невыполненіе повинности Палласу и неподписаніе сочиненнаго по отводу старожиловъ земли ему въ Шульской и Айтодорской долинахъ земель плана и межевыхъ книгъ. Этого дѣла на ревизіи въ палатѣ не оказалось. Равно не оказалось въ палатѣ и дѣла Палласа, производившагося въ Акмечетскомъ уѣздномъ судѣ, на рѣшеніе котораго Палласъ выразилъ неудовольствіе.

Палласу Селецкій писалъ, что онъ увѣдомитъ въ скоромъ времени Лопухина о его дѣлѣ, и при этомъ совѣтовалъ ему, „выполнивъ въ Акмечетскомъ уѣздномъ судѣ весь апелляціонный обрядъ, поспѣшить на рѣшеніе уѣзднаго суда подачею въ палату суда и расправы апелляціонной жалобы, такъ какъ отъ этого будетъ зависѣть скорое окончаніе его дѣла“.

31-го декабря 1798 года въ рапортѣ Лопухину, изложивъ обстоятельства дѣла Палласа, Селецкій сообщалъ, что оно, въ виду неудовольствія его на рѣшеніе Акмечетскаго суда, должно перейти въ палату суда и расправы, слѣдовательно, находясь въ законномъ теченіи, имѣетъ получить свое рѣшеніе на основаніи законовъ, и препроводилъ ему копію рѣшенія уѣзднаго суда. Палласъ же, не получая извѣщенія Селецкаго о своемъ дѣлѣ, писалъ ему 4 и 20 января 1799 г. и просилъ сдѣлать ему удовольствіе и милость увѣдомить о его дѣлѣ.

Въ то же время Акмечетскій уѣздный судъ довелъ до свѣдѣнія Селецкаго рапортомъ отъ 3 января 1799 г., въ отвѣтъ на предписаніе его о немедленномъ отправленіи на ревизію въ палату дѣла Палласа, что дѣло это было изготовлено къ отправкѣ въ палату еще въ іюлѣ 1798 г., но, „несмотря на многократныя требованія суда, Палласомъ не было представлено слѣдуемыхъ по закону за перевозку дѣла по почтѣ вѣсовыхъ денегъ, а также холста на обшивку его и никакой съ

своей стороны явки и хождения объ отправкѣ этого дѣла онъ не возымѣлъ, а почтовая контора безъ внесенія за пересылку того дѣла денегъ принять его не соглашалась, почему уѣздный судъ произвелъ теперь этотъ расходъ изъ своей расходной суммы и сообщилъ городничему о взысканіи съ Палласа расхода, получивъ который и отправилъ 15 декабря его дѣло въ палату суда и расправы“. Странное объясненіе!

Палласъ апеллировалъ въ Новороссійскую палату гражданского суда, которая не вошла въ разсмотрѣніе его дѣла по существу и 18 февраля 1801 г. рѣшила его такъ: „г. Палласу, татарамъ и маіору Чернышеву въ обоюдныхъ ихъ претензіяхъ о землѣ и прочихъ угодіяхъ разбираться и отыскивать разрѣшенія съ представленіемъ всѣхъ на право каждого документовъ въ Коммиссіи, учрежденной для разбора земельныхъ споровъ въ Крыму, а до окончанія ихъ спора и отмежеванія Палласу формально по документамъ принадлежащей дачи, владѣть каждому изъ нихъ тою частію, какою кто владѣлъ до начала процесса, равно и землею, назначенною Палласу къ отмежеванію изъ казеннаго вѣдомства“. 30 іюня 1802 г. палата предписала уѣздному суду произведенное Бовчевскимъ межеваніе земель въ дачу Палласу „отставить“.

Но еще до рѣшенія палаты Палласъ и татары 23 апрѣля 1800 г. подали въ означенную Коммиссію мировое прошеніе, по которому межеваніе 1790 г. оставалось во всей силѣ: „кору“ или огороженные участки, сѣнокосные и пахатные признавались собственностью татаръ; всякія личныя и имущественныя отношенія татаръ къ Палласу отмѣнялись; татары выговаривали себѣ право пользоваться выгономъ на земляхъ Палласа и лѣсомъ и селиться на его земляхъ съ обязательствомъ давать ему за пользованіе землею десятину хлѣба и съ каждого семейства отрабатывать ему 12 дней въ году. Эта мировая подтверждена была Коммиссіей 11 мая 1801 г. и генераль-губернаторомъ. Изъ 3184 дес. послѣ мировой съ татарами у Палласа оставалось всего 1356 дес., подъ садами и лѣсомъ, но и ими онъ не могъ владѣть покойно.

Между тѣмъ Новороссійскій генераль-губернаторъ графъ Каховскій образовалъ въ Крыму Коммиссію для разбора споровъ о земляхъ и 25 апрѣля 1801 г. доставилъ ей чрезъ акмечетскій нижній земскій судъ для разбора два прошенія татаръ деревень Шули, Айтодоръ, Кучку, Уппу и Кучукъ-Узенбашъ, поданныя еще въ 1797 г., въ маѣ и октябрѣ, его предшественникамъ Бердяеву и Селецкому, съ жалобой, что Палласъ

водворился въ д. Шули и при участіи землемѣра Бовчевскаго отмежевалъ въ свое владѣніе доставшіяся имъ по наслѣдству отъ предковъ земли и угодія въ округахъ этихъ деревень, и просьбой возвратить ихъ имъ. Но 3 мая 1801 г., по вѣрющему письму татаръ д.д. Шули и Айтодоръ, мулла д. Шули Мустафа и д. Айтодоръ Абди, вмѣстѣ съ Палласомъ, подали въ Коммиссію заявленіе, что онъ и татары тѣхъ деревень по этому дѣлу примирились на указанныхъ въ ихъ заявленіи условіяхъ, и Коммиссія, по предложенію генераль-губернатора Михельсона, постановила дѣло это предать забвенію.

Споръ Палласа съ татарами и Чернышевымъ не кончился этимъ примиреніемъ. Претензіи и доносы Чернышева подробно изложены въ докладѣ Коммиссіи по разбору земельныхъ споровъ въ Крыму таврическому гражд. губ. Г. П. Милорадовичу, по извѣсту Чернышева на завладѣніе Палласомъ лѣснымъ урочищемъ Каракоба и отдачѣ бывшимъ таврическимъ губернаторомъ Жегулинымъ во владѣніе Палласу въ разныхъ урочищахъ въ томъ же Акмечетскомъ уѣздѣ и при самомъ городѣ Симферополѣ земель, садовъ и лѣсовъ, принадлежавшихъ какъ казнѣ, такъ и татарамъ — казеннымъ поселянамъ и чинамъ греческаго пѣхотнаго баталіона, и истребленій этихъ лѣсовъ Палласомъ.

По вѣдомости отмежеваннымъ и проектомъ назначеннымъ дачамъ, казеннымъ и помѣщичьимъ, Акмечетскаго уѣзда съ показаніемъ числа душъ и десятинъ земли, сочиненной въ августѣ 1802 г., значились за Палласомъ слѣдующія земли:

№ 35. Дача *Петровская*, Шулю, Айтодоръ, Палласа и отчасти казенныхъ татаръ. Удобной земли 2185 дес., а съ неудобной всего 3184 дес. 2037 кв. саж. Межевана. Планъ не выданъ.

№ 71. Садъ *Каролиновскій*, ст. сов. Палласа, 5 дес. 1584 кв. саж. Межевана. Планъ не выданъ.

№ 80. Дача *Калмыкъ-Кара*. Доставшаяся по куплѣ Палласу, въ совмѣстномъ владѣніи казенныхъ татаръ и помѣщика. 1420 дес. удобной, 172 дес. 375 кв. саж. неудобной. Межевана. Планъ выданъ ¹⁾.

Помѣщикъ Акмечетскаго уѣзда Черновъ въ прошеніи, поданномъ на Высочайшее имя, 28 марта 1802 г., по довѣренности отъ другихъ крымскихъ помѣщиковъ, между прочимъ,

¹⁾ Лашковъ. Сборникъ документовъ по исторіи крымско татарскаго землевладѣнія. Отд. 4. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, № 25, стр. 145 и слѣд.

писалъ: „Когда Высочайше покойною императрицею Екатериною Великою пожалованныя земли и угодья д. с. с. Палласу, именно въ Шульской и Айтодорской долинахъ, въ 1796 году до упраздненія области межевались, живущіе тамъ татары, оставляя свою собственность особо каждый за собою, показывали для Палласа то, что принадлежало казнѣ, а потомъ 1799 г., по упраздненіи области, когда всѣ въ Крыму татары противъ російскихъ владѣльцевъ были возмущены, равно и у Палласа живущіе въ округѣ татары отъ прежняго своего показанія отреклись, назвавъ уже все при тѣхъ долинахъ, что прежде показывали Палласу, принадлежащимъ себѣ, не допустили его ко владѣнію до пяти лѣтъ, истребили лѣса, и потомъ прошлаго 1801 года признали опять добровольно то, что и прежде показывали принадлежащимъ Палласу, письменно за нимъ утвердили и торжественно въ Коммисіи о разборѣ земель обязались за пользованіе его угодьями платить повинности, нынѣ опять въ сохраненіи сдѣланныхъ обязанностей колеблются, о чемъ съ прочими російскими владѣльцами онъ, Палласъ, подписалъ довѣріе просить Вашего Императорскаго Величества Престола защиты“¹⁾).

Палласъ завелъ въ Шулъ хозяйство, устроилъ садоводство и виноградарство, построилъ домъ, скотный дворъ, овчарню съ домомъ, двѣ мельницы, кузницу, трактиръ и пр., прорѣзалъ въ узкомъ ущельи Суукъ-Чесме, между Шулданъ-кая и утесомъ Мангупа, съ большимъ трудомъ и издержками дорогу и проживалъ въ Шулъ съ семействомъ большую часть года, какъ зажиточный помѣщикъ. Но благополучіе его продолжалось недолго.

Когда Коммисія для разрѣшенія земельныхъ споровъ въ Крыму, закрытая въ 1802 г. вторично открыта была въ 1803 г., поселяне д. Айтодоръ, по наущенію Чернышева, подали ей прошеніе, въ которомъ, оспаривая упомянутое мировое условіе, просили о возвращеніи имъ захваченныхъ Палласомъ земель и угодій. Они жаловались, что рѣшеніе Новоросійской палаты гражданскаго суда о возвращеніи имъ отнятыхъ у нихъ Палласомъ земель и угодій симферопольскій исправникъ не привелъ въ исполненіе во всѣхъ частяхъ и что Палласъ въ прежней Коммисіи принудилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ примиренію въ противность законовъ, почему и просили это прими-

¹⁾ Лашковъ. Сборникъ документовъ. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммисіи, № 26, стр. 56.

реніе уничтожить¹⁾. Сверхъ того, житель д. Шули Мустафа жаловался на то, что Палласъ отмежевалъ въ свое владѣніе два дома и садъ, принадлежащіе малолѣтнимъ сиротамъ умершаго татарина той деревни Абдиль-бея. Отъ другихъ лицъ изъ д. Шули и другихъ деревень жалобъ на него не поступило, хотя по сказкамъ 5-й ревизіи, въ означенныхъ деревняхъ значилось поселянъ всего 279 человекъ. „Замѣчаніе“ свое по этому поводу Коммиссія чрезъ предсѣдателя своего сенатора т. сов. Лопухина представила на Высочайшее разрѣшеніе. До полученія же высочайшаго разрѣшенія этого вопроса Коммиссія постановила: 1) поданныя ей просьбы отъ татаръ деревни Айтодоръ о возвращеніи имъ захваченныхъ у нихъ Палласомъ земель и угодій, а жителя д. Шули Мустафы объ отмежеваніи Палласомъ въ свое владѣніе фруктоваго сада и двухъ домовъ, принадлежащихъ малолѣтнимъ дѣтямъ умершаго жителя той деревни Абдиль-бея, по которымъ Палласъ съ татарами помирился, оставить безъ производства. 2. Объявить Палласу чрезъ симферопольскій земскій судъ, чтобы онъ для подачи отвѣта своего и оправданія и для представленія всѣхъ своихъ документовъ, доказывающихъ права его на владѣніе всѣхъ земель и угодій, относительно обвиненія въ присвоеніи ихъ, явился самъ или прислалъ повѣреннаго съ законною довѣренностью въ Коммиссію въ законный срокъ. Такія же распоряженія сдѣланы и просителямъ и ихъ повѣреннымъ. 3. Все производство землемѣра Бовчевскаго объ отмежеваніи имъ во владѣніе Палласа земель съ подлинными проектами Жегулина, планами и купчею, отосланными въ акмечетскій уѣздный судъ, доставить въ Коммиссію, о чемъ просить губернатора, а также просить уѣздный судъ увѣдомить ее, исполнено ли имъ рѣшеніе по этому дѣлу новороссійской палаты гражданскаго суда, и если нѣтъ, то по какимъ причинамъ²⁾.

Больше всего непріятностей Палласу приходилось испытать отъ маіора Чернышева, который опорочивалъ не только владѣнія Палласа въ д. Шули, но и всѣ другія его владѣнія.

Укажемъ прежде всего на дѣло изъ-за его имѣнія Кара-Коба. Въ ноябрѣ 1796 года Палласъ подалъ Жегулину копію купчей,

¹⁾ Дѣло Коммиссіи 1803 г. № 17.

²⁾ Дѣло канцеляріи Таврическаго губернатора 1803 г. № 260: По отношенію Коммиссіи, учрежденной для разбора споровъ по землямъ и для опредѣленія повинностей въ крымскомъ полуостровѣ о извѣтѣ помѣщика маіора Степана Чернышева на д. с. с. и кав. Палласа за завладѣніе имъ въ Симферопольскомъ уѣздѣ лѣснымъ урочищемъ, называемомъ Каракобою, и прочемъ. На 20 листахъ.

совершенной въ Таврической палатѣ гражданскаго суда, о томъ, что 27 октября этого года переводчикъ подпоручикъ Акимъ Турковскій, по довѣренности с. с. казнадара Мегмета-али, продалъ Палласу собственное его, Мегмета али, недвижимое имѣніе въ урочищѣ Каракоба, Акмечетскаго уѣзда, состоящее изъ пахотныхъ земель съ лѣснымъ кустарникомъ и граничащее съ большой дорогой, лежащей отъ Мекензіева хутора къ Балаклавѣ и Севастополю, землею ст. с. Габлица, принадлежащей къ д. Чоргуну, землей греческаго селенія Мармара и землею Мегмета аги, за сто рублей, съ тѣмъ, что если кто у г. Палласа въ это имѣніе станетъ вступаться, то Мегметъ агѣ и его наслѣдникамъ отъ тѣхъ претендентовъ очищать Палласа по указамъ, а Жегулинъ предписалъ областному землемѣру Колчигину это урочище Каракоба съ прочими назначенными имъ во владѣніе Палласу землями отмежевать въ одну округу деревень Шулю и Айтодоръ, что и поручено было сдѣлать Колчигину; но это межеваніе, по причинѣ предъявленныхъ татарами деревень Шулю, Айтодоръ, Кучки, Уппу и Узеньбашъ и майоромъ Чернышевымъ споровъ. акмечетскимъ уѣзднымъ судомъ не было утверждено и отставлено. И вотъ въ августѣ 1801 г. майоръ Чернышевъ подалъ доносъ засѣдателю акмечетскаго нижняго земскаго суда Коломійцеву. „подтвержденный“ прошеніями, поданными въ казенную палату и Коммиссію о земельныхъ спорахъ, въ которомъ указывалъ, что урочище Каракоба состоитъ изъ строевого и другого лѣса и принадлежало Мустафѣ бею, сыну Кобанъ Чельги паши, а по выѣздѣ его за границу поступило въ казенное вѣдомство и отдавалось казеннымъ коммиссіонеромъ Гамитъ-агою разнымъ лицамъ въ обработку, отчего казна имѣла доходъ, а Палласъ подъ видомъ покупки у казнадара Мегметъ-аги завладѣлъ ею, о чемъ въ акмечетскомъ уѣздномъ судѣ производилось слѣдствіе. Просьба Чернышева о запрещеніи до разбора этого дѣла порубки лѣса на этомъ урочищѣ передана была на уваженіе губернатора для принятія законныхъ мѣръ къ охраненію казеннаго интереса. Этотъ споръ о землѣ Палласа съ татарами изъ-за земли Каракоба не былъ оконченъ въ уѣздномъ судѣ, и въ 1803 году тогдашній губернаторъ Мертваго требовалъ объясненія, охраненія лѣса, захваченнаго якобы Палласомъ подъ видомъ покупки у казнадара аги, отъ порубки до окончанія дѣла и увѣдомленія, не было ли въ судѣ какого-либо производства о людяхъ Палласа, высленныхъ изъ Вознесенской губерніи.

IX.

Безконечная тяжба съ татарами изъ-за Шульскаго имѣнія очень тяготила Палласа, и въ 1802 г. онъ отправился въ Петербургъ искать защиты, но безрезультатно. „По возвращеніи въ Крымъ, говоритъ Сонцовъ, состояніе духа Палласа было совершенно иное, нежели во время пріѣзда въ Крымъ въ 1795 г., когда предъ нимъ въ перспективѣ рисовалось счастливое будущее и открывало дѣятельность на новомъ для него поприщѣ. Онъ возвратился встревоженный, разстроенный нравственно и физически и утративъ свою прежнюю энергію. Въ добавокъ ему стало измѣнять здоровье, и онъ пересталъ заниматься дѣлами по управленію имѣніями; его любимая Шуля сдѣлалась ему ненавистною; онъ даже не возвратился въ нее, а поселился одинъ въ большомъ своемъ имѣніи Калмукара, въ 18 верстахъ отъ Симферополя, гдѣ и жилъ скромно до самаго отъѣзда въ Берлинъ, посѣщаемый только ближайшими своими друзьями,—Габлицомъ, а впослѣдствіи (съ 1808 г.) Хр. Стевеномъ и Туманскимъ, членомъ Коммиссіи, учрежденной въ Крыму для разбора поземельныхъ споровъ. Туманскій проживалъ у него по нѣскольку дней, и сюда нерѣдко посылались ему бумаги изъ Коммиссіи для просмотра и подписи“.

„Жена его Каролина Ивановна оставалась жить въ Шульѣ, и сама завѣдывала этимъ имѣніемъ. Въ это время между супругами произошла размолвка, такъ что они жили врозь. Впрочемъ, они нерѣдко встрѣчались, и Палласъ слѣдилъ за ея хозяйственными дѣлами. Онъ передалъ ей и всѣ заботы по процессу и перевелъ на ея имя и Шулю“ ¹⁾.

И климатъ Крыма, показавшійся Палласу такимъ прекраснымъ при первомъ посѣщеніи имъ Тавриды, оказался неблагоприятнымъ для его здоровья; онъ постоянно болѣлъ здѣсь лихорадкой. Терзалъ его и безконечный процессъ, и скука, одиночество ученаго, лишеннаго общества образованныхъ людей, съ которыми онъ могъ бы дѣлиться своими мыслями. „Никакія занятія, говоритъ Кювье, не могли заставить Палласа свыкнуться съ такою плачевною жизнью; знаки уваженія, воздаваемые ему Европой, только увеличивали его огорченія и живѣе напоминали ему то, что онъ оставилъ“ ²⁾.

Не будучи въ состояніи по слабости здоровья предпринимать частыя поѣздки, Палласъ, говоритъ Сонцовъ, снова обра-

¹⁾ Указ. соч.

²⁾ Указ. соч.

тился къ кабинетнымъ занятіямъ, приготовляя къ печати неизданныя свои сочиненія. „По свидѣтельству Стевена, у Палласа было больше собраніе рѣдкихъ картинъ и гравюръ, библіотека, множество гербаріевъ, геологическія и археологическія коллекціи, собранныя имъ съ необыкновеннымъ стараніемъ въ продолженіе всей своей жизни“.

Узнавъ о предложеніи м. в. д. Кочубея къ Таврическому губернатору Мертваго отъ 3 февраля 1804 г. о пріисканіи удобныхъ земель для предположеннаго поселенія въ Крыму швейцарскихъ колонистовъ, Палласъ рѣшилъ продать свою Шульскую землю въ казну¹⁾. Онъ писалъ Кочубею, что, —узнавъ о предположенномъ водвореніи въ Крыму швейцарскихъ колонистовъ, первый транспортъ которыхъ находится уже въ пути, но что понынѣ еще не сдѣлано никакого приготовленія къ принятію ихъ и даже не назначено еще, гдѣ имъ селиться, ибо хотя предполагали къ тому земли, принадлежащія ст. с. Смирнову, гдѣ прежде были греческія селенія Никита, Марсанда и Маргарачъ, но они весьма отдалены отъ городовъ, окружены моремъ и хребтомъ высокихъ горъ, которыя заграждаютъ совершенно всякій проходъ со стороны сей земли, чрезъ что колонисты могутъ лишиться всѣхъ выгодъ въ своей промышленности и съ другими людьми сообщенія, развѣ только моремъ, — онъ доводитъ до свѣдѣнія министра, что, желая всякой удачи въ устройствѣ переселенцевъ, онъ предоставляетъ въ распоряженіе правительства землю свою близъ Севастополя, заключающую 3600 десятинъ. Палласъ полагалъ, что она для этой цѣли вполне удобна, тѣмъ болѣе, что окружена со всѣхъ сторонъ хорошо расположенными горами, закрыта отъ сѣверныхъ вѣтровъ, не имѣетъ недостатка въ водѣ, обилуетъ всякаго рода фруктовыми садами, лугами и пригорками, удобными для хлѣбопашества и винодѣлія, и имѣетъ по горамъ лѣсу столько, что его на первые годы для колонистовъ не только будетъ достаточно на ихъ обстройку, но и на продажу, въ Севастополь, Бахчисарай и Балаклавъ по близкому отъ нихъ разстоянію, такъ какъ первый отстоитъ въ 15 верстахъ, второй въ 20, а третій въ 10 верстахъ и по удобной дорогѣ. Цѣны за землю Палласъ не назначалъ, но писалъ, что будетъ доволенъ всѣмъ, во что правительству будетъ угодно оцѣнить ее, судя по ея выгодному мѣстоположенію и качеству садовъ и лѣсныхъ дачъ, или чѣмъ только Его Императорскому Величеству угодно будетъ

¹⁾ Дѣло канцеляріи Таврическаго губернатора 1804 г. № 83: О покупкѣ дачи д. с. с. Палласа для поселенія колонистовъ.

его удостоить. Что касается до двухъ небольшихъ деревень, находящихся на этой землѣ изъ 50 татарскихъ семействъ, то, чтобы эти люди, „по природной своей склонности весьма лѣнивые, распутные и почти вовсе безполезные“, не были въ тягость для новыхъ колоній, Палласъ полагалъ распредѣлить ихъ по другимъ селеніямъ, сдѣлавъ имъ небольшое удовлетвореніе за ихъ сады, разведенные въ этихъ деревняхъ.

Сообщая объ этомъ предложеніи Палласа, Кочубей просилъ Мертваго войти на мѣстѣ въ подробное разсмотрѣніе качествъ и выгодъ его земли и, сдѣлавъ оцѣнку по мѣстнымъ условіямъ, доставить свѣдѣнія, представляется ли удобство распредѣлить татаръ двухъ деревень по другимъ селеніямъ, согласны ли будутъ на это татары и какъ ихъ вознаградить за ихъ жилища и сады и удовлетворить для новаго обзаведенія. Къ этому Кочубей собственноручно прибавлялъ: „я полагаю, что всего удобнѣе условиться съ самимъ г. Палласомъ о цѣнѣ, стараясь склонить его на требованія, сколько можно умѣренныя и прямому достоинству владѣнія его соотвѣтственныя“.

На письмо Мертваго въ Судакъ, гдѣ Палласъ проживалъ въ своемъ виноградномъ саду, Палласъ отвѣчалъ:¹⁾

„М. Г. Дмитрій Борисовичъ.

„Къ всякому моему удовольствію чрезъ милостивой Вашего Превосходительства письмо сего 31-го марта ко мнѣ дошедшій, увѣдомился я о благополучномъ Вашемъ въ губерніи Вамъ ввѣренной прибытіе, которое многіе добрые люди давно съ нетерпеливостію ожидали, другіе же съ нѣкоторымъ страхомъ. Сердечно желаю, чтобы мы долго могли пользоваться вашимъ попеченіемъ, правосудію и дѣятельностію, коимъ несчастливая до сего Крымъ могла изъ своего нынешняго состояній быть вознесена.

Хотя я великое имѣю желаніе Вашему Превосходительству лично мое почтеніе отъдать, однакожъ (кромѣ тресущей лихорадки) самое нужнейшее, при нынешней обработиваніи виноградныхъ моихъ садовъ, здѣсь пребываніе, меня въ томъ до праздника препядствовать будетъ. А поелику исполненіе воля Его Сіятелства графа Виктора Павловича не терпитъ медленность, то покорнейшее прошу Ваше Превосходительство здѣлать милость отъ Каролины Івановной изтребовать нужнія объясне-

¹⁾ Это собственноручное письмо Палласа находится въ дѣлѣ. Оно печатается здѣсь съ сохраненіемъ орфографіи Палласа.

нія и планъ горной моей дачи, которая съ прикупленными землями и садами содержитъ около 3600 десятинъ, и приказать ее осматривать Губерскимъ землемеромъ или кому благоразсудитъ вмѣстѣ съ колонистами. Земли тамъ пахотной въ округѣ Шуля, также и сѣнокосу, и по садамъ и болѣе въ урочище Каракоба и Мармора весьма достаточно. Садовъ фруктовыхъ отъчасти купленыхъ и собственныхъ около 14 десятинъ; татарскихъ немало, коихъ дешево выкупить можно. Лесовъ дровяныхъ и строевыхъ великое изобиліе, особливо въ айтодорскомъ округѣ; паства, паче для овецъ и козъ, весьма способна и зимного корму довольно. Положеніе весьма здорово и тѣмъ для поселенцовъ полезное, что по близости городовъ Севастополя и Бахчисарая, одними дровами могутъ съ начала своего заведенія имѣть довольно пропитаніе. Я Каролинѣ Ивановны въ приложенномъ здѣсь письмѣ о поднесеніи Вашему Превосходительству плана и документовъ писалъ, и препоручаю себя, въ разсужденіе цѣны, о которой я уже давно съ Каролины Ивановной согласенъ, Вашего Превосходительства благоволенію. Въ самой недѣлѣ передъ праздникомъ надеюсь имѣть честь Вашему Превосходительству самъ приносить мой почтеніе и между тѣмъ, препоручая себя въ милость и благосклонность Вашу, имѣю честь быть съ истиннымъ высокопочитаніемъ В. Пр-ства

покорнейши слуга
Петръ Палласъ.

Изъ Судацкой долины
сего 31 марта 1804 г.

Представленный губернатору Палласомъ планъ не былъ подписанъ, утвердить рѣшенія на основаніи его было нельзя, и губернаторъ поручилъ 4 апрѣля 1804 г. губернскому землемѣру немедленно освидѣтельствовать землю и провѣрить межи и внутреннюю ситуацію при содѣйствіи чиновника нижняго земскаго суда, и если кто изъ обывателей присваиваетъ себѣ какіе-либо участки, обозначить ихъ на новомъ планѣ. По приѣздѣ Палласа въ Симферополь, губернаторъ намѣревался вмѣстѣ съ нимъ поѣхать посмотреть его землю, а до того времени запросилъ Коммиссію для разбора споровъ о земляхъ, не поступило ли въ нее какихъ-либо споровъ на земли, принадлежащія Палласу въ Симферопольскомъ уѣздѣ при д. Шули, какого содержанія и окончены ли и чѣмъ, или нѣтъ, и

распорядился развѣдать о цѣнѣ, какая дѣйствительно можетъ соответствовать достоинству его владѣнія ¹⁾).

Землемѣръ 25 апрѣля 1804 г. донесъ губернатору, что порученіе его онъ исполнилъ. „Ситуація въ представленномъ Палласомъ планѣ оказалась вѣрной, и никто изъ обывателей никакихъ споровъ не объявлялъ, но по окружной межѣ столбы во многихъ мѣстахъ были потрачены и просѣки заросли, отчего могутъ произойти въ будущемъ споры, почему необходимо столбы вновь поставить и просѣки возобновить“.

Коммиссія, съ своей стороны, 7 мая 1804 года увѣдомила губернатора, что 1. Земля, принадлежащая къ д. Шулю, обмежевана вообще съ землями д. Айтодоръ и разореннаго греческаго селенія Марморя одною окружною межею подъ названіемъ дачи Петровской съ показаніемъ въ межевой книгѣ, что она принадлежитъ Палласу, казнадаръ Мегметъ-агъ, Сели бею Умеру, маіору Степану Чернышеву и татарамъ, живущимъ въ д. Шулю и Айтодорѣ, также татарину д. Упу Кара Мегмету въ череполосномъ владѣніи; подлиннаго же плана на эту дачу, кромѣ черноваго, изъ Акмечетскаго уѣзднаго суда въ Коммиссію не прислано.

2. По спорамъ татаръ, казенныхъ поселянъ, д.д. Шулю, Айтодоръ, Кучки, Уппу и Узеньбашъ и маіора Чернышева въ примезеваніи въ дачу Палласа какъ собственныхъ ихъ, такъ и казенныхъ участковъ земли, садовъ и другихъ угодій, рѣшеніемъ акмечетскаго суда 23 іюня 1798 г. и Новороссійской палаты гражданскаго суда 18 апрѣля 1801 г. это межеваніе не утверждено, а восстановлено бывшее до того разбора Коммиссіи владѣніе спорящихъ сторонъ.

3. Какія и отъ кого именно по владѣнію Палласомъ дер. Шулю съ окружностями ея поданы споры въ Коммиссію, о томъ обстоятельно можно усмотрѣть ихъ отношенія Коммиссіи къ б. губернатору Милорадовичу отъ 26 мая 1803 г. (приведено выше).

4. Эти споры остаются неоконченными, такъ какъ Палласъ еще не представилъ отвѣта и оправданія на жалобы татаръ и Чернышева и документовъ, доказывающихъ право его на

¹⁾ Въ томъ же отношеніи Мертваго увѣдомлялъ Кочубея, что присланные г. Рувье изъ Марсели люди и виноградныя лозы, ими привезенныя, находятся у Палласа въ Судакской долигѣ, и что онъ далъ имъ мѣсто для насажденія виноградныхъ лозъ. „Судя по знакомству г. Палласа съ г. Рувье, прибавлялъ Мертваго, и по всегдашнему доброхотству его содѣйствовать общей пользѣ, можно надѣяться добраго успѣха въ семъ дѣлѣ“.

владѣніе спорной землей и угодіями, о чемъ ему чрезъ земскую полицію объявлено было еще въ маѣ 1803 г.

Получивъ эти свѣдѣнія, Мертваго 20 мая 1804 г. отправилъ гр. Кочубею планъ земли Палласа и указанную справку изъ Коммиссіи для разбора споровъ по землямъ въ Крыму. „Земля эта, писалъ онъ, состоитъ изъ пожалованной ему императрицей Екатериной Великою и приобрѣтенной имъ покупкой. Живущіе на ней въ двухъ деревняхъ татары имѣютъ 63 двора, и въ нихъ 145 д. м. п. и 194 д. ж. п. Они, кромѣ давняго жительства, никакого законнаго права на владѣніе не имѣютъ, а нѣкоторые самовольно поселились здѣсь недавно“. Губернаторъ писалъ далѣе, что самъ объѣхалъ землю и увидѣлъ, что большая часть долины загорожена плетнями и положенными вокругъ колючими кустарниками, и татары, это сдѣлавшіе, считаютъ себя вправѣ владѣть загороженнымъ участкомъ. „Натура, продолжалъ онъ, безъ всякаго старанія ихъ и искусства даетъ имъ богатство. Сады ихъ хотя заросли травою, хотя неопрятство и лѣность обитателей вездѣ является, но большія фруктовыя деревья безъ всякаго труда даютъ доходы, по состоянію ихъ изобильные. Мнѣ сказывали, что одно орѣховое дерево даетъ дохода до 70 юзлуковъ и что въ д. Шули одинъ татаринъ торговалъ у другого садъ и давалъ сто червонцевъ, но тотъ не продалъ, слѣдовательно, удовлетворить татаръ такъ, чтобы, переселясь, довольными они остались, не вижу я возможности, развѣ съ неумѣреннымъ пожертвованіемъ казны“.

Палласъ обратился въ это время къ губернатору съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ:

„Votre excellence m'ayant ordonné de lui notifier le prix, au quel je consentirai à ceder les terres de Schula et Aithodor, que sa Majesté l'Impératrice défunte de glorieuse memoire m'a gratifié en Crimée, j'ai l'honneur de lui dire, que quoique j'y ai ajouté pour près de trois mille roubles en terres et jardine achetés, et établi une maison qui me conte déjà près de mille roubles, je sois cependant prêt à la ceder avec tout le qui est marqué dans le plan, ainsi que ce qui est acheté au village voisin d'Ousenbach, pour la somme de quinze mille roubles....

Le jardins qui m'appartiennent à Schula et Ouzenbasch et qui sont en grande partie achetés, occupent une surface de 15 à 16 dessatines, et ont rapportée en fruits jusqu'à 7 et 800 roubles. Les bois de construction et de chauffage suffiraient seuls pour nourrir en partie une colonie de cent familles par les transport facile à Sevastopol, ou les bois sont très chers, et l'économie de les bonnes gens, rendroit le bon marché à cette ville importante, la moitié et plus de terres labourables et des paturages sont achetés,

et les tartares n'y ont aucun droit, pas plus que mon mauvais voisin le major Tchernichof, qui m'a causé de puis huit a neuf ans tous les chagrins imaginables et qui est la cause principale, qui me fait vendre la terre en question à un si bas prix, pour pouvoir finir mes jours en paix et loin d'un tel chicaneur, je me remets a la bienveillance de votre excellance et espere de la recevoir a Soudaque“.

Такимъ образомъ, Палласъ рѣшилъ продать имѣніе, чтобы избѣжать непріятностей, давно имъ претерпѣваемыхъ, и прожить покойнѣе остатокъ своихъ дней, и желалъ получить за него 15,000 руб.

Мертваго въ рапортѣ Кочубею находилъ, что земля этой цѣны „весьма стоитъ, тѣмъ болѣе, что положеніе ея выгодно, лѣсовъ множество, повсемѣстно растутъ фруктовыя деревья и дикій виноградъ... Уповать дѣйствительно можно, что когда поселены на ней будутъ трудолюбивые и искусные въ садоводствѣ люди, то самые лѣса, горы покрывающіе, преобразятся въ сады, изобиліе распространяющіе“. „Татары, продолжаетъ онъ, во время ханскаго въ Крыму правленія обязанные быть готовыми къ военной службѣ, исполнять всякія работы, какія когда понадобятся, поставлять хану дрова и давать десятую часть всего у нихъ урождающагося, будучи освобождены отъ податей въ казну, кажется, не должны быть свободны отъ обязанности платить за землю или работать тому, кому земля пожалована. Основываясь на сей истинѣ, почитаю я справедливымъ и полезнымъ, если благоугодно будетъ купить означенную землю у г. Палласа, то, половину земли и всѣхъ угодій взявъ у татаръ, отдать колонистамъ и, такимъ образомъ раздѣля и утвердя участки, предоставить новымъ переселенцамъ право покупать у старожиловъ, и на сіи участки возложить подать, считая 6⁰/₁₀₀ на капиталъ, при покупкѣ земли употребленный. Если татары останутся жить въ мѣстахъ, черезъполосно, то навѣрное переимутъ у нихъ быть хорошими хозяевами и со временемъ будутъ добрыми поселянами. Если же, слѣдуя закоренѣлымъ привычкамъ, захотятъ удалиться, то, позволяя имъ сіе, но не иначе, какъ въ степи, гдѣ могутъ они размножать скотоводство въ хорошихъ мѣстахъ Крыма, надобно стараться поселять людей, способныхъ пользоваться счастливымъ мѣстоположеніемъ, гдѣ потребно искусство и трудолюбіе, щедро природою награждаемое, и гдѣ каждый, наслаждаясь спокойной жизнью и изобиліемъ, доставлять можетъ избытокъ многимъ, къ нему сосѣдствующимъ“.

Графъ Кочубей на бумагу Мертваго сдѣлалъ 23-го іюля 1804 г. слѣдующія замѣчанія: 1) согласятся ли на переселеніе татары и какимъ вознагражденіемъ за дома и обзаведеніе будутъ довольны? 2) Если оставить татаръ на землѣ Палласа и поселить колонистовъ, то сколько можно поселить тамъ семействъ послѣднихъ, полагая по 20 дес. на каждое, и какія угодія имъ достанутся безъ притѣсненія татаръ? Кочубей просилъ отобрать объясненія отъ самихъ татаръ и по второму вопросу представить вполнѣ ясныя свѣдѣнія. При этомъ, въ виду поданныхъ въ Коммиссію споровъ и притязаній на нѣкоторыя части дачи Палласа, Кочубей поручалъ Мертваго объяснить ему, что дача его въ теперешнемъ ея положеніи не можетъ быть куплена казною иначе, какъ условно, т. е. что требуемая имъ за нее сумма не можетъ быть выдана ему, пока не рѣшатся существующіе по ней споры, ибо въ противномъ случаѣ пріобрѣтеніе въ казну земель ко вреду поселянъ, а тѣмъ болѣе съ потерей ихъ собственности, можетъ быть сочтено явною несправедливостію.

Мертваго, во исполненіе требованія министра, послалъ для переговоровъ съ татарами въ Шулю помѣщика колл. асс. Смаиль бей. Татары опредѣленнаго отвѣта не дали и просили отсрочки на 6 дней, чтобы отправить въ Симферополь къ губернатору четырехъ человѣкъ выборныхъ съ ихъ прошеніемъ. Губернаторъ принялъ ихъ и 26 іюля сообщилъ министру, что татары весьма склоняются на то, чтобы, получивъ удовлетвореніе за сады свои, переселиться на другія казенныя земли, занимаемыя татарами. Сообщая объ этомъ, Мертваго докладывалъ, что нѣмецкіе колонисты, водворяемые въ д. Чокурча, не имѣютъ излишества земли, особливо для поселенія, и если не купится дача кн. Кантакузиныхъ, то представится въ этомъ дѣлѣ большое затрудненіе. А 233 души швейцарскихъ колонистовъ слѣдовали уже въ Крымъ, и помѣстить ихъ вмѣстѣ съ прежними не представлялось возможнымъ, о чемъ губернаторъ увѣдомилъ и новороссійскаго генераль-губернатора дюка де-Ришелье. Онъ полагалъ швейцарскихъ колонистовъ водворить на землѣ Палласа, такъ какъ она будетъ имъ выгодна по мѣстоположенію, и они, находя здѣсь свою пользу, будутъ „способствовать и Севастополю. Изобиліе лѣсовъ и дороговизна на нихъ въ Севастополѣ послужить на первый случай возможностью содержать имъ себя“. Подъ поселеніе колонистовъ онъ полагалъ опредѣлить тѣ земли, гдѣ жили греки, а современемъ, когда татары уйдутъ, можно было бы занимать и ихъ мѣста.

Онъ думалъ, что когда явятся на дачу колонисты, то татары охотнѣе рѣшатся на переселеніе, и требованія ихъ будутъ умѣренныя. „Симъ средствомъ, заключалъ онъ, станетъ уменьшаться пустота здѣшняго края“.

На этотъ отзывъ Мертваго Кочубей отвѣтилъ (18 августа 1804 г.), что, подробно разсмотрѣвъ его, онъ нашелъ много препятствій къ удовлетворенію желанія Палласа продать въ казну свое имѣніе. Во-первыхъ, хотя мировая сдѣлка была заключена Палласомъ съ татарами еще при первой Коммисіи для разбора земельныхъ споровъ, но татары подали жалобу на него и во вторую Коммисію, признавая многіе участки земли Палласа принадлежащими имъ по наслѣдству и огородивъ ихъ (коры) для производства хлѣбопашества и сѣнокошенія. Затѣмъ Кочубей отвергалъ планъ Мертваго поселить колонистовъ въ имѣніи Палласа вмѣстѣ съ татарами, чтобы вызвать, такимъ образомъ, ихъ скорѣйшее переселеніе, такъ какъ хотя татары безполезны въ этой части Крыма, но это „было бы несоотвѣтственно тѣмъ строгимъ и единообразнымъ правиламъ справедливости, которыми правительству всегда руководиться должно“, и переселеніе татаръ должно быть только добровольнымъ, безъ принужденія. Да и неизвѣстно, согласились бы колонисты поселиться тамъ при этихъ условіяхъ. Распредѣлять же ихъ врозь на малыхъ садовыхъ участкахъ онъ признавалъ неудобнымъ, такъ какъ на этихъ участкахъ должно быть образцовое виноградарство и садоводство, а колонисты должны быть только примѣромъ въ хозяйствѣ. Не соглашался онъ и съ мыслию о томъ, чтобы содѣйствовать благосостоянію колонистовъ продажей лѣса. Онъ считалъ даже вреднымъ давать имъ слишкомъ легкіе способы доставать себѣ пропитаніе; напротивъ, онъ считалъ должнымъ водворять въ нихъ склонность къ труду и сельскимъ занятіямъ. Вскорѣ прибывшіе въ Крымъ швейцарцы, осмотрѣвъ дачу Палласа, нашли ее для себя неудобной.

10 сентября 1804 г. Мертваго увѣдомлялъ министра, что мировая Палласа, заключенная съ татарами, нынѣ подтверждена, и сами татары объявили губернатору, что хотятъ купить землю Палласа. Далѣе онъ объяснялъ, что „побудить татаръ всѣми закономъ дозволенными средствами къ переселенію изъ горныхъ мѣстъ Крыма въ степи онъ почиталъ неминуемо нужнымъ для пользы сего края, ибо оставлять обширность земель наилучшихъ во владѣніи малаго числа тунеедцевъ, оставшихся отъ переселенія лучшихъ людей въ Турцію, и кои не въ состояніи владѣть пространствомъ, ими захваченнымъ, кажется

не полезно“. Губернаторъ писалъ также, что валежникъ необходимо вывозить изъ горныхъ лѣсовъ, такъ какъ онъ только гніетъ и мѣшаетъ расти молодымъ деревьямъ, „а татары не умѣютъ найти удобство въ вывозѣ лѣса въ городъ, гдѣ онъ непомерно дорогъ“.

Соображенія Мертваго не вызвали сочувствія, задуманная Палласомъ продажа шульскаго имѣнія въ казну не состоялась, и тяжба его съ татарами и Чернышевымъ не прекратилась. Въ 1807 году, по дѣлу татаръ д. Шули и Айтодора съ Палласомъ, Коммиссіей предписано было землемѣрамъ снять на планъ оспариваемыя ими земли¹⁾. Наконецъ, только въ сентябрѣ 1809 г. было окончено производствомъ, за состоявшимся примиреніемъ сторонъ, дѣло по иску жителей д. Шули, Айтодора, Кучки, Уппу и Узенбашъ къ Палласу о возвратѣ неправильно отмежеванныхъ ему принадлежащихъ имъ земель и угодій при вышеозначенныхъ деревняхъ. По утвержденному тогда Коммиссіей мировому соглашенію, было предоставлено: 1) во владѣніе жителей д. Шули 120 дес. 1553 саж. разныхъ угодій, съ ограниченіемъ лишь права продажи этихъ угодій въ постороннія руки и съ условіемъ обязательной работы въ продолженіе восьми дней въ году и уплаты десятинной подати. Кромѣ того, предоставлено имъ право пользоваться безпрепятственно выгономъ. Съ своей стороны жители вышеозначенной деревни уступили Палласу въ полную неограниченную его собственность 582 дес. 1383 саж. оспариваемой ими земли. 2) Жителямъ д. Айтодоръ уступлено Палласомъ въ пожизненное пользованіе 410 дес. 1348 саж. безъ права отчужденія этой земли въ постороннія руки. Кромѣ того, жителямъ этой деревни дозволено пользоваться лѣсомъ, но исключительно для своихъ надобностей, а не для продажи, и пасти скотъ на помѣщичьемъ выгонѣ, за что они обязаны работать шесть дней въ году²⁾.

Х.

Въ одно время съ вопросомъ о продажѣ въ казну шульскаго имѣнія Палласа шло дѣло о продажѣ ей и дома его въ Симферополѣ. Исторія этого дѣла такова. Нов. генераль-губернаторъ Розенбергъ спрашивалъ таврическаго вице-губерна-

¹⁾ Ла ш к о в ъ. Историч. очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія. Изв. Тавр. Учен. Архивн. Коммиссіи, № 25, стр. 53.

²⁾ Ibid, стр. 74—75.

тора Шостака, въ казенныхъ или частныхъ домахъ помѣщаются таврическія присутственныя мѣста, и если въ казенныхъ, то достаточно ли ихъ для этой надобности, а если нѣтъ казенныхъ зданій, то просилъ прислать проекты, планы и смѣты необходимымъ строеніямъ, какъ для присутственныхъ мѣстъ, такъ и для жительства губернатора и вице-губернатора. Запросивъ казенную экспедицію о суммахъ, израсходованныхъ на починку казенныхъ зданій, въ которыхъ помѣщались присутственныя мѣста, Шостакъ сообщилъ Розенбергу 24 дек. 1803 г., что обѣ экспедиціи губернскаго правленія съ гражданскимъ и уголовнымъ судомъ помѣщались въ „казенномъ дворцѣ“, который съ 1797 года употреблялся для разныхъ надобностей и предъ открытіемъ губерніи былъ занятъ полковымъ лазаретомъ. Другія казенныя учрежденія помѣщались въ трехъ флигеляхъ этого дворца. Предъ открытіемъ губерніи въ этихъ зданіяхъ были произведены необходимыя починки, но въ общемъ они были очень повреждены, и только зданіе, извѣстное подъ именемъ „дворца“, было настолько прочно, что если бы употребить для приведенія его въ первоначальное состояніе нужную сумму, то оно могло бы послужить и въ будущемъ; флигиля же, занимаемые присутств. мѣстами по необходимости, ремонтировать бесполезно. Плановъ и смѣтъ домовъ для губернатора и вице-губернатора нельзя было составить, такъ какъ не былъ еще назначенъ архитекторъ, а такъ какъ нужда въ зданіяхъ для ихъ помѣщенія была крайняя, то Шостакъ сообщалъ, что д. с. с. Палласъ желаетъ продать свой каменный домъ въ Симферополѣ, довольно обширный, построенный прочно, со всѣми удобствами, и почти не требующій починки, который уже и раньше предполагалось купить въ казенное вѣдомство. Цѣна за домъ, назначенная Палласомъ, была 14000 р., и Шостакъ утверждалъ, что онъ этой цѣны стоитъ, и что новый домъ за эту сумму выстроить невозможно. Розенбергъ, соглашаясь въ принципѣ на покупку дома Палласа, 31 декабря 1803 г., просилъ составить смѣты на постройку новаго дома, хотя бы частнымъ лицомъ, и прислать ему вмѣстѣ съ планомъ. Шостакъ послалъ Розенбергу 24 января 1804 г. планъ дома Палласа и сообщалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ Симферополѣ есть еще казенный домъ, купленный для пребыванія главнокомандующаго у г-жи ст. сов. Рудзевичъ, весьма прочный и довольно обширный. 30 апрѣля 1804 г. Розенбергъ снова писалъ новому губернатору Д. Б. Мертваго о домѣ Палласа, относительно приобрѣтенія его для квартиры губернатора и о смѣтѣ на постройку новаго дома.

Мертваго поручилъ губернскому архитектору составить подробную смѣту на содержаніе губернаторскаго дома и освидѣтельствовать домъ Палласа. Архитекторъ составилъ планъ и смѣту на содержаніе новаго губернаторскаго дома, сообразно съ цѣнами на матеріалъ и рабочихъ, на 46,643 р. 22½ к. Цѣну за домъ Палласа и Мертваго находилъ невысокой, а передѣлка его, по его мнѣнію, стоила бы около 1000 р. Докладъ министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея о покупкѣ этого дома и уплатѣ 14000 руб. и объ ассигнованіи 1000 руб. на передѣлку его былъ утвержденъ государемъ, и министръ финансовъ графъ Васильевъ ассигновалъ эту сумму въ январѣ 1805 г. Губернаторъ назначилъ комиссію для пріема дома по подробной описи, приказалъ снять планъ дома и составить смѣту на ремонтъ его. По смѣтѣ ремонтъ дома, двухъ флигелей и службъ долженъ былъ обойтись въ 2010 р. 40 к. По описи въ главномъ корпусѣ было 20 комнатъ, считая переднюю и сѣни, въ двухъ флигеляхъ, деревянномъ и плетневомъ, 13 помѣщеній, считая кухню, сарай, конюшню и помѣщенія для прислуги. Домъ съ трехъ сторонъ былъ обнесенъ каменной стѣной, а съ передней стороны каменнымъ цоколемъ съ деревянной балюстрадой. Съ задней стороны при главномъ корпусѣ и при флигеляхъ были галлерей или коридоры. Губернаторъ Мертваго просилъ г-жу Палласъ, въ виду ветхости строеній и значительной суммы, нужной на ремонтъ дома, взять на себя издержки по составленію купчей крѣпости. На это г-жа Палласъ отвѣчала, что домъ ея, построенный въ концѣ 1797 года, когда рабочіе и матеріалы были здѣсь гораздо дешевле, обошелся ей около 20000 р., а продается ею за 14000 р., почему она не можетъ взять на себя уплату пошлинъ и издержекъ на купчую. Деньги были уплачены г-жѣ Палласъ, и домъ принять въ казенное вѣдомство, а о расходахъ на купчую губернаторъ испрашивалъ резолюціи министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ видно изъ дѣла, мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Палласа, было скуплено имъ у нѣсколькихъ лицъ. Кажется, на этомъ мѣстѣ стоитъ и нынѣшній губернаторскій домъ въ Симферополѣ¹⁾.

Тогда же окончено было спорное дѣло и съ судакскимъ имѣніемъ Палласа. Мы выше сказали, что Палласъ получилъ въ Судакской долинѣ превосходный участокъ, въ которомъ было 21 дес. удобной земли и 4 дес. 1660 кв. саж. неудобной. Оporачивая право владѣнія Палласомъ шульскими землями,

¹⁾ Дѣло канцеляріи Таврическаго губернатора: О покупкѣ дома у г-жи Палласъ. На 94 листахъ.

маіоръ Чернышевъ доносилъ въ Коммиссію о разборѣ земельныхъ споровъ въ Крыму, что бывшій правитель Таврической области Жегулинъ, кромѣ земель въ Шули и Айтодорѣ, отдалъ неправильно Палласу и другія казенныя земли и участки. Такъ ордеромъ 22 марта 1795 г. кн. Зубовъ увѣдомилъ Жегулина, что Ея Императорское Величество пожаловала Палласу въ вѣчное и потомственное владѣніе въ Судакской долині въ виноградный садъ, пространствомъ около 10 десятинъ, съ такимъ же числомъ пустопорожней земли, удобной для разведенія винограда, а Жегулинъ въ февралѣ 1796 г., по выбору Палласа, чрезъ землебра Бовчевскаго, отмежевалъ въ его владѣніе въ Судакской долині 4 виноградныхъ сада съ фруктовыми деревьями, подъ именемъ оставшихся послѣ выѣхавшихъ за границу татаръ и принадлежащихъ казнѣ, и смежной съ этими садами казенной пустопорожней земли, удобной для насажденія виноградныхъ лозъ, всего удобной и неудобной земли 25 дес. 1660 саж. одною окружною межою, подъ названіемъ *Подюрия* сада, съ пустошью, и съ показаніемъ, что внутри той межи состоитъ садъ таракташскаго татарина Сакавъ Мегмета, мѣрой въ 1 дес., не въ одномъ мѣстѣ, а въ чрезполосномъ владѣніи съ Палласомъ.

Сверхъ того татаринъ д. Тюбекъ-сарай, Симферопольскаго уѣзда, Сеитъ Ягья подалъ въ Коммиссію прошеніе съ жалобой, что Палласъ владѣетъ доставшимся ему, Ягью, по наслѣдству послѣ отца его, въ Судакѣ, при урочищѣ Копкѣ, винограднымъ и фруктовымъ садомъ и пользуется съ него доходомъ, а по какому праву, это ему неизвѣстно; онъ же остался послѣ смерти отца малолѣтнимъ, а садъ порученъ былъ приказчику.

И это дѣло съ татаринѣмъ Ягьею окончено было въ Коммиссіи только въ сентябрѣ 1809 г. за примиреніемъ сторонъ. Истецъ получилъ денежное удовлетвореніе и просилъ дѣло дальнѣйшимъ производствомъ прекратить.

Въ Судакѣ былъ у Палласа и другой процессъ. Жена его Каролина Ивановна купила тамъ участокъ сада и виноградника у т. сов. Судіенко, отведенный ему по ордеру кн. Потемкина отъ 2 августа 1784 года. Оказалось, что безспорнаго владѣнія земли въ этомъ участкѣ изъ 7 дес. 1616 кв. саж. было 6 дес. 2167 саж., а остальные 1879 саж. представляли спорную землю. Именно, 6 октября 1802 года житель дер. Таракташъ Чолакъ Абдураманъ подалъ прошеніе въ Коммиссію о разборѣ споровъ по землямъ, что этотъ участокъ сада—собственность его по-

койнаго шурина Агмета, а теперъ его малолѣтнихъ пятерыхъ дѣтей. Дѣло это разбиралось въ Коммиссіи 27 іюля 1805 г., и предложено вызвать стороны и участокъ обмежевать, а 27 октября г-жа Палласъ помирилась съ татаринѣмъ, „чтобы обезпечить себѣ покой“, при чемъ для удовлетворенія наслѣдниковъ уплатила Чолаку Абдураману 75 руб., а онъ уступилъ ей спорный садъ въ вѣчное владѣніе. Дѣло окончилось въ ноябрѣ 1806 г.¹⁾ Судакскій садъ былъ переданъ Палласомъ въ послѣдствіи своей дочери баронессѣ Вимпфенъ, а она продала его за 12000 р., — цѣна по тому времени очень высокая, указывающая, что онъ былъ поставленъ очень хорошо.

Были затрудненія у Палласа и съ имѣніемъ его подъ Симферополемъ. И тутъ работалъ Чернышевъ, который доносилъ въ Коммиссію, что въ 1796 г., по ордерамъ Жегулина, тѣмъ же землемѣромъ Бовчевскимъ отмежеваны были во владѣніе Палласа противъ самага г. Симферополя, на правомъ берегу р. Салгира, смежные съ городскою землею два сада съ фруктовыми и раиновыми деревьями и сѣнными покосами, пространствомъ 5 дес. 1584 саж., подъ именемъ оставшихся послѣ выѣхавшихъ изъ Крыма за границу дочери Бахти-Гирей Султана и Амета Челеби и состоящихъ въ казенномъ вѣдомствѣ, подъ названіемъ сада *Каролиновскаго*, и еще сѣнокосный лугъ съ фруктовыми деревьями и терновниками изъ 8 дес. 2358 саж., подъ именемъ оставшагося послѣ выѣхавшаго за границу Сабли-бея и состоящаго въ казенномъ вѣдомствѣ, а въ апрѣлѣ 1797 г., т. е. тогда, когда именнымъ высочайшимъ указомъ отъ 12 декабря 1796 г. Таврическая область была уничтожена и, раздѣленная на уѣзды, присоединена къ Новороссійской губерніи, Жегулинъ выдалъ Палласу чрезъ бывшее Таврическое областное правленіе документъ на владѣніе этими землями и лугомъ, а бывшей Таврической Казенной палатѣ сообщилъ объ исключеніи этихъ садовъ и луга изъ казеннаго вѣдомства, а между тѣмъ по справкѣ оказалось, что этихъ садовъ и луга въ вѣдомствѣ казенномъ не состояло. Тогда же дочь жителя д. Фундуклы Ислямъ-аги Сагинъ-Султани подала прошеніе въ Коммиссію, въ которомъ жаловалась, что Палласъ завладѣлъ доставшимся ей по наслѣдству послѣ смерти отца ея въ Симферополѣ за р. Салгиромъ, при мельницѣ, большимъ сѣнокоснымъ лугомъ подъ именемъ казеннаго сада. Въ то же время повѣренный купцовъ и мѣщанъ г. Симферополя купецъ Се-

¹⁾ Дѣло Коммиссіи 1802 г. № 148/вн по прошенію жителя д. Таракташъ Чолака Абдурамана.... на г. Палласа. На 48 листахъ.

ливерстовъ подалъ въ Коммиссію прошеніе, въ которомъ изъяснялъ, что принадлежавшими городу, по городовому положенію, для выгона землями съ садами, лежащими по ту сторону р. Салгира, начиная отъ Карасубазарской дороги до д. Кіятъ, внизъ по Салгиру владѣлъ кн. Потемкинъ, а послѣ смерти его отъ наслѣдника его Высоцкаго онѣ достались губернатору Жегулину¹⁾, который, прибавивъ къ нимъ земли по той-же дорогѣ къ д. Бахчи-Эли, построилъ мызу, а въ деревнѣ Кіятъ по Салгиру мельницу, и что нынѣ эти земли состоятъ во владѣніи Палласа, который ловить тамъ городской скотъ, морить на дворѣ своемъ и беретъ за него съ гражданъ скупъ. Эти споры кончились въ пользу Палласа. Владѣнія его по Салгиру, округенныя покупками, тянулись болѣе чѣмъ на 2 версты. Сады, разведенные имъ здѣсь, цѣнились очень высоко. Впослѣдствіи они перешли во владѣніе разныхъ лицъ: кн. Воронцова, Стевена, Чарыкова, наслѣдниковъ Дессера и др.

Не обошлось безъ затрудненій и еще съ однимъ пожалованіемъ Палласу.

Въ ордерѣ отъ 30 марта 1796 г. инженеръ-полковнику Деволану Зубовъ писалъ: „Въ Симферополѣ (sic), для помѣщенія главной въ Тавридѣ аптеки, раздѣленной нынѣ на разныя части. отъ чего происходятъ многія неудобства, покупку дома г. генераль-порутчика Розенберга я опробую, а въ слѣдствіе того и писано отъ меня въ государственную медицинскую коллегію, чтобы приказано было оную аптеку въ сей домъ перевести, садъ же отдать въ вѣдомство статскаго совѣтника Палласа, которой не оставитъ здѣлать изъ онаго въ пользу ботаническихъ произрастеній наилучшаго употребленія“. Деволанъ, извѣщая объ этомъ Палласа 1 іюня 1796 года, сообщалъ: домъ генераль-губернатора Розенберга „велѣно купить и отдать въ вѣдомство вашего высокородія для помѣщенія аптеки“.

Затѣмъ въ ордерѣ правителю Таврической области Жегулину отъ 28 августа 1796 г. кн. Зубовъ писалъ: „По случаю покупки у господина генераль-поручика Розенберга дома, состоящаго въ Карасубазарѣ, ради помѣщенія въ немъ имѣющейся въ Тавридѣ для войскъ аптеки, предписываю Вашему Превосходительству дать знать означенному генераль-поручику, что какъ деньги за оный велѣно уже отъ меня ему заплатить, то чтобы тотъ бывший его домъ былъ очищенъ для принятія въ вѣдомство чиновъ медицинскихъ, коимъ отъ начальства ихъ

¹⁾ Такъ называемая Жегулина роща.

будетъ о томъ предписано, а садъ отданъ бы былъ господину ст. сов. Палласу“¹⁾. Жегулинъ, извѣщая объ этомъ Палласа 16 сентября 1796 г., писалъ: „объ отдачѣ сада сего въ распоряженіе ваше упомянутому генераль-поручику и кавалеру отъ меня сообщено“.

Но 27 апрѣля 1797 г. государственный казначей и медицинской колоніи главный директоръ баронъ Васильевъ писалъ Таврическому губернатору Бердяеву, что изъ дѣлъ медицинской коллегіи не видно, чтобы мѣсто при аптекѣ въ Карасубазарѣ слѣдовало отдать проф. Палласу, и „такъ какъ эта аптека отдалена отъ мѣстъ, снабждающихъ оную потребнымъ количествомъ аптекарскихъ матеріаловъ, то оно могло бы великую приносить пользу, если бы обращено быть могло подъ посѣвъ садовыхъ растений, и такого рода, кои по сіе время выписываются изъ чужихъ краевъ“, вслѣдствіе чего онъ просилъ, въ видахъ выгодъ казны, войти въ разсмотрѣніе этого обстоятельства, именно, почему это мѣсто отнимается отъ аптеки и нужно ли отдавать его въ вѣдѣніе проф. Палласа, въ то время какъ „оно съ немалою пользою можетъ быть употреблено для посѣва садовыхъ растений“. Бердяевъ поручилъ симферопольскому уѣздному суду (13 мая 1797 г.) сдѣлать по этому вопросу обстоятельную справку и сообщить ему немедленно объ этомъ дѣлѣ, пріостановивъ отобраніе мѣста отъ аптеки. Судъ запросилъ Палласа, и онъ представилъ ему въ копіяхъ указанные документы, по коимъ намѣревался приступить къ „загороженію и избереженію“ означеннаго сада, и заявилъ суду, что онъ „намѣревался приступить къ распоряженію упомянутымъ садомъ на пользу казенную, по предписанію Жегулина карасубазарскому коменданту Попандопуло, но не былъ допущенъ къ тому находящимися при карасубазарской аптекѣ провизорами и болѣе не усиливается“²⁾.

Въ первые годы XIX столѣтія Палласъ большею частію проживалъ въ Судакѣ, занимаясь виноградарствомъ и винодѣліемъ, но у него не было виннаго погреба и винокурни, и онъ просилъ, чтобы они были ему пожалованы. Просьба его была уважена, и высочайшимъ указомъ отъ 28 января 1803 г. графу Кочубею всемилостивѣйше были пожалованы д. с. с. Палласу

¹⁾ Извѣстія Тавричesk й Ученой Архивной Коммиссіи, № 26, стр. 8.

²⁾ Дѣло канцеляріи Таврическаго губернатора 1797 г.: По отношенію барона Васильева о увѣдомленіи его, почему отбирается купленный въ Карасубазарѣ у профессора Палласа (sic) домъ подъ аптеку. На 14 листахъ.

въ Судакской долинь казенная винница съ погребомъ и принадлежащею къ ней посудою.

6 марта 1803 года генераль-губернаторъ Миклашевскій увѣдомилъ Милорадовича о томъ, что управляющій здѣшними губерніями С. А. Беклешовъ получилъ увѣдомленіе министра внутреннихъ дѣлъ Кочубея о высочайшемъ указѣ 28 января 1803 г. объ отдачѣ д. с. с. Палласу въ Судакской долинь винницы съ погребомъ и посудою. Объ исполненіи этого предписано было симферопольскому нижнему земскому суду. Въ началѣ мая 1803 г. составлена была опись этой винницы, и состоялась формальнымъ образомъ передача ея Палласу. Казенная винокурня была уже ветхая и требовала исправленія. Тутъ же былъ обвалившійся фонтанъ, каменный двухэтажный домъ подъ черепицей, съ одной большой комнатою въ каждомъ этажѣ, караульная каменная изба, крытая черепицей, ветхая, три ветхихъ людскихъ помѣщенія, плетневыхъ подъ одною связью, разваленный сарай каменный, погребъ каменный, надъ погребомъ каменный амбаръ¹⁾. Сохранилась опись этой винокурни: „винокуренная фабрика для дѣланія фруктовой водки, каменная, длиною 11 и шириною 4 саж., при ней погребъ каменный для виноградныхъ винъ. На поверхности его домъ каменный длиною 24, шириною 9 саж. и одинъ плетневый сарай. Посуда и вещи въ винницѣ: кубовъ мѣдныхъ съ крышками и кривыми трубами 12, ушатовъ съ желѣзными обручами 5, тарапановъ досчатыхъ, обитыхъ желѣзными полосами 2, ливеровъ кривыхъ мѣдныхъ 2, леекъ мѣдныхъ небольшихъ къ кривымъ трубамъ 7, кантаръ желѣзный большой 1, молотковъ желѣзныхъ небольшихъ 4, ножъ садовый кривой 1, граблей желѣзныхъ 3, затворовъ окошечныхъ 4, ломъ желѣзный 1“. Эти строенія и посуда находились подъ присмотромъ акмечетскаго нижняго земскаго суда.

Этотъ казенный погребъ съ винокурнею былъ переданъ Палласу по описи въ сентябрѣ 1803 года. Зданія были ветхія, а также и часть посуды. Въ домѣ, еще прочномъ, въ каждомъ этажѣ было по комнатѣ съ окнами безъ ставней и каменными стѣнными шкафами; въ верхнемъ покоѣ была перегородка для спальни. Караульная изба и три людскихъ комнаты въ

¹⁾ Дѣло 1803 г. № 417 (св. 12) Таврическаго губернскаго правленія: О всеимилостивѣйшемъ пожалованіи судацкой винницы д. с. с. Палласу. На 16 листахъ.—Дѣло канцеляріи Таврическаго губернатора 1803 г. № 107: Объ отдачѣ д. с. с. Палласу всеимилостивѣйше пожалованной въ Судацкой долинь винницы съ погребомъ и принадлежащей къ ней посудой. На 18 листахъ.

плетневомъ флигелѣ были ветхія, а каменный сарай совсѣмъ развалился. Посуда почти вся была прочная.

Правительство, какъ видно, внимательно относилось къ занятіямъ Палласа виноградарствомъ. Въ концѣ 1803 г. графъ Кочубей задумалъ заведеніе въ южныхъ губерніяхъ виноградныхъ училищъ. Мнѣніе его по этому вопросу было утверждено государемъ, который указомъ отъ 21 мая 1804 г. повелѣлъ для усовершенствованія въ Крыму винодѣлія учредить казенное виноградное училище въ Судакѣ. Палласъ былъ приглашенъ участвовать въ устройствѣ этого училища своими свѣдѣніями, совѣтами и опытностью¹⁾. Это училище было учреждено въ 1805 г., и Палласъ имъ завѣдывалъ нѣсколько лѣтъ.

XI.

Любимымъ мѣстопребываніемъ Палласа въ послѣдніе годы пребыванія его въ Крыму было имѣніе дочери его *Калмукара*, не пожалованное, а пріобрѣтенное имъ. Но и съ этимъ имѣніемъ не обошлось у Палласа безъ хлопотъ, непріятностей и судебного процесса. Исторія этого имѣнія такова. По ордеру Потемкина Габлицу 12 декабря 1788 г. отведенъ былъ участокъ земли на Салгирѣ изъ казенныхъ дачъ бывшему турецкому чиновнику Ягья-ага, который поступилъ въ русское подданство, награжденъ былъ за ревностную службу чиномъ премьеръ-маіора и пожелалъ поселиться въ Крыму. Ягья-ага избралъ для своего жительства д. Калмукара, Симферопольскаго уѣзда, которая лежала между двухъ горъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Асмы, никогда не высыхавшей, отличалась хорошимъ черноземомъ и была богата водой. Эта земля принадлежала казнѣ, такъ какъ осталась послѣ калга-султановъ и была ихъ ранговою землею. По примѣрному разсчету въ ней было около 2000 десятинъ, „ибо во всей округѣ никто участія не имѣлъ“, какъ докладывали Жегулину колл. асс. Караценовъ и Хамитъ ага. Эта земля и была отведена Ягью Таврическимъ областнымъ правленіемъ 25 мая 1789 г. съ выдачею плановъ и межевыхъ книгъ. Землемѣру было предложено правителемъ области, „буде окажутся какія-либо другія въ той округѣ земли, показать оныя черезполосными, дабы впредь какихъ просьбъ не оказалось“. По межеванію оказалось въ Калмукарѣ удобной

¹⁾ Скальковскій. Хронологическое описаніе Новороссійскаго края, т. II, стр. 74.

земли 1420 дес., неудобной 172 дес. 375 кв. саж., со включеніемъ земли подъ столбовой дорогой изъ Симферополя въ Феодосію. Купчая выдана была Ягѣ 20 января 1793 года.

Но 24 іюля 1797 г. житель д. Калмукара Муслядинъ Че-леби подалъ жалобу Новороссійскому генераль-губернатору г.-л. Бердяеву о томъ, что принадлежавшимъ ему „издревле“ садомъ и небольшимъ участкомъ хлѣбопахатной земли завладѣлъ премьеръ-маіоръ Ягя, а затѣмъ продалъ ее надв. сов. Гохфельду, а сей „бригадиру и кавалеру Палласу“, и что онъ просилъ о возвратѣ ему этой земли симферопольскій земскій судъ, но безуспѣшно. Того же числа житель той же деревни Сабитъ обратился къ Бердяеву съ жалобой на то, что н. с. Гохфельдъ завладѣлъ 5 лѣтъ тому назадъ его землею и продалъ ее „бригадиру и кавалеру“ Палласу и что онъ также жаловался въ симферопольскій земскій судъ, но удовлетворенія не получилъ. Той же деревни мулла Анефи жаловалси тогда же Бердяеву на то, что „бригадиръ и кавалеръ Палласъ“ завладѣлъ принадлежащею ему землею, лежащею въ череполосномъ владѣніи съ его дачей, купленной у надв. сов. Гохфельда два мѣсяца назадъ, и не допускаетъ его къ снятію посѣяннаго имъ хлѣба и сѣна. На эти жалобы не было обращено вниманія.

Затѣмъ 21 октября 1802 г. духовный д. Ханэли, Кадыкойской волости, Акмечетскаго уѣзда, Садыкъ кадій эфенди подалъ прошеніе въ Коммиссію для разбора споровъ по землямъ, въ которомъ излагалъ, что онъ десять лѣтъ владѣлъ въ д. Калмукара оставшимися ему отъ предковъ левадой, фруктовымъ садомъ и домовымъ мѣстомъ, огороженнымъ каменною огорожею, принадлежавшими его женѣ, а десять лѣтъ тому назадъ надв. сов. Гохфельдъ, продавая свою землю, насильно присоединилъ къ ней и его леваду и садъ съ домовымъ мѣстомъ, которые при покупкѣ достались помѣщику Палласу, и просилъ возвратить ему его землю, а съ Палласа взыскать убытки за время, въ теченіе котораго онъ ею владѣлъ. Это прошеніе слушалось въ Коммиссіи 24 октября 1802 года. Между тѣмъ 23 октября все общество д. Калмукара, черезъ своихъ четырехъ представителей, подало прошеніе въ ту же Коммиссію, въ которомъ излагало, что оно всегда до присоединенія Крыма къ Россіи пользовалось калгасултанскими землями, какъ своими собственными, десятины никому не платило и не работало; при присоединеніи Крыма эти земли отошли въ казну, а назадъ тому десять лѣтъ надв. сов. Гохфельдъ, при межеваніи ему этихъ земель, присвоилъ себѣ и общественные

сады, левады и другія угодія, а когда по куплѣ эта земля досталась д. с. с. и кав. Палласу, то онъ воспользовался не только казенными землями, но и общественными садами и левадами, которые общество и просило возвратить.

4 октября 1805 г. Коммиссія постановила послать повѣстку Палласу съ копіями жалобъ на него. На эту повѣстку Палласъ представилъ въ Коммиссію слѣдующее объясненіе изъ Судакской долины 8 ноября 1805 года.

„Съ совершеннымъ удивленіемъ увѣдомился я, писалъ онъ, что и на принадлежащую по купчей дочери моей Альбертинѣ, которая въ замужествѣ за генераль-лейтенантомъ барономъ Вимпфеномъ, дачу Калмукара несправедливыя паки отъ татаръ появились претензіи, и хотя оправданія по этому дѣлу принадлежатъ не мнѣ и не дочери моей, такъ какъ имѣніе перешло уже по купчимъ въ третьи руки, но долгомъ считаю объяснить.

„Въ заявленіи самихъ татаръ д. Калмукара, коихъ всего 9 дворовъ, изъ коихъ нѣкоторые пришли изъ другихъ мѣстъ, они нѣкогда, послѣ случившагося вблизи ихъ деревни убійства, ища защиты у калги-султана, сами добровольно перешли въ его подданство, почему и земля ихъ, какъ они и сами показали въ Коммиссіи, перешла при занятіи Крыма въ казну, какъ и мурзанскія. Потомъ она была пожалована кн. Потемкинымъ нѣкоему Ягья-агѣ, а имъ перепродана колл. сов. Гохфельду, которому и была тогда же отмежевана, по повелѣнію губернскаго правленія, безъ всякихъ споровъ. Затѣмъ Гохфельдомъ былъ построенъ близъ рѣчки каменный домъ съ немалыми издержками, съ пристройками для экономіи, и заведенъ садъ, виноградный и фруктовый, котораго раньше и слѣда не было. Татары же давали ему десятину и работали по 12 дней въ году съ cadaго двора безспорно, также поставляли нѣсколько возовъ дровъ. На такомъ же основаніи куплена д. Калмукара, съ домомъ, садами и огородомъ, въ 1797 году моею дочерью и въ теченіе девятилѣтняго владѣнія никакихъ отъ кого-либо споровъ она не слыхала и ни у кого ничего не отнимала. Старые жители деревни отбывали прежнія повинности. Старые жители до сихъ поръ владѣютъ своими обширными левадами, дворами и огородами. пашутъ и пасутъ многочисленный скотъ, гдѣ имъ угодно; и другіе жители, русскіе и татары, сосѣднихъ деревень пашутъ землю за десятину. Земли въ округѣ по пропорціи жителей весьма изобильно, и напрасно просятъ недобольные всегда татары прибавки изъ близлежащихъ земель и Коммиссію недѣльными и наказанія достойными просьбами

отягощаютъ“. Палласъ далѣе удивляется, почему татары молчали, когда землю отмежевывали Гохфельду и въ теченіе девятилѣтняго владѣнія его дочерью, у которой имѣются планы и межевыя книги.

Госпожа Вимпфенъ на запросъ Коммиссіи отвѣтила, что планъ и межевыя книги остались у мужа ея въ гор. Оршѣ, гдѣ онъ командовалъ полкомъ, и что теперь онъ находится въ походѣ. Помѣщикъ же колл. сов. Гохфельдъ заявилъ, что продалъ имѣніе г-жѣ Вимпфенъ, у которой должны быть планы и книги. По вѣдомости Новороссійскаго губернскаго правленія 1802 года имѣніе Калмукара значилось въ совмѣстномъ владѣніи Палласа съ казенными татарами. По рѣшенію Коммиссіи, участокъ въ 1 дес. 1264 саж. утвержденъ за Сабитомъ эфенди въ собственность, а остальнымъ претендентамъ на нѣсколько участковъ земли въ им. Калмукара было отказано¹⁾.

Таковы были безконечные земельные процессы Палласа, отравлявшіе его жизнь въ Крыму.

XII.

По мѣрѣ угасанія силъ усиливалось у Палласа желаніе возвратиться на родину, и послѣ 15-лѣтняго пребыванія въ Крыму онъ получилъ, съ высочайшаго соизволенія, паспорта себѣ и женѣ своей для поѣздки въ Берлинъ „для приведенія въ порядокъ домашнихъ дѣлъ своихъ“. 26 апрѣля 1810 г. онъ оставилъ любимую свою Калмукару; 13 іюня паспорта были препровождены г-жѣ Палласъ въ Симферополь²⁾, и Палласъ, проживъ 43 года въ Россіи, немедленно по полученіи ихъ отправился черезъ Броды и Бреславль въ Берлинъ, куда прибылъ въ концѣ іюня. Уѣзжая за границу, Палласъ оставилъ всѣ свои собранія на сохраненіе женѣ, послѣ смерти которой (въ 1839 г.) эти коллекціи разошлись, по словамъ Сонцова, по мелочамъ, по разнымъ рукамъ. достались людямъ, незнавшимъ имъ цѣны, и, конечно, погибли. По продажѣ Шулю, г-жа Палласъ до самой смерти жила въ Симферополѣ.

Такимъ образомъ, Палласъ вернулся въ отечество доканчивать дни свои въ родномъ городѣ. „Для челоуѣка, прожившаго

¹⁾ Дѣло Коммиссіи по разбору земельныхъ споровъ 1802 г. № 149. На 236 листахъ.

²⁾ Дѣло канцеляріи Таврическаго губернатора 1810 г., № 258, съ препровожденіемъ напшпортовъ академику Палласу и женѣ его къ выѣзду за границу.

15 лѣтъ въ Малой Татаріи, это значило, говорить Кювье, почти вернуться съ того свѣта“. Въ Берлинѣ живъ былъ его братъ; встрѣтилъ онъ тамъ и нѣкоторыхъ старыхъ друзей, которые напоминали ему его молодость. Съ жаромъ онъ слушалъ сообщенія объ успѣхахъ въ наукѣ, о которыхъ доходили до него только смутные слухи. Подъ вліяніемъ этихъ бесѣдъ уныніе его прошло, духъ его ожилъ, и явилось у него снова прежнее краснорѣчіе. Молодые натуралисты, воспитанные на его сочиненіяхъ, исполненные глубочайшаго уваженія къ его таланту, для которыхъ онъ былъ раньше невидимымъ только оракуломъ, слушали его, какъ какое-то высшее существо, пришедшее судить ихъ, и онъ просто, доброжелательно, безъ предубѣжденій, обращался со своими новыми учениками, какъ отецъ съ дѣтьми. Уединенно, въ кругу родныхъ и немногихъ друзей, жилъ онъ въ Берлинѣ, много читалъ, составлялъ выписки и занимался окончаніемъ послѣдняго своего труда: „Fauna Asiatico-Rossica“, которое вышло въ свѣтъ въ Петербургѣ уже послѣ его смерти. Несмотря на преклонные годы, онъ задумывалъ побывать во Франціи и Италіи и собрать тамъ новые матеріалы для своихъ изслѣдованій, мечталъ даже предпринять путешествіе въ Америку. Но желудочная болѣзнь, полученная имъ еще въ первое путешествіе и продолжавшаяся въ Крыму, усилилась, и всѣ средства къ исцѣленію были исчерпаны безуспѣшно. Смерть встрѣтилъ Палласъ спокойно, привелъ въ порядокъ свои рукописи, распредѣлилъ коллекціи, написалъ прощальныя письма друзьямъ и сдѣлалъ распоряженія относительно своихъ похоронъ. Отъ медицинской помощи въ послѣдніе дни жизни онъ отказался и до послѣдняго біенія сердца слѣдилъ за угасавшею въ немъ жизнью. Онъ скончался на рукахъ своей дочери 8 сентября 1811 года и похороненъ на Гальскомъ кладбищѣ (Hallischer Kirchhof), гдѣ прахъ его покрываетъ скромный надгробный камень съ простою надписью: „Berolinensis, academicus petropolitanus, Petrus Simon Pallas“. Земляки почтили его память, назвавъ его именемъ одну изъ улицъ Берлина.

О характерѣ Палласа мы знаемъ немного. Главными чертами его были необыкновенное трудолюбіе и проницательность. Современники говорили о немъ, какъ о человѣкѣ ровнаго характера, добромъ, одинаковомъ со всѣми, веселомъ и любившемъ удовольствія, какъ отдохновеніе отъ трудовъ.

Такова была жизнь Палласа, значительная часть которой прожита была въ Тавридѣ. Однимъ уже пребываніемъ въ ней

онъ прославилъ бы нашъ край, но онъ прославилъ его еще болѣе своими сочиненіями о Крымѣ.

Имя Палласа составляетъ гордость европейской науки и должно быть поставлено на ряду съ именами Бюффона, Линнея, Кювье, Дарвина и К. М. Бэра. Нашъ ученый Сѣверцовъ сказалъ, что какъ ни велика ученая слава Палласа, она все еще не можетъ сравняться съ его заслугами для науки. „Нѣтъ отрасли естествознанія, говоритъ онъ, въ которой Палласъ не проложилъ бы новаго пути, не оставилъ бы геніальнаго образца для послѣдовавшихъ за нимъ изслѣдователей“. Зоологъ, ботаникъ, геологъ, энтомологъ, физикъ съ одной стороны, историкъ, этнографъ, археологъ съ другой—всѣ находятъ въ его сочиненіяхъ не только не устарѣвшія, но самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія. По многосторонности своего геніальнаго ума, Палласъ напоминаетъ ученыхъ энциклопедистовъ древнихъ и среднихъ вѣковъ, а по неслыханной до него точности и положительности въ изслѣдованіяхъ и выводахъ Палласъ—ученый современный, а не XVIII и начала XIX вѣка.

Сочиненія этого великаго ученаго, хотя писанныя не на русскомъ языкѣ, прославили нашу Академію Наукъ, составляютъ ея красу и гордость. Наукѣ и Россіи Палласъ посвятилъ 43 года своей трудовой, неутомимой жизни. Для нашего края, для Тавриды, имя Палласа имѣетъ особенное значеніе. Здѣсь онъ искалъ теплаго и покойнаго прибѣжища въ старости, здѣсь онъ прожилъ 15 лѣтъ своей жизни. Онъ горячо любилъ Тавриду и далъ намъ самыя тщательныя, самыя точныя и обстоятельныя изслѣдованія ея природы и описанія ея древностей. Это мощный кормчій, надежный руководитель для всякаго изслѣдователя Тавриды. И никто до сихъ поръ не превзошелъ Палласа въ научномъ изслѣдованіи нашего края, подобно тому какъ никто не превзошелъ Пушкина въ художественномъ изображеніи красоть его природы.

Что же нашелъ здѣсь Палласъ? Природа Крыма восхитила его, она много дала матеріала для его пытливаго ума, но этотъ же некультурный, неустроенный еще въ его время край причинилъ великому человѣку и много непріятностей, волненій и страданій, не согрѣлъ, а отравилъ остатокъ его дней. Утѣхой Палласа были только дочь и внукъ, и немногіе близкіе люди и друзья, сначала Жегулинъ и Габлицъ, а потомъ Стевенъ и Туманскій, поддерживали его въ постоянной борьбѣ, тревогахъ и незаслуженныхъ обидахъ. Но силы его не выдержали, и престарѣлый и обезсиленный невзгодами, великій ученый бѣжалъ

отсюда, бѣжалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ пріютившей его страны, сдѣлавшейся вторымъ его отечествомъ. Въ Крыму не сохранилось никакихъ воспоминаній или преданій о Палласѣ; ихъ не нашелъ уже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія А. Сонцовъ, бывшій таврическій вице-губернаторъ, авторъ прекрасной статьи о Палласѣ; и только другой знаменитый ученый естествоиспытатель Хр. Хр. Стевень, переведенный въ Крымъ на службу за два года до отъѣзда отсюда Палласа и сблизившійся съ нимъ въ послѣднее время его пребыванія здѣсь, сохранилъ нѣсколько теплыхъ, проникнутыхъ сердечною воспоминаній о Палласѣ, которыя сообщилъ Сонцову, самъ уже будучи въ преклонномъ возрастѣ, стоя на краю могилы. Сохранилось здѣсь только имя славнаго, великаго ученаго, и оно будетъ всегда служить путеводной звѣздой для всѣхъ, кто пожелаетъ изучать Тавриду, ея природу и древности, и трудиться для ея культурнаго развитія.

Арсеній Маркевичъ.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Таврической Ученой Архивной Коммисіи

за 1910 годъ.

Истекшій 1910-ый годъ былъ двадцать четвертымъ годомъ существованія Коммисіи и въ жизни ея былъ однимъ изъ самыхъ благополучныхъ.

Въ этомъ году выяснилось вполнѣ сочувствіе Симферопольскаго Городскаго Управленія мысли о сооруженіи въ Симферополѣ особаго зданія для Музея и Историческаго Архива отводомъ приличнаго мѣста въ городѣ, ассигнованіемъ 2000 рублей на постройку зданія и нужной суммы на оборудованіе музея,—а щедрое пожертвованіе на этотъ предметъ уроженца Симферополя А. Н. Кузьмина—10,000 рублей облегчаетъ осуществленіе этого дѣла въ недалекомъ будущемъ. Начались пожертвованія на этотъ предметъ и со стороны членовъ Коммисіи: Н. А. Султанъ Крымъ-Гирей (100 р.) Н. М. Печенкина (50 р.), П. В. Давыдова (40 р.), А. Л. Бертъе-Делгарда (25 р.) и А. В. Орѣшникова (25 р.).

Историческій Архивъ Коммисіи значительно пополнился въ истекшемъ году. Именно, предсѣдатель Коммисіи рассмотрѣлъ свыше 10,000 подлежащихъ уничтоженію дѣлъ архива Симферопольскаго Городскаго Полицейскаго Управленія и выдѣлилъ для храненія въ Историческомъ Архивѣ свыше 1000 дѣлъ. Къ сожалѣнію, дѣла этого архива начинаются съ 1840 г., болѣе раннихъ въ немъ не оказалось, да и за послѣдующіе годы много дѣлъ, очевидно, по неизвѣстнымъ причинамъ погибло, такъ какъ за многіе годы значилось и по описи весьма мало дѣлъ, напримѣръ за 1875 годъ всего три дѣла. Особенно важныхъ дѣлъ въ этомъ архивѣ, впрочемъ, не оказалось; болѣе интересны въ историческомъ отношеніи нѣсколько дѣлъ, относящихся ко времени Крымской войны.

Кромѣ означеннаго архива, предсѣдателемъ же Коммисіи были рассмотрѣны описи: 1) одна 3-й полицейской части г. Симферополя 437 дѣламъ и книгамъ за 1887—1906 г.г., изъ которыхъ заслуживающими храненія признаны 92 дѣла, и 2) три описи 1272 дѣламъ и книгамъ Мелитополь-

скаго казначейства съ 1866 по 1893 годъ, изъ которыхъ ни одно дѣло не признано заслуживающимъ храненія въ Историческомъ Архивѣ.

Коммиссія не оставляла и въ отчетномъ году своихъ заботъ о сохраненіи и обслѣдованіи памятниковъ древности въ Тавридѣ. Результатомъ ея заботъ въ этомъ отношеніи было прежде всего пріобрѣтеніе весьма интереснаго каменнаго балбала, найденнаго въ Евпаторійскомъ уѣздѣ. Получивъ свѣдѣніе отъ члена Коммиссіи Н. Н. Клепинина о томъ, что въ дер. Вознесенкѣ, Евпаторійскаго уѣзда, крестьянинъ Бѣликовъ нашелъ въ курганѣ, находящемся на его землѣ, балбалъ мужского типа, Коммиссія немедленно приняла мѣры къ его пріобрѣтенію для своего музея, и крестьянинъ Бѣликовъ подарилъ его въ музей. Балбалъ этотъ очень заинтересовалъ проф. Н. И. Веселовскаго и вызвалъ сообщеніе его, напечатанное въ „№ 45 Извѣстій“ Коммиссіи. Второй новый каменный балбалъ, найденный въ с. Большой-Каховкѣ, Мелитопольскаго уѣзда, крестьяниномъ Максимомъ Кислымъ, оказался неинтереснымъ, и Коммиссія, за отсутствіемъ средствъ, отказалась отъ перевозки его на свой счетъ въ Симферополь.

Коммиссія входила въ сношеніе съ А. Л. Бертье-Делагардомъ по поводу увѣдомленія Таврическаго губернатора о найденныхъ въ имѣніи Наташино, при дер. Никитѣ, Ялтинскаго уѣзда, пушечныхъ ядеръ. Обслѣдовавъ ихъ, г. Бертье-Делагардъ опредѣлилъ, что они турецкія, XVIII вѣка, и археологическаго значенія не имѣютъ.

Коммиссія обратила вниманіе производившаго въ отчетномъ году археологическія раскопки проф. Веселовскаго на курганъ на землѣ Я. Г. Глеклера, въ имѣніи его Шибанъ, вблизи ст. Біюкъ-Онларъ, Перекопскаго уѣзда, въ которомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ найдено было около двадцати громадныхъ плитъ изъ дикаго камня. Проф. Веселовскій обслѣдовалъ этотъ курганъ, но оказалось, что все существенное извлечено изъ него уже въ древнее время.

Музей Коммиссіи открывался въ отчетномъ году для посѣщенія публики по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, и объясненія посѣтителемъ давали по очереди члены Коммиссіи А. Θ. Корецкій и правитель дѣлъ И. Θ. Ерошеевъ. Публика всегда въ большомъ количествѣ посѣщала музей, несмотря на крайнюю тѣсноту и неудобство помѣщенія и холодъ въ немъ, такъ какъ въ виду ветхости дома и неисправности печей, его даже нельзя отапливать. Неудобство помѣщенія лишало Коммиссію возможности и въ этомъ году привести въ систематическій порядокъ свой архивъ и описать его. Пока Коммиссія только можетъ заботиться о предохраненіи дѣлъ отъ гибели вслѣдствіе сырости помѣщенія, въ которомъ они находятся.

Средства Коммиссіи не увеличились въ отчетномъ году противъ прежнихъ лѣтъ. Они состояли изъ субсидіи отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (200 р.), пособія Таврическаго Губернскаго Земства (300 р.), пособія Симферопольскаго Городскаго Управленія (100 р.) и весьма небольшой суммы

отъ членскихъ взносов. Почти всѣ средства Коммиссіи, какъ видно изъ нижеслѣдующаго денежнаго отчета, идутъ на изданіе „Извѣстій“ Коммиссіи и необходимые расходы по содержанію помѣщенія музея, канцелярскіе и почтовые расходы.

На запросъ г. Таврическаго муфтія, по поводу собранія надписей на инославныхъ и иновѣрныхъ богослужебныхъ зданіяхъ, надгробныхъ плитахъ и могилахъ, исходящихся на кладбищахъ и касающихся умершихъ духовныхъ лицъ, дворянъ, а равно и лицъ, заслуживающихъ уваженія или получившихъ историческое значеніе, для изданія, предпринятаго Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ, Коммиссія указала муфтію на необходимость выяснитъ мѣста съ сохранившимися древними надписями на арабскомъ и турецко-татарскомъ языкахъ на мечетяхъ и могильныхъ плитахъ, при участіи кадіевъ и муллъ, а затѣмъ снять копіи съ этихъ надписей и перевести ихъ на русскій языкъ, и высказала готовность принять участіе въ этомъ дѣлѣ.

Благодаря стараніямъ Коммиссіи, музей ея обогатился въ отчетномъ году нѣсколькими весьма цѣнными предметами. Такъ, кромѣ вышеупомянутаго балбала, Коммиссія приобрѣла подлинный форманъ турецкаго султана Абдулъ Гамида I-го Крымскому хану Шагинъ-Гирею, данный 18 шабана 1793 года по случаю избранія его въ крымскіе ханы.

Коммиссія приобрѣла также драгоценную рукопись: исторію крымскихъ хановъ на татарскомъ языкѣ (крымскомъ нарѣчіи), доведенную до хана Арсланъ-Гирея (1745 г.) и составленную Хурреми-Челеби. Не внося ничего новаго въ исторію Крымскаго ханства, это сочиненіе заключаетъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о характерѣ нѣкоторыхъ хановъ, обстоятельствахъ ихъ вступленія на престолъ и т. д.

Коммиссія приобрѣла переводъ на татарскій языкъ привѣтственнаго рескрипта императрицы Екатерины II-й хану Шагинъ-Гирею отъ 25 августа 1777 г., по случаю вступленія его въ самостоятельное управленіе Крымомъ, приложеннаго тогда къ подлиннику на русскомъ языкѣ. Владѣлецъ рукописи мурза Эмировъ обѣщалъ члену Коммиссіи Аблякиму Куламетъ оглу передать въ музей ея и подлинную грамоту на русскомъ языкѣ, по отысканіи ея въ своемъ домѣ въ Бахчисараѣ, но умеръ, а сынъ его, гимназистъ, не зная воли отца, передалъ этотъ памятникъ другому лицу, которое отказывается уступить его Коммиссіи.

Среди предметовъ, пожертвованныхъ въ отчетномъ году для музея Коммиссіи, представляетъ интересъ небольшая плита, найденная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ имѣніи А. А. Иванова, на р. Качѣ, въ мѣстности, гдѣ имѣются слѣды значительныхъ древнихъ сооружений. Плита плохой сохранности, съ изображеніемъ трехъ фигуръ—одной сидящей и двухъ стоящихъ. По разсмотрѣніи фотографическихъ снимковъ съ нея проф. Веселовскимъ и Б. В. Формаковскимъ, выяснилось, что это надгробная плита позднеримской эпохи, подобная которой встрѣчались и въ Олавіи; сидящая фигура покойникъ, глава

семьи, а стоящія фигуры—члены семьи; одоранты. Подъ плитой рабочіе нашли довольно много монетъ и нѣсколько мелкихъ предметовъ. Монеты тогда же они скрыли, а изъ другихъ предметовъ браслетъ вмѣстѣ съ плитой переданъ г. Ивановымъ въ музей Коммисіи. Всего въ музей пожертвовано въ 1910 г. 8 предметовъ и куплено 2 предмета. Независимо отъ этого, отъ Императорской Археологической Коммисіи препровождены для музея Коммисіи: венеціанскій червонецъ XIV в., найденный въ Θεодосіи, и 18 польско-литовскихъ монетъ XVI в. Кромѣ того, въ отчетномъ году состоялась, по распоряженію г. Попечителя Одесскаго учебнаго округа А. И. Щербакова, вслѣдствіе ходатайства Коммисіи, передача въ музей Коммисіи на храненіе коллекцій мужской гимназіи по археологіи и этнографіи—всего 356 разныхъ предметовъ, касающихся исторіи, древностей и этнографіи, и 229 серебряныхъ и 1821 мѣдная монета.

Библіотека Коммисіи пополнилась въ отчетномъ году 233 книгами и брошюрами, присланными разными учеными учрежденіями и обществами и пожертвованными членами Коммисіи и другими лицами.

Въ виду предстоящаго 8 сентября 1911 года столѣтія со дня смерти академика Палласа, Коммисія обсуждала вопросъ о чествованіи памяти перваго ученаго изслѣдователя Тавриды по присоединеніи ея къ Россіи изданіемъ перевода на русскій языкъ его путешествія по Тавридѣ и другихъ произведеній, касающихся здѣшняго края, такъ какъ имѣющіяся или выполнены не вполне удовлетворительно или очень рѣдки. Членъ Коммисіи Н. Н. Рѣпниковъ подалъ мысль о переводѣ на русскій языкъ также касающихся Крыма V-го и VI-го томовъ сочиненія Дюбуа де-Монпере: *Voyage autour du Caucase et en Crimée* и изданіи его Коммисіей, и это предложеніе было встрѣчено сочувственно, несмотря на трудность осуществленія его въ виду ограниченнхъ средствъ Коммисіи.

Изъ другихъ фактовъ дѣятельности Коммисіи надо отмѣтить слѣдующія.

Коммисія присоединилась къ ходатайству Саратовской Ученой Архивной Коммисіи предъ подлежащими установленіями о примѣненіи на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ льготнаго тарифа на пересылку архивныхъ дѣлъ, въ виду случаевъ неполученія Архивными Коммисіями старыхъ архивныхъ дѣлъ и документовъ отъ иногороднихъ учрежденій, вслѣдствіе стѣснительности почтовыхъ правилъ и отсутствія льготнаго тарифа на перевозку такихъ дѣлъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Коммисія привѣтствовала адресомъ графиню П. С. Уварову по случаю исполнившагося 30-го апрѣля 1910 г. 25-лѣтія дѣятельности ея въ званіи Предсѣдателя Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, и профессора Д. И. Багалѣя по случаю 30-лѣтія его учено-педагогической дѣятельности.

Въ засѣданіи 13 сентября 1910 г. Коммиссія почтила память Н. И. Пирогова по случаю исполнившагося въ этотъ день столѣтія со дня его рожденія.

Всѣхъ засѣданій Коммиссіи было въ истекшемъ году семь. Въ нихъ, кромѣ обсужденія текущихъ дѣлъ, было доложено семнадцать научныхъ сообщеній, которыя были напечатаны въ №№ 44 и 45 „Извѣстій“. Кромѣ этого председатель и нѣкоторые мѣстные члены Коммиссіи: протоіерей А. Е. Назаревскій, прот. А. П. Сердобольскій, С. А. Мокржецкій, Н. Н. Клепининъ, П. В. Масловъ, А. Л. Высоцкій помѣщали свои статьи въ другихъ повременихъ изданійхъ. Членъ Коммиссіи Н. Н. Клепининъ составилъ собраніе фотографическихъ снимковъ памятниковъ древности въ Тавридѣ и одинъ экземпляръ его пожертвовалъ Коммиссіи. Дѣлалъ для нуждъ Коммиссіи фотографическіе снимки предметовъ древности и членъ ея В. Д. Георгіевъ.

Въ члены Коммиссіи были избраны въ отчетномъ году три лица.

Жизнь Коммиссіи въ истекшемъ году омрачена была тяжелыми утратами. 6 мая 1910 года скончался въ своемъ имѣніи, въ Судакѣ, почетный членъ Коммиссіи и первый ея председатель Александръ Христіановичъ Стевенъ. Уроженецъ Крыма, горячо любившій свой край, его природу и исторію, и высоко образованный человѣкъ, Александръ Христіановичъ съ увлеченіемъ отнесся къ мысли объ открытіи Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, былъ организаторомъ ея дѣятельности, вдохновителемъ трудовъ ея, печальнымъ о ея пуждахъ. Благодаря его стараніямъ и настойчивымъ просьбамъ, Таврическое Губернское Земство отвело для нуждъ Коммиссіи помѣщеніе, ассигновало субсидію, а многіе гласные земства дѣлали и довольно крупныя пожертвованія. Александръ Христіановичъ пріобрѣлъ для музея Коммиссіи много древнихъ предметовъ, найденныхъ въ районѣ Неаполиса, и пожертвовалъ много предметовъ древности, найденныхъ въ другихъ мѣстахъ Крыма или имѣющихъ къ нему отношеніе. Уѣхавъ изъ Крыма въ Петербургъ, Александръ Христіановичъ не переставалъ живо интересоваться дѣятельностью Коммиссіи и думалъ о ней и въ послѣдніе дни и часы своей жизни.

Вторую крупную утрату понесла Коммиссія въ лицѣ члена своего Алексѣя Ѳеодоровича Корецкаго, скончавшагося безвременно 14 сентября 1910 г. Разносторонне образованный, отзывчивый на все свѣтлое, добрый и на рѣдкость безкорыстный человѣкъ, по профессіи присяжный повѣренный, по призванію и сердечному влеченію педагогъ, покойный Александръ Ѳеодоровичъ живо интересовался дѣятельностью Коммиссіи и, не будучи еще ея членомъ, любилъ въ праздничные и воскресные дни посѣщать музей и давать объясненія посѣтителемъ, особенно учащимся, и эти объясненія носили характеръ популярныхъ и въ то же время строго научныхъ бесѣдъ или уроковъ. Избранный въ члены Коммиссіи, Александръ Ѳеодоровичъ сосредоточилъ на музеѣ все свое вниманіе; оставаясь въ Симферополѣ на лѣтнее время, онъ показы-

валъ музей Коммисіи разнымъ экскурсіямъ и думалъ организовать правильныя публичныя лекціи на основаніи матеріала, имѣющагося въ Коммисіи,— но безпощадная смерть унесла его неожиданно въ иной міръ. Смерть эта тѣмъ болѣе тягостна для Коммисіи, что въ ней въ настоящее время нѣтъ лица, которое съ такой охотой, любовью и научностью давало бы разъясненія посѣтителемъ музея, какъ это дѣлалъ покойникъ Александръ Федоровичъ.

16 мая 1910 г. скончался въ г. Перекопѣ членъ Коммисіи протоіерей Анемподистъ Ипполитовичъ Голубевъ. Онъ въ преклонные уже годы принялъ званіе члена Коммисіи, главнымъ образомъ въ интересахъ заботы о сохраненіи остатковъ турецкой крѣпости въ Перекопѣ, систематически уничтожавшихся жителями этого города и даже его городскимъ управленіемъ. Но болѣзнь и разнообразныя занятія лишили его возможности быть настолько дѣятельнымъ сотрудникомъ Коммисіи, какъ онъ этого желалъ.

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ

Таврической Ученой Архивной Коммисіи
за 1910 годъ.

Приходъ.

Остатокъ къ 1 января 1910 года 2477 р. 52 к.
% на вкладъ 1500 р. съ 1 янв. по 11 февр. 1910 г. 9 р. 50 к.

Пожертвованія на сооруженія музея:

Отъ А. Л. Бортъ-Делагарда	25 р. — к.
Отъ А. В. Орѣшникова	25 р. — к.
Отъ Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирея	100 р. — к.
Отъ П. В. Давыдова	40 р. — к.
Отъ Н. М. Печенкина	50 р. — к.
Членскіе взносы	15 р. — к.
Отъ продажи „Извѣстій“ Коммисіи	29 р. — к.
Пособіе отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ	200 р. — к.
Пособіе отъ Симферопольской Городской Думы	100 р. — к.
Пособіе отъ Таврическаго Губернскаго Земства	300 р. — к.

Итого поступило въ 1910 г. 894 р. — к.
Всего въ приходѣ съ остаткомъ 3371 р. 52 к.

Расходъ.

Печатаніе „Извѣстій“, рисунки, и типографскія работы .	312 р. 75 к.
Покупка древностей, рукописей и монетъ	48 р. — к.
Устройство и содержаніе музея и архива	65 р. — к.
Почтовые, канцелярскіе и мелкіе расходы	38 р. 60 к.
Вѣнокъ на гробъ А. Х. Стевена	19 р. 50 к.
Уплочено членамъ Коммисіи за поѣздки, рисунки, копіи документы и проч.	56 р. 50 к.
	540 р. 35 к.
Остатокъ на 1 января 1911 года	2831 р. 17 к.

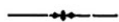
Предсѣдатель Коммисіи *А. И. Маркевичъ.*

Правитель дѣлъ *И. Ф. Ерошеевъ.*

Казначей *А. К. Романюкъ.*

ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Таврической Ученой Аархивной Коммисіи.

Засѣданіе 26 января 1911 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммисіи А. И. Маркевича присутствовали: члены ея—С. А. Мокржецкій, Я. В. Ратиборъ-Уличный, А. К. Романюкъ, протоіерей А. П. Сердобольскій и правитель дѣлъ И. О. Ерошеевъ.

I. Доложенъ протоколъ засѣданія 2-го декабря 1910 г.

Постановлено: утвердить.

II. Доложено отношеніе Управляющаго акцизными сборами Таврической губерніи отъ 13 декабря 1910 г. за № 9563 съ препровожденіемъ описи дѣлъ 2-го разряда канцеляріи упраздняемаго съ 1 января 1911 г. 4 Округа Управленія акцизными сборами Таврической губ. за 1894—1900 г., подлежащихъ уничтоженію, и просьбой, по разсмотрѣніи ея въ возможно скорѣйшее время, указать, какія дѣла изъ нихъ заслуживаютъ выдѣленія для храненія.

Предсѣдатель Коммисіи заявилъ, что, онъ разсмотрѣлъ эту опись и нашелъ, что изъ 428 дѣлъ, означенныхъ въ ней и касающихся мелкихъ вопросовъ о пріисканіи помѣщеній для винныхъ лавокъ, назначеніи сидѣльцевъ и т. п., онъ призналъ заслуживающими храненія 42 дѣла съ отчетностью о продажѣ питья въ IV округѣ.

Постановлено: согласиться съ мнѣніемъ А. И. Маркевича и просить о выдѣленіи этихъ дѣлъ для храненія.

III. Доложено отношеніе Начальника штаба 5-го Пограничнаго Округа отъ 28 декабря 1910 г. за № 5929 съ препровожденіемъ описи 1238 архивныхъ дѣлъ 2-ой разряда 24-й Пограничной Крымской бригады, подлежащихъ уничтоженію, за 1820—1908 г. г., и просьбой сообщить, не встрѣчается ли препятствій къ ихъ уничтоженію. Означенная опись была разсмотрѣна въ томъ же засѣданіи предсѣдателемъ Коммисіи и членомъ ея А. К.

Романюкомъ, при чемъ признапы заслуживающими храненія 130 дѣлъ, касающія контрабанды, происшествій на границѣ и др.

Постановлено: съ возвращеніемъ описи просить о выдѣленіи означенныхъ дѣлъ для храненія.

IV. Доложена переписка о рассмотрѣніи описи 498 подлежащимъ уничтоженію дѣламъ архива Особого Керченскаго отдѣла 5 округа отдѣльнаго корпуса пограничной стражи. Рассмотрѣвъ ее въ настоящемъ засѣданіи, председатель Коммиссіи и членъ ея А. К. Раманюкъ нашли заслуживающими храненія 25 дѣлъ, касающихся кантрабанды и проступковъ пограничной стражи.

Постановлено: съ возвращеніемъ описей просить о передачѣ этихъ дѣлъ въ архивъ Коммиссіи.

V. Выслушавъ отношеніе Новгородскаго Предварительнаго Комитета XV Археологическаго Съѣзда отъ 24 ноября 1910 г. за № 335, обсуждали вопросъ объ участіи Коммиссіи въ предстоящемъ XV Археологическомъ Съѣздѣ въ Новгородѣ и **постановили:** увѣдомить Новгородскій Предварительный Комитетъ Съѣзда, что представителемъ Коммиссіи въ Съѣздѣ избранъ членъ ея Х. П. Яшуржинскій. Что же касается участія въ выставкѣ при Съѣздѣ, увѣдомить, что Коммиссія лишена возможности отправить что либо изъ своихъ собраній на означенную выставку.

VI. Доложено отношеніе Главнаго Редактора Историческихъ Очерковъ столѣтія военнаго министерства генерала отъ кавалеріи Скалона отъ 29 ноября 1910 года за № 132 съ препровожденіемъ Историческаго очерка развитія военнаго управленія въ Россіи съ приложеніемъ.

Постановлено: благодарить.

VII. Доложено препровожденное въ копіи ходатайство Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи, отправленное ою въ Министерство Путей Сообщенія, о льготномъ тарифѣ на перевозку архивныхъ дѣлъ изъ разныхъ учреждений въ Архивныя Коммиссіи по желѣзнымъ дорогамъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VIII. Казначей Коммиссіи, въ виду возможнаго отъѣзда его на продолжительное время изъ Симферополя, просилъ провѣрить его денежный отчетъ о приходѣ и расходѣ суммъ Коммиссіи за истекшій 1910 годъ. Для провѣрки отчета А. К. Раманюка была избрана Коммиссія изъ протоіереевъ А. П. Сердобольскаго, С. А. Мокржецкаго и Я. В. Ратиборъ-Уличнаго, которая нашла прихода-расходную книгу веденною правильно, итоги подведенными вѣрно и остаточную сумму на лицо.

Постановлено: записать въ протоколъ, а А. К. Романюку выразить благодарность за акуратное веденіе обязанности казначея Коммиссіи.

IX. Доложено письмо жителя г. Θεодосіи Османа Мурасова съ препровожденіемъ для музея Коммиссіи нѣсколькихъ рукописныхъ и печатныхъ отрывковъ на турецко-татарскомъ языкѣ: а) нѣсколько листовъ исторіи

Крыма; б) астрономическая замѣтка; в) запись стариннаго заговора или заклинанія; г) арабскіе тексты памятниковъ музея въ Θεодосіи и два портрета, взятые изъ иностранныхъ изданій, хановъ Гази-Гирея I-го (997—1018 г.) и Ислямъ-Гирея II (1054—1065) для снятія копій, если эти портреты заслуживаютъ вниманія.

Постановлено: благодарить Османа Мурасова за его пожертвованіе для музея Коммиссіи.

Х. Доложено сообщеніе члена Коммиссіи Е. Э. Иванова. „Херсонесъ Таврическій“, начало котораго было напечатано въ „Вѣстникъ Европы“.

По заслушаніи этого сообщенія, обнимающаго исторію Херсонеса и раскопки въ немъ до послѣдняго времени, **постановлено:** напечатать его въ „Извѣстіяхъ“ Коммиссіи и иллюстрировать рисунками Херсонесскихъ древностей.

ХІ. Доложено письмо А. О. Кашпара съ увѣдомленіемъ о томъ, что изготовленіе и пересылка рисунковъ къ статьѣ г. Желизко обошлись 15 р. 50 к.

Постановлено: расходъ утвердить и деньги выслать А. О. Кашпару.

ХІІ. Доложено письмо проф. Н. И. Веселовскаго съ приложеніемъ счета за исполненіе рисунковъ къ его статьѣ и пересылку ихъ на 44 р. 19 к.

Постановлено: расходъ утвердить и деньги выслать по принадлежности.

ХІІІ. Предсѣдатель Коммиссіи напомнилъ, что 19 числа наступающаго февраля исполнится 50 лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ, и было бы уместно и цѣлесообразно въ этотъ день устроить засѣданіе Коммиссіи, посвященное воспоминанію объ этомъ событіи.

Постановлено: раздѣляя вполне мысль А. И. Маркевича, устроить 21 февраля засѣданіе Коммиссіи въ память освобожденія крестьянъ и просить А. И. Маркевича сдѣлать сообщеніе о введеніи крестьянской реформы въ Таврической губерніи.

ХІV. Предложены въ члены Коммиссіи предсѣдателемъ Коммиссіи, С. А. Мокржецкимъ и А. К. Романюкомъ и избраны въ томъ же засѣданіи слѣдующія лица: гласный Таврическаго губернскаго земства Дмитрій Дмитриевичъ Посполитакі, преподаватель Симферопольскаго реальнаго училища Дмитрій Петровичъ Петровъ, учитель татарскаго училища въ Θεодосіи Османъ Мурасовъ и служащій въ Таврической губернской земской управѣ Ѳеодоръ Николаевичъ Андреевскій.

ХV. Въ бібліотекѣ Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Канцеляріи Государственной Думы: Стенографическій отчетъ. Третій созывъ. Томъ IV. Часть I. Засѣданія 1—17.

2. Отъ Императорской Академіи Наукъ: „Извѣстія“, №№ 17 и 18 за 1910 г. и № 1 за 1911 г.

3. Отъ Главнаго Военнаго Штаба: Столѣтіе военнаго министерства, т. I. Историческій очеркъ развитія военнаго управленія въ Россіи съ приложеніемъ.

4. Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ: „Чтенія“, кн. I (236) за 1911 г.

5. Отъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи: Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга XVI-ая, 1910 г.

6. Отъ Императорскаго Университета св. Владиміра; „Университетскія Извѣстія“, №№ 10 и 11 за 1910 г.

7. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, №№ 1 и 12 за 1910 г.

8. Отъ Тверской Ученой Архивной Коммисіи: а) Журналъ 102-го засѣданія Коммисіи, 31 мая 1907 г. б) Новоторжскій Воскресенскій женскій монастырь. Историческій очеркъ. Е. А. Вorigина.

9. Отъ Екатеринбургской Ученой Архивной Коммисіи: „Лѣтопись“, вып. 6-й, 1910 г.

10. Отъ Полтавской Ученой Архивной Коммисіи: Труды, вып. 7-й.

11. Отъ Черниговской Ученой Архивной Коммисіи: Отчетъ за 1909 г.

12. Отъ Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета: Воронежская Старина, вып. 9-й.

13. Отъ Подольскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества: Отчетъ за 1910 годъ.

14. Отъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго сѣвера: „Извѣстія“, №№ 23 и 24 за 1910 г. и № 1 за 1911 г.

15. Отъ Редакціи Таврическаго Церковно-Общественнаго Вѣстника: №№ Вѣстника 34, 35, и 36 за 1910 г. и № 1—2 и 3 за 1911 г.

16. Отъ Редакціи Записокъ Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба: вып. 2-й и 3-й Записокъ за 1910 г.

17. Отъ Казанскаго Городскаго Научно-Промышленнаго Музея: Каталогъ его: растений и историко-этнографическій.

18. Отъ Симферопольской Городской Думы: № 10 ея „Извѣстій“ за 1910 г.

19. Отъ Таврической Губернской Земской Управы: Систематическій сводъ постановленій Таврическаго Земства, т. 1 и т. 2, ч. 1 и 2.

20. Отъ члена Коммисіи Д. Я. Самоковскаго его труды: а) Къ вопросу о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи, 1910 г. и б) Крестьяне древней Россіи по новооткрытымъ документамъ, 1909 г.

21. Отъ члена Коммисіи С. А. Бѣлокурова его труды: а) „Дѣло Флетчера“, 1848—1864 г. и б) Отзывъ о сочиненіи Н. Д. Цвѣткова: „Московскія Кремлевскія дворцовыя церкви и служившія при нихъ лица въ XVII в.“

22. Отъ члена Коммисіи Н. Н. Любовича его труды: а) Грюнвальдская битва. Историческое значеніе ея и б) Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte. Рецензія. Варшава 1911 г.

23. Отъ члена Коммисіи А. Н. Норцова его трудъ: Архивъ графовъ Канкриныхъ-Ламбертъ-Сухтеленъ. Тамбовъ 1910 г.

24. Отъ члена Коммисіи Д. С. Спиридонова его труды: а) Древне-христіанскіе мученики и б) Къ полемикъ Діодора Таресскаго съ Аполлинаріемъ Лаодикійскимъ" и соч. П. И. Кеппена: Древности сѣвернаго берега Понта 1828 г.

25. Отъ члена Коммисіи И. Θ. Ероѣева его трудъ: „Українськи думи і їх редакції.

26. Отъ П. А. Двойченка его трудъ: Гидрогеологическій очеркъ населенныхъ пунктовъ Перекопскаго уѣзда. Вып. 1.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 21 февраля 1911 года.

Подъ предѣдательствомъ Непремѣннаго попечителя Коммисіи Таврическаго губернатора В. В. Новицкаго присутствовали: предѣдатель Коммисіи А. И. Маркевичъ, члены: Θ. Н. Андреевскій, Н. С. Бѣляевъ, П. С. Грушинскій, В. Д. Георгіевъ, Л. В. Жирицкій, Н. Н. Клеппингъ, Аблякимъ Куламетъ оглу, А. П. Кюри, В. А. Ивановъ, П. Н. Масальскій, П. В. Масловъ, протоіерей А. Е. Назаревскій, Я. В. Ратиборъ-Уличный, М. И. Скубетовъ, М. М. Шведовъ, правитель дѣлъ И. Θ. Ероѣевъ и гости: С. Д. Маргаритовъ, А. Θ. Кудрицкій, А. И. Вишняковъ, А. И. Перекрестовъ и С. П. Куцъ.

I. По открытіи засѣданія предѣдатель Коммисіи обратился къ собранію со слѣдующими словами:

„Ваше Превосходительство, Милостивые Государи.

Не только вся Россія, но и весь культурный міръ вспоминаетъ въ настоящее время одно изъ величайшихъ событій всемірной исторіи. Полвѣка тому назадъ „маніемъ Царя“ освобождено было отъ крѣпостного состоянія 59 милліоновъ русскихъ крестьянъ, изъ которыхъ свыше 22 милліоновъ находилось въ рабской зависимости отъ помѣщиковъ. Величіе этого событія становится еще болѣе яснымъ при мысли о томъ, что все это громадное количество крестьянъ освобождено было съ надѣломъ ихъ землею съ правомъ выкупа еѣ въ собственность, и что вся реформа совершилась съ чистоэпическимъ величіемъ, простотою и спокойствіемъ, поразившими современниковъ. Благоговѣніе къ блаженной памяти Великаго Царя—Освободителя, Императора Александра II-го, и благодарность къ дѣятелямъ освобожденія крестьянъ—вотъ чувства, которыми проникнуты всѣ мы въ настоящее время, и сегодняшнее засѣданіе Коммисіи, посвященное воспоминанію о свершившейся 50 лѣтъ тому назадъ великой крестьянской реформѣ, дол-

жно быть начато ихъ выраженіемъ. Прошу собраніе вставаніемъ почтить память въ Божѣ почивающаго Императора Александра II-го и всѣхъ потрудившихся въ дѣлѣ уничтоженія у насъ крѣпостного права“.

Собраніе почтило вставаніемъ память Императора Александра II-го и всѣхъ дѣятелей по введенію въ жизнь реформы 19 февраля 1861 года.

II. Предсѣдатель Коммиссіи сдѣлалъ сообщеніе „О введеніи крестьянской реформы въ Таврической губерніи“, на основаніи архивнаго матеріала.

Постановлено: благодарить А. И. Марковича за сообщеніе, которое напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммиссіи.

III. По предложенію предсѣдателя Коммиссіи, былъ составленъ и подписанъ всѣми присутствовавшими въ засѣданіи членами Коммиссіи слѣдующій привѣтственный адресъ маститому члену ея П. В. Давыдову, дѣятелю крестьянской реформы, бывшему члену Таврическаго губернскаго комитета по улучшенію быта крестьянъ.

„Глубокоуважаемый Петръ Васильевичъ. Вспоминая въ настоящее время великую крестьянскую реформу, свершившуюся полвѣка тому назадъ, въ которой и Вы принимали живое и дѣятельное участіе, въ качествѣ члена Таврическаго губернскаго комитета, Таврическая Ученая Архивная Коммиссія съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуетъ Васъ, своего маститаго сочлена, и желаетъ Вамъ здоровья и душевной бодрости на многія и многія лѣта“.

IV. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что въ началѣ текущаго мѣсяца исполнилось 25 лѣтъ служенія члена Коммиссіи графа А. А. Бобринскаго въ званіи Предсѣдателя Императорской Археологической Коммиссіи. Собраніе единодушно постановило привѣтствовать Его Сіятельство отъ имени Коммиссіи съ четвертьвѣковымъ юбилеемъ его неустанной дѣятельности по охранѣ и изслѣдованію памятниковъ древности на всемъ пространствѣ нашего отечества, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить его принять званіе почетнаго члена Коммиссіи.

VI. Доложена препровожденная на заключеніе Коммиссіи опись подлежащимъ уничтоженію дѣламъ 2-го разряда штаба Измаильской бригады 5-го округа корпуса пограничной стражи.

Постановлено: просить предсѣдателя Коммиссіи взять на себя трудъ разсмотрѣнія этой описи.

VII. Доложено отношеніе Ученаго Комитета Министерства Финансовъ отъ 12 февраля с. г. за № 30 съ просьбой о бесплатной доставкѣ библіотекъ Комитета экземпляра „Извѣстій“ Коммиссіи.

Постановлено: увѣдомить, что Коммиссія, въ виду ограниченности средствъ, не имѣетъ возможности высылать свои „Извѣстія“ бесплатно, но согласна высылать ихъ въ библіотеку Ученаго Комитета Министерства Финансовъ за удешевленную плату.

VIII. Доложено отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 10 февраля с. г. за № 147 съ просьбой командировать въ Новгородъ депутатовъ къ 21 іюля текущаго года въ XV Всероссийскій Археологическій Съѣздъ и препровожденіемъ правилъ означеннаго Съѣзда.

Постановлено: благодарить за приглашеніе и увѣдомить, что пока согласился быть депутатомъ Комиссіи въ XV Новгородскомъ Археологическомъ съѣздѣ членъ ея Х. П. Яшуржинскій.

IX. Доложены увѣдомленія разныхъ обществъ и учреждений о полученіи № 45-го „Извѣстій“ Комиссіи.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

X. Доложено сообщенію члена Комиссіи проф. Н. И. Веселовскаго „Замѣтка о балбалахъ“.

Постановлено: благодарить Н. И. Веселовскаго за его сообщеніе которое напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Комиссіи.

XI. Доложено присланное членомъ Комиссіи Х. П. Яшуржинскимъ извлеченію изъ находящагося въ архивѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей „сборника архієпископа Екатеринославскаго, Херсонскаго и Таврическаго Гавріила“: I, 23, 23. II. 5.: „о присоединенныхъ къ православію и крещенныхъ инувѣрцахъ въ Крыму въ 1782 г.“

Постановлено: благодарить за сообщеніе этого матеріала.

XI. Доложено слѣдующее сообщеніе члена Комиссіи Х. И. Иоаннесова о кладбищѣ въ Θεодосіи, на дачѣ Рукавишникова.

„Лѣтомъ прошлаго 1910 года я, будучи въ Θεодосіи, случайно узналъ, что недалеко отъ дачи, г. Шелковникова на землѣ Рукавишникова, находится какая-то заброшенная, забытая могила, на надгробной плитѣ которой сохранились слѣды армянской надписи. Владѣнія бывшаго московскаго городского головы Рукавишникова, въ настоящее время разбитыя на мелкіе участки, продаются. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза,—довольно красивая часовня, построенная надъ могилой кавказскаго героя, генерала Петра Степановича Котляревскаго, какъ гласить надпись на мраморной доскѣ, присланной отъ Кавказскаго военнаго штаба изъ Тифлиса и прибитая полковникомъ Шелковниковымъ къ западной стѣнѣ часовни. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, въ юго-западномъ направленіи, я замѣтилъ могилу вѣрнаго слуги генерала Котляревскаго, денщика, умершаго въ преклонномъ возрастѣ, на 83 году жизни. Мы обошли вокругъ часовни и пришли къ некоей могилѣ, заросшей высокой травой. Камень около двухъ аршинъ длины и аршинъ слишкомъ ширины, высота 6 вершковъ, Плита покрыта мхомъ и слоемъ грязи.—Съ полчаса повозившись надъ ней, мы очистили камень и прочли армянскую надпись, которая въ дословномъ переводѣ гласитъ: „Это—гробница упокоенія дочери Хаджи, супруги Ованеса Менентъ бика; братъ ея Пирбали велѣлъ украсить гробницу новопреставленной въ горнюю жизнь

въ 1120 году“ (армянскаго лѣтосчисленія т. е. въ 1671 году)“. Означенная надпись вполне крымская, съ типичными именами, принятыми у армянъ Тавриды. Вблизи этой могилы находятся другія.

Постановлено: благодарить за сообщеніе, которое внести въ протоколъ настоящаго засѣданія, и навести справки о мѣстѣ, гдѣ находится прахъ генерала П. С. Котляревскаго, и о состояніи его могилы.

ХІІ. Доложено сообщеніе проф. Веселовскаго въ отвѣтъ на сдѣланный ему запросъ о значеніи находящейся въ музеѣ Коммисіи каменной плиты, найденной на Качѣ и пожертвованной А. А. Ивановымъ: „Плита надгробная; подобныя, по словамъ Б. В. Фармаковского, попадались въ Ольвіи. Время позднее римское. Сюжетъ слѣдующій: семейная группа; сидитъ глава, т. е. покойникъ, и передъ нимъ семья въ видѣ одорантовъ“.

Постановлено: записать въ протоколъ.

ХІІІ. Членъ Коммисіи Аблякимъ Куламетъ оглу эфенди представилъ для библіотеки Коммисіи слѣдующія рукописныя книги и документы: 1) переписка персидскаго правительства съ турецкимъ по разнымъ вопросамъ времени шаховъ Такмаихъ Кулихана и Надыръ шаха и султана Мурата IV; 2) астрономія и физика на арабскомъ языкѣ (соч. персидскаго ученаго Несыръ Тусы); 3) соч. по медицинѣ на арабскомъ языкѣ 735 г. гиджры; 4) фирманъ султана Махмута, сына Мустафы, Соитъ Магомету, имаму прихода Хаминъ, въ Босніи, годъ вырванъ; 5) фирманъ султана Селима, сына Мустафы, 1221 г., коимъ имущество умершихъ паломниковъ изъ Крыма передается Сентъ Абдуррахману, а затѣмъ, вмѣсто него, Хабибу; 6) фирманъ Абдулъ Гамида I кадію г. Баликесры объ отправкѣ на судъ въ г. Бруссу трехъ лицъ; 7) раздѣльный актъ, составленный кадіемъ, на имущество умершаго татарина д. Бешикурка, Осодосійскаго уѣзда, 1113 г.

Постановлено: благодарить.

ХІV. Предложенъ председателемъ, протоіереемъ Назаревскимъ М. М. Швовымъ въ члены Коммисіи и избранъ директоръ народныхъ училищъ Таврической губерніи Сергѣй Дмитріевичъ Маргаритовъ.

ХV. Доложенъ протоколъ засѣданія Коммисіи 26 января.

Постановлено: утвердить.

ХVІ. Въ библіотеку Коммисіи поступили слѣдующія книги и брошюры:

1. Отъ Канцеляріи Государственной Думы: Стенографическій отчетъ Государственной Думы. Третій созывъ. Сессія IV. Ч. I, Засѣданія 18—26.

2. Отъ Императорской Академіи Наукъ: Извѣстія, №№ 2 и 3 за 1911 г.

3. Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: а) Записки Восточнаго отдѣленія, Т. XIX, вып. IV (1910), б) Записки Нумизматическаго отдѣленія, Т. I, вып. IV и Т. II, вып. I—II.

4. Отъ Университета Св. Владиміра: „Университетскія Извѣстія“, № 12 за 1910 г. и № 1 за 1911 г.

5. Отъ Историческаго Общества Нестора лѣтописца: Чтенія, книга 21, вып. I—II и III (1910).

6. Отъ Сенатскаго Архива: а) Сенатскій Архивъ. Т. XIV. Указы и повелѣнія Императрицы Екатерины II за 1764 г., б) Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Сенатскомъ Архивѣ, Отд. I, т. II, Отд. II, т. II, Отд. III, т. 1-й; в) Матеріалы для алфавитнаго указателя къ журналамъ и опредѣленіямъ 1-го департамента Правительствующаго Сената 1797—1825 г. г. I, А.

7. Отъ Саратовской Ученой Архивной Коммисіи: Матеріалы по крѣпостному праву. Саратовская губернія. 1911 г.

8. Отъ Рязанской Ученой Архивной Коммисіи: а) Труды 1908—1909 г., т. XXXIII, вып. I; б) Отчеты за 1907 и 1908 г. г.

9. Отъ Смоленской Ученой Архивной Коммисіи: а) Смоленская Старица, вып. I, ч. I и Отчетъ за 1908—1909 г.

11. Отъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера: Извѣстія, №№ 2 и 3 за 1911 г.

12. Отъ Редакціи журнала „Таврическій Церковно-Общественный Вѣстникъ“: №№ 4 и 5 за 1911 г.

13. Отъ члена Коммисіи А. Л. Бертъе-Делагардъ его трудъ: „Дифференцы на боспорскихъ царскихъ монетахъ римскаго времени“.

10. Отъ Оренбургской Ученой Архивной Коммисіи: Труды, вып. XXII. Древности Киргизской степи и Оренбургскаго края, I. А. Касташе.

14. Отъ члена Коммисіи И. Θ. Ерошеева брошюры: а) Изъ эпохи Крымской войны, Θ. Стулли и б) Историческій очеркъ дѣятельности Россійскаго Общества Краснаго Креста. 1896 г.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 30 марта 1911 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммисіи А. И. Маркевича присутствовали г. г. члены ея: П. С. Грушинскій, А. В. Жирицкій, Л. П. Колли, Аблякимъ Куламетъ оглу, П. В. Масловъ, Я. В. Ратиборъ-Узинчій, М. И. Скубетовъ, правитель дѣлъ И. Θ. Ерошеевъ и гость П. В. Чинновъ.

I. Доложенъ протоколъ засѣданія 21 февраля 1911 г.

Постановлено: утвердить.

II. Доложенъ отчетъ о дѣятельности Коммисіи въ 1911 г.

Постановлено: утвердить.

III. Доложено письмо графа А. А. Бобринскаго съ выраженіемъ благодарности за привѣтствіе его по случаю исполнившагося 25-лѣтія дѣятельно-

ности его въ званіи предсѣдателя Императорской Археологической Коммисіи и избраніе его въ почетные члены Коммисіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

IV. Доложено отношеніе Канцеляріи Государственной Думы (отдѣлъ общихъ дѣлъ, 6-ое дѣлопроизводство) отъ 8 марта с. г. за № 1236 съ увѣдомленіемъ о томъ, что Коммисія включена въ число учреждений, въ которыя будутъ высылаемы Государственною Типографіею всѣ изданія Государственной Думы, а именно (сверхъ стенографическихъ отчетовъ): 1) Приложенія къ стенографическимъ отчетамъ, 2) Доклады бюджетной коммисіи, 3) Обзоръ дѣятельности коммисій и отдѣловъ и 4) Проекты законовъ, принятые Государственною Думою въ I сессіи 1907—1908 г. г.

Постановлено: благодарить.

V. Доложено отношеніе Коммисіи по устройству состоящей подъ **ВЫСОЧАЙШИМЪ** Государя Императора покровительствомъ выставки: „Ломоносовъ и Елисаветинское время“ при Императорской Академіи Наукъ, отъ 12 марта 1911 года за № 643, съ просьбой сообщить, не имѣетъ ли Таврическая Ученая Архивная Коммисія какихъ-либо предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ задачамъ Выставки, посвященной памяти Августѣйшей Покровительницы Ломоносова, какъ то: портретовъ эпохи 1740—1750 г. г., официальныхъ и частныхъ документовъ и рукописей, печатныхъ изданій, предметовъ быта, искусства, театра и музыки, военной исторіи, торговли и промышленности, видовъ русскихъ городовъ и въ частности тѣхъ, которые такъ или иначе связаны съ именемъ Императрицы Елисаветы, и печатной литературы объ Императрицѣ Елисаветѣ и ея времени, и высылкѣ тѣхъ изъ нихъ, которые могутъ быть интересны для Выставки.

Постановлено: увѣдомить, что никакихъ предметовъ, касающихся Ломоносова и Елисаветинской эпохи 1740—1750 г. г., въ музеѣ и библіотекѣ Коммисіи не имѣется.

VI. Доложено отношеніе Управляющаго Художественно-Историческимъ Хранилищемъ Казанскаго Дворянства отъ 22 марта с. г. за № 32 съ приложеніемъ экземпляра Положенія о Хранилищѣ и просьбой о высылкѣ ему списка изданій Коммисіи и порядка полученіи ихъ.

Постановлено: увѣдомить объ „Извѣстіяхъ“ Коммисіи и сообщить, что №№ 1—45 могутъ быть высланы Худ.-Истор. Хранилищу Казанскаго Дворянства за плату 25 руб.

VII. Доложено отношеніе Хлудовской Библіотеки рукописей и старопечатныхъ книгъ отъ 2 марта с. г. за № 99 съ просьбой о бесплатной высылкѣ ей „Извѣстій“ Коммисіи.

Постановлено: выслать наложеннымъ платежомъ „Извѣстія“ Коммисіи, начиная съ 8-го выпуска.

VIII. Предсѣдатель заявилъ, что членъ Коммисіи профессоръ И. А. Линниченко выразилъ желаніе быть представителемъ ея въ предстоящемъ XV-мъ Всароссійскомъ Археологическомъ Сѣздѣ въ Новгородѣ.

Постановлено: избрать проф. Линниченко въ представители Коммисіи въ означенномъ сѣздѣ, о чемъ довести до свѣдѣнія Императорскаго Археологическаго Общества и Предварительнаго Комитета Сѣзда.

IX. Доложено отношеніе Правленія Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба отъ 16 февраля с. г. за № 290 съ просьбой о высылкѣ недостающаго въ библиотекѣ Клуба № 37 „Извѣстій“ Коммисіи.

X. Доложено отношеніе Керченскаго пограничнаго отдѣла отъ 23 марта с. г. за № 723 съ препровожденіемъ для храненія 11-ти дѣлъ, отобранныхъ Коммисіей, и увѣдомленіемъ, что остальныхъ дѣлъ, признанныхъ Коммисіей заслуживающими храненія, при осмотрѣ архива отдѣла не оказалось.

Постановлено: записать въ протоколъ.

XI. Доложено прошеніе Евгенія Васильевича Салькова, сына Перекопскаго 2 гильдіи купца, отъ 12 марта о допущеніи его къ изученію рукописей Коммисіи, относящихся къ древней татарской и запорожской жизни.

Постановлено: увѣдомить просителя, что матеріаловъ, касающихся запорожья, въ Коммисіи не имѣется; что же касается рукописей на татарскомъ и другихъ восточныхъ языкахъ, то изученіе ихъ можетъ быть ему дозволено.

XII. Доложено прошеніе Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи съ просьбой о высылкѣ ей №№ 1, 2, 3 и 30 „Извѣстій“.

Постановлено: выслать № 30-й, въ высылкѣ же первыхъ трехъ выпусковъ отказать, такъ какъ почти всѣ экземпляры этихъ выпусковъ разошлись.

XIII. Л. П. Колли сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе о могилѣ генерала Котляревскаго въ Θεодосіи, о которой былъ поднятъ вопросъ въ предыдущемъ засѣданіи Коммисіи.

„Могила генерала Котляревскаго, героя покоренія Кавказа, блистательнѣйшимъ подвигомъ котораго было взятіе крѣпости Ленкорани 31 дек. 1812 г. послѣ ужаснаго штурма, во время котораго онъ былъ изувѣченъ навсегда, находится въ Θεодосіи, на принадлежавшей знаменитому герою дачѣ „Добрый Пріютъ“. Здѣсь выйдя въ отставку и поселившись въ Θεодосіи, онъ прожилъ до смерти болѣе двадцати лѣтъ. Потомъ эта дача перешла къ Рукавишниковымъ. Въ 1910 г. она была разбита на участки, быстро раскупленные Θεодосійскими капиталистами. Главный участокъ съ садомъ, оранжереєю и дачными постройками владѣлецъ удержалъ за собою и отдѣлилъ ее стѣной. Между участками намѣчены улицы и даже площадь для сквера или базара. Пространство, отдѣленное для площади, передано г. Рукавишниковымъ городу. На этомъ участкѣ находится и могила героя въ видѣ часовни—мавзолея съ куполомъ; часовня освящена въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Могила прикрываетъ чугунная плита съ подобающей надписью.

На стѣнѣ раньше висѣлъ серебряный вѣнокъ, безъ надписи, вѣроятно отъ 14 Грузинскаго гренадерскаго имени генерала Котляревскаго полка. Этотъ вѣнокъ, въ виду его цѣнности и во избѣжаніе похищенія, былъ переданъ ево-досійскимъ городскимъ головой на храненіе въ мѣстное отдѣленіе государственнаго банка. Состояніе могилы пока удовлетворительно, но въ будущемъ, несомнѣнно, поднимется вопросъ, что дѣлать съ могилой героя: оставить ли ее на мѣстѣ или перенести, и куда именно. Пока о могилѣ Котляревскаго заботится Грузинскій полкъ. Заботливо относится къ ней и владѣлецъ дачи. По инициативѣ И. К. Айвазовскаго, въ началѣ 70-хъ годовъ былъ поднятъ вопросъ о перенесеніи праха гон. Котляревскаго въ часовню, сооруженную для этой именно цѣли въ зданіи музея древностей, но почему-то это не состоялось. Память о знаменитомъ героѣ—покорителѣ Кавказа—еще жива въ Феодосіи, и еще недавно старожилы передавали личные воспоминанія о немъ. Наружность израненнаго героя, у котораго было свыше 40 ранъ, разсѣченное лицо, производила и тяжелое, и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекательное впечатлѣніе, и не пугала дѣтей, которыхъ особенно любилъ генералъ Котляревскій. Въ табельные дни онъ, одѣтый въ полную парадную форму, выходилъ къ толпѣ собиравшихся у его дома дѣтей и поздравлялъ ихъ съ праздникомъ; дѣти кричали „ура“, а потомъ по командѣ генерала проходили передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ. Пушкинъ, посѣтившій Феодосію по пути съ Кавказа въ Крымъ вмѣстѣ съ героемъ 1812 г. генераломъ Раевскимъ въ эпилогѣ къ „Кавказскому плѣннику“ въ такихъ словахъ воснѣлъ Котляревскаго:

О, Котляревскій, бичъ Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ходъ, какъ черная зараза,
Губилъ, ничтожилъ племена...
Ты днесъ покинулъ саблю мести,
Тебя не радуешь война;
Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашнихъ доловъ...”

Выслушавъ это сообщеніе, собраніе *благодарило* А. П. Колли за интересные свѣдѣнія о могилѣ гон. Котляревскаго и самомъ героѣ, которыя *постановлено* внести въ протоколъ настоящаго засѣданія.

XIV. Доложено сообщеніе И. И. Махова: „Амфорныя ручки о. Оазоса съ оттиснутыми на нихъ именами астиномовъ и эмблемами, найденныя въ Херсонесѣ“, составляющее первую главу составляемаго имъ труда объ амфорныхъ ручкахъ Херсонеса. Въ обсужденіи доклада принимали участіе председатель Коммиссіи и г.г. Жирицкій, Колли и Скубетовъ.

Постановлено: благодарить г. Махова за трудъ, который напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Коммиссіи, и просить автора сообщить Коммиссіи и дальнѣйшія части его труда.

XV. Предсѣдатель Коммисіи заявилъ, что ему удалось приобрести для музея Коммисіи шесть татарскихъ чадръ старой ручной работы.

Постановлено: расходъ по покупкѣ ихъ (8 руб.) принять на счетъ Коммисіи.

XVI. Предсѣдатель Коммисіи представилъ двѣ серебряныя медали, пожертвованныя А. Н. Маркевичъ для музея Коммисіи: а) медаль— рубль въ память освобожденія крестьянъ и б) медаль въ память открытія Александровской колонны въ Петербургѣ.

Постановлено: благодарить г-жу Маркевичъ за пожертвованіе.

XVII. Предложены въ члены Коммисіи предсѣдателемъ Коммисіи, Л. П. Колли и И. О. Ерошеевымъ: завѣдующій раскопками въ Херсонесѣ членъ Императорской Археологической Коммисіи Романъ Христіановичъ Леперъ, преподаватель Таврической духовной семинаріи Петръ Васильевичъ Чинновъ, архивариусъ губернскаго правленія Василій Александровичъ Николаевскій, контролеръ Севастопольскаго акцизнаго управленія Иванъ Ивановичъ Маховъ и служащій въ Херсонесѣ при раскопкахъ Д. Н. Косцюшко-Валюжиничъ.

XVIII. Въ бібліотеку Коммисіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Канцеляріи Государственной Думы: Стенографическій отчетъ. Третій созывъ. Сессія VII. Ч. I. Засѣданія 27—52.

2. Отъ Императорской Академіи Наукъ: „Извѣстія“, №№ 4 5 за 1911 г.

3. Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: а) Записки классическаго отдѣленія, т. VI и б) Записки Восточнаго отдѣленія, т. XX, вып. 1.

4. Отъ Кіевской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ: Архивъ Юго-западной Россіи: а) ч. 2, т. III, ч. 8, т. III, ч. 8, т. IV, ч. 8, т. V, ч. 3, т. VI. и б) Матеріалы по исторіи Русской картографіи, вып. 2.

5. Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ: Чтенія, кн. 2 (237) за 1911 г.

6. Отъ Университета св. Владиміра: Университетскія Извѣстія, № № 2 и 3 за 1911 г.

7. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, №№ 1 и 2 за 1911 г.

8. Отъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института: „Извѣстія“, (отдѣлъ наукъ экономическихъ и политическихъ), т. XIV, 1911 г.

9. Отъ Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи: а) Сборникъ статей и пр., т. VIII, б) журналы и доклады засѣданій за 1909—1910 г.г., в) А. И. Котаевъ: Смута Московскаго государства и отраженіе ея въ Новгородѣ, г) П. Г. Васенко: патріархъ Гермогенъ, д) М. А. Поліевктовъ: Мининъ и Пожарскій, е) С. О. Платоновъ: Савва Ефимьевъ, протопопъ

Спасо-Преображенскаго Собора въ Н.-Новгородѣ и ж) А. Садовскій: О потомствѣ сестры Мишина, дарыи Мишины.

10. Отъ Калужской Ученой Архивной Комиссіи: „Извѣстія“, вып. XXI, 1911 г.

11. Отъ Минскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета: Минская Старина, вып. 2, 1911 г.

12. Отъ Украинскаго Науковаго Товариства въ Кіевѣ: Записки, кн. VIII, за 1911 г.

13. Отъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера „Извѣстія“, №№ 4 и 5 за 1911 г.

14. Отъ Редакціи Таврическаго Церковно-Общественнаго Вѣстника: №№ 6, 7, 8 и 9 этого изданія за 1911 г.

15. Отъ Естественнo-историческаго музея Таврическаго губернскаго земства: а) Отчетъ за 1911 г. б) С. А. Мокржецкій: Вредныя насѣкомыя и болѣзни растеній въ Таврической губ. въ 1910 г.

16. Отъ Статистическаго бюро Таврическаго губернскаго земства: Сельско-хозяйственный обзоръ Таврической губерніи за 1899—1908 г. г.

17. Отъ Археологической Комиссіи Чешской Академіи и Чешскаго Музея: Památky archaeologické a mistopisné, т. XXIV, вып. II—III, за 1910 г.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 26 мая 1911 г.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Комиссіи А. И. Маркевича присутствовали члены: П. Г. Викторовскій, Аблякимъ Куламетъ оглу эфенди, П. В. Масловъ, С. А. Мокржецкій, А. К. Романюкъ, протоіерей А. П. Сердобольскій, П. В. Чинновъ, правитель дѣлъ И. Θ. Ерошеевъ и гости В. В. Александровскій и О. Н. Бѣляевъ.

I. Открывъ засѣданіе, предсѣдатель Комиссіи напомнилъ собранію о тяжелой, неоцѣнимой, потерѣ, которую понесла русская наука въ лицѣ скончавшагося профессора—историка В. О. Ключевского, замѣчательнаго изслѣдователя внутренней стороны русской жизни, особенно въ московскій періодъ.

По предложенію предсѣдателя, присутствующіе почтили память покойнаго вставаніемъ.

II. Предсѣдатель Комиссіи напомнилъ о кончинѣ непремѣннаго почителя ея, Таврическаго губерпатора В. В. Новицкаго, и указалъ на внимательное отношеніе его къ дѣятельности Комиссіи въ теченіе четырехъ лѣтъ.

По предложенію предсѣдателя, собраніе почтило память покойнаго В. В. Новицкаго вставаніемъ.

III. Доложенъ протоколъ засѣданія Коммисіи 30 марта 1911 г.

Постановлено: утвердить.

IV. Доложено отношеніе директора Московскаго Археологическаго Института А. И. Успенскаго отъ 17 мая с. г. за № 1188 съ просьбой принять участіе въ торжественномъ актѣ Института, имѣющемъ быть въ Смоленскѣ 30 сего мая, по случаю торжества передачи княгиней М. К. Тенишевой своего музея русской старины въ даръ Московскому Археологическому Институту.

При этомъ предсѣдатель Коммисіи указалъ на составъ и значеніе этого богатѣйшаго музея, который, къ счастью, остался въ Россіи и не попалъ за границу.

Постановлено: привѣтствовать Московскій Археологическій Институтъ 30 мая, по случаю означеннаго торжества, телеграммой отъ имени Коммисіи.

V. Доложено отношеніе Таврическаго Губернскаго Правленія по Строительному отдѣленію, отъ 26 апрѣля с. г. за № 997, съ просьбой сообщить ему свѣдѣнія о томъ, какое значеніе имѣетъ древняя церковь съ фресками въ Θεодосійскомъ карантинѣ, какъ памятникъ древности, въ художественно-археологическомъ отношеніи, въ виду необходимости испрошенія у подлежащаго министра кредита на ремонтъ ея. Предсѣдатель Коммисіи доложилъ, что немедленно по полученіи означеннаго отношенія онъ обратился съ просьбой къ члену Коммисіи Л. П. Колли объ осмотрѣ и описаніи этого памятника XV вѣка, и г. Колли прислалъ въ Коммисію три фотографическихъ снимка и слѣдующія подробныя свѣдѣнія о немъ.

„Какъ легко убѣдиться изъ представленныхъ при семъ фотографическихъ снимковъ, эта церковь съ фресками въ карантинѣ въ настоящее время разрушается, можно сказать, по всѣмъ швамъ. Еще годъ тому назадъ, благодаря заботамъ начальника карантина доктора Арутюнова, сѣверная, боковая стѣна зданія подперта была бревнами и досками, такъ какъ, по словамъ карантинныхъ служащихъ, трещины въ стѣнахъ все болѣе и болѣе расширяются. Одна большая трещина очень замѣтна на западномъ (главномъ) фасадѣ, параллельно лѣвому (сѣв.-зап.) углу постройки. Къ несчастью, подобныхъ трещинъ есть еще нѣсколько въ другихъ стѣнахъ и углахъ, такъ что, войдя въ самое зданіе, я могъ замѣтить, что эти трещины всѣ сквозныя и настолько значительны, что лучи свѣта свободно пробиваются сверху донизу черезъ нихъ внутри церкви.

Потолокъ, изъ каменныхъ шиферныхъ плитокъ, двускатный, держится на двухъ аркахъ, изъ тесанаго камня, упирающихся на 4-хъ выступающихъ на боковыхъ стѣнахъ пилястрахъ.

Стѣны, замѣтно, были когда-то заштукатурены и разрисованы красками *al fresco*, съ изображеніями на нихъ множества фигуръ и ликовъ святыхъ. Алтарная стѣна, вся покрытая изображеніями, лучше остальныхъ сохранилась. Въ серединѣ этой стѣны еще хорошо виднѣется ликъ Пресвятой Бо-

гоматери и, по бокамъ ея, лики святыхъ во весь ростъ. На южной стѣнѣ, въ одномъ мѣстѣ, замѣчается крупъ бѣлаго коня, скачущаго влѣво. Я думаю, что здѣсь было изображеніе Св. Георгія Побѣдоносца. На южной стѣнѣ, надъ входными дверьми, сохранился еще ликъ пророка Аввакума, съ хартіей въ рукѣ, во весь ростъ. Распознать, какіе именно святые изображены были на этихъ во всякомъ случаѣ интересныхъ фрескахъ, можетъ только специалистъ-агіографъ. Къ сожалѣнію, для искусства и для церковной археологіи эти остатки средневѣковой стѣнной живописи мало даютъ матеріала, такъ какъ сильно потемнѣли и пострадали отъ времени и небрежнаго надзора. Къ тому же, вѣроятно съ цѣлью ремонта зданія, неопытныя руки измазали эти фрески по краямъ и трещинамъ известкой и штукатуркой.

Нужно только удивляться тому, что эта живопись, обратившая на себя вниманіе многихъ извѣстныхъ археологовъ и путешественниковъ прошлаго столѣтія, оставлена была до сихъ поръ, такъ сказать, на произволъ судьбы, и церковь не была, хоть мало-мальски, отремонтирована, и дошла до такого плачевнаго состоянія, что пришлось теперь поддерживать стѣны этого зданія подпорками!

Къ вышеизложенному позволяю себѣ еще прибавить здѣсь двѣ краткія замѣтки объ этой-же церкви, встрѣченныя мною въ исторической литературѣ.

а) Въ находящемся въ библіотекѣ Θεοδοσίекаго музея древностей далеко не полнымъ экземплярѣ изданнаго въ Парижѣ въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія „Альбома типичныхъ видовъ зданій и древностей Крыма“ де-Вильнева имѣется *конецъ* очень подходящаго къ этой церкви *описанія* къ сожалѣнію вырванной изъ альбома 19-й таблицы. Эти отрывыстыя строки французскаго текста гласятъ: „на противоположной къ алтарю стѣнѣ, вправо отъ входныхъ дверей, фресковая живопись, изображающая Пресвятую Дѣву съ Св. Младенцомъ; на лѣво отъ дверей виденъ сатана, опершійся на плечо Іуды. Вся внутренность церкви была покрыта фресковою живописью; жаль, что эта художественная работа XV-го вѣка измазана штукатуркой“.

б) Въ VIII т. „Записокъ Од. Общ. И. и. Др.“ извѣстный профессоръ-историкъ М. П. Погодинъ, въ письмѣ къ Н. Н. Мурзаковичу (1874 г.), говоря объ оставшихся въ Θεοδοσίи армянскихъ церквахъ, пишетъ (стр. 305—306): „Сохраненіе фресковъ должно быть поручено знающимъ людямъ, которые бы умѣли сохранить древность безъ подкраски“.

Что касается до ремонта этого стариннаго храма, то слѣдуетъ съ нимъ возможно скорѣе поспѣшить, такъ какъ каждый день откладыванія грозитъ разрушеніемъ церкви и увеличить, конечно, сумму расходовъ.

Предсѣдатель заявилъ, что сообщеніе о значеніи этой церкви, какъ памятника древности и необходимости ея реставраціи отправлено уже въ строительное отдѣленіе губернскаго правленія. При этомъ П. Г. Викторовскій замѣтилъ, что онъ въ недавнее время осматривалъ подробно эту церковь и по-

лагають, что ремонтъ ея, въ виду ея ветхости, представляется ему крайне затруднительнымъ.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію, благодарить Л. П. Колли за его трудъ и сообщеніе его включить въ протоколъ настоящаго засѣданія.

VI. Доложено отношеніе председателя Коммисіи по разборкѣ архивныхъ дѣлъ 2-го разряда 24-ой пограничной Крымской бригады, отъ 18 мая с. г. за № 2114, съ препровожденіемъ 98 дѣлъ, признанныхъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіей заслуживающими храненія.

Постановлено: записать въ протоколъ.

VII. Доложена переписка по поводу невозвращенія Коммиссіей въ Ставропольскую казенную палату описи дѣлъ бывшей Ставропольской палаты государственныхъ имуществъ за 1848—1868 г., препровожденной на разсмотрѣніе Коммисіи въ 1900 году. Председатель Коммисіи заявилъ, что, несмотря на самыя тщательныя розыски, эта опись не розыскана и, по всей вѣроятности, потеряна при неоднократной перевозкѣ архива Коммисіи изъ одного помѣщенія въ другое, почему и не была до сихъ поръ возвращена.

Постановлено: записать въ протоколъ и выразить Ставропольской казенной палатѣ извиненіе Коммисіи по случаю потери означенной описи дѣлъ ея архива.

VIII. Доложены представленныя членомъ Коммисіи Х. П. Янцуржинскимъ копія нѣкоторыхъ касающихся Крыма бумагъ и матеріаловъ академика П. И. Кеппона, хранящихся въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, какъ то: списокъ Крымскихъ хановъ, хронологическія замѣтки по исторіи Крыма и мнѣніе адмирала Мордвинова относительно земельныхъ споровъ въ Крыму.

Постановлено: благодарить за присылку означенныхъ матеріаловъ и уплатить стоимость ихъ порешки.

IX. Доложено письмо А. А. Титова изъ Ростова Ярославскаго съ слѣдующимъ сообщеніемъ. „Въ числѣ рукописей, поступившихъ въ Ростовскій Музей, на одной (собранія В. П. Мордвинова № 124), находится такая припись:

„Къ увѣдомленію Вашему предлагаю копію съ письма, писаннаго изъ Полтавы къ совѣтнику иностранной коллегіи отъ генераль-маіора Фролова Багрѣва, слѣдующимъ образомъ: Вашему Высокородію не могу оставить донесеніемъ чрезвычайный и достойный удивленію случай, какой былъ въ Крымской провинціи, въ городѣ Кафѣ іюля 8 1755 году. Съ полдни приключилась тамъ сильная буря, а сверху на землю вмѣсто дождя шло просо и пшеница, каковыя зерна я присылаю Вашему Высокородію. При семъ сообщая, что сверхъ того, гнѣвъ Божій печально и на Бахчисарай послѣдовалъ; разсыпало его вѣтромъ, что и слѣда мѣсту тому не съискалось. Въ то же время на Нитамскомъ полѣ, на побѣ вѣдѣніе было таково, яко-бы рать

огненную брань между собой такую имѣли, что и кровь оттуда съ неба, какъ дождь, сильно шла.

Въ городѣ, Балаклавѣ называемомъ, между селами шелъ градъ тяжестью въ три пуда и изъ тамошнихъ жителей одного отъ сего убило, каменные строенія отъ сего повредило, а горы въ сихъ мѣстахъ сверху до низу облиты были столь густыми облаками, что какъ бы зимою льдомъ покрыты. Громъ былъ и дыма куреніе и гласъ всюду былъ слышенъ трубный, отъ чего всякій смерти уже ожидалъ себя; а бывшіе въ Балаклавѣ христіане купцы думали, что ужъ это послѣдній день свѣта бысть. А сего у насъ многіе самовидцы сего происшествія имѣются“.

Постановлено: благодарить г. Титова за сообщеніе, а приписку внести въ протоколъ настоящаго засѣданія.

Х. Предсѣдатель Коммисіи доложилъ, что въ архивѣ канцеляріи Таврическаго губернатора, въ дѣлѣ за 1820 г. № 16: „О сенатскихъ подорожныхъ бланкетахъ“, имѣется подорожная отъ Севастополя до Симферополя, выданная супругѣ генерала отъ кавалеріи Раевского, Софіи Алексѣевнѣ Раевской, 2 октября 1820 г. адмираломъ Грейгомъ на 12 лошадей. На этой подорожной сбоку приписка: „Записка въ казначейство о выдачѣ подорожной до Кіева на 8 лошадей. № 3567. 5 октября 1820 г.“ Важность этого документа состоитъ въ томъ, что имъ опредѣляется время возвращенія изъ Крыма А. С. Пушкина, который, по словамъ Екатерины Николаевны Раевской, послѣ посѣщеній Бахчисарая, ѣхалъ съ ними до Симферополя или, можетъ быть, до Перекопа. Очевидно, Пушкинъ былъ въ Симферополѣ 4—5 октября 1820 г. Къ пребыванію Раевскихъ, а съ ними и Пушкина въ Крыму имѣетъ отношеніе и дѣло того же года за № 294: „О путешествіи разныхъ знатныхъ особъ по Таврической губерніи“. 17 августа за № 2938 Таврическій губернаторъ Барановъ писалъ ооодосійскому исправнику, чтобы онъ явился къ Его Высокопревосходительству генералу отъ кавалеріи Раевскому, и если онъ изъявитъ желаніе отправиться на южный берегъ, распорядиться о безостановочномъ проѣздѣ и заготовленіи потребнаго числа лошадей, для чего командировать особаго чиновника, а буде г. Раевскій ранѣе отправится въ Симферополь, равномѣрно оказать всякое содѣйствіе. На это предписаніе и. д. ооодосійскаго исправника засѣдатель Карпенковъ рапортовалъ губернатору изъ д. Азаматъ 20 августа. „По прибытіи Его Высокопревосходительства генерала Раевского въ Ооодосію, я находился въ уѣздѣ, и потому повелѣніе Вашего Превосходительства отъ 17 сего августа за № 2938, съ нарочнымъ мнѣ присланное, доставлено 19 числа, при чемъ получилъ вѣрное свѣдѣніе, что Его Высокопревосходительство изволилъ отправиться изъ Ооодосіи на брадвахтѣ моремъ до Севастополя“.

Приблизительно въ это время проѣзжалъ по южному берегу камергеръ д. с. с. графъ Воронцовъ, для котораго выставлялись обывательскія верховыя лошади. Во время пребыванія Раевскихъ въ Крыму осматривалъ войска

въ губерніи главнокомандующій 2-ой арміей графъ Витгенштейнъ съ начальникомъ штаба барономъ Дибичемъ. 20 сентября они были въ Симферополѣ, 21-го въ Севастополѣ, обратно выѣхали 6 сентября. Одновременно съ Витгенштейномъ былъ въ Крыму и Новороссійскій ген.-губ. графъ Ланжеронъ. Дѣло 1820 г. № 600. Въ то же время для обозрѣнія южной части губерніи ѣздилъ тогда и губернаторъ Барановъ, выѣхавшій изъ Симферополя 27 сентября.

Нѣсколько позже совершилъ путешествіе по Тавридѣ дѣйств. камергеръ т. с. Муравьевъ-Апостолъ. 12 сентября за № 3603 губернаторъ Барановъ писалъ Корчъ-Епикальскому полнѣймейстеру объ отводѣ приличной квартиры т. с. Муравьеву, и если угодно будетъ Его Высокопревосходительству заняться обозрѣніемъ рѣдкостей въ курганахъ, не препятствовать въ раскапываніи и, напротивъ, оказывать всякое возможное пособіе. Такія распоряженія были сдѣланы и относительно Судака. Муравьеву-Апостолу и отставному лейбъ-гвардіи поручику и кавалеру Муравьеву выданы подорожныя изъ Одессы до Симферополя 10 сентября, отъ Севастополя до Симферополя 1 октября отъ Симферополя до Одессы 3-го октября. Эти подорожныя находятся въ дѣлѣ 1820 г. за № 25: „О выдачѣ подорожныхъ по казенной надобности“. Въ этомъ дѣлѣ имѣется, между прочимъ, подорожная отъ Кіева до Симферополя и далѣе велѣдъ за генераломъ отъ кавалеріи Раевскимъ и обратно отправленному къ Его Высокопревосходительству съ самонужнѣйшими казенными бумагами жандарму Черникову изъ курьерскихъ на двѣ лошади съ проводникомъ, выданная изъ Кіева 12 августа 1820 г. Ему же были выдана подорожная отъ Симферополя до Кіева 15 сентября“.

Постановлено: благодарить А. И. Маркевича за сообщенныя свѣдѣнія, которыя внести въ протоколъ настоящаго засѣданія.

XI. П. В. Масловъ заявилъ, что имѣетъ намѣреніе отправиться въ Новгородъ на предстоящій археологическій съѣздъ.

Постановлено: просить П. В. Маслова быть представителемъ Коммисіи въ означенномъ съѣздѣ, о чемъ послать увѣдомленіе въ Императорское Московское Археологическое Общество и Предварительный Комитетъ Съѣзда.

XII. Предсѣдатель Коммисіи предъявилъ девять документовъ на татарскомъ языкѣ, пожертвованныхъ, при посредствѣ члена Коммисіи Аблякима Куламетъ оглу, Кадыръ беемъ Яшлавскимъ для музея Коммисіи:

1. Ярлыкъ Хаджи Гирея хана 864 г. гиджры, мѣсяца Сафэра 1-го числа, данный въ большой ордѣ ханской въ г. Кыркіерѣ жителямъ г. Кыркіера и мѣстности Башлыкъ, подтверждающій тарханный ярлыкъ прежняго хана объ освобожденіи навсегда жителей этихъ мѣстъ—мусульманъ, христіанъ и евреевъ отъ государственныхъ повинностей: постоянной, подводной, табачной и др.

2. Ярлыкъ того же Хаджи-Гирея хана, 872 г. гиджры, мѣсяца Зльхиджэ 22-го числа, въ великой ордѣ Кыркіерѣ, подтверждающій тарханную

грамоту бывшего хана, его отца, данную жителямъ Кыркiера и Башлыка, мусульманамъ, христiанамъ и евреямъ, а также тѣмъ, кто переселится сюда на жительство: объ ихъ освобожденiи отъ податей за скотъ, отъ сбора барашковъ въ пользу полицiи, отъ квартирной, подводной и табачной повинности.

3. Копiя грамоты хана (имени нѣтъ), 883 года. Этой грамотой, данной жителямъ-старожиламъ Кыркiера и Башлыка мусульманамъ: Абдула Хатибу, Аджи Ходжа, Мамуту Аджи, Хаджи Амету, Аджи Богатыру, Аджи Омеру, Фиръ Асану, Мустафѣ, Тадусъ-Эддишу, Аджа Сулейману, Шеихъ Магомету, евреямъ: Моэллимъ Шоломе, Этви Ильѣ, Паша Хулани, Моше, Ильясу Исааку, Ибранму, армянамъ: Тавке, барону Киркору, Кенджели Мердану, Улубею, Сарыбею въ томъ, что ханъ обязуется подъ клятвой ни имъ ни ихъ обществамъ и имуществу не причинять въ мирное время никакого вреда, а если не исполнить клятвы, то разведется съ женою. Они же клялись не пускать въ Кыркiоръ ни сына хана Саадетъ Гирея (изъ Астрахани) ни сына Хаджи Гирея.

4. Ярлыкъ 890 г., мѣсяца Реджеба 8-го числа (имени хана нѣтъ) какому-то Ибраиму съ освобожденiемъ его отъ податей.

5. Открытый листъ хана Девлетъ Гирея 981 г., Ребиуль-ахыра 2-го числа, муширу Сулейманъ агѣ (ихъ Крымскихъ беевъ), отправляющемуся въ Мекку, и просьбой къ Мунирѣ-бею оказывать ему содѣйствiе и помощь.

6. Ярлыкъ 984 г., мѣсяца Ребиуль-Эвволя, которымъ ханъ (имени нѣтъ) даритъ землю Танъ Атмышъ Одоману съ колодцемъ въ безпрепятственное пользованiе его и наслѣдниковъ его.

7. Ярлыкъ 999 г., мѣсяца Джемуазилы, 9 числа, Девлетъ Гирея хана, данный въ Бахчисараѣ придворному Аметша бею о назначенiи его начальникомъ крѣпости Кыркiера и приказанiемъ, чтобы онъ поступалъ съ жителями этого города и его округа, мусульманами, христiанами и евреями, по законамъ. Именно, съ головы крупнаго скота онъ долженъ брать въ казну только 6 акча¹⁾, а съ барана и козы по 1 акча; съ привозимаго въ Кыркiоръ товара по 1 акча съ каждой лошади; съ подводы винограда и фруктъ 4 акча, съ бочонка вина 10 акча; съ привозимыхъ южно-бережскими христiанами (татъ-райя) дровъ—съ cadaго бревна по 2 акча; съ привозимаго евреями, армянами или другими христiанами съ Бельбека изъ своего виноградника вина по 10 акча, а съ бочки вина, отвозимаго торговцами виноградомъ въ Ст.-Крымъ, Керчь, Гезлевъ, Акмечеть и другiя мѣста, по 15 акча съ каждой бочки. Если устраивается свадьба у армянина или еврея, брать, по старымъ законамъ, одинъ батманъ (6 окъ) меду, но если не даютъ, не принуждать. Если кто изъ жителей Кыркiера желаетъ дѣлать вино на Качѣ или на Альмѣ на мѣстѣ, то съ cadaго бочонка брать по 10 акча, а съ каждой подводы винограда, который продается, по 7 акча. Опредѣленные закономъ пошлыны брать съ жителей Чуфутъ-Кале и другихъ мѣстъ, отправляю-

¹⁾ Акча $\frac{1}{4}$ коп.

шихъ товары въ другіе города, съ проданнаго товара. Также брать пошлины изъ привозимаго товара изъ Балаклавы, Гезлева, Кофе и другихъ мѣстъ; съ каждаго боченка водки по 30 акча, а съ вина по 10 акча. Если изъ Москвы и Польши кто привезетъ товаръ, взыскивать по старымъ законамъ пошлины. Также брать десятую часть въ казну съ рыбнаго улова. Больше ничего не брать.

8. Ярлыкъ хана Крымъ-Гирея, сына Девлетъ-Гирея, безъ даты, начальнику (субаши) въ д. Курузень, съ сообщеніемъ, что на него жалуются жители д. Демерджи за незаконное вымоганіе съ нихъ десятой части по-сѣва, и приказаніемъ, чтобы онъ по обижалъ общество это своими незаконными поборами, а взятое у нихъ возвратилъ.

9. Расписка армянскаго бахчисарайскаго или чуфуткальскаго общества, данная въ 1180 г., мѣсяца Зильхидже 10-го числа, данная Фейзуллѣ эфенди, у котораго это общество заняло 500 грушъ изъ суммы, отпущеной ему на починку моста на Каланчакѣ, построеннаго ханомъ Селимъ-Гиреомъ.

Постановлено: благодарить мурзу Яшлавскаго за пожертвованіе. Аблякиму же Куламетъ оглу выражена благодарность за участіе въ приобрѣтеніи Коммиссіи этихъ документовъ и просьба о переводѣ ихъ на русскій языкъ.

XIII. Въ музей Коммиссіи поступили слѣдующія пожертвованія: а) штыкъ солдатскій, недавняго пропехожденія, отъ уч. гимназій Хорозова, б) образокъ Св. Николая на бѣломъ камнѣ отъ уч. Савинича и в) найденный въ Черниговской губ. каменный молотокъ, неолитической эпохи, отъ Глѣба Затворницкаго.

Постановлено: благодарить.

XIV. Присутствовавшій въ засѣданіи директоръ Симферопольскаго коммерческаго училища В. В. Александровскій пожертвовалъ для музея Коммиссіи 8 раскрашенныхъ фотографическихъ портретовъ, кабинетнаго размѣра, малороссійскихъ гетмановъ: Мазепы, П. Полуботка, Многогрѣшнаго, Сагайдачнаго, Скоропадскаго, Даніила Апостола и Юрія Хмѣльницкаго и ген. судьи Кочубея, съ обѣщаніемъ въ будущемъ представить еще четыре портрета. Они представляютъ снимки съ портретовъ, пожертвованныхъ имъ въ историко-этнографическій музей Харьковскаго университета.

Выражена благодарность Г. Александровскому за пожертвованіе.

XV. По предложенію предсѣдателя Коммиссіи и И. О. Ерооова избраны въ члены Коммиссіи: директоръ Московскаго Археологическаго Института А. И. Успенскій, директоръ Симферопольскаго коммерческаго училища В. В. Александровскій и предложенныя въ предыдущемъ засѣданіи лица: Р. Х. Леперъ, П. В. Чинновъ, В. А. Николаевскій, И. И. Маховъ, и Д. Н. Косцюшко-Валюжиничъ.

XVI. Въ бібліотеку Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Канцеляріи Государственной Думы: Стонографическій отчетъ. Третій созывъ. Сессія IV. Часть II. Засѣданія 53—60.

2. Отъ Императорской Академіи Наукъ: „Извѣстія“, №№ 6, 7, 8 и 9 за 1911 г.

3. Отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института: Вѣстникъ Археологій и Исторіи, вып. XX. за 1911 г.

4. Отъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера: „Извѣстія“, №№ 7, 8—9 и 10 за 1911 г.

5. Отъ Новгородскаго Общества Любителей Древности: „Сборникъ“ вып. III, 1910 г.

6. Отъ Редакціи „Таврическаго Церковно-Общественнаго Вѣстника“: № 10—11 и 12 этого изданія за 1911 г.

7. Отъ Редакціи „Извѣстій Симферопольской Городской Думы“: №№ 11 и 12 этого изданія за 1910 г. и №№ 1 и 1 за 1911 г.

8. Отъ Виленской Коммисіи для разбора древнихъ актовъ: а) томъ XXXV-й издаваемыхъ ею „Актовъ“, 1910 г.; б) Отчетъ за 1910 годъ и в) Отчетъ Виленской Публичной Библіотеки и Музея за 1910 г.

9. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, № 3, за 1911 г.

10. Отъ Археологической Коммисіи Чешскаго музея: а) *Práce archaologické a historické*. Ч. XXIV, вып. 4—5, 1910 г. и б) *Zpráva museu království českého* за rok 1910.

11. Отъ Курской Ученой Архивной Коммисіи: „Труды“ ея, вып. 1-й, за 1911 годъ.

12. Отъ Саратовской Ученой Архивной Коммисіи: 27 вып. „Трудовъ“ ея за 1911 г.

13. Отъ Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи: Отчетъ за 1910 годъ,

14. Отъ Университета св. Владиміра: Университетскія „Извѣстія“ № 4, за 1911 г.

15. Отъ Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба: № 4 его „Записокъ“ за 1910 годъ.

16. Отъ почетнаго члена Коммисіи П. А. Султанъ-Крымъ Гирей книга: Библіотеки, ихъ организація и техника. Л. В. Хавкина. Спб. за 1911 г.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 26 августа 1911 года.

Подъ предѣлательствомъ предѣдателя Коммисіи А. И. Маркевича, присутствовали члены ея: А. В. Жирицкій, Р. Г. Касабовъ, Аблякимъ Куламетъ оглу, Ѳ. Ѳ. Лашковъ, прот. А. Г. Назаревскій, А. А. Нестроевъ

В. А. Николаевскій, Я. В. Ратиборъ-Уличный, А. К. Романюкъ, М. М. Шведовъ и правитель дѣлъ. И. О. Ерооеевъ.

I. Открывъ засѣданіе, председатель Коммисіи напомнилъ собранію о кончинѣ члена ея проф. Д. Я. Самоквасова, послѣдовавшей 5 августа, и очертилъ дѣятельность его, какъ профессора русскаго права и, въ особенности, какъ выдающагося археолога, а также труды его по преобразованію и организаціи архивнаго дѣла въ Россіи.

По приглашенію председателя, собраніе почтило память покойнаго вставаніемъ.

II. Доложенъ протоколъ засѣданія Коммисіи 26 мая этого года.

Постановлено: утвердить.

III. Доложено отношеніе директора Московскаго Археологическаго Института отъ 9 іюня с. г. за № 3943 съ выраженіемъ благодарности за привѣтствіе Институту по поводу принятія имъ 30 мая въ даръ отъ княгини М. К. Тенишовой ея Музея русской старины въ Смоленскѣ.

Постановлено: записать въ протоколъ.

IV. Доложены письма А. И. Успенскаго, И. И. Махова и Д. Н. Косцюшко-Валюжинича съ выраженіемъ благодарности за избраніе ихъ въ члены Коммисіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

V. Доложено отношеніе Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи отъ 3 августа с. г. съ приглашеніемъ принять участіе въ ея засѣданіи, устраиваемомъ 25 сего августа, въ день 300-лѣтія прибытія въ Нижній Новгородъ грамоты патріарха Гермогена, для чествованія памяти великихъ патріотовъ земли Русской—нижегородца Кузьмы Минина и князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Председатель заявилъ, что по этому поводу имъ отправлено Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи слѣдующее привѣтствіе: „Вспоминая великій день въ жизни Россіи 25 августа 1611 года и мысленно присутствуя въ Нижнемъ-Новгородѣ на торжественномъ чествованіи знаменитыхъ патріотовъ русской земли: патріарха Гермогена, Кузьмы Минина и князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго и всѣхъ славныхъ героевъ Нижегородскаго ополченія 1611—1612 г.г., Таврическая Ученая Архивная Коммиссія имѣетъ честь привѣтствовать Нижегородскую Ученую Архивную Коммиссію и пожелать ей полного успѣха въ предпринятомъ ею прекрасномъ дѣлѣ укрѣпленія среди нижегородцевъ и всѣхъ русскихъ людей памяти о великихъ событіяхъ въ нашей исторіи, которымъ исполняется триста лѣтъ“.

Постановлено: исполнѣ сочувствуя редакціи привѣтствія, записать въ протоколъ.

VI. Председатель Коммисіи заявилъ, что имъ разсмотрѣно 17 описей 3798 дѣлъ архива Измайловской бригады пограничной стражи, препровожденныхъ на разсмотрѣніе Коммисіи, при чемъ заслуживающими храненія имъ

признаны 337 дѣлъ, касающихся происшествій на границѣ, описанія пограничной линіи и казенныхъ зданій, пропускныхъ пунктовъ, пограничнаго надзора, задержанія контрабанды и др.

Согласившись съ мнѣніемъ предсѣдателя, *постановили*: возвратить описи по принадлежности съ просьбой о выдѣленіи отмѣченныхъ дѣлъ для храненія.

VII. Предсѣдатель Коммиссіи доложилъ, что имъ и членомъ Коммиссіи А. К. Романюкомъ рассмотрѣны были препровожденные начальникомъ южнаго таможеннаго округа отъ 10 и 13 іюня с. г. за №№ 6049 и 6159 описи подлежащихъ уничтоженію дѣлъ и книгъ второго разряда: одна Бердянской за 1887—1898 г. и четыре Керченской за 1896—1899 г.г., всего 449 дѣлъ, при чемъ ни одно дѣло не оказалось заслуживающимъ храненія.

Постановлено: записать въ протоколъ и описи возвратить по принадлежности.

VIII. Доложено письмо члена Коммиссіи Колли отъ 26 мая с. г. съ приложеніемъ въ дополненіе къ сообщенію его, заслушанному въ предыдущемъ засѣданіи Коммиссіи одиннадцати фотографическихъ снимковъ нѣкоторыхъ памятниковъ древности Θεодосіи и Θεодосійскаго уѣзда: а) двухъ наружныхъ видовъ древней греческой церкви съ фресками въ Θεодосійскомъ карантинѣ, внутренняго вида алтарной стѣны этой церкви, входа въ одну изъ карантинныхъ церквей въ Θεодосіи, мечети хана Узбока въ С.-Крыму, входа въ эту мечеть, главнаго фасада мечети въ Арбатской крѣпости, задней стороны этой мечети и трехъ видовъ Арабатской крѣпости.

Постановлено: благодарить Л. П. Колли за присылку этихъ фотографическихъ снимковъ замѣчательныхъ памятниковъ древности и выслать 5 р. въ уплату за ихъ исполненіе.

IX. Доложено отношеніе Крымскаго Общества Естествоиспытателей и Любителей Природы отъ 12 августа с. г. съ увѣдомленіемъ, что совѣтъ этого общества въ засѣданіи своемъ 10-го августа постановилъ совмѣстное чествованіе академика Палласа этимъ Обществомъ и Таврической Ученой Архивной Коммиссіи отложить съ 8-го сентября приблизительно на мѣсяць и, въ случаѣ согласія Коммиссіи, установленіе срока чествованія поручить предсѣдателямъ обоихъ ученыхъ обществъ.

Постановлено: принять предложеніе Общества Естествоиспытателей и Любителей Природы.

X. Доложено отношеніе г. Таврическаго губернатора отъ 25 августа за № 316 съ препровожденіемъ талона на полученіе 200 рублей, ассигнованныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ на текущій годъ въ пособіе Таврической Ученой Архивной Коммиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ, а деньги получить и сдать казначею Коммиссіи.

XI. Доложено отношеніе Императорской Археологической Коммисіи отъ 16 іюня с. г. за № 1146 съ препровожденіемъ двухъ экземпляровъ портрета академика П. С. Палласа, снятаго съ оригинала, принадлежащаго Императорской Академіи Наукъ, по просьбѣ председателя Коммисіи, и высылкѣ стоимости изготовленія снимковъ (5 р.) для выдачи фотографу. При этомъ председатель Коммисіи заявилъ, что онъ поручилъ мѣстному фотографу изготовить для музея Коммисіи и снимокъ съ другого портрета Палласа, приложеннаго къ статьѣ о немъ А. Сопцова въ „Древней и Новой Россіи“. Важность этого портрета та, что онъ былъ сдѣланъ любимцемъ Палласа худ. Гейслеромъ въ Симферополѣ въ 1802 г. и долго находился въ бывшемъ домѣ Палласа, въ нынѣшнемъ имѣніи Салгирка, принадлежащемъ Палласу. Стоимость снимка съ этого портрета также 5 руб.

Постановлено: уплатить стоимость обоихъ снимковъ съ портретовъ Палласа.

XII. Председатель Коммисіи представилъ фотографическій снимокъ съ рисунка художника Гросса, хранящагося въ Керченскомъ музеѣ древностей и представляющаго видъ развалинъ церкви Ай-Андритъ вблизи д. Улуузенъ, препровожденный членомъ Коммисіи В. В. Шкорпиломъ.

Постановлено: благодарить В. В. Шкорпила за его подарокъ.

XIII. Председатель Коммисіи предъявилъ два экземпляра портрета покойнаго ученаго археолога барона В. Г. Тизенгаузена, присланные ему И. А. Суловымъ.

Постановлено: одинъ изъ этихъ портретовъ помѣстить въ музеѣ Коммисіи.

XIV. Доложено отношеніе Таврической Духовной Консисторіи отъ 3 іюня с. г. за № 9651 съ препровожденіемъ акта осмотра евангелія, хранящагося въ Успенской церкви имѣнія Гурзуфъ, Ялтинскаго уѣзда, описаніемъ его, составленнымъ прот. Завадовскимъ, и тремя фотографическими снимками и просьбой о помѣщеніи этого описанія въ „Извѣстіяхъ“ Коммисіи. При этомъ председатель, заявилъ что снимки съ Гурзуфскаго печатнаго евангелія второй половины XVII вѣка и статья прот. Завадовскаго были препровождены депутату Таврической Ученой Архивной Коммисіи на Новгородскомъ археологическомъ съѣздѣ Х. П. Ящуржинскому, для сообщенія ихъ на разсмотрѣніе члену съѣзда академику А. И. Соболевскому, который нашелъ, что означенное евангеліе особеннаго значенія въ научномъ отношеніи не представляетъ.

Постановлено: актъ осмотра евангелія включить въ протоколъ настоящаго засѣданія.

Актъ осмотра древняго Евангелія, хранящагося въ ризницѣ Гурзуфской Успенской церкви.

1910 года августа 19 дня, во исполненіе указа Таврической Духовной Консистеріи, отъ 8 марта сего же года за № 4423, благочинный Ялтинскаго округа протоіерей Александръ Терновскій, протоіерей Іустинъ Юзевовичъ и священникъ Георгій Чинновъ осматривали древнее Священное Евангеліе, хранящееся въ ризницѣ Гурзуфской церкви, и по тщательномъ освидѣтельствѣваніи онаго оказалось слѣдующее:

1. Въ концѣ Евангелія, съ 528 листа и по 531, помѣщено обращеніе къ читателю, въ коемъ указано время начала печатанія Евангелія и время окончанія онаго, а именно: начато печатаніемъ 7152 года отъ сотворенія міра января 22-го въ городѣ Москвѣ, въ 31 лѣто царствованія Царя Михаила Ѳеодоровича, а окончено того-же 7152 г. іюля двадцатаго дня, въ 32-ой годъ царствованія того-же Царя и въ третье лѣто патріаршества Іосифа Московскаго и всея Руси.

2. Внѣшній видъ Евангелія: размѣръ — листового формата (вида нѣсколько уменьшеннаго); заглавнаго листа не имѣется. Всѣхъ листовъ 531. Бумага плотная, цвѣта желтоватаго, хорошо сохранившаяся; печать четкая, Переплетъ бархатный — малиноваго цвѣта, исполненный, какъ несомнѣнно это оказалось при осмотрѣ, строителемъ храма предъ освященіемъ онаго въ 1891 г.

Верхняя дска серебро-позлащенная, плотная; имѣетъ 5 изображеній: — по угламъ Евангелисты въ такомъ порядкѣ: Маркъ, Матей, Лука, Іоаннъ, а посреди Распятіе Христа Спасителя съ предстоящими: Божіею Матерію, Іоанномъ Богословомъ, Марією Магдалиною и Логгномъ Сотникомъ. На оборотной сторонѣ — крестъ — также серебро-позлащенный осмиконечный, но не древній. Застежки, подставки серебро-позлащенные обычной современной работы. Что касается упомянутыхъ на верхней дскѣ священныхъ изображеній, то хотя оныя и исполнены въ древнемъ стилѣ, но по изяществу работы и по шрифту надписей на нихъ признаны Коммиссіею происхожденія современнаго, а не древняго.

3. Текстъ Евангелія, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о его древнемъ происхожденіи, такъ какъ въ немъ усмотрѣны Коммиссіею особенности и ошибки, свойственныя священнымъ книгамъ, печатаннымъ при патріархѣ Іосифѣ, а именно: имя Іисуса Христа вездѣ изображается двумя литерами „іѣ“; слово міръ (вселенная) вездѣ обозначено чрезъ „и“ осмиричное — „миръ“; въ зачалѣ 116 отъ Маттея вмѣсто „дадеся“ обозначено „дасѣмиса“; на 531 оборотномъ листѣ значится „вѣвѣки“ вмѣсто „во вѣки“. Дѣлений на главы и стихи нѣтъ, кромѣ обозначенія 1-й главы отъ Маттея. — Надписанія Евангелій по страницамъ обозначены на лѣвой сторонѣ оборотныхъ листовъ въ сокращенномъ видѣ: „М̄, М̄, М̄, М̄, Іѣ“. Пророческія изреченія, приводимыя въ евангельскомъ текстѣ, отмѣчены вносными знаками особаго вида, въ видѣ

запятой, напр. л. 18 на оборотѣ, 161, 122. и т. д. Переносныхъ знаковъ совсѣмъ нѣтъ.

4. Особенности въ дополнительныхъ главахъ: а) Въ указателѣ евангельскихъ чтеній помѣщены прокимны на воскресные и праздничные дни Святой Пятидесятницы и Четырдесятницы. б) Въ соборникѣ 12 мѣсяцевъ помѣщены прокимны на каждый день. в) Предъ указаніемъ евангельскихъ чтеній общимъ Святымъ помѣщено особое наставленіе, когда и какое именно Евангеліе читать дневнымъ святымъ — (лист. 524). д) Евангелія, чтомыя при совершеніи Таинства Елеосвященія, положены не тѣ, какія читаются обычно, при чемъ надъ болящими женами назначены особыя евангельскія чтенія, и совершители таинства именуются „иопами“ (стр. 525 обор.). е) Последнюю дополнительную статью значится „указъ, како чтутся тетраевангелія великія недѣли начасовѣхъ“ (стр. 527).

5. На первомъ листѣ Евангелія рукою нынѣшняго настоятеля Гурзуфской церкви, протоіерея Андрея Завадовскаго учинена нижеслѣдующая надпись: „Сіе Евангеліе принадлежитъ Успенской церкви имѣнія Гурзуфъ, Ялтинскаго уѣзда, Таврической епархіи. Пожертвовано въ сію церковь другомъ строителя сего храма, Петра Іоновича Губонина, — старообрядцемъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, а доставлено въ церковь и вручено бывшему настоятелю сего храма іеромонаху Трифону, для храненія въ церковной ризницѣ, самимъ Петромъ Іоновичемъ Губонинымъ, наканунѣ освященія сего храма 23 августа 1891 года“.

Во всемъ вышеозначенномъ и составленъ сой актъ.

Благочинный, Протоіерей *Александръ Терновскій*, протоіерей *Іустинъ Іозефовичъ*, священникъ *Георгій Чинновъ*, протоіерей *Андрей Завадовскій*.

XV. Доложено отношеніе Таврическаго губернатора отъ 21 іюля 1911 г. за № 6422, съ просьбой выслать фотографическіе снимки съ мавзолеевъ, находящихся въ предѣлахъ ханскаго дворца въ Бахчисараѣ, или пришедшихъ въ ветхость и разрушающихся частей ихъ для представленія въ Императорскую Археологическую Коммиссію, въ виду предполагаемаго ремонта означенныхъ мавзолеевъ, на который губернское начальство испрашиваетъ 900 р. изъ вакуфнаго капитала упраздненныхъ мечетей. Если же таковыхъ снимковъ въ Коммиссіи не имѣется, то не признаетъ-ли она возможнымъ сдѣлать таковыя снимки для представленія г. Губернатору.

По выслушаніи отношенія г. Губернатора, председатель Коммиссіи заявилъ, что, въ виду предполагаемаго ремонта мавзолеевъ на ханскомъ кладбищѣ, онъ ѣздилъ въ Бахчисарай съ фотографомъ, который сдѣлалъ нужные для представленія въ Императорскую Археологическую Коммиссію снимки. Внимательный осмотръ ханскаго кладбища обнаружилъ необходимость значительнаго ихъ ремонта. Именно: 1) Въ первомъ мавзолѣй дверная арка сѣла, вслѣдствіе чего надъ дверью образовалась большая трещина; 2) крыши

мавзолеевъ необходимо выкрасить, такъ какъ краска на нихъ давно уже выцвѣла и сошла, и желѣзо можетъ перержавѣть; 3) прекрасный мраморный мавзолей хана Крымъ-Гирея, лучшій памятникъ на кладбищѣ, валится и требуетъ настоящаго ремонта; 4) мавзолей шейха Фена, изъ рода Гиреевъ, въ видѣ ротонды (круглой колоннады), также требуетъ ремонта, равно какъ и многіе другіе памятники на ханскомъ кладбищѣ; 5) требуютъ ремонта и стѣны ханскаго кладбища, особенно стѣна, отдѣляющая кладбище отъ чернаго двора дворцовыхъ служащихъ и улицы, ведущей къ тюрбе Маріи Потоцкой.

Кромѣ мавзолеевъ и памятниковъ ханскаго кладбища требуетъ ремонта и ханская мечеть, именно: а) надо ремонтировать потолокъ надъ лѣстницей, ведущей на ханскія хоры, и б) крышу надъ наружной галлереей мечети со стороны дворцоваго двора, которая осѣла.

Говоря о ремонтѣ памятниковъ ханскаго кладбища и ханской мечети, нельзя не обратить вниманія на настоящую необходимость реставраціи тюрбе Маріи Потоцкой, находящагося за оградой бахчисарайскаго дворца, и троихъ тюрбе, находящихся въ предмѣстьи Бахчисарая Азисѣ. Эти изящные памятники восточной архитектуры требуютъ скорѣйшаго ремонта и, по значенію своему, вполне его заслуживаютъ.

Далѣе председатель Комиссіи сообщилъ, что онъ нынѣшнимъ лѣтомъ посѣтилъ Мангунъ-Кале и Эски-Керменъ, а также Чоргунъ для осмотра тамошнихъ памятниковъ древности. При этомъ осмотрѣ подтвердились слухи и сообщенія о разрушеніи и близкой гибели стѣнъ и башенъ Мангупа. Оказалось, что лѣсъ по уступамъ Мангупа почти совершенно вырубленъ нынѣшнимъ владѣльцемъ его, и находящіеся среди этого лѣса и въ оврагѣ Табана-дере памятники громаднаго караимскаго кладбища безпощадно разбиваются и употребляются, какъ видно, на обжиганіе извести; камни изъ стѣнъ и башенъ мангупскихъ также выбираются кѣмъ-то, вслѣдствіе чего эти стѣны и башни быстро разрушаются, и, если не будетъ установленъ надзоръ за ними, въ скоромъ времени погибнуть. Особенно печально, что при этомъ грозитъ гибель двумъ находящимся на башняхъ плитамъ съ надписями; при тщательномъ осмотрѣ стѣнъ и башенъ, быть можетъ, были-бы найдены и другія плиты съ надписями. Арка воротъ Мангупскаго дворца обвалилась, такъ какъ камни и здѣсь кѣмъ-то выламываются, а самые остатки дворца, вслѣдствіе этого, замѣтно наклонились на бокъ и скоро должны рухнуть, если не будутъ сдѣланы контрфорсы для ихъ сохраненія. Развалины церкви, находящейся въ Мангупскомъ кремлѣ, тоже разобраны, и остался только одинъ фундаментъ. Утѣшительно одно, что церковь съ фресками на южной сторонѣ Мангупа остается въ прежнемъ состояніи. Разрушаются и древности Эски-Кермена, напр. находящіеся на немъ пещерныя церкви. Достоинно замѣчанія, что обвалившаяся, очевидно въ недавнее время, пещера обнаружила древнюю усыпальницу, по типу совершенно сходную съ христіанскими усыпальницами Херсо-

несскаго, некрополя, съ массою истлѣвшихъ костей въ передней и боковыхъ нишахъ. Что касается, наконецъ, извѣстной Чоргунской башни, то и она въ послѣднее время пострадала, такъ какъ камни во входной двери ея падаютъ или разбираются, вслѣдствіи чего эту арку необходимо ремонтировать, на что владѣлецъ этой башни, членъ Коммиссіи *Θ. Θ. Лашковъ*, изъявилъ полное свое согласіе.

По заслушаніи сообщенія *А. И. Маркевича* *постановлено*: благодарить его за осмотръ указанныхъ памятниковъ древности и расходъ по побѣздкѣ въ Бахчисарай, Магупъ-Кале, Эски-Керменъ и Чоргунъ принять на счетъ Коммиссіи; обратить вниманіе г. Губернатора на состояніе памятниковъ древности въ этихъ мѣстахъ, а владѣлицу Мангуна Джавагеръ ханымъ Абдуррахманчикову просить принять мѣры къ сохраненію памятниковъ древности на Мангупѣ.

XVI. Доложено сообщеніе студента Московскаго университета *А. А. Сергѣева*: „Нѣсколько документовъ изъ Ногайскаго архива“. Въ предисловіи къ выпискамъ изъ дѣлъ этого архива г. Сергѣевъ говоритъ, что большому и прочному архиву, хранящемуся въ Ногайской городской управѣ, грозитъ печальная участь. Значительный (до 200 пудовъ) архивъ хранится въ темномъ и грязномъ подвалѣ и представляетъ собою кучу обшитыхъ рогожей кулей, кое-какъ сваленныхъ у стѣны. Нѣсколько кулей расшито, и содержаніе ихъ частью валяется здѣсь же на полу, въ пыли, частью же разошлось по рукамъ. Никакой описи архива не существуетъ, и кули набиты дѣлами и документами безъ всякой системы, какъ попало. Между тѣмъ, этотъ архивъ цѣненъ по содержащемуся въ немъ матеріалу о ногайцахъ съ 1792 г., т. е. съ первыхъ годовъ поселенія ихъ на Молочныхъ водахъ въ Мелитопольскомъ (нынѣ Бердянскомъ) уѣздѣ, Таврической губерніи, и до 1832 г., т. е. времени ухода ихъ въ Турцію.

Заслушавъ сообщеніе г. Сергѣева, *постановлено*: благодарить его за сообщеніе, а сдѣланныя имъ извлеченія изъ Ногайскаго архива напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Коммиссіи, и обратиться къ г. Губернатору съ просьбой о передачѣ ногайскаго архива въ Таврическую Ученую Архивную Коммиссію, гдѣ онъ можетъ быть разобранъ и сохраненъ отъ гибели.

XVII. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что два члена находившейся нынѣшнимъ лѣтомъ въ Крыму экспедиціи по изслѣдованію крымскихъ рѣчныхъ долинъ подъ предсѣдательствомъ инженера д. с. с. Рухлова заявили ему, что на рѣкѣ Бурульчѣ, въ сухомъ руслѣ этой рѣки, вблизи колоніи Розенталь, найдены каменный топоръ изъ песчаника и много кремневыхъ осколковъ. Подобные осколки пахотятся и на возвышенности на правомъ крутомъ берегу рѣки, выше д. Карловки. Въ имѣніи Шайтана, выше колоніи Нейзаць, въ лѣсу (долго-руковскомъ) по р. Зуѣ, находится древнее кладбище съ большими плитами. Нѣкоторыя могилы кѣмъ-то разобраны. Слѣды такого же кладбища находятся

на лѣвомъ берегу Зуи въ Тавъ-Кипчакѣ, около Матайской балки, а также около колоніи Фриденталь.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію, а члена Коммиссіи Р. Г. Касова просить въ возможно скоромъ времени осмотрѣть эти мѣста.

XVIII. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ, что отъ Канцеляріи Государственной Думы получены для бібліотеки Коммиссіи 25 книгъ изданій Думы III созыва (перечислены ниже). При этомъ А. И. Маркевичъ предложилъ вопросъ, не умѣстно-ли будетъ просить Канцелярію Думы препроводить Коммиссіи и стенографическіе отчеты и другія изданія Думы 1-го и 2-го созыва, какъ первостепенный историческій матеріалъ.

Постановлено: войти съ этимъ ходатайствомъ.

XIX. Предсѣдатель Коммиссіи предъявилъ двѣ найденныя въ Херсонесѣ амфорныя ручки, пожертвованныя для музея Коммиссіи членомъ ея М. И. Скубатовымъ: херсонесскую съ надписью ΑΠΟΛΛ ΑΣΤΥΝΟΜ и оазосскую со штемпелемъ и со словами ΘΑΣΙΩΝ ΔΗΜΑΛΚΗΣ.

Постановлено: благодарить.

XX. Аблякимъ Куламетъ оглу представилъ старинный татарскій парчовой кисетъ съ шелковыми кистями, который владѣлецъ его, татаринъ, желаетъ продать для музея Коммиссіи за 4 р.

Постановлено: уплатить владѣльцу эту сумму и кисетъ приобрести.

XXI. Предсѣдатель Коммиссіи заявилъ о высокомъ интересѣ къ археологии и археографіи нынѣшняго непремѣннаго попечителя ея графа Петра Николаевича Апраксина, состоящаго предсѣдателемъ Воронежской Ученой Архивной Коммиссіи и очень много потрудившагося для ея развитія. По предложенію А. И. Маркевича, единогласно графъ Н. П. Апраксинъ избранъ въ дѣйствительные члены Коммиссіи.

XXII. Правитель дѣлъ предложилъ въ члены Коммиссіи преподавателя гимназіи Андрея Авиногеновича Яковлева, а предсѣдатель Коммиссіи землевладѣльца кандидата естеств. наукъ Александра Александровича Иванова.

XXIII. Доложено о поступившихъ въ бібліотеку Коммиссіи изданіяхъ, книгахъ и брошюрахъ:

1) Отъ Императорской Академіи Наукъ: „Извѣстія“ № 10 и 11 за 1911 г.

2) Отъ Канцеляріи Государственной Думы: а) Указатель къ стенографическому отчету Засѣданій Госуд. Думы, III созыва 1-ой сессіи, 1 кн.; б) Приложенія къ нему 2 кн.; в) Доклады къ бюджетной коммиссіи, 1 кн.; г) Обзоръ дѣятельности коммиссій и отдѣловъ, 1 кн.; д) Проекты законовъ, принятыя Госуд. Думою, 1 кн.; е) Указатель къ стенографич. отчету засѣданій Госуд. Думы III созыва 2-ой сессіи, 1 кн.; ж) Приложенія къ нему, 3 кн.; з) Указатель къ приложеніямъ, 1 кн.; и) Доклады бюджетной коммиссіи, 3 кн.; і) Обзоръ дѣятельности коммиссій и отдѣловъ, 1 кн.; к) Указатель къ стеногр. отчету засѣданій Госуд. Думы III созыва 3-ей сессіи, 1 кн.; л)

Приложенія къ нему; м) Указатель къ приложеніямъ; н) Доклады бюджетной комиссіи, 2 кн.; о) Обзоръ дѣятельности комиссій и отдѣловъ, 1 кн.; п) Приложенія (1-е и 2-е) къ стенографич. отчетамъ засѣданій Госуд. Думы III созыва, 3-ей сессіи, 2 кн. и р) Стенограф. отчетъ засѣданій 61—73.

3) Отъ Императорской Археологической Комиссіи: а) „Извѣстія“, вып. 36, 37, прибавл. къ вып. 37, 38; б) Матеріалы по Археологіи Россіи, № 31. Придикъ, Мельгуновскій кладъ 1763 г., в) № 33. Веселовскій, Гератскій бронзовый котелокъ и в) Отчетъ за 1907 г.

4. Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: Матеріалы по археологіи Россіи, вып. VI, 1911 г.

5. Отъ Университета Св. Владиміра: Университетскія Извѣстія, № 5 и 6, за 1911 годъ.

6. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученныя Записки, № № 4, 5 и 6, за 1911 годъ.

7. Отъ Саратовской Ученой Архивной Комиссіи: Труды ея, вып. 28, 1911 года.

8. Отъ Черниговской Ученой Архивной Комиссіи: Труды ея, вып. VIII, 1911 года.

9. Отъ Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета: Прославленіе Св. Тихона Задонскаго. Юбилейный сборникъ (Воронежской Старины), вып. 10-й.

10. Отъ Смоленской Ученой Архивной Комиссіи: Смоленская Старина. Вып. 1, ч. 2, 1911 годъ.

11. Отъ Владимірской Ученой Архивной Комиссіи: Книга XI-я Трудовъ ея, 1909 г.

12. Отъ Кукарскаго Образовательнаго Общества: а) Матеріалы по изученію Вятскаго края. Т. 1, вып. 1. Къ вопросу о краниологическомъ типѣ бессермянъ Вятской губ. М. М. Хомякова и б) Отчетъ о дѣятельности Кукарскаго Образовательнаго Общества за 1910 г.

13. Отъ Оренбургской Ученой Архивной Комиссіи: Труды ея, XXV, 1911 г.

14. Отъ С.-Петербургскаго Политехническаго Института: „Извѣстія“, т. XV, отдѣлъ наукъ экономическихъ и юридическихъ. Спб. 1911 г.

15. Отъ Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба: Записки № 1, 1911 г.

16. Отъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера: „Извѣстія“ №№ 11, 12, 13, 14 и 15, за 1911 годъ.

17. Отъ Симферопольской Городской Управы: Извѣстія Симферопольской городской думы. Апрѣль и май, № 4 и 5, 1911 г.

18. Отъ Редакціи Таврическаго Церковно-Общественнаго Вѣстника: № 16, за 1911 годъ.

19. Отъ Одесской Городской Управы: Отчетъ Одесской городской публичной бібліотеки, за 1910 годъ.

20. Отъ А. В. Орѣшникова отг. его статьи: „Медаль въ память столѣтія Московскаго университета“.

21. Отъ почетнаго члена Коммисіи Н. А. Крымъ-Гирея слѣд. изданія: а) Хавкина. Руководство для небольшихъ библіотекъ. Спб. 1911 г.; б) I-й Всероссийскій Сѣздъ по библіотечному дѣлу. Нормальный планъ постановки библіотечной техники въ небольшихъ библіотекахъ. Спб. 1911 г.; в) Сокращенныя таблицы десятичной библіографической классификаціи. Перев. съ франц. подъ ред. Боднарскаго М. 1911 г.; г) Труды сѣзда виноградарей и винодѣловъ въ Одессѣ 20—23 авг. 1910 г. Одесса 1911 г. д) Е. Чернолуская. Общественныя библіотеки въ Америкѣ. Спб. 1911 г.; е) Къ вопросу объ обеззараживаніи книгъ грѣтымъ воздухомъ при нѣкоторыхъ комбинаціяхъ его температуры и влажности. Харитоновъ. Спб. 1911 г.; ж) Рубакинъ. Среди книгъ. Т. I. М. 1911 г.; з) Труды комитета виноградарства и винодѣлія. Т. I. Спб. 1911 г.

22. Отъ М. Θ. Ласковской: а) Руководство къ познанію древностей, Г. А. Милея, пер. Н. Кошанскаго, 1807 г.; б) Письма о Кіевѣ и воспоминанія о Тавридѣ. М. Максимовича, 1871 г.; в) Древнія могилы Гурзуфа и Гугуша. А. Харузина, 1890 г.; г) Замѣтки и воспоминанія русской путешественницы (З. Шишкиной) по Россіи въ 1845 г.. ч. 1 и 2.

23. Отъ члена Коммисіи барона де-Бай его трудъ: *Les casques de l'eroque barbare (second mémoire)*. Paris 1911 г.

24. Отъ члена Коммисіи Х. П. Ящуржинскаго слѣдующія книги и брошюры: а) Извѣстія XV-го Археологическаго Сѣзда въ г. Новгородѣ, №№ 1—9; б) Сборникъ Новгородскаго Общества Любителей Древности, вып. V; в) Новгородская Скра. Изд. д-ра Шлютера, 1911 г.; г) Могильникъ въ Курпалѣ, Эстляндской губ. Д-ра Фриденала, 1911 г.; д) Новгородскій дворцовый приказъ въ XVII в. А. М. Гнѣвушева. е) Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. В. В. Майкова. 1911 г.; ж) О курганахъ, городищахъ и жальникахъ Новгородской губ. И. Романцева, 1911 г.; з) Каталогъ выставки XV-го Археологическаго Сѣзда въ Новгородѣ, вып. 1, 2 и 3; и) Путеводитель по Новгороду. В. П. Ласковскаго; i) Путникъ по древнему Пскову; к) Конспекты лекцій по исторіи и древностямъ Великаго Новгорода. Вып. 1 и 2; л) Прошлое и настоящее Успенской Колмовской церкви, Новгородской епархіи. Свящ. Духовскаго; м) Вторая дополнительная полемика по вопросамъ Варяго-русскому и болгаро-гуннскому. Д. И. Иловайскаго; н) *Les origines de la Russie. Deux conférences de M-r D. I. Plovaisky. Trad par I. Groméka*; о) Повѣсть о Щилѣ. А. П. Титова; п) Поученіе епископа Псковскаго Алексія, сказанное 26 мая 1911 г. въ Святогорскомъ монастырѣ по А. С. Пушкинѣ, въ день открытія Пушкинской колоніи; р) Его же: рѣчь при открытіи этой колоніи; с) Его же: Къ вопросу о реформѣ духовныхъ семинарій и училищъ; т) Слово въ день празднованія 600-лѣтія Колмовской церкви, свящ. Духовскаго; у) Рѣчь архіепископа

Псковского Арсенія при открытіи 24 авг. 1908 г. Псковского историко-археологическаго церковнаго комитета; ф) Сооруженіе и оборудованіе архивовъ и книгохранилищъ по системѣ инженера Русвурма и археолога Нинево.

25. Отъ свящ. Константина Пивоварова его трудъ: „Очеркъ столѣтія Верхняго-Рогачика и его церкви.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 29 сентября 1911 г.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маркевича присутствовали члены Коммиссіи: В. Д. Георгіевъ, Аблякимъ Куламетъ оглу, О. О. Лашковъ, С. Д. Маргаритовъ, П. В. Масловъ, В. А. Николаевскій, Я. В. Ратиборъ-Уличный, А. К. Романюкъ, П. В. Чинновъ, М. М. Шведовъ и правитель дѣлъ И. О. Ерошеевъ.

I. Доложенъ протоколъ засѣданія 26 августа 1911 года.

Постановлено: утвердить.

II. Доложено отношеніе Правленія Общества Симфоропольскихъ врачей отъ 2 сентября с. г. за № 46 съ выраженіемъ согласія на принятіе участія общества въ совмѣстномъ съ Коммиссіей засѣданіи въ память академика Палласа.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

III. Читано сообщеніе предсѣдателя Ставропольской Ученой Архивной Коммиссіи Г. Н. Прозрителева: „Археологическимъ Обществамъ и Ученымъ Архивнымъ Коммиссіямъ“, въ которомъ авторъ указываетъ на уничтоженіе памятниковъ древности при производствѣ разнаго рода сооруженій, какъ напр. это было въ недавнее время близъ Азова, и ставитъ вопросъ: „обязаны-ли инженеры, производящіе тѣ или другія работы, при существующихъ узаконеніяхъ объ охранѣ памятниковъ старины. принимать мѣры къ сохраненію предметовъ, имѣющихъ археологическое значеніе, или же могутъ безнаказанно смотрѣть на уничтоженіе невѣжественными рабочими и разграбленіе цѣнныхъ въ научномъ отношеніи остатковъ прошлаго, и неотвѣтственными за непринятіе мѣръ къ ихъ охранѣ“. При обсужденіи этого сообщенія указано было присутствующими много случаевъ порчи и уничтоженія предметовъ древности при разнаго рода соруженіяхъ, производимыхъ подъ наблюденіемъ инженеровъ.

Постановлено: согласиться съ мнѣніемъ г. Прозрителева о необходимости изданія на этотъ предметъ особаго закона.

IV. Доложено сообщеніе члена Коммисіи В. В. Шкорпила: „Изъ архива Керченскаго музея древностей“.

Вслушавъ сообщеніе, въ обсужденіи котораго принимали участіе председатель Коммисіи и Ѳ. Ѳ. Лашковъ, *постановлено*: благодарить автора за трудъ, который напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммисіи.

V. Доложено сообщеніе члена Коммисіи Х. И. Кучукъ-Іоаннесова: „Древнія армянскія рукописи изъ Крыма“.

По заслушаніи этого сообщенія и обсужденія его *постановлено*: благодарить автора за трудъ, который напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммисіи.

VI. Председатель Коммисіи сдѣлалъ сообщеніе о раскопкахъ, производившихся въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцѣ 1911 г. Н. М. Печенкинымъ вблизи Херсонесскаго маяка.

„Остатки древнихъ сооруженій вблизи Херсонесскаго маяка давно уже обращали на себя вниманіе археологовъ. Слѣдя Стрибону, многіе ученые, начиная съ Палласа, указывали здѣсь мѣсто древнѣйшаго Херсонеса. Но систематическихъ раскопокъ въ этихъ мѣстахъ не было произведено до послѣдняго времени. Въ прошломъ году началъ здѣсь раскопки Н. М. Печенкинъ и продолжалъ ихъ въ нынѣшнемъ году. На пространствѣ отъ Казачьей бухты до маяка имъ опредѣлено деревенское хуторское поселеніе II—III в. до Р. Хр., раздѣленное на правильныя дѣлянки, пересѣченныя правильно идущими улицами; опредѣлены точно размѣры и расположеніе дворовъ и дворовыхъ помѣщеній. Всѣ делянки одной величины и одного типа. Противъ входа продолговатый дворникъ, справа отъ него жилища помѣщенія, слѣва хозяйственные; опредѣлены помѣщенія для омовенія, вродѣ ваннхъ комнатъ, мѣста для пнѣсовъ, жертвенниковъ. Нѣкоторыя отдѣленія непонятнаго характера. Всѣ дворы окружены были стѣнами, были какъ бы укрѣплены. Кромѣ того, со стороны суши все поселеніе укрѣплено было двойнымъ рядомъ стѣнъ отъ нападений враговъ; а междустѣнное пространство имѣло, быть можетъ, значеніе акрополя и убѣжища для сосѣднихъ хуторскихъ поселеній. Быть можетъ, это поселеніе было клерухіей отбывшихъ свою службу голлитовъ. Могилъ и погребеній не найдено, почему находокъ очень мало, большею частію черепки битой посуды и нѣсколько монетъ. Важность этихъ раскопокъ та, что послѣ этого деревенскаго поселенія другихъ въ этомъ мѣстѣ поселеній не было. Продолжать раскопки Н. М. Печенкина въ районѣ двойного ряда стѣнъ будетъ Р. Х. Леперъ, и здѣсь могутъ быть болѣе цѣнныя находки. Хорошо было бы, по моему мнѣнію, обратить вниманіе и на прибрежную полосу моря у Херсонесскаго маяка, на днѣ которой моряки не разъ замѣчали цѣлыя дома, улицы, какъ бы городъ“.

Постановлено: благодарить А. И. Маркевича за сообщеніе, которое включить въ протоколъ настоящаго засѣданія.

VII. Предсѣдатель обратилъ вниманіе членовъ Коммисіи на приближающееся 24 января будущаго года 25-лѣтіе дѣятельности Коммисіи и предложилъ вопросъ о способѣ чествованія этого событія. По обсужденіи этого вопроса *постановили*: а) просить предсѣдателя Коммисіи составить къ 24 января 1912 г. историческую записку о дѣятельности Коммисіи за 25 лѣтъ ея существованія; б) устроить въ этотъ день торжественное засѣданіе Коммисіи, на которое пригласить гг. членовъ Коммисіи, тѣ общества и учрежденія, съ которыми Коммисія обмѣнивалась трудами, и в) представителей администрации, земства, г. Симферополя и мѣстнаго общества.

VIII. Избраны въ члены Коммисіи Андрей Аеипогоновичъ Яковлевъ и Александръ Александровичъ Ивановъ.

IX. Предложены и избраны въ члены Коммисіи: а) рекомендованный предсѣдателемъ Коммисіи и Л. П. Колли преподаватель Θεодосійскаго учительскаго института Дмитрій Аркадьевичъ Марковъ и б) рекомендованный С. Д. Маргаритовымъ и предсѣдателемъ Коммисіи инспекторъ народныхъ училищъ Бердянскаго района Иванъ Ивановичъ Халиппа.

X. Аблякимъ Куламетъ оглу представилъ на разсмотрѣніе Коммисіи серебряный футляръ старинной работы для книги, который одинъ татаринъ предлагаетъ продать для музея Коммисіи за 6 руб.

Собраніе нашло этотъ предметъ имѣющимъ бытовой интересъ и заслуживающимъ приобрѣтенія, почему *постановило*: уплатить владѣльцу означенную сумму.

XI. Въ библіотеку Коммисіи поступили слѣдующія изданія книги и брошюры:

1. Отъ Императорской Академіи Наукъ: „Извѣстія“, № 12 за 1911 г.
2. Отъ Императорскаго Университета Св. Владиміра: Университетскія Извѣстія, № 8 за 1911 г.
3. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, № 7 за 1911 г.
4. Отъ Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ: „Извѣстія“, т. XXVI, 1911 г.
5. Отъ Владимірскаго Ученой Архивной Коммисіи: Труды, кн. XII, 1910 г.
6. Отъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера: „Извѣстія“, №№ 16 и 17 за № 1911 г.
7. Отъ Редакціи Таврическаго Церковно-Общественнаго Вѣстника №№ 22—27 этого изданія за 1911 г.
8. Отъ Симферопольской Городской Управы: Извѣстія Симферопольской городской думы, іюль—августъ, № 7—8, за 1911 г.
9. Отъ Археологической Коммисіи Чешской Академіи Наукъ и Музея Королевства Чешскаго: Pamatky archaeologické a mistopisné, т. XXIV, вып. VI, 1910 г.

10. Отъ А. А. Лебедева его труды: а) Поэтъ---христіанинъ Н. В. Гоголь въ русской литературѣ и искусствѣ. Библиографич. монографія, вып. II. б) Къ исторіи старообрядчества на Иргизѣ М. 1911 г.

Постановлено: благодарить.

Засѣдаіе 19 октября 1911 года.

Подъ предѣдательствомъ предѣдателя Коммисіи А. И. Маркевича присутствовали члены: Н. С. Бѣлявъ, В. Д. Георгіевъ, П. С. Грушинскій, Л. В. Жирицкій, Н. Н. Клеппиницъ, Аблякимъ Куламетъ оглу, П. В. Масловъ, прот. А. Г. Назаревскій, В. А. Николаевскій, Д. П. Петровъ, А. К. Романюкъ, прот. А. П. Сердобольскій, П. В. Чинновъ и правитель дѣлъ И. О. Ерооесевъ.

Объявивъ засѣданіе открытымъ, предѣдатель Коммисіи обратился къ собранію со слѣдующими словами:

„И настоящее засѣданіе, господа, мы должны начать поминками. 5-го числа этого мѣсяца, 75 лѣтъ отъ роду, скончался старѣйшій и достойнѣйшій членъ нашей Коммисіи и товарищъ предѣдателя ея А. В. Ивановъ. Всѣ мы знаемъ, какъ полезна была дѣятельность его для Коммисіи. Человѣкъ большого богословскаго образованія, громаднѣйшей эрудиціи и трудоспособности, покойный Александръ Васильевичъ, состоя преподавателемъ мѣстной духовной семинаріи, а въ послѣдніе годы наблюдателемъ церковно-приходскихъ школъ Таврической епархіи, всѣ досуги свои посвящалъ учено-литературнымъ занятіямъ. Изъ нихъ особенно извѣстны два обширные труда его: а) „Руководство къ изяснительному чтенію Четвероевангелія и Дѣяній Апостольскихъ“ и б) „Обозрѣніе Апостольскихъ посланій и Апокалипсиса“, принятыя въ качествѣ руководствъ во многихъ духовныхъ семинаріяхъ Россіи и выдержавшія по нѣскольку изданій. Упомяну также статьи его: а) „Греческій рукописный Апостолъ Предтеченской церкви въ Корчи (Зап. Имп. Русск. Арх. Общ., т. V.) „Греческое рукописное Евангеліе библиотеки Таврической духовной семинаріи“ (тамъ же, т. 1), в) „Столѣтіе присоединенія Крыма къ Россіи“ (Таврич. Епарх. Вѣдомости 1883 г.,) г.) „Женскіе типы изъ исторіи Тавриды (Таврич. Губ. Вѣдомости 1887 г.). Многихъ статей его по исторіи церкви, исторіи и обличенію раскола, священному писанію и др. предметамъ, помѣщенные въ столичныхъ богословскихъ журналахъ и мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ я перечислять не буду. Укажу только на его статью по поводу сильно напумѣвшей книги А. Н. Морозова: „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“, въ которой Александръ Васильевичъ авторитетно опровергаетъ высказанную г. Морозовымъ мысль о томъ, что авторомъ Апокалипсиса былъ не Св. Іоаннъ Богословъ, а Іоаннъ Златоустъ. Съ открытіемъвъ Сми-

ферополь Ученой Архивной Коммисіи, покойный Александръ Васильевичъ вступилъ въ число ея дѣятелей и много потрудился для нея, особенно въ званіи хранителя музея и библіотекаря. Почти каждое воскресеніе и каждый праздникъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Александръ Васильевичъ давалъ обстоятельныя, строго научныя и доступныя по формѣ объясненія посѣтителѣмъ музея. Въ „Извѣстіяхъ“ Коммисіи А. В. Ивановъ помѣтилъ нѣсколько весьма интересныхъ и цѣнныхъ сообщеній. Послѣдній трудъ свой, незаконченный, къ сожалѣнію, покойный имѣлъ въ виду также предоставить въ распоряженіе Коммисіи. Вѣчная память незабвенному Александру Васильевичу.“

По приглашенію предсѣдателя, собраніе почтило память покойнаго встаніемъ.

II. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Коммисіи, что имъ возложенъ былъ вѣнокъ отъ имени ея на гробъ покойнаго товарища предсѣдателя Коммисіи А. В. Иванова.

Постановлено: расходъ принять на счетъ Коммисіи.

III. Доложенъ протоколъ засѣданія 29 сентября этого года.

Постановлено: утвердить.

IV. Доложено отношеніе Таврическаго губернскаго правленія (по Строит. отд.) отъ 8 этого октября за № 2553 съ увѣдомленіемъ о томъ, что на ремонтъ древней греческой церкви въ Оеодосійскомъ карантинѣ отпущенъ кредитъ въ суммѣ 940 р., и просьбой о командированіи въ г. Оеодосію члена Коммисіи для сообщенія архитектору Ларіонову, на котораго возложенъ этотъ ремонтъ, надлежащихъ совѣтовъ при производствѣ имъ ремонта означеннаго памятника древности. При этомъ предсѣдатель заявилъ, что проживающій въ Оеодосіи членъ Коммисіи Л. П. Колли изъявилъ уже согласіе взять на себя трудъ содѣйствія г. Ларіонову въ ремонтѣ означенной церкви съ фресками.

Постановлено: благодарить Л. П. Колли, о согласіи его взять на себя этотъ трудъ увѣдомить губернское правленіе и записать въ протоколъ.

V. Доложено отношеніе Воронежской Ученой Архивной Коммисіи отъ 20 сентября этого года за № 1117 съ просьбой принять участіе въ чтеніи поэта И. С. Никитина по случаю исполняющагося 16 октября с. г. 50-лѣтія его кончины и открытія въ этотъ день ему памятника въ Воронежѣ.—Предсѣдатель Коммисіи заявилъ, что къ этому дню имъ послано привѣтствіе на имя Воронежской Ученой Архивной Коммисіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

VI. Доложено приглашеніе Императорской Академіи Наукъ отъ 30 сентября этого года за № 3312 принять участіе въ торжественномъ публичномъ засѣданіи ея 8 ноября с. г. въ честь великаго русскаго ученаго Михаила Васильевича Ломоносова по случаю исполняющагося въ этотъ день двухсотлѣтія со дня его рожденія.

Постановлено: Одобривъ составленный председателемъ Комиссіи проектъ привѣтствія Академіи Наукъ по случаю 200-лѣтія со дня рожденія Ломоносова, послать къ 8 ноябрю это привѣтствіе Императорской Академіи Наукъ отъ имени Таврической Ученой Архивной Комиссіи.

VII. Доложенъ подписной листъ за № 57394 комитета по сбору пожертвованій на сооруженіе въ г. Чембарѣ народнаго дома имени В. Г. Бѣлинскаго, препровожденный при отношеніи отъ 6 сего октября за № 7997.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

VIII. Доложено письмо Дмитрія Аркадьевича Маркова на имя председателя Комиссіи съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ члены Комиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

IX. Доложено сообщеніе члена Комиссіи Л. П. Колли: „Кафа въ періодъ владѣнія Банкомъ Св. Георгія“. Это сообщеніе вызвало живой интересъ собранія. Въ обсужденіи его принимали участіе протоіерей Назаревскій, протоіерей Сердобольскій и А. К. Романюкъ.

Постановлено: благодарить автора за трудъ, который напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Комиссіи.

X. Доложено сообщеніе члена Комиссіи Д. Н. Косцюшко-Валюжинича: „Некрополь у „крестовиднаго“ храма въ Херсонесѣ“. По заслушаніи этого сообщенія **постановлено:** благодарить автора за трудъ, а сообщеніе его напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Комиссіи.

XI. Н. Н. Клепининъ сообщилъ о печальномъ состояніи древней греческой церкви вблизи д. Демерджи, въ 4 верстахъ отъ Алушты. Эта древне-греческая церковь въ Крыму, подробно описанная акад. Коппеномъ въ его „Крымскомъ Сборникѣ“, была реставрирована во второй половинѣ прошлаго столѣтія и въ 80-хъ годахъ его была еще въ удовлетворительномъ состояніи. Но въ 90-хъ годахъ, по случаю перенесенія деревни Демерджи, вслѣдствіе обвала горы того же имени, въ другое мѣсто, церковь осталась безъ всякаго надзора и стала разрушаться. Сѣверная сторона ея почти совсѣмъ обвалилась, сѣверо-западный уголъ далъ большую трещину. Необходимо немедленный ремонтъ этой церкви, — иначе въ самое короткое время она рухнетъ. Н. Н. Клепининъ демонстрировалъ свое сообщеніе превосходнымъ фотографическимъ снимкомъ Демерджинской церкви.

Постановлено: благодарить Н. Н. Клепинина за сообщеніе, о состояніи же Демерджинской древней церкви довести до свѣдѣнія Императорской Археологической Комиссіи съ препровожденіемъ фотографическаго снимка этого памятника древности.

XII. Председатель Комиссіи заявилъ, что, къ сожалѣнію, древніе памятники въ Крыму въ послѣднее время быстро разрушаются. Такъ, года четыре тому назадъ рухнулъ сводъ въ развалинахъ древней греческой церкви Св. Андрея надъ д. Курузенемъ, вблизи водопада Джуръ-Джуръ, въ гу-

стой орѣховой рошѣ. Изъ-подъ этой церкви вытекаетъ рѣка Курузень, изъ-за которой въ настоящее время идетъ споръ между крестьянами деревни Курузень и Улузень. Вѣроятно, споры этихъ крестьянъ-татаръ и способствовали гибели величественныхъ развалинъ этой церкви.

Постановлено: заявленіе А. И. Маркевича записать въ протоколъ.

XIII. Доложенъ переводъ статьи И. В. Желизко: „Погребальный обрядъ дилувіальнаго человѣка“, сдѣланный членомъ Коммиссіи А. О. Кашпаромъ. Обсужденіе его, за позднимъ временемъ, отложено до слѣдующаго засѣданія.

XIV. В. А. Николаевскій представилъ на разсмотрѣніе Коммиссіи дѣло Архива Канцеляріи Таврическаго Губернатора 1826 г. № 9: „Объ отысканіи въ имуществѣ покойной графини Гашеть темно-синей шкатулки“ на 40 листахъ. Предсѣдатель Коммиссіи указалъ на интересъ этого дѣла.

Постановлено: просить А. И. Маркевича представить докладъ объ этомъ интересномъ дѣлѣ въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Коммиссіи.

XV. Правитель дѣлъ заявилъ, что въ музей Коммиссіи поступила амфора, найденная въ прошломъ году на р. Качѣ, близъ дер. Аранчи, на землѣ М. С. Мышковаго. Доставкѣ ея въ музей содѣйствовали владѣлецъ имѣнія и управляющій его П. К. Ермоленко. За доставку уплачено 2-р. 50 к.

Постановлено: благодарить г.г. Мышковаго и Ермоленко, а расходъ приписать на счетъ Коммиссіи.

XVI. Въ бібліотеку Коммиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Императорской Академіи Наукъ: „Извѣстія“, №№ 13 и 14 за 1911 г.

2. Отъ Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ: Записки, вып. 5, 1911 г.

3. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, № 8 за 1911 г.

4. Отъ Тверской Ученой Архивной Коммиссіи изданіе ея: „І. М. Маленинъ. Мои воспоминанія“. 1910 г.

5. Отъ Екатеринославской Ученой Архивной Коммиссіи: Лѣтопись, вып. 7, 1911 г.

6. Отъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера: Извѣстія, № 8 за 1911 г.

7. Отъ Редакціи журнала „Таврическій Церковно-Общественный Вѣстникъ“: №№ 28 и 29 этого изданія за 1911 г.

8. Отъ члена Коммиссіи П. П. Короленко его труды: а) „Переселеніе казаковъ за Кубань. Русская колонизація на Зап. Кавказѣ“. 1910 г., б) Къ исторіи колонизаціи Закубанскаго края, 1906 г. и в) „Записки по исторіи сѣверовосточнаго побережья Чернаго моря. Сочи“. 1910 г.

9. Отъ А. Н. Ильина его труды: а) Танаисъ, Тана и Азовъ, 1908 г. и б) Исторія г. Ростова-на-Дону, 1910 г.

10) Отъ правителя дѣлъ И. О. Ерошова: а) Автографы извѣстныхъ и замѣчательныхъ людей (изъ архива С. Ю. Витте). Спб. 1905 г. и б) Сѣверная война 1708 г. Мышлаевского, 1901 г.

Постановлено: благодарить.

11. Приобрѣтены для библіотеки Коммисіи книги: а) Исповѣданіе вѣры молочанъ Донского полка Таврической губерніи. Симфер. 1875 г. и б) О скопческомъ ученіи по послѣднимъ о немъ извѣстіямъ. Соч. преосвящ. Гурія, епископа Таврическаго. Симф. 1877 г.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

Засѣданіе 8 ноября 1911 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммисіи А. И. Маркевича присутствовали члены Коммисіи: О. Н. Андреевскій, П. Г. Викторовскій, В. Д. Георгіевъ, П. С. Грушинскій, Л. В. Жирицкій, Р. Г. Касабовъ, Н. Н. Клєпининъ, Аблякимъ Куламетъ оглу, С. Д. Маргаритовъ. П. В. Масловъ, каедральный протоіерей А. Г. Назаровскій, протоіерей В. С. Никольскій, Я. В. Ратиборъ-Уличный, Я. Т. Харченко, П. В. Чинновъ, А. М. Дмитревскій и П. И. Крестіанполь. Секретаремъ избранъ П. В. Чинновъ.

І. Открывъ засѣданіе, предсѣдатель обратился къ собранію съ слѣдующими словами:

„Мм. Гг., Сегодня насъ собралъ великое имя. Сегодня празднуется 200-лѣтіе со дня рожденія великаго нашего ученаго и поэта М. В. Ломоносова. Въ то время, когда Петръ Великій насаждалъ у насъ европейскую науку, на далекомъ сѣверѣ Россіи, у береговъ Бѣлаго моря, родился человѣкъ, который показалъ, что Россія можетъ имѣть и *своихъ* ученыхъ — такихъ, „какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ“, показалъ, что „Россійская земля можетъ рождать собственныхъ Платоновъ и быстрыхъ разумомъ Невтоновъ“. Учреждая академію наукъ, Петръ Великій желалъ, „чтобы ученые въ Россіи выходили изъ сыновъ россійскихъ“, и первый изъ нихъ былъ Ломоносовъ. Вся жизнь его тѣсно связана съ наукой и прошла въ борьбѣ для науки и за науку. Въ дѣтскіе и юношескіе годы, съ удивительной энергіей, испытывая крайнюю нужду, онъ искалъ на родинѣ у раскольниковъ, потомъ въ Москвѣ въ Спасскихъ школахъ, въ Кіевѣ въ Могилянской коллегіи, а затѣмъ попалъ въ академическій университетъ. Академія наукъ оцѣнила его и послала совершенствоваться въ наукахъ за границу. Тамъ онъ достигъ, наконецъ, своей цѣли и добылъ европейскую науку, но и тамъ ему приходилось въ поискахъ за

наукой терять крайнія лишенія и невзгоды. Вернувшись въ отечество, Ломоносовъ всецѣло отдался наукѣ, какъ профессоръ академіи, съ 1757 г. и членъ академической канцеляріи, съ 1759 г. управлявшій академической гимназіей и университетомъ и географическимъ департаментомъ, но и теперь долженъ былъ вести упорную борьбу „за дѣло Петрово съ непріятелями наукъ російскихъ, которые не давали возрастать свободно насажденію Петра Великаго“. Этими недругами русской науки были многіе изъ академиковъ и членовъ академической канцеляріи—иностранны, незнавшіе и не любившіе Россіи и совершенно ей чуждые, незнавшіе русскаго языка и умышленно уклонявшіеся отъ чтенія лекцій и обученія русскихъ юношей въ академическомъ университетѣ и гимназіи. Эта борьба, необыкновенно упорная и страстная, нерѣдко сопровождалась грубыми приемами, но вытекала изъ горячей любви къ отечеству и стоила Ломоносову необычайныхъ страданій и невзгодъ. Но онъ не терялъ энергіи. „За то терплю, говорилъ онъ, что стараюсь защитить трудъ Петра Великаго“, а поддержку находилъ онъ въ Промыслѣ Божиѣмъ, „Который, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, далъ мнѣ благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего въ жизни моей дороже“.

Нолады въ академіи во время пребыванія въ ней Ломоносова были продолженіемъ безпорядковъ, начавшихся чуть ли не со времени открытія ея. Они происходили, съ одной стороны, отъ господства въ академіи личныхъ и корыстныхъ интересовъ, съ другой—отъ недостатка въ русскомъ обществѣ любви и уваженія къ наукѣ и своему высшему ученому учрежденію. Припомнимъ слова кн. Контемира о положеніи науки въ то время:

Гордость, лѣнь, богатство мудрость одолѣло,

Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло...

Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,

Изъ всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита.

Господство иностранцевъ въ академіи происходило отъ состава академиковъ и было отраженіемъ господства иностранщины у насъ во все время отъ смерти Петра Великаго и до Елисаветы Петровны. Ломоносова особенно возмущало то, что тѣ же нѣмцы академики, не желавшіе знать Россіи, смотрѣвшіе свысока на нею, брались за изслѣдованія по русской исторіи (Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ) и русскому языку. Такъ Шлецеръ, знаменитый изслѣдователь лѣтописи Нестора, рѣшилъ написать русскую грамматику, но познанія его въ русскомъ языкѣ были очень слабы, что Ломоносовъ доказывалъ слѣдующими примѣрами: слово бояринъ онъ производилъ отъ *дурака* или *барана*, дѣва отъ нѣм. *Dieb* или отъ голландскаго *teet* (!) или нидерландскаго *Tiffe*; король отъ *Kerl*, князь отъ *Knecht* и т. д. „Изъ сего заключить должно, говоритъ Ломоносовъ, какихъ гнусныхъ пакостей по наколбродитъ въ Россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ шихъ скотина“. Заботясь объ увеличеніи числа студентовъ въ академіи, Ломоносовъ скорбѣлъ,

что въ то время закрыть былъ доступъ къ наукѣ людямъ податного сословія, которымъ запрощено было поступать въ университетъ: „будто бы сорокъ алтынъ столь великая и казнѣ тяжелая сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россійскаго, а лучше выписывать“. Указывалъ онъ и на то обстоятельство, что служебныя права академиковъ были гораздо ниже въ сравненіи съ другими классами, вслѣдствіе чего юноши благороднаго сословія предпочитали поступать въ военную службу.

Ломоносова, какъ ученаго, лучше всего охарактеризовалъ Пушкинъ. „Ломоносовъ, говоритъ онъ, былъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериной II онъ одинъ является у насъ самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ“, — и это правда, такъ какъ научные интересы Ломоносова были очень разнообразны, и труды его входили въ область наукъ и естественно-математическихъ и историко-филологическихъ. Въ другомъ мѣстѣ Пушкинъ говоритъ: „Ломоносовъ обнялъ все отрасли просвѣщенія. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ — онъ все испыталъ и все проникъ.“ Главными науками, которыми занимался Ломоносовъ, и самыми любимыми имъ были: физика, химія, металлургія и физическая географія. Въ этой области знанія онъ стоялъ вполне на уровнѣ европейской науки. Знаменитый ученый того времени Эйлеръ писалъ въ академію самые восторженные похвалы трудамъ Ломоносова. Такъ же высоко смотрѣли на Ломоносова и другіе тогдашніе ученые. Особенно важны его изслѣдованія и выводы по электричеству, которые онъ сдѣлалъ самостоятельно и одновременно съ Франклиномъ, его теорія образованія каменнаго угля изъ торфяниковъ при участіи подземнаго огня, его объясненія поднятія и обрушенія пластовъ земли, его гипотеза существованія атмосферы вокругъ Венеры, гипотеза происхожденія кристалловъ, разъясненія, что янтарь не минералъ, какъ тогда думали ученые, а смола растительнаго происхожденія, гипотеза о происхожденіи металловъ отъ сотрясенія земли и т. д. Укажу еще разсужденіе его: „Обольшой точности морского пути“. Сильно занималъ Ломоносова и вопросъ „О ходѣ сѣверомъ въ Великій океанъ“, и по этому вопросу онъ написалъ особое сочиненіе. Я не буду перечислять здѣсь всѣхъ сочиненій его по физикѣ, химіи и пр. на латинскомъ и русскомъ языкахъ и укажу еще только на занятія его производствомъ мозаики, какъ приращеніемъ химіи къ жизни.

Во второй періодъ своей ученой дѣятельности Ломоносовъ былъ отвлеченъ отъ занятій по естествознанію въ область филологіи, хотя не оставлялъ чтенія лекцій и трудовъ по предметамъ своей спеціальности. И въ области филологіи онъ пріобрѣлъ большую славу, особенно составленіемъ первой грамматики русскаго литературнаго языка, котораго онъ былъ родоначальникомъ. Ломоносовъ опредѣлилъ значеніе русскаго языка, какъ литературнаго, и отношеніе къ нему славянскаго языка. Онъ отлично понималъ все богат-

ство, разнообразіе, красоту и силу русскаго языка. „Ежели чего точно изобразить не можемъ, говорить онъ, не языку нашему, по недовольному своему въ немъ искусству приписать долженствуемъ.“ Онъ усовершенствовалъ русскій языкъ, освободилъ его отъ варваризмовъ, далъ прекрасные образцы его въ своихъ ораторскихъ и поэтическихъ произведеніяхъ. По желанію императрицы Елисаветы Петровны, пришлось ему заниматься и исторіей, и результатами его трудовъ въ этой области были сочиненія: „Краткій русскій лѣтописецъ“ съ предисловіемъ: „Показаніе россійской древности“ и „Древняя Россійская Исторія“, не оконченная имъ. Въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ Ломоносовъ высказывалъ весьма важныя соображенія. Такъ, онъ опровергаетъ легенду о происхожденіи Руси отъ варяговъ-скандинавовъ. Скиевъ онъ отождествляетъ съ чуждою, но указываетъ, что древніе писатели называли скинами и славянскія племена. Сарматы же, по его мнѣнію, чистые славяне. Первые указанія о славянскихъ племенахъ Ломоносовъ видитъ въ сказаніяхъ о Троянской войнѣ. Варяги-Руссы, утверждаетъ онъ, это Роксолане или Россолане, которые жили сначала на югѣ нынѣшней Россіи, а потомъ переселились на сѣверъ, къ берегамъ Балтійскаго моря, гдѣ нынѣ Пруссія, т. е. по-Руссія (по р. Русь). Они совершали походы по Балтійскому морю и вмѣстѣ съ готами ходили и въ Царьградъ. Новгородскіе славяне и Чудь выбрали себѣ княземъ Рурика изъ этихъ своихъ родичей Руссовъ. Къ славянскимъ племенамъ Ломоносовъ причисляетъ Пафлогонянъ, Енетовъ или Венетовъ, Вендовъ, Мидянъ и Амазоновъ. Въ главѣ о Владимірѣ Святѣмъ Ломоносовъ говоритъ и о его походѣ на Херсонесъ, но топографія и терминологія его здѣсь очень спутаны. Херсономъ онъ называетъ Крымъ, а Корсунъ отождествляетъ съ Θεοδοσίει. Онъ говоритъ: „Владиміръ Св. пошелъ въ Херсонъ, къ главному городу Θεοδοσίи, и сталъ передъ нимъ немного далѣе одного выстрѣла“... „Великая радость услаждала его сердце при входѣ въ Θεοδοσίю безъ многого кровопролитія“... Анна со спутниками „достигаютъ Херсонскія пристани города Θεοδοσίи“... „Воздвигнута церковь въ Θεοδοσίи, на бугрѣ, паношенномъ землею изъ рва, который Россіяне, приступая, засыпать старались“.

Вообще ученая дѣятельность Ломоносова была изумительно широка. Ученый XVIII в., исполнитель плановъ Петра Великаго въ дѣлѣ насажdenія у насъ европейскаго просвѣщенія, Ломоносовъ въ своихъ ученыхъ трудахъ проводилъ прежде всего практическое направленіе науки, приложенія ея къ потребностямъ и пользѣ Россіи. Съ другой стороны, въ сочиненіяхъ Ломоносова проходитъ красною нитью другая тема—отношеніе науки къ религіи. Самъ глубоко религіозный ученый, подобно Ньютону, Паскалю и др., Ломоносовъ разъясняетъ тѣсную связь религіи и науки и важность обѣихъ для пониманія міровой жизни.

Значеніе ученаго подвига Ломоносова понято было у насъ нескоро. Какъ при жизни его, такъ и послѣ смерти, до Пушкина, цѣнили его не какъ

ученаго, а какъ знаменитаго писателя, поэта, нашего Пиндара и Малерба. и т. д. Художественное творчество Ломоносова выразилось, главнымъ образомъ, въ его одахъ, духовныхъ и свѣтскихъ, и другихъ произведеніяхъ: надписяхъ по случаю разныхъ торжествъ, несовершенной поэмѣ „Петръ Великій“ двухъ трагедіяхъ и др. Пушкинъ произнесъ суровый приговоръ художественнымъ произведеніямъ Ломоносова: оды его онъ называетъ надутыми и утомительными. Это правда, если имѣть въ виду всѣ его произведенія, но нѣкоторыя изъ нихъ и части ихъ, написанныя не по вѣнчимъ побужденіямъ, высоко художественны. Важность его поэтическихъ произведеній состоитъ въ чистотѣ и силѣ его языка, искренности чувства, восторженной любви къ отечеству, наукѣ, въ новомъ, небываломъ до него у насъ построеніи стиха и вдохновенности многихъ его строфъ. Его Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, многія отдѣльныя строфы его духовныхъ и похвальныхъ одъ, особенно 1747 г., ода изъ книги Іова, его разсужденіе въ стихахъ: О пользѣ стекла—общезвѣстны, а въ свое время переходили изъ устъ въ уста. Но и въ этихъ произведеніяхъ мы видимъ въ немъ прежде всего ученаго; и въ нихъ онъ съ особеннымъ воодушевленіемъ говоритъ о наукѣ, ея важности, о насадителяхъ ея въ Россіи.

Позвольте мнѣ привести одинъ отрывокъ изъ оды его 1762 г.: На день восшествія на престолъ Екатерины II, рисующій хорошо Ломоносова, какъ поэта-гражданина:

Услыште, судіи зомные
И всѣ державныя главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте;
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу,—
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

.
А вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство вольности златая,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храпя къ своимъ сосѣдямъ дружбу,
Позволила по вѣрѣ службу
Безиреткновенно приносить!
На то-ль склонилесь къ вамъ Монархи
И согласилсь іерархи,
Чтобъ древній нашъ законъ вредить?

И вмѣсто, чтобъ вамъ быть межъ нами
 Въ предѣлахъ должности своей,
 Считать насъ вашими рабами
 Въ противность истины вѣщей?
 Искусство нынѣшне доводомъ;
 Чтѣ было надъ Россійскомъ родомъ
 Умыслено отъ вашихъ главъ
 Къ поправи нашего закона,
 Россійскаго къ паденью Трона,
 Къ рушенію народныхъ правъ.
 Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
 Прочтите книги нашихъ дѣлъ
 И чувствомъ собственнымъ повѣрьте:
 Не вамъ повергнуть нашъ предѣлъ.
 Исчислите тѣмъ сильныхъ боевъ,
 Исчислите у насъ героевъ
 Отъ земледѣльца до царя,
 Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ солахъ,
 Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ
 И у святого алтаря...

Два художественныхъ произведенія Ломоносова имѣютъ отношеніе къ Крыму. Первое—ода его на взятіе Хотина (1739), прославившая Ломоносова, какъ писателя, касается войны нашей съ Турціей (1736 и 1739 г.), начавшейся изъ-за набѣговъ Крымскихъ татаръ на русскія украины. Въ сраженіи при Ставучанахъ, результатомъ котораго было взятіе Хотина, участвовало до 40,000 крымскихъ татаръ, разбитыхъ на голову нашими войсками подъ начальствомъ Минниха. Взятіемъ Хотина и окончилась эта война, не принеся намъ большихъ выгодъ, но ослабившая Крымскую орду, чѣмъ облегчено было присоединеніе Крыма къ Россіи при Екатеринѣ II. Второе произведеніе Ломоносова, имѣющее связь съ Крымомъ, это трагедія его: „Тамира и Селимъ“. Дѣйствіе ея происходитъ въ Кафѣ, „знатнѣйшемъ приморскомъ городѣ Крымскомъ, въ царскомъ (т. е. ханскомъ) домѣ“. Дѣйствующія лица въ ней: Муметь, царь Крымскій, Мамай, царь татарскій, Тамира, дочь Мумета, ея братъ Нарсимъ, братъ Мумета Падиръ, царевичъ Багдадскій Селимъ, визирь Мумета Зайсанъ, мамка Тамиры Клеона, два вѣстника, воины. Какъ драматическое произведеніе, эта трагедія очень слаба: нѣтъ въ ней ни дѣйствій, ни характеровъ; написана она въ ложноклассическомъ духѣ: Тамира напр. воспоминаетъ Медею и т. д. Сюжетъ состоитъ въ томъ что Тамира влюблена въ Селима, благороднаго юношу, и онъ въ нее, но отецъ выдаетъ ее за жестокаго тирана Мамай, бѣжавшаго въ Крымъ послѣ Куликовской битвы и ложно объявившаго о своей побѣдѣ надъ русскими войсками. Истина раскрывается поздно, и въ этомъ трагизмъ произведенія.

Историческаго элемента въ произведеніи, кромѣ личности Мамаѣ и мѣста дѣйствія, нѣтъ.

Знаменитый ревнитель и поборникъ русскаго просвѣщенія, великій ученый и поэтъ, Ломоносовъ умеръ далеко не въ преклонные годы. Богатырскія силы его, духовныя и физическія, не выдержали тяжелой борьбы, невзгодъ и лишеній. Незадолго до смерти онъ писалъ: „Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ“. Слова его сбылись. Потомки оцѣнили его труды, славное имя его извѣстно всеѣмъ грамотнымъ русскимъ людямъ. Его именемъ гордится русская наука, онъ справедливо считается отцомъ новой нашей литературы, а сегодня съ благоговѣніемъ и благодарностью вспоминаютъ и чествуютъ его все русскіе люди“.

По предложенію предѣдателя, собранія почтило память М. В. Ломоносова вставаніемъ.

II. Доложенъ протоколъ засѣданія 19 октября 1911 г.

Постановлено: утвердить.

III. Продолжалось обсужденіе статьи И. В. Желизко: „Погребальный обрядъ дилувіальнаго человѣка“.

Постановлено: переводъ этой статьи напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Комиссіи.

IV. Доложены „Правила для соисканія преміи въ память 50-лѣтія дѣятельности Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества на тему: „Историческій очеркъ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Россіи, съ приложеніемъ систематической бібліографіи сочиненій и статей археологическаго содержанія“.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

V. Доложено письмо И. Н. Халиппы съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ члены Комиссіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

VI. Доложено отношеніе Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 17 октября 1911 года за № 26181 съ препровожденіемъ вновь изданныхъ очерковъ столѣтія Военнаго Министерства: 1) Возникновеніе и развитіе въ Россіи Генеральнаго Штаба, 2) Военные министры и главноуправляющіе военною частью въ Россіи, 3) Императорская Военно-Медицинская Академія, 4) Военно-Тюремныя Учрежденія, 5) Систематическій указатель.

Постановлено: благодарить за присылку этого цѣннаго изданія.

VII. Доложено сообщеніе члена Комиссіи Х. П. Ящуржинскаго: „Южно-русскіе плѣнники въ Крыму“.

Этотъ рефератъ вызвалъ живой обмѣлъ мыслей, въ которомъ принимали участіе П. В. Масловъ, П. В. Викторовскій, прот. Назаревскій, Я. Т. Харченко и предѣдатель Комиссіи А. И. Маркѣвичъ. Указано было, съ од-

ной стороны, недостаточное использование свѣдѣній, заключающихся въ актахъ Юго-Западной Россіи, въ архивахъ Зборовскихъ, Сангушковъ и др., а равно и малорусскихъ думъ, съ другой—интересъ темы и задушевность реферата.

Постановлено: сообщеніе Х. П. Ящуржинскаго напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Комиссіи и благодарить его за трудъ.

VIII. Доложено сообщеніе В. Е. Козловской: „Остатки славянскаго городища и дюнная стоянка неолитической эпохи на озерѣ Боромкѣ, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи“.

Постановлено: благодарить автора за трудъ, а члена Комиссіи В. Е. Данилевича за препровожденіе этого интереснаго и обстоятельнаго сообщенія, которое напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Комиссіи.

IX. Доложено сообщеніе члена Комиссіи Л. П. Колли: „Страница изъ исторіи Кафы“.

Постановлено: благодарить автора за трудъ и весьма цѣнное сообщеніе его напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Комиссіи.

X. По предложенію предсѣдателя Комиссіи, избранъ въ дѣйствительные члены Комиссіи преосвященный Теофанъ, епископъ Таврической и Симферопольскій.

XI. Предсѣдатель Комиссіи предложилъ въ члены Комиссіи слѣдующихъ лицъ: а) Василія Егоровича Рудакова завѣдующаго архивомъ департамента герольдіи, б) помощника секретаря Симферопольской городской управы Алексѣя Михайловича Дмитревскаго, в) преподавателя Симферопольскаго реальнаго училища П. И. Крестіанполя, г) чиновника особыхъ порученій Таврической казенной палаты Ивана Григорьевича Введенскаго и д) землевладѣльца Евгенія Васильевича Салькова.

XII. Въ бібліотеку Комиссіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Императорской Академіи Наукъ: „Извѣстія“, № 15 за 1911 г.

2. Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: а) Древности. Труды Имп. Моск. Арх. Общества, т. XXIII, вып. 1, 1911 г.; б) Труды предварительнаго комитета по устройству XV Археологическаго Съѣзда, вып. 1 и 2; в) Труды XV Археологическаго Съѣзда въ Чорниговѣ, т. I, II и III; г) Правила на соисканіе преміи въ память 50-лѣтія дѣятельности Имп. Московскаго Археологическаго Общества.

3. Отъ Университета Св. Владиміра: а) Университетскія Извѣстія, № 9 за 1911 г.; б) Памяти Н. В. Гоголя. Сборникъ рѣчей и статей.

4. Отъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества: Записки Восточнаго отдѣленія, т. XX, вып. II и III.

4. Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ: Чтенія, кн. III (238) за 1911 г.

6. Отъ Главнаго Штаба: Столѣтіе Военнаго Министерства: а) Военные министры и главноуправляющіе военной частью въ Россіи съ 1701 по 1910 г.,

б) Историческій очеркъ возникновенія и развитія въ Россіи Генеральнаго Штаба; в) Императорская военно-медицинская академія; г) Военно-тюремныя учрежденія; д) Систематическій указатель, вып. II.

7. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, № 9 за 1911 г.

8. Отъ Рязанской Ученой Архивной Коммисіи: Труды, т. XXXIV, вып. 1; б) Отчетъ за 1909 г.; в) Отчетъ за 1910 г.

9. Отъ Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи: Основной каталогъ ея бібліотеки.

10. Отъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера: Извѣстія, №№ 19 и 20 за 1911 г.

11. Отъ Крымско-Кавказскаго Горнаго Клуба: Записки, вып. 2, за 1911 г.

12. Отъ Редакціи Таврическаго Церковно-Общественнаго Вѣстника №№ 30 и 31 за 1911 г.

13. Отъ члена Коммисіи Н. И. Троицкаго отъ. его труда: Икона Иисусъ Христосъ „Благое Молчаніе“, 1911 г.

14. Отъ члена Коммисіи П. В. Чиннова отъ. его статьи: Участіе древне-русскихъ митрополитовъ въ современной имъ государственной и общественной жизни, 1911 г.

15. Отъ С. И. Ивановой отъ. ст. А. В. Иванова: Св. равноапостольный Великій Князь Кіевскій Владиміръ. 1911 г.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 26 ноября 1911 года.

Подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя Коммисіи Арсенія Ивановича Маркевича, присутствовали члены Коммисіи: О. Н. Андреевскій, В. Д. Георгіевъ, А. Я. Гидалевичъ, Б. М. Гиммельфарбъ, А. М. Дмитревскій, Л. В. Жирицкій, В. А. Ивановъ, А. А. Ивановъ, Л. П. Колли, А. П. Кюри, С. М. Мокржецкій, В. А. Николаевскій, Я. В. Ратиборъ-Уличный, А. К. Романюкъ, М. М. Шведовъ, А. А. Яковлевъ, правитель дѣлъ И. О. Ерошеевъ и гости: А. Н. Маркевичъ, И. М. Волошиновъ, И. М. Щеголевъ и П. С. Щербина.

I. Открывъ засѣданіе, предсѣдатель Коммисіи обратился къ собранію со слѣдующими словами:

„М.м. Г.г. 8 сентября текущаго года исполнилось сто лѣтъ со дня смерти одного изъ величайшихъ ученыхъ начала XVIII-го и конца XIX вѣка Петра Симона Палласа. Всегда помня и почитая его имя, какъ славнаго и никѣмъ

не превзойденнаго изслѣдователя Крыма, его природы и древностей, Таврическая Ученая Архивная Коммиссія предполагала почтить его память въ этотъ день въ соединенномъ собраніи съ другими учеными обществами г. Симферополя. Но это чествованіе не могло состояться по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, и мы посвящаемъ памяти нашего знаменитаго академика часть настоящаго засѣданія. По порученію Коммиссін, я буду имѣть честь представить сейчасъ Вашему вниманію сообщеніе о жизни Палласа, пребываніи его въ Крыму и ученыхъ трудахъ его, но прежде всего предлагаю почтить память его вставаніемъ“.

Собраніе почтило вставаніемъ память академика Палласа.

II. Предсѣдатель Коммиссіи сдѣлалъ докладъ о жизни Палласа, пребываніи его въ Крыму и ученыхъ его трудахъ.

Постановлено: благодарить Арсенія Ивановича Маркевича за сообщеніе, которое напечатать въ ближайшемъ выпускѣ „Извѣстій“ Коммиссіи.

III. Членъ Коммиссіи С. А. Мокржецкій сказалъ нѣсколько словъ о значеніи трудовъ Палласа, какъ зоолога, ботаника и геолога и покончилъ свою рѣчь пожеланіемъ постановки памятника Палласу въ г. Симферополь.

Предсѣдатель Коммиссіи благодарилъ докладчика за его сообщеніе и выразилъ сочувствіе мысли С. А. Мокржецкаго о сооруженіи памятника Палласу въ Симферополь. „Мысль о сооруженіи памятника Палласу въ Россіи, продолжалъ А. И. Маркевичъ, не нова. Первый высказалъ ее Ѳ. П. Кеппенъ въ концѣ статьи своей о Палласѣ. Затѣмъ годъ тому назадъ членъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи Л. П. Колли въ письмѣ на имя предсѣдателя Коммиссіи выразилъ пожеланіе о сооруженіи памятника Палласу въ г. Симферополь; эта мысль была съ полнымъ сочувствіемъ принята всѣми членами Коммиссіи, и предположено было поднять этотъ вопросъ въ засѣданіи ея, посвященномъ памяти Палласа. С. А. Мокржецкій предупредилъ предсѣдателя Коммиссіи, и въ его заявленіи, какъ предсѣдателя Крымскаго Общества Естествениспытателей и Любителей Природы, вопросъ о сооруженіи памятника Палласу пріобрѣтаетъ новую поддержку. Честь, достоинство, слава Симферополя требуютъ, чтобы въ этомъ городѣ были сооружены два памятника: величайшему русскому поэту Пушкину, неподражаемо изобразившему красоты Крыма въ своихъ твореніяхъ, и Палласу, величайшему изслѣдователю природы Крыма и его древностей. Осуществленіе мысли этой должно, конечно, принадлежать городу, который долженъ ходатайствовать о сооруженіи этихъ памятниковъ и обратиться съ воззваніемъ о пожертвованіяхъ. И мнѣ кажется, что если всѣ ученые общества Симферополя войдутъ съ подобнымъ заявленіемъ въ городскую думу, то она не откажетъ потрудиться надъ осуществленіемъ высказанной сейчасъ мысли“. В. А. Ивановъ, Симферопольскій городской голова, изъявилъ полное сочувствіе высказанной идѣи, но замѣтилъ, что не лучше-ли было бы обратиться къ Императорской Академіи Наукъ и просить у нея средствъ на ея осуществленіе.

А. И. Маркевичъ и А. П. Кюри возразили, что это было бы неудобно и что можно соорудить приличный памятникъ Поллассу на мѣстныхъ средства, въ виду тѣсной связи имени и трудовъ его съ Крымомъ и въ частности съ Симферополемъ.

Постановлено: войти съ ходатайствомъ въ Симферопольскую городскую думу о принятіи ею на себя заботъ о сооруженіи памятника Палласу на частныя пожертвованія путемъ подписки.

IV. Предсѣдатель Коммисіи изложилъ содержаніе дѣла Канцеляріи Таврическаго губернатора, касающагося извѣстной графини де-Гаше (Валуа-де-Лямоттъ), именно завѣщанныхъ ею передъ смертью двухъ шкатулокъ г-жѣ Бирхъ. Интересъ этого дѣла заключается въ томъ, что имъ устанавливается время смерти графини де-Гаше въ г. Старомъ Крыму (май 1826 года) и выясняется вниманіе къ этой личности высшаго русскаго правительства.

По выслушаніи доклада А. И. Маркевича, Л. П. Колли представилъ интересный документъ, именно засвидѣтельствованную копію о смерти графини де-Гаше въ Лондонѣ въ 1796 г. т. е. за тридцать пять лѣтъ до ея дѣйствительной смерти, полученную изъ Лондона, изъ прихода Ламбетъ французскимъ вице-консуломъ въ Θεодосіи г. Бертеномъ. Очевидно, въ Лондонѣ выдана была за умершую г-жу де-Гаше другая особа, а она скрылась послѣ этого изъ Лондона и попала въ Россію, сначала, какъ извѣстно, въ Петербургъ, а затѣмъ въ Крымъ.

Постановлено: благодарить А. И. Маркевича за сообщеніе, которое напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Коммисіи.

V. Предсѣдатель Коммисіи заявилъ, что 5-го числа текущаго мѣсяца исполнилось трехлѣтіе дѣятельности его въ званіи предсѣдателя Коммисіи, а И. О. Ерооова въ званіи правителя дѣлъ.

Собраніе единогласно просило А. И. Маркевича остаться предсѣдателемъ Коммисіи на дальнѣйшее время, а на мѣсто г. Ерооова, въ виду его настоятельнаго отказа отъ должности правителя дѣлъ, избранъ О. Н. Андреевскій.

Предсѣдатель Коммисіи благодарилъ за честь и вниманіе, но заявилъ, что, по всей вѣроятности, не будетъ оставаться долго въ этомъ званіи по личнымъ обстоятельствамъ.

VI. Избраніе товарища предсѣдателя Коммисіи отложено за позднимъ временемъ.

VII. Избраны въ члены Коммисіи лица, предложенныя въ засѣданіи Коммисіи 8-го ноября: В. Е. Рудаковъ, А. М. Дмитревскій, П. И. Крестіанполь, И. Г. Введенскій и Е. В. Сальковъ.

VIII. Предложены въ члены Коммисіи предсѣдателемъ: художникъ—архитекторъ Хрисанфъ Константиновичъ Васильевъ и членъ Симферопольской городской управы Александръ Θεодоровичъ Кудрицкій.

IX. Въ бібліотеку Комиссії поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Канцеляріи Государственной Думы: Стенографическій отчетъ. Третій созывъ. Сессія V. Часть I. Засѣданія 1—19.

2. Отъ Императорской Академіи Наукъ: Извѣстія, № 16 за 1911 г.

3. Отъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей: а) Записки, т. XXIX, 1911 г. и б) Отчетъ за 1909—1910 г.г.

4. Отъ Императорскаго Университета Св. Владиміра: Университетскія Извѣстія, № 10, за 1911 г.

5. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, № 10, 1911 г.

6. Отъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени императора Александра III: Каталогъ книгъ бібліотеки А. П. Бахрушина. Вып. 1, 1911 г.

7. Отъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества: Вѣстникъ, вып. 1, 1911 г.

8. Отъ Архенгельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера: Извѣстія, № 21, 1911 г.

9. Отъ Подольскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества: Отчетъ за 1910 г.

10. Отъ Общества бібліотековѣдѣнія: Отчетъ за 1910 г.

11. Отъ Симферопольской городской управы: Извѣстія Симферопольской городской думы, №№ 6, 7, 8 и 9 за 1911 г.

12. Отъ Редакціи Таврическаго Церковно-Общественнаго Вѣстника: № 32 этого журнала за 1911 г.

Постановлено: благодарить.

Засѣданіе 17 декабря 1911 года.

Подъ предѣдательствомъ предѣдателя Комиссіи А. И. Марковича присутствовали члены ея: Х. К. Васильевъ, Н. Н. Клепининъ, А. О. Кудрицкій, П. В. Масловъ, С. А. Мокржецкій, В. А. Николаевскій, протоіерей А. П. Сердобольскій, Я. Т. Харченко, П. В. Чинновъ и правитель дѣлъ О. Н. Андреевскій.

I. Открывъ засѣданіе, предѣдатель Комиссіи заявилъ о кончинѣ двухъ членовъ Комиссіи: Д. Н. Истинскаго, скончавшагося въ Ялтѣ 10 сего декабря, и профессора чешскаго университета въ Прагѣ, извѣстнаго археолога І. В. Пича, скончавшагося 6 дек. Далѣе А. И. Маркевичъ указалъ на сочувствіе и содѣйствіе дѣятельности нашей Архивной Комиссіи со стороны Д. Н. Ис-

тинскаго въ бытность его таврическимъ вице-губернаторомъ и на замѣчательную энергичную и плодотворную дѣятельность І. В. Пича, какъ археолога и, между прочимъ, участника нашихъ археологическихъ сѣздовъ, часто посѣщавшаго Россію.

По предложенію предсѣдателя, собраніе почтило память почившихъ вставаніемъ.

II. Доложены протоколы засѣданій Коммисіи 8 и 26 ноября этого года.

Постановлено: утвердить.

III. Доложено отношеніе преосвященнаго Теофана, епископа Таврическаго и Симферопольскаго, отъ 29 ноября с. г., съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ члены Коммисіи и выраженіемъ полной готовности быть полезнымъ въ ея трудахъ.

Постановлено: записать въ протоколъ.

IV. Доложено письмо В. Е. Рудакова съ выраженіемъ благодарности за избраніе его въ члены Коммисіи.

Постановлено: записать въ протоколъ.

V. Доложено отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 20 ноября этого года за № 1599 съ просьбой командировать представителей Коммисіи въ предварительный комитетъ для выработки правилъ и выбора мѣста для XVI Археологическаго Сѣзда, созываемый въ Москвѣ съ 3 по 6 января 1812 года.

По всестороннему обсужденіи этого вопроса *постановлено:* просить быть представителями Коммисіи въ означенномъ комитетѣ членовъ Коммисіи профессоровъ Н. И. Веселовскаго и И. А. Линниченко и предсѣдателя Коммисіи А. И. Марковича, которому ассигновать субсидію на поѣздку въ Москву въ размѣръ 70 р. Что касается мѣста будущаго сѣзда, то поручить представителямъ Коммисіи просить предварительный комитетъ о назначеніи сѣзда въ Крыму и въ частности въ Севастополѣ, въ виду значительныхъ преимуществъ этого города, какъ мѣста сѣзда, передъ Симферополемъ.

VI. Доложено приглашеніе Саратовской Ученой Архивной Коммисіи принять участіе въ устраиваемомъ ею торжествѣ по случаю исполнившагося 12 декабря с. г. 25-лѣтія ея существованія. Предсѣдатель Коммисіи заявилъ, что своевременно имъ послано было отъ имени Таврической Ученой Архивной Коммисіи привѣтствіе Саратовской Ученой Архивной Коммисіи съ ея юбилеемъ.

Постановлено: одобрить текстъ привѣтствія и записать въ протоколъ.

VII. Доложено письмо хранителя Херсонскаго музея древностей В. И. Гошкевича съ просьбой увѣдомить, по какой крайней цѣнѣ могутъ быть уступлены для библіотеки Херсонскаго музея древностей №№ 1—5, 13, 20—31 и 34—43 „Извѣстій“ Каммисіи.

Постановлено: уведомить, что №№ 1—5 „Извѣстій“ не могутъ быть высланы, такъ какъ разошлись, а остальные просимые номера могутъ быть высланы за 15 руб.

VIII. Предъявлены были председателемъ Комиссiи счета: т-ва Голике и Вальборга (на 123 р. 26 к. и 8 р. 90 к.) и типо-литогр. Якубовича на 35 р. за изготовленiе рисунковъ къ № 46 „Извѣстій“ Комиссiи.

Постановлено: уплатить.

IX. Доложено сообщенiе члена Комиссiи И. И. Махова о томъ, что 2 декабря с. г. онъ узналъ, что въ д. Кучукъ-Мускомья, Ялтинскаго уѣзда, при прокладкѣ новой проѣзжей дороги отъ ялтинскаго шоссе въ это селенiе, рабочими были случайно обнаружены въ землѣ два склепа съ человѣческими костяками и битой черепицей, а 4 декабря онъ засталъ на мѣстѣ нахожденiя этихъ склеповъ двухъ рывшихся въ землѣ поселянъ этого селенiя. Оказалось, что эта земля покрывала одинъ изъ склеповъ, входъ въ который былъ открытъ, а плита, закрывавшая его, валялась тутъ-же. Г. Маховъ пролѣзъ черезъ небольшое отверстiе въ склепъ, въ которомъ увидѣлъ очень много человѣческихъ костей въ страшномъ безпорядкѣ. Однихъ цѣлыхъ череповъ было до 20, а поломанныхъ череповъ еще больше. Какихъ либо культурныхъ остатковъ не было, признаковъ способа погребенiя нельзя было различить. Склепъ оказался очень интереснымъ по своей кладкѣ. Онъ сложенъ изъ молкаго камня чернаго и сѣраго оттѣнковъ, идущаго обыкновенно на выдѣлку точильныхъ колесъ и находящагося въ соседнихъ горахъ; сложенъ онъ сухой кладкой и имѣетъ полукруглую форму. Приблизительные размѣры его: длина 5 арш. 2 в., ширина 2 арш. 2 в., высота 2 арш. 7 в. Какъ видно по сохранившейся мѣстами штукатурки, склепъ былъ весь оштукатуренъ толстымъ слоемъ очень крѣпкой извести, смѣшанной съ довольно крупнымъ морскимъ гравiемъ. Тутъ же въ склепѣ было найдено до 40 шт. раковинъ отъ обыкновенныхъ садовыхъ улитокъ. Склепъ расположенъ на востокъ, находится на глубинѣ 2—2¹/₂ арш. по откосу отъ поверхности земли, вѣроятно чтобы не допустить проникновенiя въ склепъ воды. Сверху онъ былъ покрытъ толстой черепицей большого размѣра, въ видѣ четырехугольника неправильной формы, съ выступающимъ бортомъ на одной сторонѣ, а съ другой неглубокимъ жолобообразнымъ углубленiемъ. На одной изъ сторонъ, по словамъ бывшихъ здѣсь крестьянъ, видно было грубое изображенiе въ видѣ лука или, вѣрнѣе, стрѣлки. Г. Маховъ нашелъ здѣсь образчикъ такой черепицы съ этимъ изображенiемъ. Крестьяне затѣмъ сказали, что въ склепѣ ими была найдена и небольшая плитка изъ бѣлаго камня съ вырѣзанной въ глубь какой-то надписью, но яко-бы потеряна ими. Вмѣстѣ съ землей валялись у склепа и обломки глиняной посуды. Г. Маховъ распорядился входъ въ этотъ склепъ завалить плитой. Что касается второго склепа, то онъ былъ уже раньше заваленъ землей рабочими. Этотъ склепъ, по словамъ ихъ, былъ гораздо больше перваго и съ такимъ-же входнымъ отверстiемъ—лю-

комъ, но въ немъ было найдено ими лишь нѣсколько отдѣльных частей человѣческихъ костяковъ и черепки отъ глиняной посуды. По словамъ рабочихъ, рядомъ съ этими склепами имѣется цѣлый рядъ подобныхъ склеповъ. По характеру осмотрѣннаго имъ склепа удлинненной аркообразной формы, г. Маховъ относитъ его къ I—II в. по Р. Хр., времени римскаго владычества въ Крыму.

Постановлено: благодарить г. Махова за сообщеніе, которое внести въ протоколъ настоящаго засѣданія, и сообщить немедленно объ этомъ древнемъ кладбищѣ г. Таврическому губернатору съ просьбой объ охранѣ древнихъ погребеній въ д. Кучукъ-Мускомья и сосѣднихъ мѣстахъ, что не могутъ представлять особаго затрудненія, такъ какъ въблизи этой деревни, въ Байдарахъ, имѣютъ пребываніе становой приставъ и урядникъ.

Х. Доложено сообщеніе А. А. Сергѣева: „Ногайцы на Молочныхъ водахъ“, основанное, между прочимъ, на дѣлахъ Ногайскаго городскаго архива. Къ сообщенію приложены и документы этого архива, относящіеся до ногайцевъ. Обстоятельное сообщеніе г. Сергѣева, дополняющее небогатую литературу о нагайцахъ, вызвало живой интересъ. Въ обсужденіи его большое участіе принималъ Я. Т. Харченко, близко знакомый съ тою мѣстностью Таврической губ., въ которой жили ногайцы.

Постановлено: благодарить автора за его цѣнный трудъ, который напечатать въ „Извѣстіяхъ“ Коммисіи, съ приложеніемъ копій разсмотрѣнныхъ имъ документовъ Ногайскаго архива.

XI. Членъ Коммисіи А. О. Кудрицкій сообщилъ, что на карьерѣ на Вокзальной улицѣ въ Симферополѣ, противъ тюрьмы, въ гравіальномъ слоѣ, на глубинѣ 2-хъ сажень, найдены рабочими донышко горшечка изъ черной глины и лошадиный зубъ, вѣроятно попавшіе сюда вслѣдствіе наноса отъ русла Салгира. Находка эта интересна въ томъ отношеніи, что указываетъ на обитаемость этой мѣстности въ очень отдаленное время.

Постановлено: благодарить за сообщеніе и внести его въ протоколъ.

XII. Членъ Коммисіи Х. К. Васильевъ сдѣлалъ сообщеніе о двухъ замѣчательныхъ памятникахъ искусства, находящихся въ Императорскомъ имѣніи Ливадія:

„Находясь съ 1870 по 1872 годъ въ Ливадіи въ качествѣ практиканта по строительному дѣлу и состоя помощникомъ дворцоваго архитектора, я готовился тогда къ поступленію въ Императорскую Академію Художествъ, съ каковою цѣлью, по указанію извѣстныхъ художниковъ, усердно занимался срисовываніемъ выдающихся монументальныхъ Ливадійскихъ достопримѣчательностей. Среди нихъ меня особенно восторгали мраморныя древнія изваянія: статуя Юлія Цезаря и фонтанъ Венеры, рисунки съ которыхъ у меня сохранились и понынѣ. Спустя нѣкоторое время, будучи уже въ Академіи и не находя нигдѣ удовлетворительныхъ объясненій относительно происхожденія вышеназванныхъ антиковъ, я обратился за разъясненіями къ ра-

ботавшимъ когда-то въ Ливадіи лицамъ: профессорамъ архитектуры Рѣзанову и Монигетти и нѣкоторымъ скульпторамъ и археологамъ. Отъ этихъ авторитетныхъ лицъ я получилъ приблизительно слѣдующее объясненіе Ливадійскихъ антиковъ. Юлій Цезарь—это древняя прекрасно исполненная мраморная статуя, размѣромъ около 3¹/₂ аршинъ, и принадлежитъ рѣзцу извѣстнаго, вѣроятно, въ свое время ваятеля, не уступавшаго въ пластикѣ знаменитому греческому Праксителю. Эта статуя, добытая въ Помпеѣ, вывезена была одновременно съ фонтаномъ Венеры изъ Италіи, въ разломанномъ видѣ, бывшимъ ранѣе владѣльцемъ Ливадіи графомъ Потоцкимъ. Антики эти во времена Императора Александра II стояли не подалеку отъ дворца, а затѣмъ статую Юлія Цезаря, вслѣдствіе еяслишкомъ откровеннаго вида, велѣно было переставить въ оранжерею, гдѣ я и засталъ ее въ 1871 году. По мнѣнію нѣкоторыхъ археологовъ, антики Цезаря и Венеры, находящіеся въ Ливадіи, есть единственные оригиналы-уники, и нигдѣ, ни въ европейскихъ галлерейхъ, ни въ Академіи Художествъ, ни въ Эрмитажѣ, нѣтъ съ нихъ копій.

Прошло съ 1870 года не мало времени, и спустя ровно сорокъ лѣтъ судьба опять привела меня увидѣть Ливадію. Узнавъ, что постройка новаго Ливадійскаго дворца поручена талантливому архитектору Н. П. Краснову, я обратился къ нему съ просьбою принять меня въ свои сотрудники и былъ приглашенъ г. Красновымъ въ Ливадію въ качествѣ его помощника для разработки деталей дворца. Захотѣлось мнѣ взглянуть на интересовавшіе меня когда-то антики. Фонтанъ Венеры все тотъ же и находится на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ и прежде, только мраморъ его значительно вивѣтрился. Статуи же Юлія Цезаря сначала я не нашелъ; она оказалась спрятанной въ дворцовыхъ кладовыхъ (такъ называемые матеріальные склады). При осмотрѣ ея присутствовали: полковникъ Яновъ, строитель дворца архитекторъ Красновъ и всѣ его помощники. Когда я увидалъ знакомую мнѣ статую, предъ которой я когда-то просиживалъ цѣлыми часами, рисуя съ нея,—восторгамъ моимъ не было конца. Все тотъ же величаво-стройный классическій торсъ ея съ красивыми очертаніями могучаго тѣла и мускуловъ; не хватало, къ сожалѣнію, только нѣкоторыхъ мраморныхъ частей ея, отбитыхъ уже впоследствии.

Во время осмотра античнаго мрамора присутствующими былъ возбужденъ вопросъ: нельзя-ли эту статую реставрировать и поставить гдѣ-либо въ дворцовомъ саду, или же даже въ главномъ центральномъ дворикѣ строящагося дворца, на что Н. П. Красновъ объявилъ, что объ этомъ онъ будетъ имѣть счастье доложить своеювременно Государю Императору для Его Высочайшаго рѣшенія.

Вскорѣ послѣ отысканія статуи, въ мѣстной, а затѣмъ и въ столичной печати появились не совсѣмъ точныя сообщенія, что въ Ливадіи, якобы во время постройки дворца, вторично *открыта* Помпейская древность—статуя

Юлія Цезаря. Это сообщеніе неправильно. Слѣдуетъ читать не *открыта*, а обнаружена.

Въ виду отсутствія въ художественной литературѣ какихъ-либо опредѣленныхъ свѣдѣній относительно вышеназванныхъ Ливадійскихъ достопримѣчательностей, настоящая замѣтка, опирающаяся на авторитетное мнѣніе извѣстныхъ профессоровъ Академіи, есть скромная попытка моя къ освѣщенію этого вопроса“.

Постановлено: благодарить за сообщеніе, которое внести въ протоколъ настоящаго засѣданія.

XIII. Членъ Коммисіи Н. Н. Клепининъ представилъ два альбома, изготовленные для помѣщенія въ нихъ фотографическихъ снимковъ съ памятниковъ древности въ Крыму и быта крымскаго населенія. Цѣна обоихъ альбомовъ 30 р.

Постановлено: уплатить означенную сумму и просить предсѣдателя Коммисіи и Н. Н. Клепинина внести въ эти альбомы имѣющіеся въ музеѣ Коммисіи снимки памятниковъ древности, а также пріобрѣсть для второго альбома находящіеся въ распоряженіи г. Клепинина снимки этнографическаго характера по 20 коп. за экземпляръ.

XIV. Избраны въ члены Коммисіи лица, предложенныя въ прошломъ засѣданіи: А. Ѳ. Кудрицкій и Х. К. Васильевъ.

XV. Предложенъ въ члены Коммисіи предсѣдателемъ французскій вице-консулъ въ Феодосіи Люи Бертренъ, авторъ нѣсколькихъ сочиненій о Крымѣ.

XVI. Въ бібліотеку Коммисіи поступили слѣдующія изданія, книги и брошюры:

1. Отъ Канцеляріи Государственной Думы: Стенографическій отчетъ. Третій созывъ. Сессія V. Часть 1, засѣданія 20—33.

2. Отъ Императорской Академіи Наукъ: Извѣстія, №№ 17 и 18 за 1911 г.

3. Отъ Императорскаго Археологическаго Института: Вѣстникъ Археологій и Исторіи, вып. XXI. Спб. 1911 г.

4. Отъ Императорскаго Юрьевскаго Университета: Ученыя Записки, №№ 11 и 12 за 1911 годъ.

5. Отъ Тамбовской Ученой Архивной Коммисіи: Извѣстія, вып. 54, 1911 г.

6. Отъ Симбирской Ученой Архивной Коммисіи: Отчетъ за 1910 г.

7. Отъ Черниговской Ученой Архивной Коммисіи: Отчетъ за 1910 г.

8. Отъ Витебской Ученой Архивной Коммисіи: а) № 236-й Витебскихъ Губ. Вѣдомостяхъ за № 1911 г. и брошюры: а) С. П. Сахаровъ. Витебскія торжества 26—27 октября 1911 г. б) С. П. Сахаровъ: Торжественное засѣданіе Витебской Ученой Архивной Коммисіи 24 сент. 1911 г., посв. памяти П. А. Столыпина.

9. Отъ Калужскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества: Калужская Старина, Т. VI. 1911 г.

10. Отъ Архангельскаго Общества изученія Русскаго Сѣвера: Извѣстія, № 22 за 1911 г.

11. Отъ Редакціи Таврическаго Церковно-Общественнаго Вѣстника: №№ 33, 34 и 35 этого журнала за 1911 г.

12. Отъ Симферопольской Городской Управы: Извѣстія Симферопольской Городской Думы, октябрь (№ 10) 1911 г.

13. Отъ члена Коммисіи В. Е. Рудакова его труды: а) Третій областной историко-археологическій съѣздъ въ г. Владимірѣ, 1906 г., б) Четырнадцатый археологическій съѣздъ и тысячелѣтію города Чернигова. Сиб. 1908 г., в) Архивъ Департамента Герольдіи Правит. Сената. 1906 г., г) Послѣдніе дни цензуры въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Сиб. 1911 г. д) Пятнадцатый археологическій съѣздъ въ г. Новгородѣ.

14. Отъ члена Коммисіи И. И. Махова: Опытъ исторіи денежныхъ знаковъ въ Россіи Т. 1. М. С. Левшиновскій. Минскъ. 1903 г.

15. Отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества: Извѣстія XV-го Археологическаго Съѣзда въ г. Новгородѣ.

Постановлено: благодарить.

XVII. Предсѣдатель Коммисіи заявилъ, что средства ея даютъ возможность выпустить въ свѣтъ очередной № 47-ой „Извѣстій“.

Постановлено: издать № 47-ой „Извѣстій“ Коммисіи, въ который включить одобренныя къ печати сообщенія, Отчетъ о дѣятельности Коммисіи за 1910 годъ и протоколы засѣданій Коммисіи.

XVIII. Я. Т. Харченко выразилъ отъ имени собранія благодарность предсѣдателю Коммисіи за его ревностные труды для Архивной Коммисіи.

XIX. Утвержденъ протоколъ настоящаго засѣданія Коммисіи.

8539.